

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
R o k 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Д.М. Севастьянова.

Подписано к печати 30.06.2017. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.

Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 19,62. Тираж 100 экз. Заказ

УДК 902/904

ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ ПЕЧНОГО ИЗРАЗЦА XVI ВЕКА ИЗ ГЛУБОКОГО¹

д-р ист. наук, проф. Д.В. ДУК
(Полоцкий государственный университет)

Приводится трактовка уникального сюжета белорусского декоративного искусства XVI века, отображенного на фрагменте печного изразца из города Глубокое Витебской области. Сделан вывод, что белорусский ремесленник изобразил библейский сюжет грехопадения, один из семи смертных грехов – сладострастие. Изображение выполнено в традициях европейского ренессанса и маньеризма и имеет аналогии в композиционном и изобразительном приемах с гравюрой «Сладострастие» известного нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего (1556–1557 гг.).

Ключевые слова: стеной изразец, белорусская художественная пластика XVI века, гравюра.

Введение. Изразец с сюжетным изображением был случайно обнаружен в г. Глубокое Витебской области во время земляных работ. В настоящее время артефакт хранится в Государственном учреждении культуры «Глубокский историко-этнографический музей», инвентарный номер: кп (книга поступлений) – 012459, А156. Артефакт был предоставлен на экспертизу в Полоцкий государственный университет с согласия директора глубокского музея Ольги Петровны Солонинко.

Описание артефакта. Представлен фрагмент стеной изразца. Размер фрагмента 9 × 12,3 см (рис. 1, 2). Толщина пластины: максимальная – 0,6 см, средняя – 0,4 см. Поверхность пластины слегка выгнутая. Высота рельефа – до 0,4 см. Снаружи изделие покрыто темно-красной глазурью. На поверхности глазури имеется патина. С оборотной стороны пластины обнаружены следы копоти.

Рисунок 1. – Фотография фрагмента изразца из Глубокого

Рисунок 2. – Графическая прорисовка фрагмента изразца из Глубокого

Типология и хронология. Артефакт принадлежит к типу стеной изразцов, использовавшихся в камерных печах. На изразце нанесена редкая для того времени и дорогая глазурь красного цветового диапазона. Наличие рамки с отступом, стилистика изображений, небольшой размер пластины и ее форма (квадрат сторонами не более 15 см) позволяют уверенно отнести его к группе изделий второй половины XVI – начала XVII в. [4, с. 57–68]. Более вероятный промежуток времени – рубеж XVI–XVII вв. – можно определить исходя из следующего аргумента: военные действия на Полотчине в 1563–1579 гг. и сопутствующий им упадок ремесленного производства вряд ли способствовал изготовлению изразца в данный период.

¹ Работа выполнена в рамках задания Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по теме «Военные конфликты XV – XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)» № Г17Р-032.

Интерпретация сюжета. Собственно, сюжет изображения на изразце представляет главный интерес. Сразу отметим, что прямых аналогий ни в белорусском изразцовом искусстве, ни в западноевропейском не выявлено. На изразце в центре изображены две антропоморфные фигуры, одна из которых обнимает другую. Фигуры изображены в профиль, а вот лица развернуты к зрителю. Фигуры изображены стилизованно, однако заметно, что первая фигура имеет хвост, вторая как бы приседает на первую и соприкасается с ней в районе таза. Под ногами персонажей располагается геометрический орнамент, сверху располагается фрагмент третьей антропоморфной фигуры, также расположенной в профиль.

Как было отмечено, прямых аналогий изображению не выявлено, однако ряд признаков позволяет с уверенностью трактовать сюжет.

На изразце изображена аллегория на библейский сюжет о семи смертных грехах, в данном случае – сюжет «сладострастия». Фигура с хвостом – это изображение дьявола, который соблазнил свою жертву. Данный сюжет был характерен для западноевропейского искусства второй половины XVI века, и, в частности, запечатлен на гравюре «Сладострастие» известного нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего (1556–1557 гг.) (рис. 3). В центре картины Питера Брейгеля изображен дьявол, который соблазнил женщину. Как и на изображении глубоцкого изразца, на гравюре Брейгеля женщина восседает на коленях у дьявола, сам же дьявол изображен с хвостом, в головном уборе и накидке, тело дьявола с человеческими пропорциями, но имеет зооморфные черты. Третья фигура на изразце, помещенная над сладострастной парой, вероятно, является свидетелем грехопадения из числа Божьего посланца, символизирующая последующее небесное возмездие.

Аналогий данному изображению ни в белорусской традиции, ни в традиции декоративного искусства Полоцкого региона (в широком историко-географическом контексте и хронологическом контексте) нет. Следует отметить, что сюжетные изображения в XVI веке на территории Полотчины единичны. К их числу можно отнести опять-таки сюжеты полоцких изразцов, керамических сосудов, но и они крайне немногочисленны. Тем не менее определенное сходство в стилизации антропоморфных образов все же имеется, достаточно вспомнить изображение рыцаря, русалки, скоморохов и Девы Марии с Младенцем на полоцких изразцах первой половины XVI века [2, с. 197, мал. 92: 1; 3, с. 53–55]. В местной (славянской) традиции дьявол всегда изображался с хвостом, о чем свидетельствуют его изображения на фресках XII в. из Спасо-Преображенской церкви в Полоцке [6, с. 233]. Восточнохристианская традиция практически не знает рогатой нечисти, в отличие от латинской традиции [4, с. 227–228], поэтому изображение «нерогатого» дьявола на глубоцком изразце вполне закономерно.

Сюжетные изразцы в целом в белорусском изразцовом искусстве достаточно редкое явление. Каждый изразец с сюжетным изображением изготавливался под конкретного заказчика и в печном наборе мог присутствовать если не в единственном экземпляре, то в весьма незначительном количестве. Редкая красная эмаль являлась очень дорогой, поэтому изразцы с такой глазурью также встречались нечасто. Можно предположить, что столь смелый для восточнославянского искусства сюжет мог появиться на территории Белорусского Подвинья под влиянием значительного количества выходцев из Центральной и Западной Европы, которые появились на территории региона в составе армии великого князя литовского и короля Речи Посполитой Стефана Батория. На примере Полоцка можно отметить, что именно вследствие Ливонской войны активизировались контакты с западноевропейским регионом, что нашло отражение в появлении целого спектра новаций в декоративном искусстве региона, а также в появлении новых технологий ремесленного производства.

Ремесленное производство на Полотчине в период Ливонской войны не могло активно развиваться. Напомним, что Глубокое было втянуто в театр боевых действий летом 1563 года и наиболее пострадало от войны именно в этот год [8, с. 81]. К 1579 году все пространство от Полоцка до Постав, включая, соответственно, Глубокое и его окрестности, было по-прежнему опустошено войсками Ивана Грозного [1, с. 62]. Во время похода Стефана Батория на Полоцк в 1579 году в составе его армии находились, помимо собственно войск ВКЛ (в их число входили и воины из разных частей княжества – Подолья и иных «пограничных областей королевства»), полки венгров, поляков, немцев [1, с. 54–55]. Так что «интернационализация» уклада жизни коснулась Полотчины в конце XVI века более чем непосредственно. Именно тогда Полотчину как обособленный регион ВКЛ со своими уникальными традициями и укладами открыли для себя многие выходцы из Центральной Европы, среди которых был и немец Пауль Одеборн, создавший очерк истории повседневности [5]. По освобождению Полоцка в городе был основан иезуитский коллегиум, который вскоре стал своего рода проводником новаций не только в образовании, но и в технологиях строительства, ремесле [7, с. 16, 92–93], впоследствии внесший значительный вклад в подготовку инженеров по ряду направлений.

Рисунок 3. – Гравюра нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего «Сладострастие»

Выводы. Обнаруженная в Глубоком случайная находка является исключительно редким образцом белорусской художественной пластики XVI века, в котором отразился библейский сюжет грехопадения, а именно – один из семи смертных грехов – сладострастие. Изображение выполнено в традициях европейского ренессанса и маньеризма, но отражает все приметы местной ремесленной школы как в стилизации изображения, так и в технологии изготовления изразца. Наиболее вероятно, что знакомство глубокого ремесленника с особенностями передачи абсолютно незнакомого для белорусского изразцового искусства сюжета произошло непосредственно вследствие Ливонской войны (восстановление городов Полоцкого региона и активизация контактов с выходцами из Центральной и Западной Европы). Технологические признаки изготовления изразца, подробно рассмотренные в статье, также подтверждают датировку изразца концом XVI века.

Автор выражает искреннюю благодарность директору глубокого музея Ольге Петровне Солонинко за возможность провести экспертизу артефакта в Полоцком государственном университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн. – СПб. : Издание археографической комиссии, 1889. – 309 с. [указатели – 27 с.].
2. Дук, Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
3. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.: іл.
4. Лесман, Ю.М. Ното nudus в Полоцком княжестве / Ю.М. Лесман // Гісторыя і археалогія Полацка і полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., 1–3 лістапада 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НППКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 221–233.
5. Сагановіч, Г.М. Паўночная Беларусь у апісанні Паўля Одэборна / Г.М. Сагановіч // БГА. – 2005. – Т. 12, Сш. 1–2 (22–23). – С. 162–189.
6. Сарабьянов, В.Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке / В.Д. Сарабьянов. – 3-е изд. – Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2016. – 516 с. : ил.
7. Соловьев, А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с. : ил., XII с. цв. ил.
8. Янушкевич, А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570 / А.Н. Янушкевич. – М. : Изд-во Квадрига ; Русская панорама, 2013. – 384 с.

Поступила 09.03.2017

ABOUT THE STORY OF STOVE TILE DATED FROM XVIth CENTURY FROM GLUBOKOE

D. DUK

The unique story of Belorussian decorative art of XVIth century is given. The investigation appeared to be possible thanks to the discovery of the fragment of stove tile during excavation works. We made a conclusion that Belorussian craftsman depicted Biblical story of the Fall, the manifestation of which is embodied in one of the seven deadly sins – voluptuousness. The image is made in the traditions of the European Renaissance and Mannerism and has analogies with engraving "Voluptuousness" of the famous Dutch artist Pieter Bruegel the Elder (1556-1557).

Keywords: wall vase, Belarusian artistic plastic of the 16th century, engraving.

УДК 94 (476) «1941/1945» (043.3)

**УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ПРИМЕРЕ БРАТСКИХ МОГИЛ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ,
ПОГИБШИХ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ГОРОДА ПОЛОЦКА В ИЮЛЕ 1944 ГОДА¹**

*канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)*

С 1 по 4 июля 1944 г. шли упорные бои за один из главных форпостов гитлеровской Германии на территории Беларуси, так называемые «врата в Прибалтику», – г. Полоцк. На протяжении всего периода после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн руководство Беларуси в целом и г. Полоцка в частности делало различные шаги в решении вопроса об увековечении памяти погибших воинов летом 1944 г. В связи с этим рассмотрен данный процесс в г. Полоцк с анализом состояния и истории появления братских могил на примере пл. Свободы, Фатыновского, Красного, Ксаверьевского и Громовского кладбищ, куда в разное время были перенесены останки солдат из первичного места захоронения.

Ключевые слова: братская могила, освобождение Полоцка, захоронение, останки солдат.

4 июня 2014 г. постановлением № 534 Совета Министров Республики Беларусь была принята к реализации Государственная программа на 2015–2020-е гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, в том числе и Великой Отечественной войны, направленная «на гражданско-патриотическое воспитание, формирование уважительного отношения к погибшим при защите Отечества, событиям, вошедшим в историю Беларуси как символы героизма, мужества, стойкости и самопожертвования народа» [33]. Непосредственно руководством деятельности по увековечению памяти и координацией работы в этом направлении местных органов власти, организаций и общественных объединений в Республике Беларусь занимается управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил на основании Указа Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. № 231 и директивы начальника Главного штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь № 5/2979 при Министерстве обороны Республики Беларусь 19 декабря 1994 г. [37].

В связи с этим рассмотрен процесс увековечения памяти о погибших или получивших смертельные ранения воинах Красной Армии при освобождении г. Полоцка от нацистского оккупационного режима на примере братских могил № 4250 – площадь Свободы, № 4251 – Громовское кладбище, № 4252 – Фатыновское кладбище по ул. Дзержинского, № 4253 – Красное кладбище по ул. Гагарина, № 4254 – кладбище Ксаверия.

Чтобы понять масштаб потерь (но не количество погибших) Красной Армии в боях за город, обратим внимание на основные факты Полоцкой наступательной операции, хронологические рамки которой в историографии определяются 29 июня – 4 июля 1944 г. [26, с. 127–129]. Согласно рассекреченным в 2007 г. документам Генерального штаба Красной Армии на момент 1944 г. временные рамки данной операции были немного шире – с 29 июня по 16 июля 1944 г. (рис. 1). Вероятно, после окончания Великой Отечественной войны военными историками и представителями Генерального штаба ВС СССР пересматривались все военные операции, соответственно осуществлялась корректировка их сроков проведения по факту.

Главной задачей в Полоцкой наступательной операции было «наступлением 22 гв. ск из района Горяны и 23 гв. ск из района оз. Усомля в взаимодействии с 4 УдА» овладеть г. Полоцк – основным опорным пунктом немецкой обороны Прибалтики [2]. Планируемая дата освобождения в начале операции определялась 29 июня, затем 30 июня, 1 июля 1944 г. [4]. Но к установленным срокам приказ не был выполнен. Причину этого нужно искать в хорошо спланированной и подготовленной к обороне города вермахтом системы укреплений. Согласно выводам, к которым пришло руководство Генштаба по окончании операции, после того, как противник был выбит с рубежа ст. Оболь, «рубеж р. Сосница являлся оборонительным рубежом на подступах к Полоцку и он входил в общую систему обороны...», «готовился с марта 1944 г.», в данном районе «все население было эвакуировано», «используя естественный рубеж р. Сосница противник создал здесь две линии траншей, траншеей оплел хворостом, хорошо замаскировал, оборудовал открытые пулеметные площадки и огневые позиции для минометов и орудий прямой наводки». Промежуточным рубежом к г. Полоцк являлся рубеж на высоте 137.2 – Солоники – 0,5 км западнее Струнье, где были подготовлены траншеи. Основным рубежом г. Полоцк являлись укрепления, опоясывающие город кольцом, непосредственно «по его окраине с запада и севера по берегу р. Полота до Граминки, далее – северо-восточная окраина ж/д станции, по ж/д линии до развилки на северную окраину Ободы и далее на юг до р. Западная Двина. Здесь были открыты сплошные траншеи с ходами сообщения, построены ДЗОТы, железобетонные ДОТы, артиллерийские позиции и укрытия для личного состава казематного типа с нишами для боеприпасов... Перед передним краем были установлены проволоочные заграждения в три кола и минные поля» [5].

¹ Работа поддержана БРФФИ, номер гранта № Г17Р-032 «Военные конфликты XV–XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)».

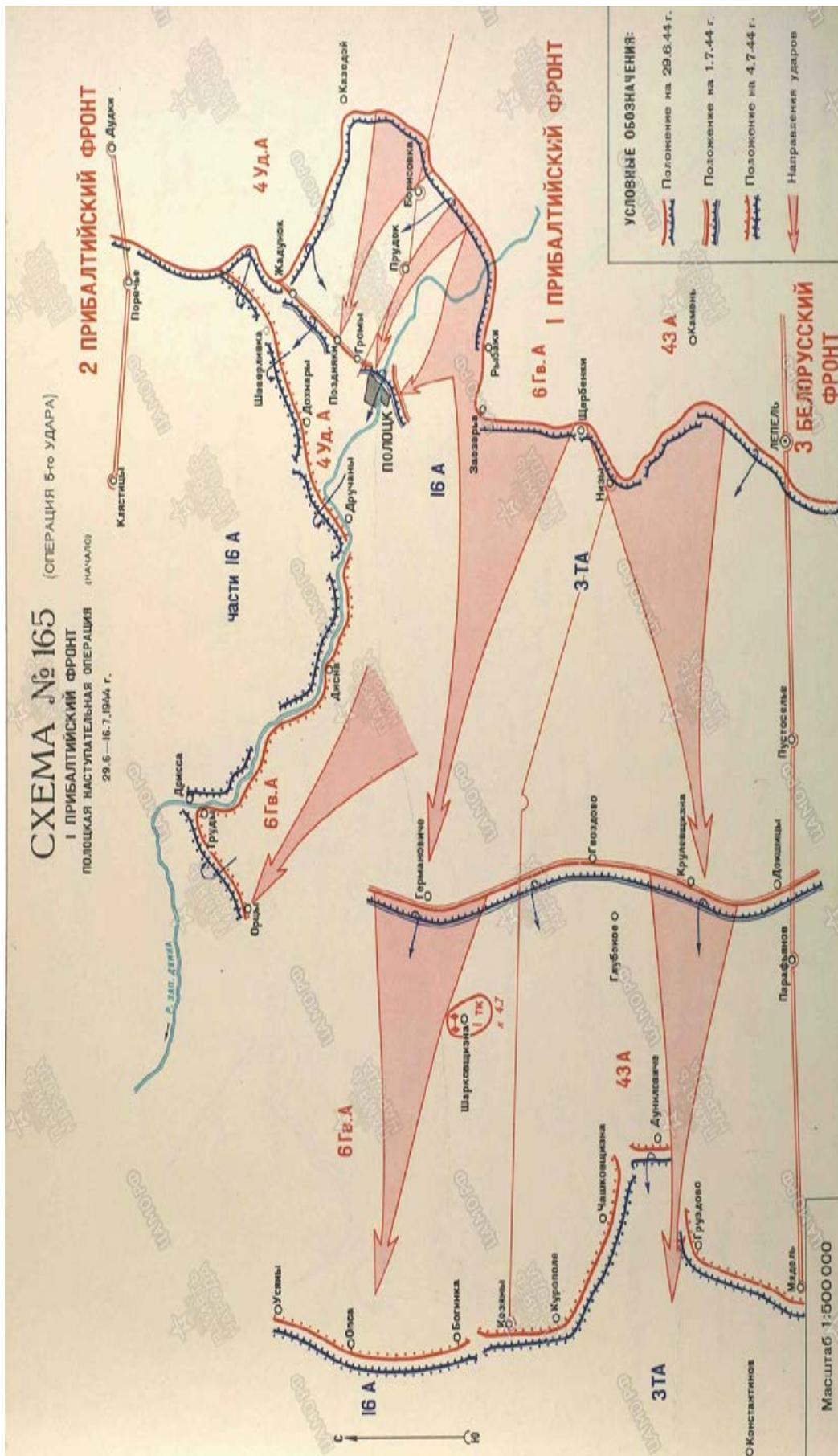

Рисунок 1. – Полоцкая наступательная операция 29.06. – 16.07.1944 г.[35]

До нашего времени дошли рукописи одного из участников боев за Полоцк С.Г. Камакина с использованием материалов Центрального архива Министерства обороны РФ и воспоминаний своих однополчан. В частности, о событиях с 3 на 4 июля 1944 г. говорится: «Добрались мы (со слов Ю.Ф. Дмитриевского – А.К.), наконец, до окраины города. Впереди – насыпь и метров 200 чистого места. Тут и начали нас косить немецкие пулеметы, из каменных зданий бьют снайтеры, из города – артиллерия и минометы. Не раз выскакивали в атаку. ...уже и так много убитых и раненных.... Минут через 15 – 20 подходят 5 – 6 наших танков и САУ. ...Но не долго мы радовались. Через некоторое время со стороны солнца (время было 5 часов вечера) показалось около десятка «ЮНКЕРСОВ». Думаем, пронесет мимо. Нет! Разворачиваются и устраивают карусель, пикируют, летят на нас бомбы... гибнем бесполезно...» [20, Л. 89]. Исходя из этого понятно, что вермахт не сдавал город до последнего, придавая ему важное стратегическое значение.

Операция непосредственно по освобождению г. Полоцка (в современных границах – А.К.) длилась с 1 по 4 июля 1944 г.

3 июля 1944 г. войска 1197 сп 360 сд и 421 сп 119 сд 4-й УдА вошли в Зеленый городок (на данный момент территория г. Полоцка – А.К.) и только 4 июля данный населенный пункт был очищен от противника [3].

Непосредственно к северным и северо-восточным подступам г. Полоцка (в границах 1944 г. – А.К.) войска 22 гв. ск подошли к 2 июля 1944 г., причем на протяжении двух суток 90 гв. сд и 47 сд 22 гв. ск «успеха в продвижении не имели» [5]. 22 гв. ск вел боевые действия совместно с 143 тбр, в журнале боевых действий которой за 4 июля зафиксировано следующее: «Бригада совместно с частями 90 сд в 1.00 начала штурм Полоцка. К 3.00 овладела центральными улицами Полоцка и к 4.00 вышла на водный рубеж р. Полота», «противник оказывал исключительно яростное огневое сопротивление нашим наступающим частям» [6].

За южную окраину г. Полоцка сражались части 23 гв. ск 6 ГвА. Так, к 2 июля 1944 г. войска 51 гв. сд 23 гв. ск вели бои за овладение левобережной частью города. К утру 3 июля 51 гв. сд, «форсировав р. Западная Двина, вела бои в центральной части города в районе станции» [2].

Таким образом, части 22 гв. ск во взаимодействии с 51 гв. сд 23 гв. ск в течение ночи с 3 на 4 июля, «блокируя ДОТы и ДЗОТы, прорвали сильно укрепленную оборону противника» и к 5 часам утра штурмом овладели городом. Далее 22 гв. ск с 12 часов дня, совершив 24 км марш, к 21.00 сосредоточился в районе Ветрино – Марианполь [5]. А части 51 гв. сд к полудню должны были закончить очистку Полоцка и к исходу дня сосредоточиться в районе Новый Бор – Рудня – Косарево [2].

С воздуха поддерживала наземные войска 3-я ВА – 11-й иак (генерал-майор авиации Г.А. Иванов) в составе 190-й иад (полковник В.В. Фокин), 5-й гв. иад (полковник Ю.Б. Рыкачев), 211-й шад (полковник П.М. Кучма), 332-й шад (полковник М.И. Тихомиров), 335-й шад (полковник С.С. Александров), 259-й иад (полковник Я.А. Курбатов), 314-й нбад (полковник С.Ф. Плахов) и авиация дальнего действия в составе 3-х корпусов [26, с. 818].

Касаемо общих потерь Красной Армии в данной операции в целом и при освобождении г. Полоцка в частности, то в сводках и в оперативных данных имеются цифры по корпусам и дивизиям. Как правило, отчетность велась за месяц, в некоторых случаях в журналах боевых действий указывалось «потери уточняются».

В данном случае в рамках освобождения г. Полоцка имеются по каждому из дней боев, с 1 по 4 июля, полные данные только по 22 гв. ск (табл. 1).

Таблица 1. – Сведения о потерях личного состава войск 22 гв. ск с 1 по 4 июля 1944 г.

Дата	Наименование частей	Убито	Ранено	Всего
01.07.1944 г.	90 гв.сд	11	48	59
	47 сд	16	108	124
	51 сд	шла во втором эшелоне – потеря не имеет		
02.07.1944 г.	90 гв.сд	34	43	77
	47 сд	17	94	111
	51 сд	5	18	23
03.07.1944 г.	90 гв.сд	34	43	77
	47 сд	17	94	111
	51 сд	14	30	44
04.07.1944 г.	90 гв.сд	потери не указаны		
	47 сд			
	51 сд			
Итого:		148	478	626

Источник: [5].

Что касается потерь личного состава 4-й УдА, то имеются данные по потерям в рамках всей армии без уточнения по корпусам и дивизиям с 1 по 5 июля 1944 г., которые составляют убитыми 530 человек, ранеными – 1 550 человек [3].

По 6-й ГВА, к сожалению, в открытом доступе имеется только журнал боевых действий за июнь 1944 г., за июль того же года отсутствует.

Имеются сведения в целом по потерям личного состава войск 1-го Прибалтийского фронта с 1 по 31 июля 1944 г., зафиксированные в фронтовом журнале боевых действий: по 6-й ГВА – 22 044, по 22-му гв. ск – 6 941, по 3-й ВА – 340, 1-му танковому корпусу – 1 347 [2].

Провести подсчеты можно лишь условно, т.к. вычленив только тех, кто участвовал в освобождении города практически не реально, а понятие «Полоцкая наступательная операция» включает в себя многие другие населенные пункты Витебской области в современных границах. При условии понимания картины общих потерь за период с 29 июня по 4 июля можно было бы предположить соотношение увековеченных имен солдат Красной Армии и тех, чьи имена по каким-либо причинам не занесены в паспорта братских могил и не высечены на мемориальных плитах. Но данный вопрос требует отдельного исследования с привлечением широкого круга источников.

Учет потерь и погребение погибшего личного состава Красной Армии в ходе различных боевых операций проводился на основе «Положения о персональном учете потерь и погребения погибшего личного состава Красной Армии в военное время» к Приказу Народного комиссара обороны СССР С.К. Тимошенко за № 138 от 15 марта 1941 г. В данном документе было указано, во-первых, о снабжении войск до 1 мая 1941 г. медальонами (Приказом № 376 от 17 ноября 1942 г. медальоны были сняты со снабжения – А.К.) и вкладными листками по штатам военного времени, а штабы военных округов – бланками извещений и форм именных списков; во-вторых, определен порядок персонального учета в войсковых частях, соединениях и учреждениях Красной Армии, а также в управлении по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии; в-третьих, указан порядок погребения погибших в боях [36, с. 17–24]. В частности, «для сбора трупов военнослужащих на поле боя полка с распоряжения командира полка назначается команда, в обязанности которой входит розыск трупов, регистрация, сбор и доставка на дивизионный пункт для погребения», «по окончании сбора трупов погибших старший команды по сбору представляет список в 2-х экземплярах начальнику штаба полка с указанием места нахождения собранных трупов», «погребение трупов погибших производится только в масштабе дивизии» [36, с. 23]. Здесь же даны указания о том, что «братские могилы и кладбища должны выбираться не ближе 300 метров от источников водоснабжения, населенных пунктов, отдельных жилых помещений...», «могилы должны быть достаточной глубины.. не менее 1,5 метра», «поверх могилы насыпается холм высотой до 0,5 метра, покрытый дерном или камнем», «на поверхности могилы устанавливается пирамида высотой до 1 ½ метра, сделанная из досок или камня, на которой выжигается или пишется номер могилы» [36, с. 23]. Известно, что в Полоцке на могилах устанавливались таблички с нанесением фамилий и инициалов погибших.

Следующим документом касательно территории Беларуси является Постановление ЦК КП(б)Б «О захоронении павших в борьбе с немецкими захватчиками бойцов и офицеров Красной Армии» от 3 июля 1944 г., согласно которому областные, городские и районные партийные и советские организации немедленно должны проверить все места боев, проходивших на их территории и при обнаружении не захороненных бойцов и офицеров Красной Армии организовать «похороны с возданием должных почестей» [36, с. 32]. Так как Полоцк освобожден 4 июля 1944 г., а это распоряжение уже имело место быть, то вероятность его исполнения «по горячим следам» довольно высока.

Постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 6 июля 1944 г. о сохранении и уходе за местами захоронений полоцкие городские власти начали реализовывать в конце месяца после его подписания, о чем свидетельствует протокол заседания Бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 28 июля 1944 г.: «Обязать исполкомы с/советов, а в г. Полоцке горсовет: построить ограды вокруг кладбищ, а также одиночных братских могил произвести подсыпку земли и одерновку могил, посадку деревьев, цветов и других декоративных растений; восстановить, а там где нет сделать новые постаменты и надписи о похороненных в данной могиле. Надписи восстановить на металлических пластинах масляными красками, а также сохранить имеющиеся фотографии; организовать постоянный уход и наблюдение за состоянием кладбищ, а также одиночных братских могил и местами массовых казней белорусского народа; организовать общественность, рабочих, колхозников, интеллигенцию, комсомол, пионеров и школьников по сохранению и уходу за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну на полях Полотчины; произвести учет одиночных и братских могил и составить подробные списки, а также акты описания мест и событий (в необходимых местах сфотографировать); обязать председателя горисполкома т. Филиппова подобрать улицу в гор. Полоцке и переименовать ее на имя погибшего генерал-лейтенанта т. Краснова» [1, Л. 52]. Исходя из данного документа предполагалось проведение кропотливой работы по всем имеющимся братским могилам на территории г. Полоцка и Полоцкого р-на. Но, как показывает содержание документов за 1945 г. и 1946 г., надлежащих мероприятий по благоустройству воинских захоронений так и не было проведено. Так, решением объединенного заседания Исполкома Полоцкого Горсовета и Бюро Горкома КП(б)Б от 5 октября 1945 г. были «...персонально прикреплены руководители партийных и советских учреждений и предприятий о приведении в надле-

жащий вид военные кладбища, памятник (имеется в виду на пл. Свободы – А.К.), братские и индивидуальные могилы воинов Красной Армии» [9, Л. 228]. На очередном заседании 4 апреля 1946 г. снова был поднят вопрос о том, что никаких работ не производилось, и снова же принято решение «обязать зав. благоустройством города Полоцка взять на учет с нанесением на карту местонахождения военных кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Красной Армии, павших в Великой Отечественной войне за город Полоцк, закончить эту работу до 30 апреля 1946 г.» вплоть до судебной ответственности [10, Л. 228].

Одним из первых памятников, возведенных на братской могиле по решению Военного Совета 1-го Прибалтийского фронта от 17 сентября 1944 г. с целью увековечивания 15 командиров частей и подразделений, участвующих в освобождении Полоцка и Полоцкого района, являлся монументальный обелиск из кирпича, оштукатуренный и обнесенный металлической оградой, на центральной площади города – пл. Свободы по проекту А.И. Пенькова [23; 28]. Так как памятник был сооружен из несовершенных строительных материалов, то, естественно, на его капитальный ремонт, который осуществлялся периодически в 1949 г. [14, Л. 128], 1951 г. [15, Л. 41], 1954 г. [16, Л. 45], 1957 г. [8, Л. 137], уходило достаточно много средств, но это не решало проблемы.

Вопрос о строительстве нового памятника погибшим воинам уже поднимался в июле 1947 г., на что была утверждена смета в сумме 121 511 рублей 39 коп. из средств на благоустройство города, а эскиз памятника должен был изготовить главный архитектор г. Полоцка [12, Л. 166], но по каким-то причинам дело не было доведено до конца.

7 апреля 1966 г. было принято новое решение о строительстве «на площади «Свобода» к знаменательной дате 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции... железобетонного памятника воинам-героям павшим в боях за освобождение города Полоцка от немецко-фашистских захватчиков» [17, Л. 8]. Проект был разработан коллективом Белорусского политехнического института под руководством доцента В.М. Волчека. Выделялась сумма в 53 тыс. рублей. Окончание работ планировалось на 1967 г. [17, Л. 9]. Но снова вопрос не был решен. По каким причинам? Выяснить не удалось, да и такой цели не ставилось.

В 1972 г. был утвержден очередной проект мемориального комплекса, который планировалось соорудить в 9-й пятилетке (1971 – 1975 гг. – А.К.) [19, Л. 2]. Эпопея с установкой нового памятника «Освободителям Полоцка» из бронзы и гранита была разрешена лишь в 1981 г. (архитектор В. Аладов, скульптор Г. Муромцев) [7, с. 339], который и сейчас располагается на площади Свободы.

На данный момент в братской могиле находятся останки 16 человек², из них в 6-ти случаях первичным местом захоронения указана центральная либо городская площадь г. Полоцка, по 5-ти – нет сведений, в том числе и по Герою Советского Союза В.Д. Халеву, которого символически перезахоронили в 1965 г. У 3-х человек указан г. Полоцк (без конкретизации), в одном случае (подполковник И.Ф. Марашовский) – 4 км западнее г. Полоцк. Гвардии подполковник В.Г. Чайко, по воле случая, оказался захороненным в двух разных местах, что подтверждено в одном случае документально. Так, согласно данным ОБД «Мемориал» и книги «Память» причина выбытия – умер от ран и подорвался на mine – практически не имеет существенного различия. Далее идет расхождение в дате выбытия (01.07.1944 г. и 29.06.1944 г.), и самое главное – в месте захоронения (братская могила на пл. Свободы г. Полоцка и братская могила по ул. Интернациональной г.п. Бешенковичи Витебской обл.). Последний факт подтверждается данными именных списков погибших, а также данными учетной карточки воинского захоронения по ул. Интернациональной г.п. Бешенковичи Витебской области. Так как обелиск был установлен осенью 1944 г. и на центральной площади, как правило, увековечивают почетных граждан, исходя из этого можно предположить, что в данную братскую могилу были перезахоронены те воины, которые так или иначе отличились при освобождении г. Полоцка в июле 1944 г., кроме того имевших воинские звания гв. генерал-майоров (2 чел.), гв. полковника и полковника (5 чел.), гв. подполковника и подполковника (4 чел.), майора (3 чел.), лейтенанта и мл. лейтенанта (2 чел.), из общего числа – два Героя Советского Союза. В связи с этим и были приняты решения об увековечении именно выше указанных воинов.

В то время как братское захоронение на площади Свободы с установленным на нем памятником появилось в сентябре 1944 г., другие братские могилы изначально были разбросаны по территории г. Полоцка. Месторасположение, как правило, зависело от нахождения той или иной военной части, которая осуществляла захоронение убитых солдат, а также – в случае смерти от ран – от расположения военных госпиталей.

Одним из самых многочисленных воинских захоронений на территории Полоцка на данный момент является братская могила № 4251 на Громовском кладбище (рис. 2). Обелиск установлен в 1950 г. – бетонный, оштукатуренный, высота 4 м, в плане 2 × 3 м., обнесен металлической оградой [29].

² Более подробно см. статью Корсак, А.И. Памятники Полоцка как способ сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны / А.И. Корсак // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. ст. респ. научн.-практ. семинара, Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г. / Полоцкий гос. ун-т ; под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.), Г.И. Захаркиной, Р.М. Платоновой. – Новополоцк : ПГУ, 2015. – С. 170–177.

Изначально здесь были захоронены воины 47-й и 51-й сд 22-го гв. ск, погибшие при освобождении города в течение двух дней – с 2 по 4 июля 1944 г., а также солдаты, умершие от полученных на фронте ран в госпитале № 2918.

Первое перезахоронение на Громовское кладбище было осуществлено согласно решению Исполкома Полоцкого городского совета депутатов за № 1164 от 29 июля 1946 г. – воины 1972-го особого истребительного противотанкового артиллерийского полка, 45-й особой истребительной противотанковой артиллерийской бригады из братской могилы, которая находилась «в саду бывшего Дома Красной Армии»; воины 154-го, 156-го и 158-го гв. сп 51-й гв. сд, 59-го артиллерийского стрелкового батальона из братской могилы, которая находилась «в сквере возле церкви на правом берегу реки Зап. Двина»; курсанты особого учебного батальона 51-й гвардейской стрелковой дивизии, которые были «похоронены в районе 2-го моста на правом берегу Зап. Двины» [29; 25].

В данное братское захоронение в последующем были перенесены останки воинов, первоначально погребенных на территории городской больницы, Софийского Собора и Верхнего замка. Захоронение осуществляли ВГ № 413 (время дислокации в г. Полоцке – с 1 октября 1944 г. [34], затем стал стационарным военным госпиталем в г. Полоцк) и ЭГ № 1969 (время дислокации – с 10 июля по 21 октября 1944 г.) [34] и № 3443 (время дислокации – с 1 сентября по 15 октября 1944 г. [34], согласно книге погребений первое захоронение относится к 23 августа 1944 г. [25]).

Похоронными командами ВГ № 431 на Верхнем замке было организовано захоронение, по предварительным подсчетам, 134-х человек в 26 могилах, каждая из которых заполнялась, в зависимости от звания (как правило, высших чинов хоронили в отдельной могиле) и от количества умерших за определенный период времени (как правило, это 1–2 недели), от 1 до 14 человек. Самые крупные из них №№ 9–13 (февраль – март 1945 г.) – от 10 до 14 человек.

На участке «Софийский собор» осуществляли захоронения также похоронные команды ЭГ № 1969. В данном случае мы имеем документальное подтверждение из общего числа 13 могил только по №№ 2–4, 6–13. По остальным №№ 1 и 5 данных нет: либо не все документы имеются в открытом доступе в ОБД «Мемориал», либо были утрачены со временем по каким-либо причинам. Других доказательств на данный момент не имеется. Захоронения по времени производились с августа по сентябрь 1944 г. Все могилы были либо одиночными, либо двойными. Общее количество, по подсчетам имеющихся сведений, – предположительно 15 человек.

Возле «городской больницы» (по архивным документам – территория «Софийской горки») также работали похоронные команды ЭГ № 3443. По хронологическим рамкам данное захоронение действовало с 23 августа по 16 октября 1944 г. Общее количество братских могил – 27, в каждой из них захоронено от 1 до 3 человек. Самой многочисленной являлась могила № 1 – 6 человек. Всего, по нашим предварительным подсчетам, – 53 человека.

Следует отметить, что еще в мае, затем в июне 1947 г. городские власти ставили вопрос о подготовке проекта памятника на месте братских могил на территории «Софийской горки» и сметы на его строительство, соответственно перезахоронение не планировалось. Ответственными за это были назначены главный архитектор города тов. Глазунов и госархстройконтроль в лице тов. Стержанова [11, Л. 228]. До этого неоднократно поднимался вопрос о ненадлежащем состоянии могил солдат около Софийского Собора – надмогильные холмики практически сравнялись с землей, надписи не читаемы, дорожки между могилами не очищены от мусора и т.д. [9, Л. 107]. В итоге проблема была решена следующим образом – Исполком Городского Совета депутатов трудящихся и Горком КП(б)Б 29 июня 1950 г. постановили поручить созданной для этого комиссии «в период с 30 июня по 4 июля 1950 г. организовать перезахоронение останков тел погибших воинов с воинского кладбища, расположенного на «Софийской горке», на кладбище, расположенное в районе станции Громы», на новом месте «к 1 августа 1950 г. построить фундаментальный памятник» [13, Л. 9]. Что и было выполнено.

Таким образом, в 1950 г. на Громовское кладбище были перенесены останки умерших от ран и полученных на фронте болезней солдат Красной Армии с территории «Софийской горки», где в разное время с 1944 по 1946 г. осуществляли захоронения ЭГ №№ 1969, 3443 и ВГ № 431, общим количеством предположительно 202 человека. Актов перезахоронения не сохранилось, подсчеты произведены по документам ОБД «Мемориал», а именно по книгам погребения и именованным спискам. Следует сразу же оговориться, что эта цифра не окончательная и требует дальнейшего исследования.

Рисунок 2. – Братская могила на Громовском кладбище. Фото автора, 2017 г.

20 июля 1958 г. произошло еще одно перезахоронение 2 офицеров и 2 солдат из одиночных могил на территории авторемонтного завода (ул. Ленинградская, 101 – А.К.), а также воина из одиночной могилы около дома № 29 по ул. Нижне-Набережная (теперь ул. Зинаиды Тусноловой-Марченко – авт.) [Память, с. 610].

Цифры, по количеству захороненных в братской могиле на Громовском кладбище солдат, варьируются от 568 (из них 521 известных, 47 неизвестных) [21, с. 253] до 348 человек [19, Л. 2; 7, с. 339]. По предварительным подсчетам имеющихся данных, общее количество захороненных – 544 человека. Цифра не окончательная!

Согласно Постановлению исполкома Полоцкого горсовета депутатов, трудящихся и Полоцкого горкома КП(б)Б от 14 апреля 1949 г. «О мероприятиях по благоустройству могил погибших воинов Советской Армии и партизан, похороненных на территории г. Полоцка» была создана комиссия в составе пяти человек, которой предписывалось «в период с 15 по 25 апреля (1949 г. – А.К.) произвести перенесение могил, расположенных на братских кладбищах по Ветринскому шоссе и по ул. Дзержинского, на **Фатыновское кладбище (№ 4252)** с последующим оформлением актами и составлением именных списков захороненных» [13, Л. 6] (рис. 3). В этом же году был установлен на месте перезахоронения обелиск из оштукатуренного бетона высотой 4 м, в плане 2 × 3 м, обнесен металлической оградой [18, Л. 2]. В дальнейшем также были перенесены останки, первоначально захороненные по ул. Селянской Ветринского шоссе³ (место дислокации эвакогоспиталя № 1319), в Южном переулке (место дислокации хирургического полевого подвижного госпиталя (ХППГ) № 733), 800 м. южнее г. Полоцка (погибшие 2 июля 1944 г. воины 213 гв. сп 71 гв. сд), на южной окраине города (как правило, солдаты 51 гв. сд, погибшие 1–3 июля 1944 г., а также танкисты 47-го отдельного огнеметного танкового полка), с юго-восточной окраины г. Полоцка (воины 154 гв. сп 51 гв. сд., погибшие 2–4 июля 1944 г.), с южной окраины д. Бельчица (танкисты 119 отдельного инженерно-танкового полка), а также индивидуальные могилы, в основном умерших от ран на протяжении июля 1944 г., и первоначально располагавшиеся в разных местах возле ж/д моста и по левому берегу р. Западная Двина [22; 25].

Рисунок 3. – Братская могила на Фатыновском кладбище. Фото автора, 2017 г.

На данный момент на Фатыновском кладбище увековечено согласно паспорту воинского захоронения № 4252 123 человека, из них известно 122, неизвестно – 1 [30]. На табличке по факту нанесено 116 фамилий; по спискам книги «Память» – 126 человек [27, с. 624–627]. Такой разброс в цифрах связан с появлением «двойников», с повтором искаженных и правильно написанных фамилий в надписях.

В итоге анализа информации с привлечением широкого круга источников (от данных ОБД «Мемориал», актов перезахоронений до личных обращений граждан) нами было установлено на данный момент максимально точное количество захороненных – 109 человек. При этом выявлен 31 «двойник» (кроме данной братской могилы числились и в № 4290 (д. Экимань Полоцкого р-на), и в № 4253 (Красное кладбище)), 9 фамилий внесено впервые (вероятно, при первичном захоронении надписи имелись).

Воинское захоронение № 4253 на **Красном кладбище** по ул. Гагарина представляет особый интерес (рис. 4). Памятник был установлен в 1984 г. (автор А.Ф. Сидюк) – железобетонная стена с изображением звезды и накладным текстом, высота 2 м, длина 9 м. Согласно паспорту воинского захоронения числится 209 воинов, из них 49 – известных, 160 – неизвестных [31]. При анализе документационной базы данная цифра не подтверждается. С одной стороны, работа со списками по братской могиле на Красном кладбище была облегчена тем, что в документах по первичному месту захоронения изначально было указано «Красное кладбище», № могилы и т.д., с другой, не понятно – откуда появилась цифра в 160 неизвестных фамилий?

На Красном кладбище осуществляли захоронение санитарно-эвакуационные госпитали (СЭГ) № 1822 (11 сентября – 19 октября 1944 г.), № 2749 (15 августа – 15 сентября 1944 г.) [34], сменяя друг друга и находясь в подчинении фронтового эвакуационного пункта (ФЭП) № 165. По учетным Книгам умерших и Книгам погребений, выше указанных СЭГ, выявлено 42 человека. Кроме того, здесь же имеются два единичных захоронения, производившиеся ХППГ № 4380, которые ранее нигде не числились. В результате мы имеем цифру в 44 фамилии, из них 27 «двойников» (дублируются с Фатыновским захоронением). Приблизительно это количество подтверждается и архивными материалами ЗГА в г. Полоцке. Следует отметить, что перезахоронений из других мест не осуществлялось. Вопрос остается открытым!

³ Все названия улиц даны на момент их существования.

Самым немногочисленным воинским захоронением является братская могила № 4254 на **Ксаверьевском кладбище (рис. 5)**, по данным паспорта воинского захоронения – всего 15 человек, из них 11 – известных и 4 – неизвестных [32]. В данном случае на его территории осуществлялось непосредственно первичное захоронение воинов, умерших от полученных ранений в ЭГ № 1105, располагавшемся в г. Полоцке на протяжении с 11 июля по 1 ноября 1944 г. [34]. Захоронение представляет собой общую могилу на 8 человек. Кроме того, сюда же были перезахоронены еще 3 человека, в первичном месте захоронения которых указан г. Полоцк. В итоге имеем общее количество захороненных 11 человек.

Рисунок 4. – Братская могила на Красном кладбище. Фото автора, 2017 г.

Рисунок 5. – Братская могила на Ксаверьевском кладбище. Фото автора, 2017 г.

Таким образом, на примере братских могил, расположенных на пл. Свободы, Красном, Фатыновском, Громовском и Ксаверьевском кладбищах, был рассмотрен процесс увековечения памяти о погибших воинах Красной Армии при освобождении г. Полоцка в июле 1944 г.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы: во-первых, строительство новых или реконструкция старых памятников производились в послевоенное время за исключением пл. Свободы (1944 г.), как правило, к знаменательным датам, например, к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и т.д.; во-вторых, в связи с вышеуказанными событиями происходил процесс «вторичного» перезахоронения останков, который не всегда сопровождался составлением соответствующих документов (актов, списков и т.д.), либо были утрачены со временем; в-третьих, продолжая логическую цепочку, по причине несогласованности действий между организациями, за которыми закреплялись определенные братские могилы с целью надлежащего за ними ухода, и отсутствия единого координирующего центра в дальнейшем происходил процесс появления «двойников» и искажение надписей на памятниках, а также появление не совсем реальных цифр о количестве захороненных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 3721 п. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
2. Журнал боевых действий 1-го Прибалтийского фронта за июль 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 235. Оп. 2074. Д. 848. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=440105299>. – Дата доступа: 24.05.2017.
3. Журнал боевых действий 4-й Ударной Армии [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 325. Оп. 4570. Д. 313. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110110215>. – Дата доступа: 24.05.2017.
4. Журнал боевых действий 6-й Гвардейской Армии за июнь 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 235. Оп. 2074. Д. 848. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=440105299>. – Дата доступа: 24.05.2017.
5. Журнал боевых действий 22 гв. ск за июль 1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 869. Оп. 1. Д. 48. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=287673015>. – Дата доступа: 24.05.2017.
6. Журнал боевых действий 143 тбр в период с 09.08.1943 по 31.12.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 3309. Оп. 1. Д. 25. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=134588675>. – Дата доступа: 19.06.2017.
7. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 684 с.
8. Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 658. Оп. 1. Д. 186. Л. 137.
9. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 23. Л. 107.
10. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 25. Л. 228.
11. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 41. Л. 228.
12. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 51. Т. 5. Л. 166.

13. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.
14. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 68. Л. 128.
15. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 88. Л. 41.
16. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 138. Л. 45.
17. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 497. ЛЛ. 8–9.
18. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 721. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
19. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 721. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
20. Камакин, С.Г. Вела нас к Родине любовь. Боевой путь 51 стрелковой Витебской Краснознаменной Ордена Суворова II степени дивизии / С.Г. Камакин. – Рукопись.
21. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Витебская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекхаус, 2013. – 370 с.
22. Книга учета воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии и партизан. Начало 5 сентября 1953 г. – окончено 31 декабря 1954 г. // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка. – Ст. 1335. Инв. № 43.
23. Корсак, А.И. Памятники Полоцка как способ сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны / А.И. Корсак // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. ст. респ. научн.-практ. семинара, Новополоцк, 8–9 окт. 2015 г. / Полоц. гос. ун-т ; под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.), Г.И. Захаркиной, Р.М. Платоновой. – Новополоцк : ПГУ, 2015. – С. 170–177.
24. Куровски, Ф. Котел смерти в Курляндии. Хроника сражений группы армий «Север» 1944–1945 гг. / Ф. Куровски. – М. : Центрполиграф, 2010. – 682 с.
25. ОБД «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru>. – Дата доступа: 12.12.2016 г.
26. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / под науч. ред. И.И. Басика [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 942 с.
27. Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 2002. – 912 с.
28. Паспорт воинского захоронения № 4250 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
29. Паспорт воинского захоронения № 4251 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
30. Паспорт воинского захоронения № 4252 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
31. Паспорт воинского захоронения № 4253 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
32. Паспорт воинского захоронения № 4254 // Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и города Новополоцка.
33. Об утверждении Государственной программы на 2015 – 2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 июня 2014 г., № 534. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21400534>. – Дата доступа: 09.04.2017.
34. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soldat.ru/hospital.html>. – Дата доступа: 09.04.2017.
35. Схема № 165 (операция 5-го удара) I Прибалтийский фронт Полоцкая наступательная операция 29 июня – 16 июля 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/ops/polotskaya-nastupatelnaaya-operatsiya/>. – Дата доступа: 25.05.2017.
36. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. Документы и материалы / ред.кол. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.
37. Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.by/ru/forces/structure/nach_guir/upzovjv/. – Дата доступа: 30.05.2017.

Поступила 23.04.2017

**PERPETUATING OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR EVENTS
ON THE EXAMPLE OF MASS GRAVES OF THE SOVIET SOLDIERS WHO HAVE DIED
AT RELEASE OF POLOTSK IN JULY 1944**

A. KORSACK

From July 1 to July 4, 1944 persistent fights for one of the main outposts of Hitlerite Germany in the territory of Belarus, a so-called "gate to the Baltics", – Polotsk were going. Throughout the entire period after the termination of the Great Patriotic War and World War II of wars the leadership of Belarus in general and Polotsk in particular took various steps in the solution of a question of perpetuating of memory of the died soldiers in the summer of 1944. In this regard in article this process to Polotsk with the analysis of a state and history of emergence of mass graves on the example of Svoboda Square, Fatynovsky, Red, Ksavaryevsky and Gromovsky cemeteries where remains of soldiers from primary place of burial have been at different times transferred is considered.

Keywords: mass grave, liberation of Polotsk, burial, remains of soldiers.

УДК 37(476):94(476)«17/18»

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ИИСУСА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1820): QUI PRODEST?¹**

*канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается образовательная и воспитательная деятельность Общества Иисуса на территории Российской империи с 1772 по 1820 годы. Посредством анализа мемуарной литературы и корреспонденции, каталогов ордена и педагогических сочинений его членов реконструируется образовательный идеал иезуитов и определенной части российского общества, создается социальный портрет учеников иезуитских коллегиумов, прослеживаются общественные связи, складывающиеся между учениками, их семьями и преподавателями. Успехи Общества в деле образования в начале XIX века объясняются как политическими и социокультурными факторами, так и соответствием между образовательным предложением и общественным запросом на воспитание личности, открытой разным религиям, языкам и культурам.

***Ключевые слова:** Общество Иисуса, Российская империя, образовательный идеал, социальный портрет, пансион, иезуитский коллегиум.*

Введение. Сеть школ и коллегиумов Общества Иисуса во главе с Полоцкой Академией, сложившаяся в Российской империи в начале XIX века, является заметной лакуной в историографии образования. Старый миф о догматическом преподавании и антигуманном воспитании иезуитов проанализирован и дезавуирован [1, с. 177–203], однако от этого представление о месте иезуитских школ в образовательной системе Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков не сделалось яснее. Специальные работы, посвященные этой теме, трактуют проблему фрагментарно, обращая внимание либо на деятельность одного из учебных заведений, будь-то Санкт-Петербургский Благородный коллегиум [2] или Полоцкая Академия [3; 4 с. 139–172; 5], либо сети белорусских школ [6, 7]. Следует отметить, что практически никогда исследователи не задавались целью рассмотреть тему в социологическом аспекте. Например, создать социальный портрет учащегося иезуитских коллегиумов (очевидно, что он будет разным для Санкт-Петербурга и, скажем, белорусских губерний, хотя было бы любопытно заметить и возможные сходства), выявить общественные связи между семьями учащихся и Обществом Иисуса. В своей работе мы постараемся выполнить эти задачи, попутно ответив на несколько взаимосвязанных вопросов. Каково было содержание учебных и воспитательных программ иезуитских школ? В чем заключались существенные отличия между обучением и воспитанием в иезуитских коллегиумах и иных учебных заведениях (пансионах, частных училищах, церковных школах под руководством иных католических и униатских орденов) Российской империи? Кто был в православной империи, выражаясь на языке современных администраторов, потребителем образовательных услуг католического ордена? Или на латыни, которую предпочитали иезуиты: *qui prodest?*

Основная часть. Прежде чем приступить к сопоставлению и социальному анализу, позволим себе сделать небольшой исторический экскурс, без которого ответы на поставленные вопросы будут неполными. В правление Екатерины II педагогическая деятельность Общества Иисуса была ограничена Полоцкой и Могилевской губерниями, в которых насчитывалось шесть коллегий и несколько начальных школ при резиденциях. С восхождением на престол Павла I ситуация меняется коренным образом: благодаря высочайшему покровительству осенью 1800 года иезуиты получают позволение открыть коллегиум в столице. В 1803 году при коллегиуме открывается пансион для детей благородных семейств. В «дней александровых прекрасное начало» количество новых школ стремительно растет: они появляются при миссиях на Кавказе, на Волге, под Одессой, в Сибири, в 1812 году полоцкий коллегиум получает статус академии с правами университета, по инициативе графа Августа Илинского в 1816 году открывается коллегиум в его имении Романов на Вольни. Выгоды, полученные царским престолом от распространения апостольской и педагогической деятельности иезуитов, понятны и лежат в плоскости скорее внешнеполитической, чем внутривосточной (о политических аспектах взаимодействия российского царского престола и Общества Иисуса см.: [8]). Ясно читается и география школьной сети – иезуиты существуют и активно развиваются в тех регионах, где исторически сложилась значительная католическая община. При этом иезуиты возвращаются в те регионы (Моздок, Астрахань, Саратов, Иркутск), которые

¹ Данное исследование проведено в рамках проекта «Миссионерская, педагогическая и литературная деятельность Общества Иисуса в Российской империи (1772–1820)», осуществленного при поддержке Института передовых исследований «Лионский Коллегиум» (Collegium Institut d'études avancées, Université de Lyon).

в конце XVII века были либо «освоены», либо включены в наземный путь из Европы в Китай о. Филиппом Аврилем, автором известного «Путешествия по различным частям Европы и Азии, предпринятого чтобы открыть новый путь в Китай» (*Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine*, Paris, 1692) [об этом путешествии см.: 9, с. 368–386; 10, 11].

Состав учащихся не был однородным по вероисповеданию – орден изначально проповедовал толерантный подход в деле образования и принимал в свои школы всех, вне зависимости от религиозных убеждений и социального статуса. В иезуитские школы шли дети разного происхождения и положения. Безусловно, некорректным будет совместное рассмотрение без учета религиозных, культурных и социальных различий ученического состава провинциальных школ и столичного коллегиума. Однако следует помнить, что образовательное предложение, безусловно адаптированное к потребностям разных социальных групп в столице и в провинции, в общих чертах повторяло единую схему. В Петербурге и Полоцке, Даугавпилсе и Романове при желании можно было изучать одни и те же предметы по идентичным программам, о чем свидетельствует «Образовательный план для Благородного пансиона», написанный в начале 1800-х гг. о. Габриэлем Грубером и опубликованный историком ордена М.-Ж. Руэ де Журнелем [см.: 2, р. 104–110]. Наша гипотеза заключается в том, что предложение соответствовало некоему единому образовательному идеалу, стихийно сложившемуся у части российского общества на рубеже XVIII–XIX веков. Попробуем воссоздать его, исходя из анализа учебных и воспитательных программ и подходов.

Краеугольным камнем всего преподавания и воспитания у иезуитов была, как известно, латынь и античная культура в целом. Обучение латинскому языку в коллегиумах продолжалось пять лет и подразделялось на классы инфимы (низшей грамматики), грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. В первом классе изучались основы латыни: части речи, склонения и спряжения. Затем переходили к изучению произведений Цицерона, Овидия, Вергилия, Катулла и Проперция. По мере овладения латынью ученики приступали к самостоятельным творческим письменным работам, сочинениям и переводам. Большое внимание уделялось стихосложению, развивавшему творческие способности учеников, а также привычку самостоятельно мыслить. По мнению графа Н.Е. Комаровского, единомышленника М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, сына одного из воспитанников Благородного пансиона в Петербурге Е.Е. Комаровского, «задача иезуитов была выработать во вверенной им молодежи, главным образом, привычку к самостоятельному труду и к известному дисциплинированию мысли. [...] Отец мой хорошо помнил, как 13-летним мальчиком он сживал уединенно, в своей келье за сочинением латинских стихов, и время, казалось ему, летело незаметно. Этим самым иезуитами было достигнуто многое, а именно, что мальчик не скучал заниматься» [12, с. 9]. Итогом обучения становилось овладение всеми риторическими приемами латинской речи, успехи демонстрировались на заключительном экзамене – публичном театральном представлении [см.: 6, с. 204].

Методика преподавания латыни у иезуитов, как мы видим, предполагала не простое зазубривание мертвой буквы, но прежде всего усвоение живого духа классической культуры с ее гражданскими и общественными ценностями. Примечательно, что у иезуитов получили воспитание некоторые декабристы (князя А.П. Барятинский и В.М. Голицын, граф В.А. Мусин-Пушкин, Н.Н. Оржицкий, И.В. Поджио, П.Н. Свистунов и другие), а также участники восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском и белорусских губерниях. Конечно, иезуиты были не единственными, кто, преподавая российской молодежи начала XIX века тексты Гая Юлия Цезаря, Плутарха, Цицерона, Корнелия Непота, внушал ей дух римской героики. О большой роли семейного воспитания в этом деле писал Ю.М. Лотман [13, с. 62–64]. Однако и вклад иезуитов, пусть и косвенный, в формирование нового психологического типа невозможно отрицать. Парадоксальным образом расширенное преподавание латыни иезуитами совпадало и с интересами российского престола. После 1789 года власть стремилась усилить классический образовательный компонент, уменьшая до известной степени роль французского языка и ограничивая таким образом распространение «крамольных» республиканских идей [см. исследование одного из случаев введения латыни в программу домашнего образования: 14]. Знание латыни было необходимо также для учебы в университете. Насколько можно судить по биографиям известных выпускников иезуитских школ, только некоторая часть из них пользовалась этой возможностью. Тем не менее любопытно отметить, что расцвет классического образования у иезуитов (1800–1810-е гг.) и подъем Виленского университета (1810–1820-е годы), а также один из пиков интереса российской молодежи к немецким высшим учебным заведениям (1815–1830) [см.: 15, с. 37–58] приходятся на время жизни нескольких идущих друг за другом поколений.

Существенный вес в системе иезуитского образования имели и живые языки, родные для учеников (польский и русский), а также иностранные. Из последних в коллегиумах преподавались только французский и немецкий как наиболее употребительные в международном общении и соответственно востребованные дворянством. Учащимся Санкт-Петербургского Благородного пансиона также предлагалось изучение английского языка – об этом говорится в «Образовательном плане» о. Грубера [2, р. 105]. Однако нам ничего не известно о практике его преподавания, не сохранились ни свидетельства учеников,

ни учебники и пособия, которыми могли бы пользоваться преподаватели. Нам известен лишь один член Общества Иисуса, который проживал в столице Российской империи и был носителем английского языка – о. Ричард Хаски, чье имя как преподавателя английского языка в Благородном пансионе впервые появляется в каталоге Общества за 1806–1807 гг. [16, р. 19]. Затем это имя и сама должность бесследно исчезают из каталогов. Отказ от преподавания можно объяснить началом англо-русской войны, пришедшимся как раз на 1807 г. Вероятно также, что преждоение о. Грубера было всего лишь первоначальным рекламным ходом по привлечению знатной столичной публики, которую все более привлекала английская культура. По крайней мере, стоит отметить желание иезуитов адаптироваться к потребностям высокого столичного общества.

Глубокое и продолжительное изучение русского языка и литературы также упиралось в нехватку преподавателей, которые бы в совершенстве владели им. С 1787 года курс русского языка был введен во всех белорусских коллегиумах, но ограничивался начальными классами – инфимы и грамматики (в Витебском коллегиуме изучение продолжалось и в классе синтаксиса) [6, с. 133]. В качестве преподавателей выступали магистры, преимущественно уроженцы белорусских губерний. Помимо безвестных членов ордена, среди преподавателей русского языка в Полоцком коллегиуме обнаруживается имя о. Андрея Чижа, впоследствии ректора Санкт-Петербургского Благородного коллегиума (1806–1815). Однако уровень их подготовки видимо был не слишком высоким. По крайней мере, он не устроил побывавшего в Полоцком коллегиуме Александра I, вскоре после восшествия на престол в июне 1802 г. Через несколько месяцев после монаршего визита министр внутренних дел граф В.П. Кочубей приказал ввести изучение русского языка в учебный курс всех иезуитских коллегиумов и школ [17, р. 341–342; 18, р. 341]. Но исполнение приказа шло медленно. Приехавший в июле 1803 года с инспекцией академик В.М. Севергин отмечал, что преподавание в младших классах ведется по-польски, а в старших – на латыни и по-польски [19, str. 23]. Продемонстрировать существенные успехи в преподавании русского языка Общество Иисуса смогло лишь в 1812 году, когда по случаю открытия Полоцкой Академии был выпущен многоязычный сборник стихотворений, куда вошли произведения и на русском [20].

Зато Общество не испытывало нехватки в преподавателях-носителях французского и немецкого языков. После открытия новициата в Полоцке в феврале 1780 года в пределы Российской империи стали съезжаться бывшие члены Общества Иисуса и желающие вступить в него. В период с 1783 по 1820 гг., по подсчетам И. Кадульской, из Германии, Франции, Италии, Австрии, Бельгии, иных стран в белорусскую провинцию прибыло 96 человек [21, р. 83]. По нашим подсчетам, во всей Российской империи иезуитов из иных стран (мы не имеем в виду белорусские, польские, литовские, латвийские земли) было около 150, около 50 из них были непосредственно заняты преподаванием современных иностранных языков².

Преимуществом Общества Иисуса перед школами других католических орденов было не только количество учителей иностранных языков, но и качество преподавания. Оно было впервые высоко оценено Екатериной II во время ее визита в Полоцк и Могилев в мае-июне 1780 года [23]. В дальнейшем методика преподавания иностранных языков иезуитами становилась все более совершенной. После основания иезуитской типографии в Полоцке (1787) вышло около двух десятков наименований учебников, грамматик, пособий и словарей для изучения немецкого и французского языков [24]. Помимо переизданий известных грамматик Шарля-Франсуа Ломона (*Éléments de la grammaire française*) или Матиаса Шенберга (*Lehrreiche Gedanken mit kleinen Begebenheiten zur Bildung eines edlen Herzens in der Jugend*), появлялись и оригинальные публикации. В них использовался тот же методический принцип, что и в учебниках по латинскому языку: от простого к сложному, от чтения к овладению устной речью и письмом, соединение преподавания и воспитания, социализация юношей и их духовного совершенствования.

В качестве примера возьмем сборник для изучения французского языка, состоящий из двух частей и выдержавший два переиздания: 1798 и 1804 [25]. Издание сочетает в себе монологический принцип изложения материала с диалогическим, который предполагает активное участие ученика. Ученику предлагаются для запоминания диалоги, моделирующие бытовые ситуации, эпистолярные этикетные формулы, беседы на религиозную тематику, исторические анекдоты и назидательные басни, требующие обсуждения и комментария. У нас нет свидетельств того, как выполнялись подобные упражнения. Не боясь ошибиться, приписав иезуитам чуждые им мысли, можно утверждать, что они были направлены на то, чтобы не только научить говорить на иностранном языке, но и мыслить, учиться вступать в контакт и представлять себя в различных разговорных ситуациях, соответствующих социальному статусу ученика.

Гуманитарную составляющую иезуитского образования дополняли библейская и всеобщая история как древняя, так и современная, хронология, мифология, основы естественного, гражданского и по-

² В своих подсчетах мы опирались на каталоги Общества Иисуса, изданные как в XVIII–XIX вв., так и позднее [22]. К сожалению, они изобилуют опечатками и фактическими ошибками и не могут быть приняты в качестве единственных надежных источников информации.

литического права, начала философии и богословия, рисунок, музыка и танец. Естественнонаучная составляющая складывалась из занятий по математике, физике, алгебре и геометрии, архитектуре, географии. Вся программа была рассчитана на шесть лет, и освоение всего курса наук было важнейшим условием иезуитов, считавших, что оно позволяет «молодому человеку ... с должным достоинством исполнять приличествующие его положению обязанности, в каком бы окружении ему не предназначено было бы жить» [2, р. 104].

В сравнении с иными учебными заведениями курс наук, предлагаемый иезуитами, выглядит оптимальным. Он несколько шире, чем могли предложить частные пансионаты, располагавшие меньшими средствами и меньшим количеством преподавателей (например, знаменитый пансионат аббата Николая в Санкт-Петербурге), но и не настолько развернутый, какой впоследствии была программа Царскосельского лицея. Таким образом, и стоимость обучения оказывалась доступной для многих дворянских семей. Она, конечно, была разной в разных местах. В публичных школах белорусских губерний, в начальных миссионерских школах на Кавказе, на Волге и в Одессе само обучение было бесплатным. Оплата взималась только за проживание в пансионате по договору между родителями и руководством коллегиума. Более того, для детей из бедных семей обучение, проживание в пансионе, одежда и прочие услуги были бесплатными [6, с. 123–124, 202–203]. Бывали и другие исключения. В переписке за 1794–1795 гг. генерального викария Гавриила Линкевича с белорусским генерал-губернатором Петром Пассеком и женой неаполитанского посла герцогиней Серра-Каприола постоянно обсуждается вопрос о принятии в Полоцкий конвикт сына герцога. Глава иезуитов настойчиво подчеркивает, что оплата за проживание в пансионе, равно как за обучение, питание и пользование книгами, с юного герцога взиматься не будет [26]. Благорасположение генерального викария можно объяснить как проявлением христианского милосердия (мальчик страдал от некоего физического увечья), так и тонким расчетом на снискание новых ответных милостей и завоеванию новых влиятельных сторонников в высшем столичном свете, который в пору царствования Екатерины II был еще не слишком открыт для иезуитов.

Заявленная в начале 1800-х годов стоимость за обучение в Санкт-Петербургском Благородном коллегиуме составляла 1000 рублей в год [2, р. 109], будучи в полтора раза ниже цены, которую обычно запрашивали в это время за свои услуги частные преподаватели и в два раза ниже, чем у аббата Николая. В реальности она, скорее всего, была даже ниже, не превышая 600 рублей в год, как об этом свидетельствуют письма папского нунция в России кардинала Ареццо [2, р. 109] и графини Е.П. Ростопчиной [27, с. 128]. Однако для провинции это все же было дорого. Так, герцог Арман де Ришелье, размышляя о будущем лицее, писал из Одессы Александру I: «Я полагаю, что коллегиум, под руководством иезуитов, наподобие того, что недавно был учрежден в Петербурге, однако с менее высокой оплатой, был бы чрезвычайно полезен» [цит. по 28, с. 31–32]. Тем не менее цена существенно не влияла на общественное мнение – иные критерии определяли предпочтение и превращали петербургский пансион в своеобразную модель для новых учебных заведений.

Помимо собственно учебной составляющей, иезуитские школы славились также строгой дисциплиной. Мальчики в пансионате находились под постоянным надзором как во время уроков, так и на переменах, и в свободное время. Граф Н.Е. Комаровский замечал: «С одной стороны строгая дисциплина, не допускающая ни малейшего исключения в раз установленном порядке, поддерживала авторитет иезуитов среди учеников, а с другой же их осмысленное и терпеливое преподавание, сопряженное с приветливым и ласковым обращением, чуждым всякой формальности, невольно увлекали детей и располагали их в пользу своих воспитателей. Патеры иезуиты умели использовать не только часы уроков, но и, находясь неотлучно при воспитанниках во время рекреации, занимали их интересными рассказами преимущественно из истории, устраивали им игры и разные развлечения, и таким образом достигали главной задачи, находиться всегда в самом ближайшем общении со вверенными им юношеством» [12, с. 9–10]. Запрет на возвращение в семью на время каникул и выходных дней, как свидетельствуют многие мемуаристы [см. например: 29, с. 177], был не слишком строгим, и таким образом пансионная система иезуитов была своего рода компромиссом для семей, вынужденных отпускать сыновей на обучение из дома, но не желавших подвергать их суровым испытаниям казарменной системы военно-учебных заведений. К тому же учителя и воспитатели-иезуиты не давали поводов сомневаться в своих моральных устоях, что, как известно, было для русских семей от екатерининской до александровской эпохи иногда даже важнее, чем собственно профессиональные компетенции педагогов [см. об этом: 30, 31].

Однако точкой, в которой удачно сошлись иезуитское образовательное предложение и образовательный идеал той части российского общества рубежа XVIII–XIX веков, о которой пойдет речь дальше, было стремление создать человека познающего. «Научить учиться» – таков лейтмотив многих размышлений иезуитов и их ближайшего окружения о главной педагогической задаче. Именно об этом пишет в 1810 году Ж. де Местр министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому, критикуя программу Царскосельского лицея и противопоставляя ему систему иезуитов [32, р. 181]. Таково же и наставление о. Жан-Луи Лессега де Розавена своему бывшему ученику по Санкт-Петербургскому Благородному кол-

легиуму князю Алексею Алексеевичу Голицыну: «Большинство молодых людей воображают, будто кончив курс наук, им более не надобно учиться. Это явная ошибка, ибо никогда не будешь основательно образован, если не будешь учиться намного больше, выйдя из школы, даже более чем в школе. Когда не надобно более заниматься, чтобы научиться, надобно это делать, дабы избежать праздности, последствия которой всегда пагубны» [33]. Обращение католического священника выдержано, естественно, в проповедническом тоне, однако оно удивительно совпадает по существу с мнением князя П.А. Вяземского, вспоминая о своем обучении и воспитании до поступления в иезуитский пансион: «Много перебивало при мне французов, немцев, англичан; но ни один из них не был способен *приучить меня к учению, а это главное в деле первоначального воспитания*³» [29, с. 172].

Систематическое обучение и самообучение как средство воспитания – не единственный из педагогических методов иезуитов, который совпадал с новыми интересами российской аристократии. С иной точки зрения, религиозный характер образования, которому у иезуитов безусловно подчинялось и познание, и дидактика, и нравственное формирование учеников, был, быть может, даже важнее. По крайней мере, таково впечатление, которое складывается при изучении состава учащихся в иезуитских коллегиумах. К сожалению, мы не располагаем полными данными для всех учебных заведений, однако даже выборочное представление воспитанников позволяет заметить некие общие закономерности и на этой основе воссоздать их социальный портрет. В Санкт-Петербургском Благородном коллегииуме лишь некоторая часть учеников происходит из католических семей, эмигрантов в первом или втором поколении: барон О.О. Велио, граф А. де Шуазель-Гуфье, граф В.И. Лаваль, И.В. Поджио, братья И. и Ф. Ван Валсенаре, братья А. и Т. Бениславские и другие. При этом подавляющее большинство учеников, будучи изначально православным, имело тесные и непосредственные контакты с западным религиозным миром. Это не должно вызывать удивления, если помнить, что Благородный коллегииум существует в эпоху широкой веротерпимости, стремления к конфессиональному синкретизму, многочисленных обращений в католичество [см.: 34]. Обучение детей из таких семей у иезуитов было прямым продолжением духовного поиска родителей. Так, мать вышеупомянутого А.А. Голицына, княгиня Александра Петровна, была одной из первых русских женщин, принявших католичество. Все четверо ее сыновей обучались в столичном коллегииуме и впоследствии двое из них, все тот же Алексей Алексеевич и его старший брат Петр также стали католиками. Их дальний родственник Александр Михайлович Голицын меняет вероисповедание во время учебы у иезуитов, что становится одним из поводов для закрытия коллегииума и выдворения иезуитов из Санкт-Петербурга в конце 1815 года⁴.

В провинции ситуация выглядела иначе. Не обладая данными по школам в Саратовской губернии и в Одессе, можно лишь предположить, что они были в первую очередь ориентированы на потомков французских и немецких переселенцев, католиков и протестантов. В белорусских губерниях, где в 1770–1810 гг. доминировало греко-католическое вероисповедание, униатский орден св. Василия Великого не создал сети школ, которая могла бы конкурировать с иезуитскими коллегииумами по количеству учебных заведений и качеству преподавания в них. Поэтому среди воспитанников иезуитов встречается немало униатов, а также детей униатских священников (например, Я. Барщевский), детей местных чиновников (помощник Н.М. Карамзина и переводчик на французский язык его главного исторического труда К.С. Сербинович). Прибывавшие в белорусские губернии русские чиновники также отдавали предпочтение иезуитскому образованию перед униатскими школами. Так, Л.Н. Энгельгардт вспоминает, что в Витебске униатский дьячок за два года едва смог научить его читать, поэтому в 1776 году родители отправили его изучать французский и немецкий язык в местный коллегииум [37, с. 18–19]. В 1801–1802 годах в Полоцком коллегииуме под руководством о. Габриэля Грубера первые шаги в изобразительном искусстве делал Ф.П. Толстой.

Первый публикатор мемуаров выдающегося русского художника, скульптора и медальера удивлялся выбору учебного заведения, сделанному его покровителем и дядей графом Петром Александровичем [38, с. 26–27]. Анализ родственных связей воспитанников иезуитских коллегииумов в белорусских губерниях и в столице снимает недоумение. Федор Петрович Толстой приходился племянником одной из первых русских католичек XIX века графине Анне Ивановне Толстой, урожденной Барятинской, имевшей тесные связи с иезуитами. Ее сын Александр, а также племянники Павел Дмитриевич Толстой и Александр Петрович Барятинский обучались в петербургском коллегииуме. Как мы помним, там же учились шестеро князей Голицыных. Они находились в родстве с Ростопчиными, также учениками иезуитов, и привлекли их в коллегииум. Такое же взаимное притяжение обнаруживается в случае с баронами Алексеем и Валентином Григорьевичами Строгановыми и Д.П. Севериным, семействами Нарышкиных, Шуваловых и Суворовых. Нельзя не заметить, что все вышеназванные семьи принадлежат к самым вы-

³ Курсив наш – Д.К.

⁴ Об этих и других случаях обращения в католичество в России см.: [2, р. 213–244; 34, с. 47–84]. Среди обобщающих, аналитических работ выделим публикации Е.Е. Дмитриевой и М. Никё [35, 36].

соким столичным кругам, близким императорскому трону. Александр I, известный своими духовными и религиозными исканиями, во многом, пусть и опосредованно, мог влиять на образовательный идеал своих вельмож. Такое же влияние можно предположить и со стороны тех русских дворян, кто познакомился с методиками иезуитов до появления их учебных заведений в Российской империи. Одним из таких людей был князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский, чьим наставником в конце 1760-х годов являлся бывший французский иезуит Дьедоне Тьебо, поддерживавший с воспитанником переписку [39, р. 10–11, 72–73, 87–90, 315]. В своем стихотворном «Послании к французам» (*Épître aux Français*, 1784) князь с признательностью вспоминает уроки Тьебо :

Longtemps, sage Thiébault, retenu sous tes lois,
Tu fus, par tes leçons, mon guide et ma défense.
Mes folles passions se taisaient à ta voix... [40, р. 4].

(Долго, мудрый Тьебо, я оставался под твоим руководством, / Ты был, благодаря своим урокам, моим проводником и моей защитой. / Мои безумные страсти умолкали при звуках твоего голоса...)

С плодами уроков бывшего иезуита наверняка были знакомы и те семейства, чьих сыновей мы видим среди учеников Благородного коллегиума. Так, князя Белосельского-Белозерского и графа Ивана Степановича (Жак-Франсуа) Лавалья, отца вышеупомянутого В.И. Лавалья, соединяли как родственные узы (оба были женаты на сестрах Козицких), так и литературные вкусы [41, р. 71–72].

Сложившиеся в Санкт-Петербургском Благородном коллегиуме плотные родственные связи дополнялись атмосферой благорасположения и внимания к подопечным, которую культивировали иезуиты, и которая являлась частью их миссионерской стратегии. Укреплялись не только отношения между родными и двоюродными братьями, составлялись дружеские союзы между учителями и учениками. Ф.П. Толстой, несмотря на свое пренебрежительное отношение к иезуитам вообще, признавался в почти сыновней привязанности к о. Груберу [42, с. 61]. П.А. Вяземский вспоминал, что по выходе из пансиона состоял в переписке с ректором Благородного коллегиума о. Чижом [29, с. 180]. Такие близкие связи, в которых учителя, уже перестав быть для молодого человека наставниками, продолжают свою опеку, отражены в письмах за 1816–1817 годы к Алексею Алексеевичу Голицыну от о. Розавена, о. Гривеля, о. Бийи и о. ван Эверброка, сохранившиеся в копиях в Архиве Общества Иисуса в Ванве [43].

Заключение. Иезуитские пансионы превращались в симбиоз коллективного преподавания с домашним воспитанием. В этом они были похожи на многие российские пансионы, которые имели перед последними преимущество как в дидактическом, так и воспитательном плане, финансовой доступности и религиозной свободе. Коллегиумы Общества Иисуса сумели адаптироваться к новым культурным условиям, новым общественным запросам, появившимся с воцарением Александра I. Иезуиты сумели удовлетворить запрос на внимательное отношение к духовным потребностям детей, на их религиозное воспитание, которое служило бы основой для нравственного совершенствования, развитие их творческих способностей и в итоге свободного самораскрытия личности. Эти важные для романтической эпохи составляющие определили облик нового человека – воспитанника иезуитов. Это был широко образованный человек, принадлежавший нескольким культурам (потомок эмигрантов или естественно соприкасавшийся с разными культурами), носитель нескольких языков, приобщенный к различным вероисповеданиям. Иначе говоря – одна из ипостасей романтической личности. Для самих иезуитов воспитание открытой одновременно православию, протестантству и католичеству личности была важна в контексте их миссионерских трудов и в свете возможного воссоединения церковей, которое если и не состоялось, то было вполне возможным сценарием на рубеже XVIII–XIX веков. В его реализации религиозно-нравственное воспитание и систематическое обучение должны были сыграть роль катализатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леруа, М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле / М. Леруа. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 464 с.
2. Rouët de Journel, M.-J. Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg (1800–1816) / M.-J. Rouët de Journel. – Paris : Perrin et Cie, 1922. – 323 p.
3. Kadulska, I. Akademia Połocka: ośrodek kultury na Kresach 1812–1820 / I. Kadulska. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – 312 str.
4. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 p.
5. Inglot, M. L'Accademia di Polock (1812–1820), ateneo della Compagnia di Gesù superstita in Russia / M. Inglot // Morte e resurrezione di un ordine religioso: le strategie culturali ed educative della Compagnia di Gesù durante la soppressione (1759–1814), a cura di Paolo Bianchi. – Milano : Vita e Pensiero, 2006. – P. 201–230.
6. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т.Б. Блинова. – Гродно : ГрГУ, 2002. 425 с.

7. Зянюк, Р.У. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.): структура і дзейнасць : дыс. ... канд. гіст. навук / Р.У. Зянюк ; Ін-т гісторыі Нац. акадэміі навук Беларусі. – Мінск, 2014. – 254 с.
8. Россия и иезуиты. 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева ; Ин-т всеобщей истории РАН ; Исторический ин-т Общества Иисуса. – М. : Наука, 2006. – 341 с.
9. Алексеев, М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: введение, тексты и комментарии / М.П. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2006. – 504 с.
10. Lavrov, A. La première description française de la Sibérie / A. Lavrov // L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe – XIXe siècles), publié sous la direction de Sarga Moussa et Alexandre Stroev. – Paris : Institut d'études salves, 2014. – P. 15–24.
11. Kopaneva, N. Les relations des jésuites français dans le livre de Nicolas Witsen «Noord en Oost Tartarye» (1692; 1705) / N. Kopaneva // L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe – XIXe siècles), publié sous la direction de Sarga Moussa et Alexandre Stroev. – Paris : Institut d'études salves, 2014. – P. 25–35.
12. Комаровский, Н.Е. Записки графа Николая Егоровича Комаровского / Н.Е. Комаровский. – М. : Синодальная типография, 1912. – 112 с.
13. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 670 с.
14. Rjéoutski, V. Language Use Among the Russian Aristocracy: The Case of the Counts Stroganov / V. Rjéoutski, V. Somov // French and Russian in Imperial Russia / D. Offord [et al.]. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015. – Vol. 1 : Language Use among the Russian Elite. – P. 61–83.
15. Андреев, А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века / А.Ю. Андреев. – М. : Знак, 2005. – 432 с.
16. Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu in Imperio Rossiaco ex anno 1806 in annum 1807. – Polociae : Typis Collegii Societatis Jesu, [1806]. – 45 p.
17. Załęski, S. Historia zniesienia zakonu jezuitów i jego zachowanie na Białej Rusi / S. Załęski. – Lwów : Nakładem autora, 1875. – T.2. – 519 p.
18. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques / P. Pierling. – Paris : Plon-Nourrit et Cie, 1912. – T. 5 : Catherine II. Paul I. Alexandre I. – 480 p.
19. Giżycki, J.M. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J.M. Giżycki. – Kraków : W.L. Anczyc i spółka, 1905. – 288 str.
20. Augustissimo ac Potentissimo Alexandro I. Imperatori et Autocratori Totius Rossiae instituta benevolentissime a Sua Imperatoria Majestate edito calendis martii diplomate et quarto Idus Junii solemniter initiata Academia Polocensis Societatis Jesu d.d.d. – Polociae : In Typographia Academica, 1812. – 48 p.
21. Kadulska, I. The Polock Academy (1812–1820): An Example of the Society of Jesus's Endurance / I. Kadulska // Jesuit Survival and Restoration : A Global History, 1773–1900 / ed. by Robert A. Maryks and Jonathan Wright. – Leiden, Boston: Brill, 2014. – P. 83–98.
22. Nomina Patrum ac Fratrum qui Societatem Jesu ingressi Albam Russiam incoluerunt ab Anno 1773 ad Annum 1820 et in eadem Societate Jesu vita sunt functi. – Rollarii Flandrorum : Typographia Julii de Meester, 1914.
23. Кондаков, Д.А. На присутствие Ея Величества в Белоруссии: оды 1780 года и культурная политика Екатерины II / Д.А. Кондаков // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманит. науки. – 2012. – № 2. – С. 2–8.
24. Самайлюк, Т.А. Выдавецкая дзейнасць ордэна езуітаў у Беларусі XVIII – пач. XIX ст. Полацкая друкарня езуіцкай акадэміі (1787–1820) / Т.А. Самайлюк // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; складальнікі: Т.А. Дзем'яновіч, Л.І. Доўнар, Т.А. Самайлюк. – Мінск, 2006. – Ч. 1. – С. 129–138.
25. Recueil de pensées de Cicéron, de Maximes morales, de petits contes également propres à amuser & à inspirer le goût de la vertu, de Devoir de l'homme, de religion en général, de Droit naturel, de Fables, de Lettres, de narrations, de harangues, de poésies tirées des meilleurs auteurs, d'histoires de quatre premières monarchies. A l'usage de la jeune noblesse, qui étudie la langue française. En deux parties. – Polock : dans l'imprimerie du collège de la Compagnie de Jésus, 1798 ; 1804.
26. Archivum Romanum Societatis Jesu. Russia 1003: Societatis Jesu in Alba Russia, 1773–1798. Fasc. II : Epistolae generales et miscellaneae, 1785–1798. A. Epistolae A.R.P. Gabriele Linkiewicz.
27. Морошкин, М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени / М. Морошкин. – СПб. : Тип. Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. – Ч. 2. – 528 с.
28. енцикл. Н.И. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей. 1804–1817 / Н.И. Ленц. – Одесса : Экономическая типография, 1903. – 386 с.
29. Вяземский, П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П.А. Вяземский. – М. : Правда, 1988. – 480 с.
30. Rjéoutski, V. Les précepteurs francophones en Russie au XVIIIe siècle / V. Rjéoutski // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe-XIXe siècles), sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. – Paris : Harmattan, 2013. – P. 117–138.
31. Berelowitch, W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger: les exigences d'une famille (années 1760–1780) / W. Berelowitch // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe-XIXe siècles), sous la direction de Vladislav Rjéoutski et Alexandre Tchoudinov. – Paris : Harmattan, 2013. – P. 139–150.
32. de Maistre, J. Œuvres complètes. XIV t. – Lyon : Vitte et Perrussel, 1884–1886. – T. VIII. – 1884. – 522 p.
33. Archives jésuites à Vanves, BS Ga 5-IX. – Lettre du P. Rozaven au prince Alexis Golitsyne, Polotsk, 17.12.1816.
34. Гречаная, Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825) / Е.П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.

35. Дмитриева, Е. Обращения в католичество в России в XIX в.: Историкокультурный контекст / Е. Дмитриева // Arbor mundi. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 84–110.
36. Niqueux, M. Les catholiques russes (XIXe siècle) / M. Niqueux // Revue des études slaves. – 2011. – Т. 82/3. – P. 539–552.
37. Энгельгардт, Л.Н. Записки / Л.Н. Энгельгардт ; подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. И.И. Федюкина. – М. : НЛО, 1997. – 256 с.
38. Записки графа Ф.П. Толстого, товарища Президента Императорской Академии Художеств // Русская старина. – 1873. – Т. VII. – № 1. – С. 24–51.
39. Mazon, A. Deux Russes écrivains français / A. Mazon. – Paris : Didier, 1964. – 427 p.
40. Belosselski-Belozerski, A. Poésies françaises d'un Prince étranger, Epître aux Français, aux Anglais, et aux républicains de Saint Marin / A. Belosselski-Belozerski. – Paris : Didot l'aîné, 1789. – 110 p.
41. Gretchanaia, E. «Je vous parlerai la langue de l'Europe... » La francophonie en Russie (XVIIIe – XIXe siècles) / E. Gretchanaia. – Bruxelles : Peter Lang, 2012. – 411 p.
42. Толстой, Ф.П. Записки графа Фёдора Петровича Толстого / Ф.П. Толстой ; сост., вступ. и коммент. А. Е. Чекуновой, Е. Г. Гороховой. – М. : РГГУ, 2001. – 324 с.
43. Archives jésuites à Vanves, BS 7a-8.

Поступила 07.04.2017

EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE SOCIETY OF JESUS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1820): QUI PRODEST?

D. KANDAKOU

The article deals with the Society of Jesus teaching and education in the Russian Empire between 1772 and 1820. By reading and analyzing memoirs and letters, order's catalogues and pedagogical treaties, we reconstruct the educational ideal of Jesuits and of a group of the Russian society, create the social portrait of Jesuits pupils, retracing social bonds between pupils their families and teachers. The progress of Jesuit model of teaching in early 19th century is explained by political, social and cultural factors as well as by the match between the educational offer and social demand for modeling of a person opened to various religions, languages and cultures.

Key words: Society of Jesus, Russian Empire, educational ideal, social portrait, pension, Jesuit College.

УДК 572

**ИЗУЧЕНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ ГОРОДСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ¹***канд. ист. наук, доц. О.В. МАРФИНА;**(Отдел антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси, Минск)**канд. биол. наук, доц. О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК**(Полоцкий государственный университет)*

Раскрыта история антропологических исследований скелетных материалов, выявленных в ходе археологических раскопок на территории белорусских городов. Показан вклад белорусских антропологов в изучении древнего городского населения. Охарактеризован состав остеологических коллекций, находящихся на сохранении в фондах Института истории НАН Беларуси и Полоцкого государственного университета.

Ключевые слова: Беларусь, городское население, остеологическая коллекция, краниология.

Введение. Возникновение городов на территории Беларуси связано с формированием государственности, развитием более тесных экономических и политических связей внутри отдельных племенных «княжений» и за их пределами. Причинами преобразования городищ в города явилось отделение ремесла от земледелия, концентрирование ремесленников в наиболее развитых и густонаселенных регионах, на пересечении важных транспортных путей. Важную роль в возникновении городов играла и необходимость защиты от врага. Города строились на естественных природных укреплениях – возвышенностях и холмах – и имели оборонительные сооружения. В ранних летописных источниках называется более 30-ти городов, расположенных на территории Беларуси. Древнейшим белорусским городом является Полоцк, впервые упоминаемый в летописи под 862 г. К X веку относятся Туров, Заславль (Изяславль), Витебск; в XI веке впервые упоминаются Брест (Берестье), Минск (Менск), Пинск и др.; в XII веке – Гомель, Гродно (Городня) и др.; в XIII веке – Новогрудок, Слоним, Могилев и др. В действительности многие города возникли значительно раньше, чем сведения о них попали в летописи.

В XIV в. почти все белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского. В XIV–XVI вв. на белорусских землях происходит интенсивный процесс урбанизации. К началу XVII века на территории Беларуси насчитывается уже 387 городских поселений. В этот период выделяются две группы городов – государственные (великокняжеские) и частновладельческие. Развивается городское самоуправление. В течение XIV–XVI вв. магдебургское право получили Брест, Гродно, Полок, Минск, Дрогичин, Новогрудок и другие города. Среди населения городов преобладали «черные люди», т.е. ремесленники разных специальностей, мелкие и средние торговцы. Жители новых городов долгое время не теряли связи с сельским хозяйством. Коренных горожан, которые не были зависимы от феодалов, называли мещанами, жителями «места» (города). Привилегированными жителями были бояре и богатые купцы. Бояре владели домами и дворами в городе, землями и лесами за городом. Богатые купцы вели торговлю с другими городами. Вместе с боярами купцы участвовали в управлении городом. Особое положение среди городского населения занимало духовенство (епископы, священники, монахи). Они составляли влиятельную группу городского общества.

Городское население в контексте палеоантропологических исследований представляет собой феномен, обладающий целым рядом специфических черт. К их числу относятся, как правило, значительно большая разнородность антропологического состава жителей городов по сравнению с населением сельской округи, фиксируемое письменными источниками постоянное пополнение городского населения за счет переселенцев извне, при условии наличия нескольких синхронных кладбищ – отражение дифференциации населения по этническому, социальному, экономическому принципам. Изучение материалов городских погребений позволяет проследить особенности формирования антропологического состава городского населения, его связи с населением сельской округи.

Основная часть. Первые палеоантропологические материалы по средневековому городскому населению Беларуси были получены в результате работы археологической экспедиции сотрудников Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Ф.Д. Гуревич и К.В. Павловой в 1965 г. на территории Новогрудка (Гродненская обл.). В ходе раскопок древнего окольного города были выявлены остатки могильника второй половины XI–XII вв. Краниологический материал (30 мужских и 15 женских черепов) по краниометрической программе исследовала И.И. Саливон [1]. В результате сопоставления

¹ Работа выполнена в рамках договора с БРФФИ № Г16Р-042 «Городское население Беларуси и Европейской части России XI–XVIII вв. по данным антропологии».

краниометрических данных по новогрудским материалам XI–XII вв. с данными по сельскому населению Беларуси начала II тыс. н.э. был сделан вывод о значительной степени генетического родства исследованных групп городского и сельского населения [1, с. 28]. И.И. Саливон удалось также выявить грацилизацию посткраниального скелета белорусов XVIII–XIX вв. по сравнению с населением XI–XII вв., которое обитало в Новогрудке [2]. В настоящее время остеологическая серия из Новогрудка находится на сохранении в палеоантропологической коллекции отдела антропологии Института истории НАН Беларуси.

Новые материалы по средневековому городскому населению Беларуси были получены только в 2008–2009 гг., когда О.Н. Левко и А.В. Войтехович исследовали коллективный курган XII века в Друцке Толочинского р-на Витебской обл. Курган располагался на достаточно крутой возвышенности, к юго-западу от Друцкого укрепленного городища и окольного города. В результате нивелировки каждого скелета или его фрагментов удалось установить, что погребения были совершены группами и залегают на нескольких уровнях. Были выделены четыре погребальных уровня. На основе этих данных археологами была определена последовательность захоронений в кургане. Первый погребальный уровень содержал одно детское погребение в северо-западной части кургана. Второй погребальный уровень состоял из двух групп захоронений: первая группа включала двенадцать погребений, которые были расположены преимущественно в западной части кургана полосой, вытянутой с запада на восток (положение погребенных на спине); вторая группа – одиннадцать погребений, располагавшихся в восточной и северной части кургана. Третий погребальный уровень насчитывал восемь погребений, которые в основном были сконцентрированы в центральной части. Четвертый погребальный уровень представлен четырьмя погребениями, размещенными с восточной части насыпи [3]. Палеоантропологические материалы из Друцка хранятся в археологических фондах Института истории НАН Беларуси.

Все выявленные в коллективном кургане Друцка костные останки плохо сохранились, почти все черепа – без лицевого отдела. Серия обнаруженных черепов (6 мужских и 2 женских) была исследована визуально и измерена по традиционной краниометрической программе И.И. Саливон и Н.Н. Помазановым [4]. Изучение половозрастных особенностей посткраниального скелета (5 мужских и 1 женский) было проведено О.В. Марфиной совместно с российской коллегой С.Б. Боруцкой [5]. Был осуществлен остеометрический и палеопатологический анализ костного материала, обнаружены следы патологических изменений костной системы. Отмечены многочисленные травмы со следами заживления и последующим сращением костей. По специальным формулам определена длина тела мужчин.

Материалы по городскому населению Беларуси нового времени впервые были получены в 1982–1983 гг. в результате археологических раскопок Ш.И. Бектинеева городища «Курганы», расположенного к северо-западу от д. Горы Горецкого р-на Могилевской обл. В верхних слоях памятника были обнаружены захоронения, датированные концом XVI – серединой XVIII вв. Согласно историческим данным, с XIII века Горы представляли собой родовой феодальный замок, первоначально принадлежавший князьям Горским. Уже в XII–XIII вв. Горы были поселением городского типа, на что указывает наличие мощных оборонительных сооружений и состав вещевого материала, обнаруженного в ходе раскопок. В конце XVI века Горы перешли в частное владение канцлера ВКЛ Льва Сапегы, при котором старый замок был оставлен, а его площадку превратили в кладбище. На соседней возвышенности был заложен новый замок с бастионными укреплениями, под защитой которого выросло местечко, получившее название «Горы Великие». Известно, что кроме постоянного населения в Горах Великих размещались наемные гарнизоны.

Полученная в результате археологических раскопок краниологическая серия (126 черепов, из которых 28 мужских, 27 женских, 71 детский) была исследована по краниологической и палеодемографической программе И.А. Кушниром [6], а позже, по комплексной программе, включающей также изучение скелетных индикаторов стресса – О.А. Емельяничик [7]. Среди мужчин Гор Великих был зарегистрирован высокий уровень травматизма. В 6-ти случаях из 28-ми были выявлены черепные травмы преимущественно рубящего или секущего характера, интерпретированные как следы от сабельного удара. Повышенный уровень смертности среди мужчин Горского замка в совокупности с высоким уровнем травматизма отражает участие мужчин в военных действиях [8]. Известно, что в XVII–XIX вв. Горский замок не раз был захвачен в ходе военных действий, а мужское население Гор Великих нередко мобилизовалось для участия в войнах. В настоящее время серия хранится в коллекции отдела антропологии Института истории НАН Беларуси.

В 2003 г. П.А. Русовым осуществлялись археологические раскопки в Минске, на территории православной Петропавловской церкви (архитектурный памятник XVII в.), в ходе которых были выявлены погребения конца XVIII–XIX вв. Все захоронения входили в состав православного монастырского кладбища. Захоронения, располагавшиеся вблизи церкви, относятся к наиболее раннему периоду (XVIII ст.). Все захоронения произведены по одному обряду, большинство костяков ориентировано головой на запад. Погребальный инвентарь беден, однако обнаруженные вещи позволили уточнить хронологию могильника. В результате раскопок были получены костные останки разной степени сохранности, принад-

лежащие взрослым и детям. Пригодными для изучения структурных особенностей мозгового и лицевого отделов черепа оказались 36 черепов взрослых (19 мужских и 17 женских). Все измерения на черепах, а также визуальная оценка расодиагностических признаков были осуществлены И.И. Саливон, по одонтологической программе серию исследовала О.В. Тегако [9]. Материалы хранятся в палеоантропологической коллекции отдела антропологии Института истории НАН Беларуси.

В 2010–2011 гг. были получены материалы по населению Минска XVII–XVIII вв. католического вероисповедания. Погребения были выявлены в ходе земляных работ по реконструкции и реставрации бывшего монастыря бернардинцев, архитектурного комплекса XVII–XVIII вв. Археологический надзор за работами осуществлял В.И. Кошман. Большинство захоронений находилось в переотложенном состоянии на глубине 0,5–2,0 метров от современной дневной поверхности. Датировка погребений была определена В.И. Кошманом в пределах середины XVII – конца XVIII вв. Согласно историческим документам, в костельной крипте и на монастырском кладбище были захоронены представители известных шляхетских и магнатских родов: Завиш, Кенсовских, Тышкевичей, Туч и др. Скелетный материал, выявленный в ходе археологических исследований, представлен фрагментами скелетов не менее 90 человек, из которых 62 взрослых и 28 детей. Состояние сохранности скелетного материала плохое, большинство костей сохранилось фрагментарно. Материалы погребений по комплексной программе были исследованы О.А. Емельянчик [10]. После завершения антропологической экспертизы все скелетные останки были перезахоронены.

Начиная с 2005 г. систематические исследования городских погребений проводятся на территории древнего Полоцка. В результате археологических раскопок под руководством Д.В. Дука, М.В. Климова, А.Л. Коца были получены остеологические материалы, представленные погребениями эпохи средневековья и нового времени. Большая часть остеологических материалов, за исключением перезахороненных на территории Спасо-Ефросиниевского и Богоявленского монастырей, находятся на сохранении в Полоцком государственном университете.

Остеологическая серия, представленная материалами кладбища XVII–XVIII вв. с территории полоцкого городища, была получена еще в 2007–2009 гг. в ходе археологических раскопок под руководством Д.В. Дука и М.В. Климова. Датировка погребений, а также принадлежность захороненных к католической конфессии была установлена на основании анализа погребального инвентаря. Размещение кладбища в центре города, а также принадлежность верующих к римо-католической церкви, позволили Д.В. Дуку сделать заключение о том, что на кладбище хоронили представителей полоцкой шляхты. В целом остеологический материал характеризуется хорошим состоянием сохранности и представлен останками не менее 48 человек, среди которых 29 взрослых и 19 детей. Фрагментарность отдельных скелетов объясняется длительным использованием кладбища, в результате некоторые могилы были повреждены более поздними захоронениями. По комплексной программе серия была исследована О.А. Емельянчик и И.В. Кошкиным [11]. В 2014–2015 гг. материалы серии были исследованы по расширенной остеологической программе при участии российских антропологов С.В. Васильева и С.Б. Боруцкой [12].

В 2009–2010 гг. на территории Великого посада в Полоцке велись строительные работы по возведению спортивного корпуса Полоцкого университета. Археологический надзор за земляными работами осуществлял Д.В. Дук. В культурном слое были выявлены многочисленные фрагменты человеческих скелетов, соответствующие стратиграфическому слою XVII в. Большинство погребений находилось в переотложенном состоянии, поэтому состояние сохранности скелетных останков плохое. Исследованный остеологический материал представлен останками не менее 44-х человек, среди которых 41 взрослый и 3 детей. В 2011 г. под руководством Д.В. Дука на территории Великого посада проводились археологические раскопки. В результате были выявлены фрагменты скелетов не менее 20-ти человек, среди которых 6 детей, все в переотложенном состоянии. Позже, в 2012–2013 гг., в ходе дальнейших строительных работ на участке раскопа 2011 г. были обнаружены черепа и скелетные останки еще 12-ти индивидов, которые были включены в общую серию. По заключению Д.В. Дука, захоронения на территории Великого посада принадлежали православному населению Полоцка XVII в. Наиболее вероятно, кладбище функционировало непродолжительное время, во времена войны 1654–1667 гг.

В 2009 г. на территории площади Свободы в Полоцке проводились земляные работы, связанные с проведением теплотрассы. Археологический надзор за работами осуществлял М.В. Климов. Во время работ были обнаружены человеческие останки, датированные XVII–XVIII вв. Наиболее вероятно, что погребения изначально располагались на территории бывшего Доминиканского монастыря. Остеологический материал из траншеи представлен черепами и их фрагментами не менее 8-ми человек (из которых 6 мужских, пол 2-х черепов не был определен), а также отдельными костями посткраниального скелета.

В 2009 г. фрагменты человеческих скелетов были обнаружены во время ремонтных работ Богоявленского собора в Полоцке. Наиболее вероятно, это были захоронения при храме. Разрешение на исследование скелетных останков было получено с благословения Архиепископа Полоцкого и Глубокского Феодосия. Скелетные останки представлены 7-ю черепами взрослых разной степени сохранности, а так-

же отдельными костями посткраниального скелета. После завершения антропологической экспертизы останки были перезахоронены при храме.

Все выявленные на территории Полоцка остеологические материалы были исследованы О.А. Емельяничик по комплексной программе, включающей измерения черепа и длинных трубчатых костей, а также регистрацию скелетных индикаторов стресса [13]. В результате сравнительного анализа отдельных выборок мужских черепов, представленных материалами разных кладбищ, было установлено отсутствие выраженных различий между ними, что позволило объединить их в общую полоцкую серию.

В 2005 и 2015 гг. проводились археологические исследования Спасо-Преображенской церкви православного Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке. В октябре 2005 г. были исследованы склепы (крипты) внутри храма, в подцерковье. Было установлено, что крипты были созданы во 2-й половине XVIII в., когда монастырь находился во владении ордена иезуитов. В ходе исследования крипт были выявлены многочисленные человеческие кости с примесью костей животных. Во всех случаях наблюдалась сходная картина: кости лежали на поверхности, бессистемно, часть – в неглубоких материковых ямах. Лишь в крипте, размещенной в центральной части подцерковья, были выявлены остатки погребальных конструкций, в одной из которых находились скелетные останки 6-ти мужчин зрелого возраста (старше 50 лет). Наиболее вероятно, что скелеты из погребальных конструкций принадлежат иезуитам, в то время как остальные кости происходят из более ранних захоронений при храме, которые были нарушены в ходе многочисленных строительных работ возле церкви и на территории монастыря. В мае – начале августа 2015 г. архитектурно-археологические исследования Спасо-Преображенской церкви были возобновлены. Во всех шурфах, заложенных снаружи у стен храма, были выявлены следы погребений, нарушенных более поздними строительными работами. В культурном слое почти всех исследованных шурфов содержались человеческие скелетные останки в переотложенном состоянии, а также небольшое количество костей животных. Точная датировка материалов погребений усложняется отсутствием погребального инвентаря, а также переотложенным характером большинства погребений. Антропологическую экспертизу скелетных останков провела О.А. Емельяничик, после чего все скелетные останки были перезахоронены на территории монастыря [14, 15].

В 2014 г. в результате раскопок на территории Нижнего замка в Полоцке под руководством Д.В. Дука и А.Л. Коца была впервые получена остеологическая серия, представленная материалами средневековых погребений, датированных XIII–XIV вв. Наиболее вероятно, погребения относились к кладбищу при церкви, которая существовала с XII по XVI вв. Остеологическая серия находится на сохранении в Полоцком государственном университете.

Заключение. Антропологические исследования материалов городских погребений с территории Беларуси проводятся начиная с 60-х гг. XX века. Белорусскими антропологами были изучены серии средневекового городского населения Беларуси, представленные материалами погребений XI–XII вв. из Новогрудка и Друцка, а также материалами XIII–XIV вв. из Полоцка (кладбище на территории Нижнего замка). Население белорусских городов XVII–XIX вв. представлено остеологическими сериями из Минска и Полоцка, а также из небольшого частновладельческого города «Горы Великие» (Горезкий р-н Могилевской обл.). Большая часть исследованных остеологических серий находится на сохранении в фондах отдела антропологии и в археологических фондах Института истории НАН Беларуси. Скелетные материалы по населению Полоцка XIII–XVII вв. хранятся в Полоцком государственном университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саливон, И.И. Антропологическая характеристика населения Белоруссии II тыс. н. э. по палеоантропологическим материалам // Очерки по антропологии Белоруссии / И.И. Саливон, Л.И. Тегако, А.И. Микулич. – Минск, 1976. – С. 18–101.
2. Саливон, І.І. / Краніологічна характеристика середньовічного населення м. Новогрудка / І.І. Салівон // Матеріали з антрапалогії України. – 1971. – Вип. 5. – С. 92–110.
3. Левко, О.Н. Друцкие некрополи. Коллективный курган XII в. / О.Н. Левко, А.В. Войтехович, П.М. Кенько // Друцк. Древнейшие города Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2014. – С. 142–157.
4. Саливон, И.И. Антропологическая характеристика останков в коллективном кургане Друцка. Краниологическая характеристика серии черепов / И.И. Саливон, Н.Н. Помазанов // Друцк. Древнейшие города Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2014. – С. 157–165.
5. Марфина, О.В. Антропологическая характеристика останков в коллективном кургане Друцка. Половозрастные особенности посткраниального скелета исследованных останков / О.В. Марфина // Друцк. Древнейшие города Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2014. – С. 169–174.
6. Кушнир, А.И. Краниологическая характеристика населения Восточной Белоруссии 16–18 вв. / А.И. Кушнир // Проблемы современной биологии : тр. 19-й науч. конф. мол. ученых, биол. ф-т МГУ. – М., 1988. – Вып. 12, ч. 1. – Деп. в ВИНИТИ № 6710-В 88.

7. Емельянчик, О.А. Антропоэкологическая характеристика населения города-замка Горы Великие (по краниологическим материалам конца XVI – середины XVIII в.) / О.А. Емельянчик // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. – 2005. – № 7. – С. 47–53.
8. Емельянчик, О.А. Смертность городского населения Беларуси XVII–XVIII вв. (по материалам погребений в Полоцке и Горах Великих) / О.А. Емельянчик // Актуальные вопросы антропологии / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2010. – Вып. 5. – С. 251–266.
9. Саливон, И.И. Краниологическая и одонтологическая характеристика населения г. Минска XVIII–XIX столетий / И.И. Саливон, О.В. Тегачко, П.А. Русов // Актуальные вопросы антропологии. – 2006. – С. 149–155.
10. Емельянчик, О.А. Комплексное антропологическое исследование материалов из погребений XVII–XVIII вв. при монастыре бернардинцев в Минске / О.А. Емельянчик // Актуальные вопросы антропологии : сб. науч. тр. – Минск: Беларуская навука, 2012. – Вып. 7. – С. 168–182.
11. Емельянчик, О.А. Население Полоцка XVII–XVIII вв. по данным антропологии (по материалам раскопок на полоцком городище) / О.А. Емельянчик, И.В. Кошкин // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. – 2009. – № 1. – С. 9–15.
12. Borutskaya, S.V. The Population of Polotsk in the 17–18th Centuries According to Anthropological Data / S.V. Borutskaya, S.V. Vasilyev, V.A. Yemialyanchyk // International Journal of Anthropology. – 2015. – Vol. 30, № 1 – P. 27–42.
13. Емельянчик, О.А. Антропологический анализ погребений XVII–XVIII вв. с территории Полоцка / О.А. Емельянчик // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н.Левко [и др.] ; редкол.: А.А.Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н.Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 165–176.
14. Емельянчык, В.А. Вынікі антрапалагічнай экспертызы астэалагічных матэрыялаў з крыптаў Спаскай царквы Спаса-Ефрасіннеўскага манастыра / В.А. Емельянчык // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2006. – № 1. – С. 224–228.
15. Емельянчик, О.А. Антропологические исследования материалов погребений при Спасо-Преображенской церкви Спасо-Ефросиниевского монастыря в Полоцке / О.А. Емельянчик // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. артыкулаў III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красавіка 2016 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 1. – С. 140–146.
16. Емельянчик, О.А. Новые материалы к антропологическому изучению населения Полоцка XVII – XVIII вв. / О.А. Емельянчик // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац міжнар. рэсп. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красав. 2011 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк, 2011. – Ч. 1. – С. 14–21.

Поступила 27.04.2017

**THE STUDY OF OSTEOLOGICAL MATERIALS
FROM THE URBAN BURIAL GROUNDS OF BELARUS**

O. MARFINA; V. YEMIALYANCHYK

In the article the history of anthropological studies of the human skeletal materials revealed during archaeological excavations on the territory of the Belarusian cities is shown. The contribution of the Belarusian anthropologists in studying of ancient urban population is shown. The composition of the osteological collections, which are on preservation in funds of Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus and the Polotsk State University is characterized.

Keywords: Belarus, urban population, osteological collection, craniology.

УДК 005.935.3 (476)

ИСТОРИЯ МИНСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ОРГАНИСТОВ (1871–1897 гг.)

канд. ист. наук, доц. А.И. ГАНЧАР
(Гродненский государственный аграрный университет)

Рассматривается история минского римско-католического училища органистов, существовавшего в Минской губернии в 1871–1897 гг., опыт деятельности которого весьма полезен при решении вопроса о подготовке национальных кадров священно- и церковнослужителей. Отмечается, что с самого начала это был проект светской власти по подготовке римско-католических органистов в помощь ксендзам в проведении богослужения на русском языке. Не будучи поддержанным со стороны Римско-католической церкви, деятельность училища была обречена на неудачу.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Российская империя, Беларусь, Ф. Сенчиковский, училище, органист, русский язык, богослужение.

Введение. В исторической литературе по проблеме функционирования римско-католического училища органистов в г. Минске содержатся лишь некоторые фрагментарные сведения, повествующие об открытии и закрытии училища. Пожалуй, это объясняется сложностью оценки деятельности как самих воспитанников учреждения, так и его непосредственного организатора и руководителя Фердинанда Евстафьевича Сенчиковского (рис. 1).

Рисунок 1. – Фердинанд Евстафьевич Сенчиковский

Еще «Литовские епархиальные ведомости» отмечали непоследовательность действий правительства Российской империи по отношению к училищу римско-католических органистов [1, с. 6]. Генерал в отставке А.В. Жиркевич училище органистов называл последней надеждой на «располячивание» костела в Беларуси [2, с. 504–505]. Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим у Д.К. Чихачева, В.Н. Линкевича [3, с. 26; 4, с. 14]. Белорусский ученый А.Ф. Смоленчук утверждает, что настоящим побуждающим мотивом деятельности Ф. Сенчиковского следует считать его старание по «слиянию русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией» [5, с. 68; 6, с. 55]. На бессилие ксендза перед эффективными пропагандистскими приемами его многочисленных противников указывал А.Ю. Бендин [7, с. 99]. М.Д. Долбилов отметил, что администрация Российской империи была заинтересована в сотрудничестве с молодым ксендзом Ф. Сенчиковским [8, с. 635]. Польские авторы негативно характеризуют деятельность училища органистов [9–13]. М. Радван и вовсе указал, что обязанностью основателя училища Ф. Сенчиковского была русификация белорусского душепасторства [13, с. 219].

Целью данной статьи является раскрытие различных аспектов деятельности Минского римско-католического училища органистов, а также выявление роли и значения в этом процессе основателя училища Ф. Сенчиковского, путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, имевших место в истории Беларуси в последней трети XIX в.

Основная часть. В 1871 г., когда вслед за предпринятым Министерством внутренних дел (далее МВД) Российской империи введением дополнительного богослужения на русском языке в римско-католических церквях Минской губернии, встретилось затруднение в приискании органистов, которые могли бы петь на русском языке, в г. Минске при костеле св. Троицы было открыто римско-католическое училище органистов [1, с. 5]. Всего же на училище органистов за весь период его существования было выделено 106 785 рублей, в то время как на услуги «требниковцев», т.е. тем представителям Римско-католической церкви, кто использовал русский язык в римско-католическом богослужении, за период 1871–1898 гг. было израсходовано 241 785 рублей (доплаты ксендзам составляли до 600 рублей в год, а органистам – 180 рублей в год) [13, с. 229].

Открытие училища органистов было удачным ходом: органист мог стать помощником в деле продвижения русского языка в богослужении, к тому же он не мог не иметь влияния на паству. В училище по специальной программе, рассчитанной на 5 лет обучения, ученики занимались на фортепиано, скрипке, изучали теорию музыки, а также общеобразовательные предметы (русский язык, латынь и т.д.), был создан даже оркестр духовой музыки [14]. Но мало было обучить органистов, следовало их еще и вдохновить соответствующей идеей. Естественно, что управление учебным учреждением было отдано само-

му активному деятелю по введению русского языка в римско-католическое богослужение – ксендзу Ф. Сенчиковскому. Клятвенное обещание органистов, которое они давали по окончании Минского училища, было составлено лично Ф. Сенчиковским. Кроме того, по окончании училища органисты давали расписку, в которой обязывались, согласно училищному Уставу, все духовные требы исполнять на русском языке [15, л. 2].

Клятвенное обещание органистов, окончивших Минское училище

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемило- стивейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорско- му Высочеству, Государю Цесаревичу Великому князю Александру Александровичу верно и не лицемерно служить и во всем повиноваться, не изводя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству принадлежащие права и обязанности и впредь узаконенные по крайнему разумению, сил и возможности предостерегать и оборонять. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать. Всякую же вверенную тайну крепко хранить буду и пове- ренный и положенный на мне чин надлежащим образом исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благоприятно есть и надлежит.

В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь [15, л. 6].

5 июня 1876 г. за № 445 каноник виленского капитула, минско-игуменский и наднеманский декан Ф. Сенчиковский обратился к минскому губернатору с ходатайством о расширении штата учеников, с желанием расширить помещение училища за счет своей комнаты, примыкавшей к помещениям учебного заведения. Размещение училища в плербаниальном доме на Троицкой Горе затруднялось тем, что оно занимало комнату викарного, должность которого являлась вакантной, из-за недостатка ксендзов, служивших на русском языке, а также расстоянием в 2 версты, которое, по словам Ф. Сенчиковского, должны были ежедневно по несколько раз в непогоду и мороз проходить мальчики-сироты с целью практических занятий по богослужению и совершению треб, что часто вызывало у них болезни и простуды.

2 июля 1876 г., по докладу Министра внутренних дел, император всемилостивейше соизволил на отпуск, в распоряжение минского губернатора, по 600 руб. в год на содержание в Минском училище органистов 5 воспитанников, сверх наличного числа. Вместе с тем последовало высочайшее соизволение о ежегодном отпуске 120 руб. на каждого вновь определяемого воспитанника в случае необходимости дальнейшего расширения училища. Император повелел приобрести или построить здание для училища, имея в виду помещение в нем до 30 человек. Ф. Сенчиковский настаивал, чтобы само здание имело не только служебные помещения, но и комнаты для проживания настоятеля, викарного, собственно мальчиков-сирот, изъявивших желание к обучению, и учителя. Ф. Сенчиковский рекомендовал продать с публичных торгов старый плербаниальный дом с сараем на Троицкой Горе, в котором проживал и сам, а деньги отдать на пополнение суммы, предназначавшейся на новое здание. 16 июля 1876 г. за № 602 Ф. Сенчиковский представил управляющему Виленской р.-к. епархией П. Жилинскому план, смету и проект на постройку означенного дома. К октябрю 1876 г. Римско-католическая духовная коллегия (далее РКДК) определила нужную сумму в 11 807 руб. 70 коп., с зачетом продажи старого плербаниального дома, оцененного в 5 000 руб. 9 февраля 1877 г. план на постройку домашней школы органистов в г. Минске был утвержден МВД, но на сумму в 21 953 руб. 70 коп. [16, л. 5, 8, 12–15, 47–47 об., 109].

13 июля 1876 г. 5 мальчиков уже были приняты на обучение в училище. Но заявленных 120 руб. на ученика явно не хватало, и Ф. Сенчиковский стал ходатайствовать о выделении 200 руб. на человека с целью приобретения полушубков, железных кроватей с матрацами, подушками, одеялами, бельем, покупку скамеек, табуреток, шкафа для одежды, кухонной и столовой посуды. При открытии же училища в 1872 г. на 10 мальчиков было отпущено на вышеозначенные цели 1 000 руб. 19 августа 1876 г. управляющий МВД разрешил отпустить из суммы 72 673 руб. 50 коп., значащейся по ст. 4 § 13 сметы МВД 1876 г., указанную сумму на первоначальное обустройство для учеников, вновь принятых в школу органистов в г. Минске, т. е. по 200 руб. на 1 ученика [16, л. 18–18 об., 21–21 об.].

С увеличением числа воспитанников в училище органистов явилась необходимость во втором ро- яле: при постоянном механическом упражнении младшей группы вновь поступивших мальчиков, стар- шему отделению приходилось заниматься лишь 1–2 часа в неделю, что отрицательно сказывалось на их успеваемости по музыке. Вследствие чего Ф. Сенчиковский 4 октября 1876 г. просил минского губерна-

тора об отпуске 250 руб. на покупку нового музыкального инструмента, для упражнения в музыке старшего отделения училища органистов, так как купленный 5 лет назад рояль стоимостью 275 руб., по причине непрерывного упражнения на нем 10 мальчиков, уже не мог быть полезным: каждому мальчику требовалось одночасовое ежедневное упражнение игры на рояле. Первоначальное же обучение грамоте большая часть учеников школы органистов проходила во 2-м двухклассном минском народном училище, остальная часть – в 1-м, из-за достижения предела крайнего числа обучающихся в 60 человек. 28 октября 1876 г. МВД разрешило к выдаче просимую сумму [16, л. 35–35 об., 77–77 об., 82].

15 июля 1877 г. МВД уведомило минского губернатора, что все дополнительные расходы на содержание Минского училища органистов не могут больше быть покрываемы из сумм, постоянно отпускаемых правительством на эти нужды, без предварительного разрешения МВД. В 1878 г. по смете МВД в Минском губернском казначействе был открыт кредит в 1 200 руб. на содержание только 10 воспитанников Минской школы органистов, между тем как в 1877 г. в училище находилось уже 15 воспитанников и в начале 1878 г. число их увеличилось до 20. 9 февраля 1878 г. МВД одобрило выделение еще 600 руб. на вновь принятых 5-х воспитанников. Смета на содержание училища на 1879 г. уже составляла сумму 2 960 руб.: 810 руб. обслуживающему персоналу и 2 150 руб. на содержание учеников. Из-за постоянно расширяющегося контингента учащихся – согласно уставу школы органистов, на каждого воспитанника ассигновалось в распоряжение минского губернатора по 120 руб. в год, а прием новых воспитанников зависел от усмотрения губернатора – 3 сентября 1877 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) заверил губернатора, что все его решения о принятии нового воспитанника в финансовом плане будут поддержаны МВД из расчета по 120 руб. в год на ученика и на первоначальное обзаведение по 40 руб. на каждого [16, л. 18–18 об., 200 об., 317–317 об., 329–329 об., 335].

Некоторые жители г. Минска с неодобрением воспринимали известие об увеличении контингента учащихся в школе органистов. Подобное отношение не могло не отразиться и на поведении учеников. 7 октября 1876 г. Ф. Сенчиковский уведомил минского губернатора, что воспитанник училища Иосиф Вишневецкий самовольно и без всякого повода оставил училище. Не прошло и 10 дней как отец мальчика 6 октября 1876 г. привел его обратно, со слезами умоляя о принятии в училище. Причем отец, со слов декана Ф. Сенчиковского, прямо заявил, что его жена и мать мальчика, наслушавшись дурных толков в городе (в деле нет свидетельств, о каких именно толках идет речь – А.Г.), подстрекала сына оставить училище. Здесь трудно судить о намерениях отца, вероятнее всего, просто желавшего обеспечить достойное существование сына в дальнейшем, но что 1 из 5 вновь набранных детей оказался не сиротой, на что в своих ходатайствах ссылался Ф. Сенчиковский, – это факт. Ф. Сенчиковский был также уличен начальником минской женской гимназии в нецелевом расходовании 200 руб., выделенных МВД на каждого ученика, о чем 8 ноября 1876 г. был предупрежден минский губернатор: указанная одежда и учебные принадлежности не были приобретены, а Ф. Сенчиковский сослался на возникшие непредвиденные обстоятельства при закупке принадлежностей – появление внезапной возможности в скором времени приобретения добротной зимней одежды по дешевой цене у одного еврея в г. Варшаве. К 30 декабря 1876 г. необходимые закупки все же были сделаны [16, л. 38–38 об., 63–64 об., 66, 87–87 об.].

О финансовой поддержке училища свидетельствует и следующий факт. Настоятель Речицкого костела Минской губернии в 1895 г. просил разрешения на ремонт костела. Хотя строительное отделение Минского губернского правления признало, что храм после частичного уничтожения его пожаром еще в 1862 г. (вплоть до 1902 г. богослужения проводились в частном доме) требовал безотлагательного ремонта – ходатайство было отклонено [17, л. 21]. Но на ремонт римско-католического училища в г. Минске, готовившего органистов для римско-католических приходов, в которых «дополнительное» богослужение велось на русском языке, разрешение было получено за неделю [18, л. 1].

Безуспешны оказались попытки митрополита всех римско-католических церквей в Российской империи А. Гинтовта отстоять право священника на принятие или увольнение органиста – лица, не отнесенного к числу римско-католического духовенства. Органист В. Свищевский, назначенный в 1879 г. в помощь настоятелю Глусского костела ксендзу Гедройцу, человеку престарелому, настолько дурно зарекомендовал себя, что Гедройць объявил Минскому губернатору, что если Свищевский будет оставлен на должности, то он будет ходатайствовать о причислении его, Гедройца, к инвалидам, ибо службу со Свищевским выносить не мог. Неблаговидные поступки органиста, помимо совершенно небрежного исполнения своих прямых обязанностей, состояли в распитии спиртных напитков, в непомерных требованиях с прихожан и в желании выставить себя человеком, который может своим словом или доносом вредно повлиять на участь настоятеля (о ксендзах и органистах Минской губернии, ведших «дополнительное» богослужение на русском языке по состоянию на 1887 г. см. ниже). [2, с. 536; 19, л. 221–222].

Таблица 1 – Принятие русского языка в некоторых костелах 2-го визитаторства Минской губернии (по состоянию на 1876 г.)

Название уезда и костела	Язык совершения дополнительного богослужения	Имена и фамилия органиста, со скольких лет в приходе и в должности
Мозырский уезд Мозырский костел	русский	органист крестьянин Людвиг Кулеша, в приходе с малолетства, в должности с 1875 г.
Петриковский костел	русский	настоятель не имеется и нет органиста
Копаткевичский костел	русский	то же
Давид-Городокский костел	польский	органист мещанин Фома Барановский, в приходе и в должности с 1868 г.
Речицкий уезд Речицкий костел	польский	настоятель не имеется и нет органиста
Слуцкий уезд Слуцкий костел	русский	органист крестьянин Казимир Шалик, в приходе с малолетства, в должности с 1856 г.
Несвижский костел	русский	органист крестьянин Иван Гладкий, в приходе и в должности с 1875 г.
Копыльский костел	русский	органист: дворянин Адам Карповский, в приходе с малолетства, в должности с 1874 г.

Источник: [20, л. 56–70; 21, л. 20].

За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревича сослали в г. Вологду, а сам Холопеничский приход вплоть до 1896 г. оставался без постоянного ксендза [14, с. 63, 65]. Соблюдая верность клятве, органисты отказывали в сопровождении пения в костеле на польском языке звуками органа, что не могло не вызывать недовольства паствы и ксендзов, роптавших на предусмотренный светскими законами Российской империи порядок. 27 мая 1893 г. во время богослужения в Копыльском костеле Слуцкого уезда Минской губернии по случаю праздника Божьего тела настоятель ксендз Герочинский во время крестного хода внутри костела пел гимны на польском языке: «Idzie, idzie Bóg prawdziwy», и «Bogu cześć i chwala» (раньше он был активным сторонником использования русского языка в р.-к. богослужении). Этому вторил и племянник ксендза В. Герочинский. Органист же Станислав Чайковский, услышав это, оставил играть на органе и участия в пении не принимал. После личной беседы с Минским губернатором ксендз Герочинский на некоторое время перестал использовать польский язык [19, л. 1].

Следует отметить существовавший в то время особый порядок управления костельными структурами в Минской губернии: управляющий Виленской римско-католической епархией (далее ВРКЕ) П. Жилинский, в юрисдикции которого находились тогда Виленская, Гродненская и Минская губернии, приостанавливая функции деканов, назначил в июле 1876 г. в Минскую губернию двух визитаторов – кс. Ф. Сенчиковского и кс. Ивана (Яна) Юргевича. В первое визитаторство входили следующие уезды: Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский. Во второе – Речицкий, Мозырский, Пинский, Слуцкий и Новогрудский уезды. Согласно инструкции визитаторам костелов Минской губернии (§ 3) визитатор должен был обращать при своем объезде особое внимание на органистов, которые определены к костелам из Минского училища органистов, при чем, в случае справедливых жалоб их на притеснения, оказывать им надлежащее удовлетворение и покровительство. Согласно § 8 именно визитатор разрешал споры и недоразумения, возникавшие между настоятелями, их викарными или органистами [22, л. 2–3].

К концу 1878 г. русскоязычное богослужение не было закреплено ни в одном новом костеле. Как и в 1876 г., этот список насчитывал 21 костел. Мало того, в четырех из них, из-за устроенной Ф. Сенчиковским и И. Юргевичем кадровой чехарды, не имелось настоятелей, т.е. ни служба, ни требы не совершались вовсе. Оба визитатора не смогли представить директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Мосолову удовлетворительных объяснений относительно некоторых священников, которых они «выжили из губернии или переместили на другие приходы», включая тех, кто служил на русском языке [8, с. 694].

Правительство же долгое время придерживалось мнения, если ксендз пропел по-русски, то в этой местности должен был служить тот ксендз, который обязуется делать то же самое. На каждую номинацию священника на такую должность он должен был принести присягу епископу и дать расписку минскому губернатору о продолжении деятельности на русском языке. Очевидно, что ксендзы не соглашались на подобное – костелы оставались без настоятелей и, соответственно, органиста нельзя было назначить к такому костелу [23, с. 133]. Вакантными являлись следующие приходы: Койдановский с 1887 г.,

Каменьский с 1884 г., Сверженский с 1882 г., Березинский с 1873 г., Холопеничский с 1884 г., Лагойский с 1885 г., Зембинский с 1880 г., Дядиловичский с 1882 г., Блоньский с 1882 г., Серафинский с 1880 г., Глуский с 1881 г., Харомчицкий с 1878 г., Свислочский с 1875 г., Петриковский с 1878 г., Давид-Городокский с 1883 г., Тимковичский с 1886 г., Старчицкий с 1874 г. [23, с. 198].

Таблица 2 – Список римско-католических священников и органистов, которые вели дополнительное богослужение на русском языке (1887 г.)

Название костела/каплицы	Имя и фамилия органиста	Размер получаемого содержания, руб.	Размер добавочного содержания, руб.
Минский св. Троицкий	Иосиф Окулич Михаил Кадельский	275	180
Березинский	Иван Юдицкий Владислав Невечровский	то же	то же
Хоромецкий	Александр Шило	«»	«»
Глуский	Иосиф Туниповский	«»	«»
Блонский	Франц Рохынпо	«»	«»
Борисовски	Валентин Серпович	«»	«»
Докшицкий	Антон Мацкевич	«»	«»
Лагойский	Иван Невяровский	«»	«»
Давид-Городокский	Фома Барановский		
Кейдановский	Владислав Богданкевич	«»	«»
Игуменский	Ксаверий Невядовский	«»	«»
Узденский	Векентий Цимович	«»	«»
Зембинский	Александр Головня	«»	«»
Околовский	Илья-Александр Рымша	«»	«»
каплица Минского благотворительного общества	Иосиф Крышполович	«»	«»

Источник: [19, л. 221–222].

Верующие обычно игнорировали костелы, в которых звучало русскоязычное богослужение или органист пел по-русски. Польский публицист и ученый М. Ванькович вспоминал, как избегали католики его родных мест (поместья Колюжицы под Борисовом) проводившего римско-католическое богослужение на русском языке ксендза Войчинского: в 1891 г. умершую бабушку М. Ваньковича похоронили без ксендза, а когда в следующем году умер отец М. Ваньковича, то ксендза позвали, но гроб несли далеко от него, чтобы не слышать русскоязычных песней [24, с. 75].

Е.Ф. Сенчиковский лишился покровительства минских властей при временно управлявшем в 1878 г. губернией (в качестве вице-губернатора) И.П. Альбединском – сыне Виленского генерал-губернатора П.П. Альбединского [8, с. 678]. Осенью 1878 г., по поручению бывшего министра внутренних дел, директор ДДДИИ А.Н. Мосолов был командирован в Минскую губернию для разбора разных дел Ф. Сенчиковского и местных р.-к. священников. Подробно осмотрев училище и собрав о нем надлежащие сведения, А.Н. Мосолов пришел к убеждению, что многие из ходивших о безнравственности Ф. Сенчиковского слухов заслуживали внимания, вследствие чего тогда же он просил начальника губернии и попечителя училища принять некоторые особенные меры наблюдения. Когда в училище обнаружились побег учеников и признаки неповиновения, вполне подтверждавшие вышеуказанные сомнения, Ф. Сенчиковский, по распоряжению Л.С. Макова, был отстранен от училища и лишен звания визитатора [25, л. 72–73].

А Ф. Сенчиковского, по распоряжению МВД и по предложению П. Жилинского, после отказа самого Ф. Сенчиковского от Слуцкого прихода, предвидя крайне негативное отношение к нему местного населения, 31 января 1879 г. перевели настоятелем в Бобруйский приход без возобновления визитаторских полномочий [2, с. 523]. В формулярном списке Ф. Сенчиковского было отмечено: в 1879 г. вследствие ходатайства по расстроенному здоровью с разрешения управляющего Министерством внутренних дел от 24 января за № 12 освобожден от должности заведующего училищем органистов в г. Минске и 30 января за № 164 назначен Слуцким деканом; затем, по ходатайству Ф. Сенчиковского, управляющим епархией от 12 марта за № 339 вследствие отзыва Министра внутренних дел от 6 марта за № 32 назначен на должность Бобруйского декана и настоятеля [26, с. 454].

После отстранения Ф. Сенчиковского временно руководство училищем перешло в руки И. Макаревича [18, л. 2]. Несколько позже минский губернатор В.И. Чарыков своим отзывом от 3 февраля 1879 г. вместо Ф. Сенчиковского заведующим училищем органистов и деканом по г. Минску, одновременно и настоятелем св. Троицкого прихода одобрил назначение ксендза Павла Гавронского, ранее бывшего викарием Мариинского костела и законоучителем Минской гимназии [11, с. 522]. Интересен тот факт, что П. Гавронский в конце 1876 г. сменил Ф. Сенчиковского на должности законоучителя Минской гимназии по решению попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского, питавшего, как и Виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский, антипатию к ксендзу Ф. Сенчиковскому – по официальной причине частых пропусков занятий Ф. Сенчиковским вследствие разъездов. В январе 1877 г. Ф. Сенчиковский сделал выговор ксендзу П. Гавронскому за не освобождение детей в день празднования Непорочного Зачатия Девы Марии от занятий. Хотя ни один из нормативных документов Министерства народного просвещения не освобождал учеников от занятий в дни праздника Непорочного Зачатия, да и других главных римско-католических празднеств [8, с. 677–678].

Из производившейся в 1879 г. переписки между начальником III Отделения его императорского величества канцелярии и МВД видно, что Министр внутренних дел, по причинам нравственного свойства, признавал необходимым удалить Ф. Сенчиковского от заведывания кафедральным костелом в г. Минске. Начальник Минского губернского жандармского управления полковник фон Мерклин в мае 1879 г. представил в III Отделение поступившее на его имя прошение в устной форме дворянина Витольда Свищевского (по профессии органиста) с жалобой на кс. Ф. Сенчиковского в совершении мужеложства, что он всякий раз приказывал мальчикам подчиненной ему школы органистов иметь сношение с некой вдовой Качинской, находившейся у него в качестве швеи, или с 18-ти летней кухаркой, причем он всегда сам присутствовал. Вследствие этого, по заверению В. Свищевского, некоторые мальчики заболели сыпным сифилисом, как, например, Вишневецкий, которого обследовал врач Шпаковский, а также Густовский, Курноза и др. В. Свищевский заверил, что Ф. Сенчиковский продолжает заниматься мужеложством и с теми, которые окончив школу органистов, получили штатные должности, как это было с ним, В. Свищевским, в декабре 1878 г., и что по поводу общей бледности и болезненности воспитанников школы органистов приезжал к ним кто-то для проверки.

13 июня 1879 г. директор ДДДИИ А.Н. Мосолов представил министру внутренних дел доклад "По жалобе на р.-к. священника Сенчиковского, настоятеля Бобруйской церкви". Будучи в г. Минске, ему удалось собрать некоторые сведения по данному делу. А.Н. Мосолов напомнил министру внутренних дел Л.С. Макову, что разорвавший всякие связи с поляками Ф. Сенчиковский заявил себя русским католиком и благодаря его в этом деле энергии за ним последовало одновременно несколько десятков р.-к. священников, начавших служить и отправлять требы по-русски, не взирая на упорное противодействие влиятельнейшей части польского общества. Ф. Сенчиковский организовал целый персонал священников, перевел на русский язык несколько богослужебных книг и, наконец, устроил, путем содействия правительства, училище р.-к. органистов, из которого предполагалось выпускать закаленных в русских чувствах молодых людей, которые могут стать опорой священникам и посредниками между ними и сельским населением.

Такой усердной деятельностью Ф. Сенчиковский в сравнительно короткое время заслужил несколько высочайших наград и доверие со стороны правительственных властей. Вместе с тем к нему возростала и ненависть местных поляков. Но Ф. Сенчиковский потерял самообладание, и тайные его пороки стали постепенно обрисовываться. Его властолюбие разогнало многих священников, прежде усердствовавших и позднее перешедших во враждебный лагерь. Страсть к роскоши и мишурному блеску заставляла его вступать с остальными в неблагоприятные денежные сделки, но всего прискорбнее личные его свойства отразились на основанном им училище.

Слухи о безнравственной жизни Ф. Сенчиковского и о его отношениях с воспитанниками училища распространялись в течение многих лет, но так как на Ф. Сенчиковского сочинялось много невероятных и действительно никогда не бывших слухов, то местное светское начальство ограничивалось лишь более тщательным наблюдением за состоянием училища и жизнью учеников. С назначением более года назад попечителем училища органистов действительного статского советника Павлова, им были обнаружены и постепенно устранены с большим трудом многие беспорядки. Впоследствии, только с устранением Ф. Сенчиковского, выяснилось, что он употреблял вообще дикие педагогические приемы и, опасаясь упреков за развитие в учениках замеченного начальством онанизма, придумал поощрять сношения старших учеников с находившимися в его услужении женщинами. Отчего, впрочем, по удостоверению врача, никаких непосредственно вредных для их здоровья последствий не произошло.

В течение полугодия, прошедшего с того времени, как был устранен от руководства Ф. Сенчиковский, училище органистов, благодаря усилиям заведовавших им лиц, по заверению А.Н. Мосолова, было приведено в порядок, и в нем установилась надлежащая дисциплина. Разбежавшиеся ранее от само-

управства Ф. Сенчиковского надзиратели и ученики старались своим поведением и усердием скорее заглаживать все прошлое. О Ф. Сенчиковском прекратились всякие грязные рассказы. Лишенный всякого влияния, он почти был забыт и жил в г. Бобруйске жалуясь на плохое здоровье.

При таком положении дел бывший органист В. Свищевский, удаленный за гнусные проступки и ложные доносы из двух приходов и тщетно домогавшийся от минского губернатора получить причитающееся ему жалованье, и подал начальнику минского губернского жандармского управления жалобу на безнравственные с ним и с другими бывшими учениками школы органистов поступки Ф. Сенчиковского, прося подвергнуть его за это законной ответственности. В виду вышеизложенного, в данной жалобе В. Свищевского оказались новыми для А.Н. Мосолова лишь некоторые грязные подробности врагов [25, л. 93–95 об].

2 февраля 1872 г. в г. Минске проходила огромная процессия. Народ обратился с просьбой к минскому губернатору В.Н. Токареву с просьбой запретить Ф. Сенчиковскому его деятельность. Католики осудили Ф. Сенчиковского в насиловании девушек и женщин, в оргиях со своими органистами, в краже костельных ценностей [23, с. 133]. Воспользовавшись возможностью, собравшиеся избрали 4 человек, чтобы просить минского губернатора В.Н. Токарева запретить въезд декану. Но губернатор не поверил посланникам, сослав их во внутренние губернии России, а остальных активных борцов оштрафовал от 50 до 100 рублей [27, с. 101].

Местное начальство – губернатор, жандармский штаб-офицер и попечитель училища – были убеждены, что Ф. Сенчиковский действительно страдал пороком, который ему приписывался и что он был способен злоупотреблять своим положением и испорченностью некоторых своих воспитанников, преимущественно старших возрастов. В ДДДИИ имелось на это косвенное указание в одном из прошений к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Ф. Сенчиковского, в котором он, по оставлении г. Минска, просил о назначении к нему органистом самого главного любимца. В этом прошении сквозили такие страстные чувства, в значении которых трудно было сомневаться.

Вместе с тем оказалось следующее: В. Свищевский не ребенок, а человек вполне испорченной нравственности; молодые люди, на которых он ссылался, вели себя исправно и никаких претензий к Ф. Сенчиковскому за прежнее время не имели; приписываемых им болезней у них не было; воспитанники училища, а тем более выпущенные из него органисты всегда имели полную возможность пожаловаться своевременно начальству, не опасаясь преследований Ф. Сенчиковского; сама подача жалобы В. Свищевского объяснялась не столько чьим-либо подговором, сколько намерением обратиться на себя внимание и добиться посредством этого значительных для него денег (около 100 руб.) и получить какое-нибудь место, как это удалось двум подобным органистам; преследование Ф. Сенчиковского, по глубокому убеждению А.Н. Мосолова, как это всегда бывало в подобных случаях, за недостатком улики и свидетелей, не привело бы ни к какому практическому результату. Кроме того, о мерах, которые могли бы быть приняты относительно Ф. Сенчиковского в административном порядке, А.Н. Мосолов имел подробные объяснения с минским губернатором и с начальником жандармского управления, и оба они находили, что заключение в монастырь, как это практиковалось, при данных обстоятельствах было бы несвоевременно, так как привлекло бы внимание к уже забытому скандалу и отдало бы Ф. Сенчиковского в руки его заклятых политических врагов [25, 96-99 об].

Жалоба же В. Свищевского не получила никакой огласки. Ф. Сенчиковский даже не подозревал о ее существовании, а потому принятие против него после постигнутого наказания новой более сильной меры за такие проступки, о которых в прежнее время много было толков, по мнению А.Н. Мосолова, могло бы показаться сейчас ничем не вызванной строгостью: "Это послужило бы только торжеством для местных поляков, очень снисходительных к безнравственной жизни других ксендзов, отличающихся преданностью полонизму" [25, л. 72-73, 93–100]. Что же касалось поступка В. Свищевского, прибегнувшего к такому позорному средству для поправления своего положения, то губернатор и полковник Мерклин полагали удалить его от вредного влияния на своих прежних сотоварищей, временно запретив ему пребывание в Минской губернии. Со своей стороны, А.Н. Мосолов просил минского губернатора отдать испрашиваемые им деньги и об увольнении в отпуск для лечения минеральными водами, если он возобновит об этом ходатайство. Возвращая 23 июня 1879 г. доклад директора ДДДИИ министру внутренних дел, начальник III Отделения, вполне разделяя мнение А.Н. Мосолова о Ф. Сенчиковском, отметил, что в виду такого снисхождения к нему, несправедливо было бы строго относиться и к В. Свищевскому, оставив также его дело без последствий [25, л. 101-102 об.].

25 мая 1881 г. управляющий ВРКЕ прелат П. Жилинский в назидание, не лишеного иронии, поручил Бобруйскому декану Ф. Сенчиковскому обратить особенное внимание р.-к. духовенства по введенному ему деканату наставлять своих прихожан при всяком случае, в костеле и на дому, строго соблюдать правила и учения Церкви любить Бога и ближнего, путем смиренного христианского учения и назидания направлять слабоверующих или искаженных злыми примерами к честному исполнению свое-

го долга – доброй нравственности в домашнем семейном быту и общежитии со всеми близкими, не смотря на сословие или религиозное различие в мире и спокойствии, при строгом соблюдении прав собственности и благочиния всех и всякого, с должной преданностью и повиновением законным властям, как достойно примерным и добрым христианам, на общую свою пользу, своих сограждан и отечества [25, л. 193].

С 1897 г. заметно усилилось давление руководства Римско-католической церкви в Российской империи на органистов и ксендзов, служивших на русском языке [28, л. 223]. Подготовленные в Минском училище органисты зачастую не оправдывали возложенных на них правительством надежд, не пользовались поддержкой населения, да и благовидностью своих поступков не отличались.

Директор ДДДИИ А. Мосолов 8 марта 1897 г. за № 846 уведомил минского губернатора, что, по докладу ДДДИИ, Министр внутренних дел приказал: Минское училище органистов, с окончанием текущего учебного года, т. е. к 1 июня, упразднить, с предоставлением минскому губернатору права расходовать из ассигнований по смете МВД на содержание означенного училища суммы в 2 000 руб., сколько за время по 1 июня на содержание училища действительно потребуется; 1 июня уволить всех учеников из училища, передав в их распоряжение находившиеся в их пользовании, в бытность в училище, платье, белье, обувь и постели; представить МВД о выдаче, в свое время, из остаточных сумм по двухмесячному окладу, в единовременное пособие, всем служившим в училище при его упразднении; архив училища передать в губернское правление; здание училища со всем остальным имуществом передать в ведение Золотогорской р.-к. приходской церкви [29, л. 1–1 об.].

7 июня 1897 г. за № 4 попечитель Минского училища органистов коллежский секретарь П. Иванов доложил минскому губернатору, что все указания МВД по поводу закрытия Минского училища р.-к. органистов были исполнены. Принадлежавший училищу дом с деревянным сараем с дровами и ветхим ледником, а также находившиеся в доме 2 рояля, 4 портрета императоров (Николая I, Александра II, Александра III и Николая II) и бывшего Министра внутренних дел графа Толстого, два шкафа, медный самовар, медная кастрюля и 1 висючая лампа, а также 10 саженой сосновых дров поступили в ведение Золотогорского костела. Заведующему хозяйством училища А. Буракову, учителю музыки и пения Банцлебану выдали по 25 руб. пособия, а сторожу училища Ф. Колонтаю – 8 руб. [29, л. 4–5].

В 1897 г., находясь в г. Омске в качестве бессильного, никому ненужного бывшего политического деятеля, Ф. Сенчиковский, не перестававший следить через органиста Володьку и других лиц за тем, что происходит с училищем, узнал, что, по докладу директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, оно навсегда закрыто. После закрытия училища органистов стали поступать письма в г. Омск к Ф. Сенчиковскому от бывших органистов, как учеников вызванного им к жизни училища, выброшенных теперь на улицу с семьями, оставшихся без мест. Была прекращена и выдача дополнительных 180 руб. в год. В качестве официальной причины отстранения органистов от должности настоятели костелов указывали совершенное незнание ими польского языка, так как польскому языку их не учили [26, с. 504–505].

В виду замечаемого притеснения духовным начальством органистов и р.-к. священников, служивших на русском языке, директор ДДДИИ А. Мосолов 6 декабря 1897 г. обратился к государю Николаю Николаевичу с просьбой оказывать возможное покровительство таким преследуемым лицам, содействуя получению бывшим органистам должностей, а в нужных случаях оказывать материальную поддержку [30, л. 222–222 об.].

В 1898 г. из употреблявших русский язык в дополнительном римско-католическом богослужении в Минской губернии остался лишь один бобруйский декан ксендз Олехнович, который получал 500 руб. и приложение в 100 руб., а также его органист, который получал 180 руб. Финансовые книги МВД Российской империи за следующие года уже не показывали никаких затрат на эти цели. Хотя в 1897 г. 10 ксендзов в 10 приходах с 24 органистами получили дополнительное жалованье в 6 480 руб. [31, с. 77–78].

19 марта 1912 г. гродненский губернатор В. Борзенко, поднимая вопрос о правилах поведения и назначения органистов, с сожалением отметил факт закрытия школы в 1897 г., поскольку по Уставу этой школы назначение и последующая деятельность органистов подлежали определенному контролю и воздействию административной власти, между тем «как эти невидимые и неизвестные, но всегда деятельные и зачастую более вредные, чем сами их патроны, деятели, вербуются самими ксендзами из совершенно неизвестной среды, не получившей даже соответствующей подготовки и образования» [32, л. 3].

В своем ответе гродненскому губернатору от 24 апреля 1912 г. ДДДИИ укажет, что из числа 32 органистов, выпущенных школой до 1894 г., 8 вскоре по выходе из школы были отстранены от должности органиста, а остальные 24 не могли применить к делу приобретенные ими в школе знания, так как число костелов с богослужением на русском языке не превышало в то время 9-ти. В виду этого МВД, принимая во внимание, что школа не оказала никакой пользы делу русского языка, признало излишним дальнейшее существование школы, которая в 1897 г. и была упразднена [32, л. 3–4]. При настоящем положении дела об употреблении русского языка в дополнительном римско-католическом богослужении,

по мнению ДДДИИ, едва ли представлялось бы целесообразным повторять неудавшийся в г. Минске опыт учреждения новой школы органистов [32, л. 4].

Заключение. История существования Минского римско-католического училища органистов показывает всю сложность решения проблемы подготовки национальных кадров для Римско-католической церкви в Беларуси. В поисках активной поддержки правительственного курса в Российской империи на западных окраинах светская власть закрывала глаза на совершавшиеся многочисленные преступления активных представителей римско-католической духовенства, поддерживавших решения правительства. Безграничная власть, данная Ф. Сенчиковскому, развратила его и погубила предпринятое нововведение в духовной сфере. В конечном итоге это привело к довольно плачевным результатам, лишь увеличив недоверие местных жителей не только римско-католического исповедания, но и православного, видевших всю подноготную в отношениях прислуживавших светской власти представителей римско-католического духовенства и собственно чиновников от законной светской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 35. – С. 5–6.
2. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3., ч. 2. – 684 с.
3. Чихачев, Д.Н. К вопросу о расположении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
4. Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. Наук : 07.00.02 / В.Н. Линкевич ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
5. Смалянчук, А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 г. / А.Ф. Смалянчук ; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 322 с.
6. Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.
7. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А.Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с.
8. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010 г. – 1000 с.
9. Krzemieński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863–1888) / S. Krzemieński. – Lwów : nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
10. Ostoja, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
11. Czarkowski, L. Wilno w latach 1867–1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
12. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin : Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
13. Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.
14. Шэйпа, С. Адукацыя касцельных музыкантаў на Беларусі у XX ст. [Электронный ресурс] / С. Шэйпа // Наша вера. – 2008. – № 1(43). – Режим доступа: <http://media.catholic.by/nv/n24/search.htm?do=search&author=37>. – Дата доступа: 02.11.2011.
15. Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 5979.
16. Дело о постройке в гор. Минске училища римско-католических органистов (12 июля 1876 г. – 9 марта 1883 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3101. – 337 л.
17. Дело об упразднении костелов, часовень по Минской губ. (27 июня 1905 г. – 10 мая 1915 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7515.
18. Дело об ассигновании средств на добавочное содержание Минской школы римско-католических органистов (4 февраля 1880 г. – 23 января 1881 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3538. – 64 л.
19. Дело о положении русского языка в костелах Минской губернии // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 274. – 274 л.
20. Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3113.
21. Дело о запрещении исполнять службы в костелах на польском языке // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3112.
22. Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 2. Д. 6759.
23. Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djeceza Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – Т. I, cz. 2. – 348 s.
24. Wańckowicz, M. Szczeniące lata / M. Wańckowicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.
25. Переписка с минским губернатором, бобруйским деканом и другими лицами о развратном поведении ксендза Ф. Сенчиковского и переводе его в г. Бобруйск Минской губ. (28 мая 1878 г. – 6 июня 1882 г.) // Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. Оп. 3. Д. 314. – 241 л.
26. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3., ч. 1. – 669 с.

27. Ważuński, A. Litwa pod względem przesławiania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
28. Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1774. – 256 л.
29. Дело об упразднении Минского училища римско-католических органистов (14 февраля – 1 июня 1897 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 6430. – 7 л.
30. Циркуляры Минского губернатора, Виленского военного губернатора, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора о запрещении некоторых религиозных обрядов римско-католическому духовенству (8 июля 1864 г. – 18 июня 1906 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. – 285 л.
31. Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73–81.
32. Дело о назначении к римско-католическим костелам органистов в Гродненской губернии. Начато 15 октября 1911 г. Окончено 1 марта 1912 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1695 – 47 л.

Поступила 14.03.2017

HISTORY OF THE MINSK ROMAN CATHOLIC SCHOOL OF ORGANISTS (1871–1897)

A. HANCHAR

The history of Minsk Roman Catholic school of organists, existing in the Minsk province in 1871-1897 is considered. Its experience of activity is very useful at the solution of a question of preparation of national shots sacred and clergymen functioned. From the very beginning it was the project of temporal power on training of Roman Catholic organists for the aid to priests in holding a church service in Russian. Without being supported from the Roman Catholic Church, activity of school has been doomed to failure.

Keywords: Roman Catholic Church, Russian Empire, Belarus, 19th century, F. Senchikovsky, school, organist, Russian, church service.

УДК 392.1(476) «19/20»

**ТРАДЫЦЫЙНАЯ ПАХАВАЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ:
РЭГІЯНАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ І ЛАКАЛЬНЫЯ ВАРЫЯНТЫ¹**

*канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

На аснове этнаграфічных матэрыялаў другой паловы XIX – пачатку XXI ст. разгледжана традыцыйная пахавальная абраднасць беларусаў Падзвіння. Вылучаны рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты. Прыходзім да высновы, што традыцыйныя пахавальныя абрады беларусаў Падзвіння ў сваёй аснове маюць тыя ж кампаненты, што і абраднасць іншых рэгіёнаў краіны, але пры гэтым праяўляюць рэгіянальныя асаблівасці. У межах рэгіёна пахавальная абраднасць беларускага этнасу мае лакальную варыянтнасць. Яна характэрна асобным абрадавым дзеяннем, іх семантыцы, уяўленням і прадпісаннем, матэрыяльнай абрадавай атрыбутыцы, а таксама праяўляюцца ў наяўнасці ці адсутнасці ў канкрэтным рэгіёне пэўных структурных частак абраду. Да этналагічнага вывучэння былі прыцягнуты новыя матэрыялы, значная частка якіх зафіксавана аўтарам у межах рэгіёна.

Ключавыя словы: *традыцыйная пахавальная абраднасць, Падзвінне, беларускі этнас.*

Уводзіны. У традыцыйнай культуры асобае месца займаюць абрады, якія ў найбольшай ступені адлюстроўваюць асаблівасці этнічных супольнасцей. Вывучэнне абраднасці беларускага этнасу дазваляе выявіць спецыфічныя рысы яго этнічнай культуры ў прасторы і часе. У сваю чаргу, даследаванне пытанняў генезісу і эвалюцыі асобных абрадавых комплексаў дае магчымасць прасачыць тэндэнцыі развіцця этнічных супольнасцей. Выключнае месца сярод усіх абрадаў займаюць пахавальна-памінальныя, якія вылучаюцца высокай ступенню кансерватыўнасці і ўстойлівасці. Па гэтай прычыне яны з'яўляюцца надзвычай інфармацыйнай (а таму вельмі важнай і каштоўнай) крыніцай для вывучэння і рэканструкцыі этнічных працэсаў у цэлым. З іншага боку, пахавальная абраднасць дазваляе выявіць узаемасувязі абрадавых комплексаў сямейнага і каляндарнага цыклаў на розных этапах развіцця этнасу. А таму даследаванне пахавальнай абраднасці садзейнічае лепшаму разуменню іншых праяў самабытнай духоўнай і матэрыяльнай культуры беларусаў.

Пахавальная абраднасць беларусаў не з'яўляецца аднароднай на ўсёй тэрыторыі краіны. У розных рэгіёнах гэта частка культуры мае свае асаблівасці, што робіць актуальным правядзенне спецыяльных арэальных этналагічных даследаванняў. У першую чаргу неабходна асэнсаваць этнакультурныя асаблівасці буйных гістарычна-этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі, да якіх адносіцца Беларускае Падзвінне.

Кожная лакальная традыцыя фарміруецца пад уздзеяннем шэрагу фактараў: прыродна-геаграфічных, гістарычных, дзяржаўна-палітычных, сацыяльна-эканамічных і інш. Немалаважную ролю сярод іх адыгрываюць уласна этнічныя працэсы. Вывучэнне лакальных комплексаў культуры дазваляе лепш зразумець асаблівасці этнічнай гісторыі ў канкрэтным рэгіёне. Улічваючы кансерватыўнасць пахавальнай абраднасці, яна стварае выдатную магчымасць для рэканструкцыі традыцыйнай карціны свету беларусаў у кантэксце іх этнакультурнага развіцця.

Крыніцамі даследавання сталі пераважна этнаграфічныя і фальклорныя матэрыялы XIX – пачатку XX ст. Выкарыстаны матэрыялы, змешчаныя ў этнаграфічных зборніках і працах М. Анімеле, М.Я. Нікіфароўскага, А.Р. Пшчолкі, А. Троіцкага, А. Шлюбскага, П.М. Шпілеўскага, П.В. Шэйна, а таксама матэрыялы, сабраныя пазней, нават на пачатку XXI ст. Гэта абумоўлена той акалічнасцю, што матэрыялы, зафіксаваныя XIX – пачатку XX ст. (якія характарызуюць яшчэ традыцыйны стан пахавальнай абраднасці), не даюць поўнага ўяўлення аб усіх яе асаблівасцях з-за сваёй фрагментарнасці і недастатковай колькасці. Таму, характарызуючы гэты сегмент духоўнай культуры беларусаў Падзвіння, лічым мэтазгодным выкарыстанне матэрыялаў, якія адносяцца да больш позніх перыядаў. Гэта тым больш актуальна, калі гаворка ідзе пра рэканструкцыю агульнай структуры пахавальнага абраду, а таксама вылучэнне рэгіянальных асаблівасцей і лакальных варыянтаў у межах Падзвіння. У даследаванні выкарыстаны матэрыялы Архіва гісторыка-філалагічнага факультэта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (АГФФ), Архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (АІМЭФ), матэрыялы рукапіснага фонду літоўскага фальклора Інстытута літоўскай літаратуры і фальклора (РФЛФ), апублікаваныя этнаграфічныя матэ-

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД-РДНФ (ПР) «Традыцыйны этнакультурны і языковы ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI в.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей» (дамова № Г16РП-004).

рыялы. Асноўнае месца ў працы займаюць матэрыялы ўласных палявых этнаграфічных даследаванняў аўтара ў рэгіёне.

Асноўная частка. Інварыянтам традыцыйнага пахавальнага абраду беларусаў Падзвіння з'яўляецца пахаванне людзей сталага ўзросту, якія памерлі «сваёй» смерцю («ад старасці»). Такая абымоўленасць тлумачыцца сувяззю ў традыцыйнай свядомасці паняцця «век» (працягласць жыцця чалавека) з яго доляй, якая яму нібыта даецца пры нараджэнні. У традыцыйным грамадстве век як тэрмін чалавечага жыцця (які не мае дакладнага колькаснага вымярэння) – час напоўнены, блізкі да долі, час выдаткоўвання першапачаткова закладзенай жыццёвай патэнцыі [1, с. 40]. У народнай свядомасці беларусаў гэта можа быць выражана наступным чынам: *«Ну, чаму ён памірае, хлеб увесь свой з'еў»* (в. Свіркі Докшыцкага раёна) [2, арк. 4]. Таму натуральная смерць чалавека надыходзіць, калі той вычарпаў сваю жыццёвую сілу, патраціў яе на працягу ўсяго жыцця. Аднак такі варыянт з'яўляецца ідэальным. Схема прадугледжвае адхіленне як у бок заўчаснай, так і ў бок прыпозненай смерці («недажытага» і «перажытага» веку) [3, с. 102].

Уяўленне аб «перажытым» веку больш характэрна для паўднёвых славян. У некаторых раёнах Сербіі і Балгарыі па старых, якія «зажыліся», нават спраўлялі пры жыцці памінкі, каб такім чынам пры дапамозе рытуалу абмежаваць працягласць іх «веку» [3, с. 102]. Ва ўсходнеславянскай традыцыі такія ўяўленні не маюць шырокага распаўсюджвання. Існуюць некаторыя асаблівасці адзення і транспарту на пахаванні старых, а таксама паданні, якія некалі старыкоў забівалі («саджалі на лубок») [1, с. 41]. Падобныя ўяўленні характэрны і для беларускага традыцыйнага эпасу [4, с. 104–108]. Больш пашыраны на ўсходнеславянскай тэрыторыі ўяўленні аб заўчасна памерлых і памерлых «не сваёй» смерцю [5, с. 39–40].

Памерлыя «сваёй» смерцю пераходзілі ў катэгорыю «дзядоў». Да іх адносіліся з глыбокай пашанай і рэгулярна паміналі. Заўчасна памерлыя характарызуваліся як «нячыстыя» нябожчыкі. Яны пазбаўляліся гэтай пашаны (а таму і памінання) і лічыліся нават небяспечнымі для жывых. Згодна з традыцыйнымі ўяўленнямі беларусаў заўчасная смерць пакідала нябожчыку не страчаную ў зямным жыцці энергію, якую ён мусіў траціць пасля смерці, але ўжо на шкоду людзям [6, с. 449]. Архаічныя вераванні аб «сваёй» / «не сваёй» смерці зведалі значныя змены пад уплывам хрысціянства. Да «нячыстых» нябожчыкаў сталі адносіцца толькі нехрышчоныя дзеці і самагабцы. Сляды архаічных уяўленняў аб «недажытым» веку яшчэ да нашага часу захоўваюцца ў своеасаблівым характары пахавання моладзі [1, с. 46–47, с. 76–77; 7, с. 318]. Да катэгорыі «нячыстых» нябожчыкаў далучаюцца таксама памерлыя, якія пры жыцці лічыліся чараўнікамі [7, с. 321]. Каб прадухіліць магчымую шкоду «небяспечных» нябожчыкаў, пры іх пахаванні існавалі спецыяльныя прыёмы, а таксама больш строга сачылі за выкананнем усіх абрадавых дзеянняў [7, с. 318–322].

Смерць чалавека «ад старасці» ў традыцыйным беларускім грамадстве разглядалася як натуральная з'ява. Час яе наступлення, як лічылася, прадказваюць разнастайныя прыкметы. У прыкметах «на смерць» беларусаў Падзвіння прасочваецца агульнабеларускія рысы і мала лакальных асаблівасцей. Аднак сярод іх вылучаюцца некаторыя даволі спецыфічныя прыкметы, якія былі зафіксаваны на Падзвінні. Так, па меркаванні беларускага насельніцтва Падзвіння, смерць здарыцца, калі чорная карова стане глядзець праз вакно ў хату, калі свіння вырые яму сярод дарогі перад чыёй-небудзь хатай і будзе ляжаць галавой у бок могілак, калі котка любіць ляжаць на стале ці куце, калі дзяцел пачне дзяўбсці сцяну хаты, калі ўвесь дзень «пчолы пералятаюць вясковую “вулку”» [8, с. 150, с. 158, с. 164, с. 195, с. 203].

Традыцыйны пахавальны абрад беларусаў Падзвіння ўключаў рытуальныя дзеянні, якія пачыналіся яшчэ да смерці чалавека. У выпадку «цяжкай» смерці з мэтай аблегчыць перадсмяротную агонію паміраючага выконвалі шэраг сімвалічных дзеянняў. Такого чалавека клалі на падлогу, падсцілаючы пад яго кажух, адчынялі дзверы і вокны [8, с. 282; 9, с. 14; 10, с. 141]. Праваслаўныя беларусы рэгіёна, заўважыўшы набліжэнне смерці, хвораму апраналі чыстую бялізну і пераносілі яго з ложка на лаву, клалі галавой да абразоў і запальвалі свечку [11, с. 209]. У момант надыходу смерці ў наш час яшчэ пашырана традыцыя даваць у рукі паміраючаму свечку [12, арк. 18, арк. 55; 13, арк. 29; 2, арк. 18; 14, арк. 4]. Гэта традыцыя звязана з уяўленнямі аб цемры «таго» свету, куды перамяшчаецца памерлы [3, с. 104–105; 15, с. 83]. Такое меркаванне пацвярджаюць матэрыялы сучасных палявых даследаванняў на Падзвінні [13, арк. 8; 2, арк. 15].

Адразу пасля смерці чалавека існаваў строга рэгламентаваны парадак рытуальных дзеянняў. Пасля таго як памерлы «адышоў», хтосьці з родных тушыў свечку, браў яе з рук памерлага і праводзіў накрыж у паветры [8, с. 285]. У в. Забор'е Расонскага раёна існавала крыху іншая традыцыя. Пасля смерці кругом памерлага абносілі тры разы свечку і давалі яе *«пад нос панюхаць»* [16, арк. 29]. Падобная традыцыя зафіксавана і ў Глыбоцкім раёне (вв. Шо, Вострава) [17, арк. 22, арк. 45]. Пасля гэтага памерламу закрывалі рот, вочы, абкурвалі яго свянцоннымі зёлкамі [18, с. 378]. Патрабаванне закрываць памерламу вочы пасля смерці, згодна з традыцыйнымі ўяўленнямі беларусаў Падзвіння, тлумачылася перасцярогай, каб нябожчык не «выглядзеў» каго з жывых і не «забраў» іх з сабой (каб пазбегнуць новай смерці) [8, с. 286]. Для большай упэўненасці, або калі вочы не закрываліся, на іх клалі манеты ці вугалі [19, арк. 39; 20,

арк. 37; 2, арк. 5].

Наступным абрадавым дзеяннем было абмыванне памерлага, значэнне якога на сімвалічным узроўні куды большае, чым проста ачышчэнне. Яно было найперш скіравана на ліквідацыю прыкмет і якасцей, уласцівых жывым людзям [3, с. 107]. У абрадавых дзеяннях беларусаў, якія суправаджаюць абмыванне цела нябожчыка, існуюць лакальныя адрозненні [9, с. 23]. Як вынікае з этнаграфічных крыніц, існаванне лакальных варыянтаў характэрна і ў межах Падзвіння. Яны тычацца часу выканання дадзенай часткі абраду. На Падзвінні цела нябожчыка пачыналі абмываць адразу пасля смерці [21, с. 518] або праз пэўны час (адну-дзве гадзіны) [22, с. 316; 16, арк. 17]. Згодна з традыцыяй на Падзвінні цела памерлага мужчыны павінны абмываць і апранаць мужчыны, а жанчыны – жанчыны [8, с. 285; 23, с. 95]. У паўночна-ўсходняй частцы Беларусі гэтымі працэдурамі, незалежна ад полу памерлага, у мінулым займаліся старыя жанчыны – «мерцвячыхі», якія і даглядалі за хворым у апошнія хвіліны яго жыцця [10, с. 141].

Пасля абмывання памерлага тэа рэчы, якія выкарыстоўваліся, звычайна знішчалі. Іх прымянялі ў лекаванні, шкаданоснай магіі. Асабліва гэта тычылася вады, якой мылі памерлага. Лічылася, што вада ад мыцця нябожчыка мае адмоўную, разбуральную моц (як «мёртвая» вада), а таму магла нашкодзіць людзям і гаспадарцы [24, арк. 86]. У межах рэгіёна існуе варыятыўнасць адносна месца, куды было прынята выліваць гэту ваду. Найбольш распаўсюджаным з'яўляецца спосаб выдаляць ваду ў локусы з агульнай характарыстыкай «дзе ніхто не ходзіць і нішто не расце» або «дзе сонца не свеціць» (на сметнік, пад плот і інш.) [19, арк. 21, арк. 38; 12, арк. 56; 13, арк. 55; 25, арк. 22]. Менш пашыраным на Падзвінні з'яўляецца варыянт вылівання вады на сцяну ці вугал хаты (звычайна на кутні вугал) [26, арк. 12; 27, арк. 10]. У рэгіёне сустракаецца таксама спосаб выдалення «мёртвай» вады на дарогу ці скрыжаванне дарог [28, арк. 23; 26, арк. 29]. Нягледзячы на існаванне варыятыўнасці ў дадзенай частцы абраду, усе гэтыя локусы сімвалічна звязаныя паміж сабой і апелююць да ідэі камунікацыі з тагасветам, куды і мусіць быць выдалена «мёртвая» вада. Прыведзеныя варыянты знішчэння вады, якой мылі нябожчыка, у рэгіёне не заўсёды абумоўлены тэрытарыяльна і ў адной лакальнай традыцыі іншы раз існуюць разам [26, арк. 12, арк. 29].

Важным этапам у сістэме пахавальнай абраднасці беларусаў Падзвіння з'яўляецца выраб труны. Гэта пацвярджаецца існаваннем на дадзеным этапе абраду шэрагу строгіх рэгламентацый і прадпісанняў. Згодна з патрабаваннем, якое існавала ў Віцебскім павеце, труну трэба было рабіць на дварэ памерлага. Яе рабілі з адной калоды. Цвікі павінны быць драўлянымі, а дошкі сваімі, не падоранымі ці пазычанымі [8, с. 287]. Дно труны звычайна засцілалі трэскамі і габлюшкамі, якія заставаліся пасля яе вырабу [12, арк. 56; 2, арк. 6; 21, с. 513]. У Дрысенскім павеце існаваў звычай спальваць астаткі ад труны ў маладаступным месцы або пускаць іх у праточную ваду [8, с. 287–288]. Традыцыя спальваць трэскі, якія засталіся пасля вырабу труны, зафіксавана таксама ў вёсках Хралы і Рускі Завулак Глыбоцкага раёна [19, арк. 38; 29, арк. 37]. Для гэтай часткі абраду характэрны і іншыя лакальныя адрозненні. Так, у Віцебскім павеце дамавіну іншы раз рыхтавалі загадзя, яшчэ пры жыцці чалавека [21, с. 510]. У той жа час у Люцынскім павеце Віцебскай губерні лічылася вялікім грахом, калі пры жыцці чалавека, нават цяжка хворага, рабілі труну [21, с. 529]. Пачатак вырабу труны іншы раз залежаў ад лакальнай традыцыі. У Віцебскім павеце яе пачыналі рабіць з «палажэннем цела на кут» [8, с. 287], а на Верхнядзвіншчыне труну рабілі на другі дзень пасля смерці [22, с. 317]. Лакальная варыятыўнасць характэрна і для назвы труны. У паўночна-ўсходняй частцы Падзвіння больш пашырана назва «*гроб*», на астатняй частцы рэгіёна – назвы «*дамаўё*», «*труна*» і «*дамавіна*» [30, с. 103–104].

Дамавіна пасля падрыхтоўкі перамяшчалася ў хату. У яе пераносілі памерлага. Труну ставілі на тое месца, дзе да гэтага ляжаў нябожчык. У сучасны перыяд больш пашырана традыцыя класці памерлага ў труну адразу, як яна падрыхтавана [2, арк. 6, арк. 14, арк. 16; 31, л. 157]. У Віцебскім павеце памерлага пераносілі ў труну непасрэдна перад вынасам яго на могілкі [21, с. 513]. Лакальная варыятыўнасць у гэтай частцы абраду звязана з месцам свечкі, якую запальвалі каля памерлага. Яе размяшчалі каля абразоў [32, с. 9; 11, с. 209], у галаве памерлага [33, с. 70], на сталі [16, арк. 29] або вакне [34, арк. 45].

У адпаведнасці з традыцыяй пахаванне памерлага на Падзвінні адбывалася на другі ці трэці дзень пасля смерці [264, с. 513]. У розных частках рэгіёна існуе лакальная варыятыўнасць, звязаная з часам пахавання памерлага. На смаленска-беларускім памежжы больш распаўсюджана традыцыя пахавання на другі дзень пасля смерці, а на пскоўска-беларускім – на трэці [31, л. 164]. На Докшыччыне існавала традыцыя хаваць памерлага нават у дзень смерці. Такі час пахавання быў для жыхароў в. Гняздзілава традыцыйным і адпавядаў іх «укладу» [33, с. 69]. У наш час такая традыцыя знікла. Пахаванне памерлага, незалежна ў які дзень яно адбывалася, традыцыйна ладзілі на Падзвінні ў другой палове дня [19, арк. 39; 13, арк. 30, арк. 55; 16, арк. 17].

Лакальная варыятыўнасць характэрна і для рытуальных дзеянняў у час вынасу цела памерлага з хаты для пахавання. У в. Забор'е Расонскага раёна існавала традыцыя праходзіць усім дзецям па старшынству пад труной на вуліцу пры вынасе яе з хаты [35, с. 199]. Падобныя абрадавыя дзеянні распаў-

суджаны таксама ў Вялікалукскім і Себежскім раёнах Пскоўскай вобласці Расійскай Федэрацыі [31, л. 172]. У в. Грышына Расонскага раёна калі выносілі труну, то абарочвалі табурэткі і лаву. Дзеці ў гэты час становіліся на калені і прасілі прабачэння ў памерлага [35, с. 199]. На Верхнядзвіншчыне існавала падобная традыцыя. Тут табурэткі выносілі на двор і перакульвалі, ставілі дагары, каб больш у гэтай хаце не было памерлых [22, с. 317]. У Себежскім павеце Віцебскай губерні, калі памерлы быў галавой сям'і, то пры вынасе яго з хаты ўся сям'я і знаёмыя, якія паважалі яго, кланяліся да зямлі і заставаліся ў такім становішчы да таго часу, пакуль яго не вынесуць за вароты [36, с. 89].

У Дрысенскім павеце як толькі падымалі труну для вынасу, на тое месца клалі хлеб, соль і пасыпалі яравым збожжам, а са стала знімалі абрус [8, с. 288]. Традыцыя абсыпаць труну зернем у момант вынасу з хаты распаўсюджана на Падзвінні, як і ў іншых частках Беларусі [37, с. 274; 38, с. 310; 39, с. 403; 40, с. 560–561]. У Себежскім павеце і другіх блізка размешчаных да яго мясцовасцях «абсявалі» збожжам святара, калі той праходзіў праз вароты, каб больш ніхто ў гэтым доме не паміраў [41, с. 373]. Як вынікае з матэрыялаў сучасных палявых даследаванняў, абсыпанне збожжам труны ў час яе вынасу мае полісемантычны характар: з аднаго боку, нябожчыку сімвалічным чынам вылучалася яго частка прыжыццёвай долі, з другога – абрадавае дзеянне мусіла спрыяць захаванню долі жывых сваякоў [42, с. 90–91]. Нягледзячы на адносна позні перыяд бытавання такіх павер'яў, іх нельга лічыць навацыймі сучаснага перыяду або трансфармацыяй больш ранніх уяўленняў. Яны стасуюцца з архаічнымі вераваннямі славян пра смерць чалавека і яго долю [1, с. 43–45].

Пасля вынасу труны ў некаторых частках Падзвіння існавала прадпісанне прыбраць у хаце (падмесці ці памыць падлогу) [13, арк. 18; 2, арк. 7; 18, с. 384]. У шэрагу месцаў Падзвіння, наадварот, прыбіраць у хаце ў гэты момант катэгарычна забаранялася. У Дрысенскім павеце існавала строгая забарона мясці хату ў час вынасу памерлага. Яна тлумачыцца тым, каб памерлы не панёс з сабой сямейных сварак на той свет [8, с. 288]. Забарона на прыбіранне ў хаце ў момант вынасу нябожчыка сустракаецца ў рэгіёне і ў наш час, але іншы раз мае другое тлумачэнне: «*Нельга вымітаць за нябожчыкам, бо ўсё добрае выміціш за ім*» (в. Бабруйшчына Глыбоцкага раёна) [43, арк. 14]. У в. Кашталінаўшчына Глыбоцкага раёна бытуе павер'е, што прыбіраць у хаце трэба на наступны дзень пасля пахавання: «*Потом, на другі дзень пасля памінак, нада ўсё памыць у хаці, кап пакойніку на тым свеці было лёгка і чыста*» [44, с. 281]. Такая варыятыўнасць у абрадавых дзеяннях тлумачыцца амбівалентнасцю смецця ў беларускай традыцыйнай культуры. З аднаго боку смецце выступае як нешта «аджыўшае» і, такім чынам, звязанае з ідэяй смерці. Таму патрэбна выдаліць яго з хаты разам з памерлым. З іншага боку смецце разумеецца як неад'емны вынік жыццядзейнасці людзей, а таму генетычна звязана з ідэяй жыцця. Забарона падмятаць хату і выкідваць смецце звязана і з увасабленнем у смецці нейкай долі жывых насельнікаў хаты, каб «не вынесці яшчэ аднаго нябожчыка ўслед за першым» [45, с. 451].

На Падзвінні традыцыйным транспартам, на якім адвозілі памерлага на могілкі былі зімой сані, а летам – воз, у якія запрагалі каня. Паўсюдна ў рэгіёне конь, на якім везлі нябожчыка на могілкі, асабліва шанавалася. Яго вялі не за павады, якія спецыяльна адвязвалі, а за ручнік ці пояс. У Себежскім павеце на мяжы з Рэжыцкім гэтаму каню кланяліся да зямлі. А ў Станіславаўскай воласці Лепельскага павета гаспадар чалаваў капыты як запрэжанаму каню, так і іншым сваім коням [21, с. 521–522].

На Падзвінні існавала традыцыя накрываць пастаўленую на воз труну кавалкам новага матэрыялу, які называўся «пагробшчына», часам адзеннем. Гэта «пагробшчына» ішла на карысць царквы (Віцебскі і Лепельскі паветы) [8, с. 289; 32, с. 48]. У в. Гняздзілава (сучасны Докшыцкі раён) на труну садзілася адна са сваячанаіц памерлага і ўсю дарогу да могілак галасіла па ім [46, с. 95–96]. У наш час такія традыцыі не бытуюць на Падзвінні.

Важным этапам пахавальнага абраду з'яўляецца адпраўка памерлага на могілкі. Паводзіны людзей у час руху працэсіі строга рэгламентаваныя. У першую чаргу рэгламентавалася пахавальнае шэсце. У Віцебскім павеце (Велішковацкая воласць) быў наступны парадак пахавальнай працэсіі: наперадзе ішоў нехта з крыжам і званком, затым неслі царкоўную харугву, за ёй труну, а потым ішлі ўсе астатнія. Калі прысутнічаў святар, то ён ехаў на кані наперадзе працэсіі [21, с. 515]. Падобная схема пахавальнай працэсіі з пэўнымі лакальнымі варыяцыямі з'яўляецца распаўсюджанай на Падзвінні: «*Вянкі, крышку, потым гроб, а потым ідуць свае родствэннікі, самыя блізкія. А ззаду ўсе астатнія*» (в. Сакалішча Расонскага раёна) [34, арк. 15]. У той жа час на Шаркаўшчыне (в. Германавічы) сярод каталіцкага насельніцтва існаваў іншы парадак – наперадзе павінна ісці дзіця, якое нясе крыж, потым ксёндз, за ім «пеўшыя», тыя, хто нясе вянкi, потым памерлы, а за ім усе родныя, блізкія і госці [18, с. 384]. У заходніх раёнах Падзвіння крыж іншы раз несла жанчына, якая не жыве з мужам (удава, або тая, якая не была замужам) [18, с. 384]. У паўночна-ўсходняй частцы Вілейскага раёна наперадзе пахавальнай працэсіі ішоў мужчына з крыжам [47, с. 451].

Згодна з традыцыяй праводзіць памерлага на могілкі павінны ўсе жыхары вёскі. У Віцебскім павеце існавала патрабаванне ўсім вясцоўцам, нават тым, хто не ўдзельнічаў у пахаванні, у гэты час

выходзіць з хат і, стоячы ў варотах, хрысціцца [41, с. 370]. У в. Германавічы Шаркаўшчынскага раёна ў час руху пахавальнай працэсіі па вёсцы неабходна было таксама выйсці на вуліцу ці глядзець у вакно [18, с. 384]. У той жа час у в. Лісна Полацкага раёна глядзець у вакно ў той момант, калі вязуць па вёсцы нябожчыка, катэгарычна забаранялася [48, арк. 26].

Падрыхтоўка магілы традыцыйна адбываецца ў дзень пахавання. Гэтай справай займаюцца 3–4 мужчыны («капачы», «капаўшчыкі», «капальшчыкі»), але не родныя нябожчыка [19, арк. 21, арк. 40; 13, арк. 35; 14, арк. 6; 26, арк. 14].

Па прыбыцці на могілкі труну здымалі з воза і ставілі каля выкапанай магілы. Тут адбывалася развітанне з памерлым, пасля чаго труну закрывалі векам і закопвалі. У рэгіёне паўсюдна зафіксавана традыцыя перад закопваннем кідаць у магілу грошы [19, арк. 41; 49, арк. 23]. У шэрагу населеных пунктаў Падзвіння такі варыянт абрадавых дзеянняў выконваўся толькі ў тым выпадку, калі пры капанні магілы былі знойдзены астанкі раней пахаванага чалавека [19, арк. 41; 34, арк. 12]. У в. Свіркі Докшыцкага раёна такая традыцыя была характэрна толькі тады, калі ў маці часта паміралі дзеці: «Гэта плаціла зямельцы, каб не забірала дзяцей» [2, арк. 8, арк. 12]. Як вынікае з этнаграфічных крыніц, у беларусаў Падзвіння кінутыя ў магілу грошы сімвалізавалі плату за месца (ахвяру зямлі ці тым, хто раней пахаваны), а таксама надзяленне доляй памерлага з тым, каб апошні спрыяў жывым нашчадкам (каб грошы не пераводзіліся ў хаце).

На магіле памерлага ўстанаўліваўся драўляны крыж. Пасля некаторага часу (часцей праз год пасля смерці) яго замянялі больш трывалым надмагіллем. Традыцыйныя надмагіллі беларусаў Падзвіння ярка дэманструюць рэгіянальныя асаблівасці. На Падзвінні кананічныя драўляныя крыжы, пашыраныя ў іншых рэгіёнах краіны, не былі галоўнымі ў арганізацыі прасторы могілак. Асноўнымі тут былі каменныя надмагіллі (у выглядзе адзіночных камянёў, магіл з абкладкай, каменных крыжоў, жалынікаў). Яны выразна адрозніваліся сваёй формай і памерамі ад каменных надмагілляў іншых рэгіёнаў краіны [50, арк. 67; 51, арк. 2; 52, с. 60, с. 93].

Важнай часткай пахавальнага абраду з’яўляецца памінальнае застолле, якое ладзілі ў хаце памерлага ў дзень пахавання. Этнаграфічныя крыніцы разыходзяцца ў вызначэнні часу яе правядзення. У некаторых частках Падзвіння памінальнае застолле ладзілі яшчэ да пахавання. Яно адбывалася непасрэдна перад вынасам цела з дому. Такая традыцыя была характэрна для Себежскага і Віцебскага павеятаў [8, с. 288; 36, с. 89; 21, с. 513, с. 520]. Матэрыялы з Лепельшчыны і Докшыччыны апісваюць іншую традыцыю. Памінальнае застолле адбывалася тут пасля пахавання [32, с. 52; 46, с. 96; 41, с. 373]. Прыведзеныя два варыянты парадку абрадавых дзеянняў указваюць на лакальныя адрозненні ў дадзенай частцы пахавальнага абраду: на паўночным усходзе рэгіёна памінальная трапеза ладзілася да пахавання, у цэнтральнай і заходняй частках – пасля яго. У сучасны перыяд ва ўсім рэгіёне памінальная трапеза адбываецца пераважна пасля пахавання. Разам з тым у Віцебскім павеце суіснавалі дзве традыцыі. Калі могілкі знаходзіліся блізка ад вёскі, то жалобны стол адбываўся пасля пахавання [21, с. 513, с. 520].

У рэгіёне існуюць і іншыя лакальныя адрозненні, якія тычацца памінальнага застолля. Яны працягваюцца ў асаблівасцях пасадкі прысутных за памінальны стол. У рэгіёне распаўсюджана традыцыя саджаць на самае пачэснае месца («на кут») тых людзей, якія дапамагалі ў пахаванні, асабліва хто капаў яму, мыў і апранаў памерлага, спяваў і чытаў над ім [25, арк. 10; 26, арк. 27, арк. 32]. У некаторых лакальных варыянтах абраду «капачы» дапамагалі на памінальнай вячэры (падносілі стравы), а таму садзіліся за стол у апошнюю чаргу (в. Германавічы Шаркаўшчынскага раёна) [183, с. 386]. На Лепельшчыне «на кут» было прынята саджаць самага старэйшага жыхара вёскі [53, с. 223].

Лакальныя адрозненні ў пахавальным абрадзе іншы раз тычыліся асартыменту страў на памінальным застоллі. У в. Залеснае Глыбоцкага раёна існуе патрабаванне ў посным жалобным стале [43, арк. 19]. У в. Юхнаўка Докшыцкага раёна існаваў парадак, згодна з якім на памінальнай вячэры спачатку елі паснае, а потым пераварочвалі абрус і падавалі скаромнае [54, р. 129]. Для Падзвіння найбольш характэрнымі з’яўляюцца тры памінальныя стравы: куцця, поліўка (юшка) і клёцкі. Гэта тычыцца памінальнай вячэры ў дзень пахавання і каляндарных памінак [55, с. 40]. Дадзеныя памінальныя стравы характэрны для Барысаўскага і Лагойскага раёнаў Мінскай вобласці, у той час як у другіх раёнах Мінскай вобласці распаўсюджаны іншыя наборы рытуальных страў [40, с. 323; 56, л. 322]. У дадзеным элеменце пахавальна-памінальнай абраднасці прасочваецца тыпалагічнае падабенства і нават роднасць традыцыйнай культуры Барысаўскага і Лагойскага раёнаў з падзвінскім рэгіёнам.

Акрамя памінальнай трапезы ў хаце, на тэрыторыі Падзвіння спарадычна фіксуецца традыцыя частаваць усіх прысутных на могілках адразу пасля пахавання. Гэты абрадавы акт не залежаў ад часу правядзення памінальнай трапезы ў хаце. Але ім абумоўлены некаторыя асаблівасці. Так, на Лепельшчыне, існавала традыцыя частаваць пасля пахавання гарэлкай, пасля чаго ўсе адпраўляліся на памінальную вячэру ў хату памерлага [32, с. 52]. У апісаннях, дзе памінальная вячэра адбывалася да пахавання, характэрнай асаблівасцю частавання на могілках з’яўлялася «паднашэнне» ўсім прысутным куцці [11, с. 209; 36, с. 89]. Старажытная мадэль пахавальнага рытуалу, часткай якой быў абавязковы падзел куцці (як

сімвал калектыўнай долі) менавіта пасля пахавання памерлага, захоўвалася нават у выпадку, калі памінальнае застолле ў хаце ладзілася яшчэ перад вынасам цела.

Традыцыя частаваць на могілках прысутных захоўваецца і ў сучасны перыяд. Рытуальныя дзеянні на дадзеным этапе абраду ў розных мясцовасцях маюць сваю спецыфіку. Яна праяўляецца нават у межах невялікіх тэрыторый [22, с. 318].

Неад’емнымі кампанентамі пахавальнай абраднасці беларусаў Падзвіння з’яўляюцца галашэнні, якія ўваходзяць амаль ва ўсе яе структурныя часткі. Галашэнні выконваліся на працягу ўсяго пахавальнага абраду: пры абмыванні і апрананні нябожчыка, пераносе яго ў труну, наведванні хаты памерлага роднымі і суседзямі, развітанні з ім у хаце і вынасу труны, у час дарогі на могілкі, пры развітанні з памерлым на могілках і на памінальнай вячэры [57, с. 62; 58, с. 42; 59, с. 3]. Галашэнні былі своеасаблівым спосабам апавяшчэння суседзям аб смерці [18, с. 379]. Галасілі па памерламу пераважна жанчыны [60, с. 85; 61, с. 61; 62, с. 93]. На Падзвінні лічылася непавагай да нябожчыка і яго родных, калі жанчына, знаёмая ці сваячка, прыйшоўшы ў дом, не прагалосіць над нябожчыкам [21, с. 525]. У заходняй і цэнтральнай частках рэгіёна сярод беларускага насельніцтва захаваліся ўспаміны, што ў мінулым для гэтых мэт на пахаванне нават запрашалі спецыяльных «плакальшчыц» [48, арк. 43; 21, с. 382].

У межах Падзвіння існуюць лакальныя адрозненні, якія тычацца пахавальных галашэнняў. У плачах-галашэннях паўночных раёнаў Падзвіння выяўлена наяўнасць рэгістравага кантрасту, дзе «галасільшчыца прыгаворваецца» у высокім рэгістры («тонкім, жалосным голасам»), пасля чаго голас «падае» ніжэй на субкварта – на сексту, сепціму, актаву, ноту [63, с. 23]. У залежнасці ад комплексу структурна-рытмічных і ладава-меладыхных кампанентаў на Падзвінні распаўсюджаны тры тыпы напеваў. Першы з іх бытуе на паўночным усходзе Віцебскай вобласці (Расонскі, усходняя частка Полацкага, Гарадоцкі, Віцебскі, Лёзненскі, Шумілінскі раёны). Арэал другога тыпу ўключае Браслаўскі, Вехнядзвінскі, заходнюю частку Полацкага, Лепельскі, Чашніцкі, Сенненскі і Талачынскі раёны Віцебскай вобласці. Трэці тып распаўсюджаны ў Шаркаўшчынскім, Глыбоцкім, Докшыцкім, Пастаўскім раёнах Віцебскай вобласці, Вілейскім раёне Мінскай вобласці. Акрамя таго, ў Докшыцкім раёне зафіксавана спецыфічная ўнутрытыпавая разнавіднасць напеваў пахавальных галашэнняў [61, с. 69–70; 57, с. 85–91].

У рэгіёне зафіксаваны таксама розныя назвы саміх галашэнняў. Галашэнні па нябожчыку ў Полацкім павеце называліся «голасам», а ў Веліжскім – «выцьцём»; у пераносным сэнсе яны мелі назву «кукуваньня» (Віцебскі павет) [64, с. 222].

Вывады. Аналіз этнаграфічных матэрыялаў другой паловы XIX – пачатку XXI ст. дазваляе зрабіць наступныя высновы:

1. Традыцыйны пахавальны абрад беларусаў Падзвіння з’яўляецца часткай пахавальнай абраднасці беларускага этнасу. У сваёй аснове ён мае тыя ж кампаненты, што і абраднасць іншых рэгіёнаў краіны, але пры гэтым праяўляе рэгіянальныя асаблівасці. Яны прасочваюцца як па канкрэтных элементах абраднасці, так і іх групах; уласцівыя як духоўнай частцы абраднасці, так і матэрыяльным яе кампанентам (рытуальныя стравы, могілкавыя атрыбуты і інш.). Рэгіянальныя асаблівасці ўтварыліся ў выніку ўздзеяння спецыфічных культурных, грамадска-палітычных і сацыяльна-эканамічных фактараў. Рэгіянальная адметнасць дадзенай часткі культуры беларусаў з’яўляецца складанай часткай этнакультурнай спецыфікі ўсяго падзвінскага рэгіёна.

2. У межах гістарычна-этнаграфічнага рэгіёна Падзвіння пахавальная абраднасць беларускага этнасу мае лакальныя варыянты. Аналіз яе зместу і структуры дазваляе сцвярджаць аб існаванні значнай лакальнай варыятыўнасці ва ўсіх частках і элементах абрадавага комплексу. Яна характэрна асобным абрадавым дзеяннем, іх семантыцы, уяўленням і прадпісаннем, матэрыяльнай абрадавай атрыбутыцы, а таксама праяўляюцца ў наяўнасці ці адсутнасці ў канкрэтным рэгіёне пэўных структурных частак абраду. Нягледзячы на мадэрнізацыю і ўніфікацыйныя тэндэнцыі ў культуры беларусаў у XX – пачатку XXI ст., пахавальная абраднасць беларускага насельніцтва Падзвіння ў наш час яшчэ працягвае захоўваць лакальную разнастайнасць. Аднак у выніку вышэй адзначаных працэсаў многія лакальныя варыянты дадзенай часткі культуры зніклі, а шэраг з іх захоўваецца толькі ў пасіўнай форме (у памяці рэспандэнтаў).

ЛІТАРАТУРА

1. Седакова, О.А. Поэтика обряда : Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.
2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў вёскі Свіркі і Валодзькі Докшыцкага раёна (2012 г.). Запісы Матошка А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 7.
3. Байбурын, А.К. Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурын. – СПб. : Наука, 1993. – 237 с.
4. Легенды і паданні / склад. : М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

5. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии : Умершие неестественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин ; вступ. ст. Н.И. Толстого ; подг. текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.
6. Лобач, У. Самагубца / У. Лобач // Мифалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. – Мінск, 2011. – С. 424–425.
7. Аўсейчык, У.Я. Эвалюцыя пахавання «нячыстых» нябожчыкаў у XX – пачатку XXI стагоддзя (па матэрыялах беларусаў Падзвіння) / У.Я. Аўсейчык // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2011. – Вып. 11. – С. 317–323.
8. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. Типо-Литограф., 1897. – [2], X, 307, 30 с.
9. Сысоў, У.М. Беларуская пахавальная абраднасць : Структура абраду, галашэнні, функцыі слова і дзеяння / У.М. Сысоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 182 с.
10. Шпілеўскі, П.М. Беларусь у абрадах і казках / П.М. Шпілеўскі ; пер. з рус. А. Вашчанкі. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 301 с.
11. Анимеле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимеле // Этнографический сборник. – 1854. – Вып. II. – С. 111–268.
12. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Докшыцкі раён (ліпень 2011 г.). – Сш. 2. Запісы Аўсейчыка У.Я. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 4.
13. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Пастаўскі раёны (4–18 ліпеня 2012 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 5.
14. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 7. Матэрыялы этнаграфічнай экспедыцыі у в. Гайдукі Пастаўскага раёна (2008–2009 гг.). – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 8.
15. Толстой, Н.И. Глаза и зрение покойников в славянских народных представлениях / Н.И. Толстой // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд : тезисы докладов / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР ; редкол. : Вяч.Вс. Иванов (отв. ред.), Л.Г. Невская. – М., 1985. – С. 83–87.
16. Расонска-Віцебская экспедыцыя (чэрвень, 1989). – Сш. 2. Запісы Сысова У.М. // АІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 89. Спр. 244.
17. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 4. Запісы Аўсейчыка У.Я., Круткіна А., Шумілава Дз., Жахоўскага Б., Салаўёва С., Путронка К., Пятрова І., Трацяковай А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 3.
18. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Бел. навука, 2004. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеева, А.М. Боганева, М.А. Козенка. – 910 с.
19. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 3.
20. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 3. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А., Трацяковай А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 3.
21. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. имп. акад. наук, 1890. – Т. 1. Ч. 2 : Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. – XXXIV, 712, [4] с.
22. Крук, І.І. Народныя абрады і звычай Верхнядзвіншчыны / І.І. Крук // Памяць : гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна : у 2 кн. – Мінск, 2000. – Кн. 2. – С. 292–319.
23. Аўсейчык, У.Я. Полаўзроставы асаблівасці ў традыцыйнай пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння / У.Я. Аўсейчык // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : сб. материалов четвертой междунар. науч. конф., Полоцк, 28–29 окт. 2010 г. / Полоцк. гос. ун-т ; редкол. : М.Д. Путрова [и др.]. – Новополоцк, 2010. – С. 93–97.
24. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Докшыцкі раён (ліпень 2009 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Лобача У.А., Зянько В., Шаўчэнка Я. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 2.
25. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Пастаўскі раёны (4–18 ліпеня 2012 г.). – Сш. 2. Запісы Аўсейчыка У.Я., Лобача У.А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 5.
26. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 8. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Мёрскі і Верхнядзвінскі раёны (16–17 чэрвеня 2009 г.). – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 8.
27. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 9. Матэрыялы этнаграфічнай экспедыцыі ў вв. Лоўжа і Пабэда Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці (2009 г.). – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 8.
28. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Бешанковіцкі, Чашніцкі і Лепельскі раёны (ліпень 1996 г.). – Сш. 2. Запісы студэнтаў групы 95-Гіс Гаўрылава В., Далгова Д., Сакалова Ю., Яронька В., Зубровай А., Муляронак Н., Кірычык В., Вярцінскай А., Зайцавай А., Змітрачэнка А., Рублеўскай В. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2.
29. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 2. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А., Трацяковай А., Пятрова І. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 3.
30. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад рэд. Ю.Ф. Мацкевіча. – Мінск : Фонд фундам. дасл. Рэсп. Беларусь, М-ва архітэктуры і буд-ва Рэсп. Беларусь, 1996. – Т. 3 : Чалавек / уклад. : А.П. Груцо [і інш.] ; навук. рэд. І.Я. Яшкін. – 115, [293] с.
31. Листова, Т.А. Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Т.А. Листова. – М., 2006. – 349, [20] л.

32. Пшелко, А.Р. Микитовы хаутуры. Очерк из белорусской жизни / А.Р. Пшелко. – Витебск : Типо-Литограф. П.А. Подземского, 1910. – 53 с.
33. Троицкий, А. Уклад – спеваки и шептуны разорители / А. Троицкий // Литов. епарх. ведомости. – 1875. – 23 февр. – С. 69–70.
34. Расонска-Вицебская экспедыцыя (чэрвень, 1989).– Сш. 3. Запісы Сысова У.М. // АІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 89. Спр. 244.
35. Полацкі этнаграфічны зборнік / Полац. дзярж. ун-т ; [уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача]. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння, ч. 2. – 368 с.
36. Серебrenников, Ф. Обычаи и обряды крестян Себежского уезда при крестинах, свадьбе и похоронах / Ф. Серебrenников // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 75–90.
37. Жыцця адвечны лад : Беларуска народныя прыкметы і павер'і / укл., прадм. і пер. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1998. – Кн. 2. – 607 с.
38. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Бел. навука, 2001. – Т. 1 : Магілёўскае Падняпроўе / Т.Б. Варфаламеева, В.І. Басько, М.А. Козенка [і інш.]. – 797 с.
39. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2008. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе / В.І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай : у 2 кн. – Кн.1. – 559 с.
40. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2010. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь / В.І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай : у 2 кн. – Кн.1. – 847 с.
41. Шейн, П.В. Белорусские народные песни / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. П. Майкова, 1874. – 548 с.
42. Аб'екты сакральнай тапаграфіі ў сістэме духоўнай культуры беларусаў Полацкага Падзвіння XX – пачатку XXI стагоддзя : справаздача аб НДК / Полацк. дзярж. ун-т ; кіраўн. У.А. Лобач. – Наваполацк. – 135 с. – ГР 20091311.
43. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі раён (ліпень 2001 г.). – Сш. 1. Запісы студэнтаў групы 2000-Гіс Сяіцкага У., Хартовай М., Волкава А., Раманенка В., Гвоздзевай А. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 1.
44. Драбудзька, Н.В. Тэксты з гаворкі Кашталянаўшчына Глыбоцкага раёна / Н.В. Драбудзька // Жывое наша слова : дыялектал. зб. : (да 90-годдзя чл.-кар. НАН Беларусі Ю.Ф. Мацкевіч) / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэд. Л.П. Кунцэвіч, І.Я. Яшкін. – Мінск, 2001. – С. 280–289.
45. Валодзіна, Т. Сmeцце / Т. Валодзіна // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. – Мінск, 2011. – С. 451.
46. Троицкий, А. Уклад / А. Троицкий // Литов. епарх. ведомости. – 1875. – 16 мар. – С. 95–96.
47. Sielicki, F. Kryn w werzeniach ludu Wilejszczyzny / F. Sielicki // Slavia Orientalis. – 1989. – Т. 38, № 3–4. – С. 447–451.
48. Матэрыялы апытання па тэме : «Пахавальна-памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння» (2012–2013 гг.). – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 11.
49. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 4. Запісы Аўсейчыка У.Я., Круткіна А., Шумілава Дз., Жахоўскага Б., Салаўёва С., Путронка К., Пятрова І., Трацяковай А. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 3.
50. Дучиц, Л.В. Памятники X–XIII вв. в бассейне Западной Двины (зона затопления Даугавпилской ГЭС). Свод древних каменных крестов на территории Белоруссии / Л.В. Дучиц // Архіў Інстытута гісторыі НАН Беларусі. – Воп. 1. Спр. 2233.
51. Дучиц, Л.В. Роль камня в погребальном обряде / Л.В. Дучиц // Архіў Інстытута гісторыі НАН Беларусі. – Воп. 1. Спр. 2230.
52. Раманюк, М. Беларуска народныя крыжы / М. Раманюк. – Вільня : Наша Ніва, 2000. – 221 с.
53. Пшонка, Т.М. Асаблівасці выкарыстоўвання традыцыйнай ежы ў святах народнага календара Лепельшчыны / Т.М. Пшонка // Народная культура Віцебшчыны : матэрыялы навук.-практ. канф. «Працэсы мадэрнізацыі народнай культуры і вопыт устаноў культуры і адукацыі Віцебшчыны па захаванню традыцый», Віцебск, 26–27 мая 2005 г. : [прысвеч. 160-годдзю М. Нікіфароўскага] / рэдкал. : Л. Вакар [і інш.]. – Віцебск, 2007. – С. 219–224.
54. Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. – 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus.
55. Аўсейчык, У.Я. Восеньскія Дзяды ў беларусаў Падзвіння : рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты / У.Я. Аўсейчык // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманіт. навукі. – 2012. – №9. – С. 35–44.
56. Дулебо, А.И. Современный общественный и семейный быт белорусских колхозников : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / А.И. Дулебо. – Минск, 1966. – 367 л.
57. Варфаламеева, Т.Б. Пахавальныя галашэнні ў сучасных запісах. Тыпы напеваў і раёны іх пашырэння / Т.Б. Варфаламеева // Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / рэдкал. : А.С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]; уклад. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У.А. Васілевіча ; артыкул, сістэматызацыя і камент. напеваў Т.Б. Варфаламеевай. – Мінск, 1986. – С. 60–96.
58. Васілевіч, У.А. Беларуска жалобныя абрады і галашэнні / У.А. Васілевіч // Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / рэдкал. : А.С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]; уклад. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У.А. Васілевіча ; артыкул, сістэматызацыя і камент. напеваў Т.Б. Варфаламеевай. – Мінск, 1986. – С. 5–59.
59. Невская, Л.Г. Балто-славянское причитание : Реконструкции семантической структуры / Л.Г. Невская. – М. : Наука, 1993. – 240 с.
60. Байбурун, А.К. Похороны и свадьба / А.К. Байбурун, Г.А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 64–99.

61. Варфаламеева, Т. Сямейна-абрадавы цыкл / Т. Варфаламеева // Беларусы / Т.Б. Варфаламеева [і інш.] ; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2008. – Т. 11 : Музыка. – С. 41–88.
62. Sielicki, F. Pieśni pogrzebowe i dziadowskie śpiewane w b. powiecie Wilejskim / F. Sielicki // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia. – Warszawa–Wrocław, 1982. – Т. 22. – S. 91–104.
63. Мажэйка, З.Я. Песні беларускага Паазер'я / З.Я. Мажэйка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 494 с.
64. Шлюбскі, А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны : у 2 ч. / А. Шлюбскі. – Мінск : Інбелкульт, 1928. – Ч. 2. – 259 с.

Паступіў 17.05.2017

**TRADITIONAL FUNERAL RITES OF THE BELARUSIANS OF DVINA REGION:
REGIONAL PARTICULARITIES AND LOCAL VARIATIONS**

U. AUSEICHYK

Traditional funeral rites of the Belarusians of Dvina Region are considered on the basis of the ethnographic materials of the second half of the 19th – the beginning of the 21st centuries. The regional particularities and local variations are determined. We make a conclusion that the traditional funeral rites of the Belarusians of Dvina Region have the same elements in their foundation as the rites of other Belarusian regions, however they show regional particularities. Within the boundaries the funeral rites of the Belarusian ethnos has local variations. It is individual for certain ritual actions, their semantics, conceptions and regulations, material ritual attributes, they come out in availability or absence of some structural ritual parts in the concrete region. New materials – most part of them was committed by the author in the boundaries of the region – were involved into ethnologic studies.

Keywords: *traditional funeral rites, the Dvina region, Belarusian ethnos.*

УДК 351.741 (476)"19"

**ПОЛОЦКАЯ УЕЗДНАЯ СОВЕТСКАЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ МИЛИЦИЯ (1918–1924):
ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО СОСТАВА И МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

*канд. ист. наук Е.В. СУМКО
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается значительный пласт документов по истории Полоцкой уездной советской рабоче-крестьянской милиции, которая была образована в 1918 году и просуществовала до 1924 года, хранящийся в зональном государственном архиве города Полоцка. В этот период Полоцкий уезд входил в состав Витебской губернии и являлся составной частью РСФСР. Отмечается, что штаты Полоцкой уездной милиции в рассматриваемый период не отличались постоянством, в кадровом составе Полоцкой милиции происходили кардинальные изменения, которые были обусловлены рядом факторов.

Ключевые слова: *Полоцкая уездная советская рабоче-крестьянская милиция, кадровый состав.*

Введение. Структуру, функции милиции, права и обязанности ее сотрудников, порядок комплектования кадров определяла инструкция НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», которая была принята в октябре 1918 года. Так, в пункте № 18 перечислялись требования к потенциальным милиционерам: граждане РСФСР, достигшие 21 года, вполне грамотные, пользующиеся активным и пассивным избирательным правом и признающие Советскую власть. Достаточно подробно был очерчен круг лиц, которые не могли претендовать на службу в рабоче-крестьянской милиции: лица, состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях; подвергшиеся по суду лишению или ограничению в правах; прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; все живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, поступления с имущества и т.д.; все частные торговцы и торговые посредники; служители различных культов; служители и агенты бывших жандармских отделений и чины бывшей полиции; лица, признанные в установленном порядке недееспособными, глухонемые, находящиеся под опекой [1]. Интересными являются результаты опроса по уездам Витебской губернии (к III съезду Советов Витебской губернии) о мероприятиях советской власти и отношении к ним местного населения, ответы на вопрос о милиции были достаточно разными. По словам представителей Велижского уезда: «Милиция составляет особую касту, напоминающую прежнюю полицию. На местах бывшие чины полиции в качестве милиционеров и их начальников. Всего 36–39 человек». Наряду с критическим отношением к милиции были ответы совершенно противоположного характера. Представитель Витебского городского совета писал: «Милиция состоит из 400 человек. В большинстве – бывшие солдаты, несомненно, преданные советской власти». Что касалось информации о Полоцкой милиции, то были зафиксированы следующие данные: «20 милиционеров, преобладают левые эсеры» [2, с. 68].

В прямые обязанности милиционеров входило следующее: предупреждение и пресечение нарушений порядка; наблюдение за исполнением всеми гражданами декретов, законов и распоряжений Центральной Рабоче-Крестьянской власти; своевременное оповещение населения о распоряжениях Советской власти; содействие органам Советской власти; составление актов и протоколов о нарушении порядка, преступлениях и происшествиях; наблюдение за выполнением санитарных правил и мероприятий, предпринимаемых Народным Комиссариатом Здравоохранения и местными органами Советской власти; наблюдение за исправным состоянием дорог, мостов, улиц, площадей и надзор за порядком движения на них; принятие мер к охране безопасности и порядка во время пожаров, наводнений и других бедствий, оказание помощи при несчастных случаях; выдача удостоверений о личности, трудовых книжек, справок и свидетельств; привлечение граждан для оказания помощи при народных бедствиях, несчастных случаях и отдельных контрреволюционных выступлениях [1]. Кроме перечисленного, в компетенцию милиции входили обязанности дознания по уголовным преступлениям и проступкам, приведение в исполнение судебных приговоров.

Основная часть. Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» юридически закрепила создание штатной профессиональной милиции, как «исполнительного органа рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящей в непосредственном ведении местных советов, и подчиняется общему руководству НКВД» [1]. Начальник милиции получил право принимать, перемещать, увольнять служащих по своему усмотрению. Организационная структура рабоче-крестьянской милиции устанавливалась следующая: уездная, городская и участковая. В состав каждого участка входило несколько волостей. Количество милиционеров на одну волость рассчитывалось исходя из численности населения. Цифры менялись в зависимости от периода. В среднем на 1 500 человек приходился один милиционер [3, л. 28]. Штаты в городах устанавливались из расчета одного милиционера на 500 жителей [4, л. 1-об].

В феврале 1919 года произошло выделение Полоцкой городской милиции из уездной. Начальник городской милиции подчинялся начальнику уездной милиции. В начале 1919 года Полоцкая уездная советская рабоче-крестьянская милиция состояла из нескольких участков (табл. 1).

Таблица 1. – Сведения отдела управления Витебского губисполкома о количестве волостей, населенных пунктов, жителей, милицеских участков по Полоцкому уезду Витебской губернии (22 января 1919 г.)

Наименование уезда	Число Милицеских Участков	Число в уезде					
		городов	местечек	Жителей в городах и местечках	Волостей	Селений	Общее число жителей по последним сведениям
Полоцкий	2	1	2	26 167	16	2 367	101 007

Источник: Витебская губерния 1917–1924 гг. : док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]; ред. кол.: В.И. Адамушка [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – С. 97.

Сложная внешне- и внутриволитическая ситуация, отсутствие инструкций осложняли работу милиции. В отчетной документации за 1918 – начало 1919 годов часто встречались жалобы на то, что работать приходилось буквально «впотмах», а также на дефицит кадров. Одним из серьезных обстоятельств, которое влияло на сокращение кадрового состава, было сложное материальное положение милиционеров. Во многом из-за низкой оплаты труда желающих работать в милиции не было. Чтобы предотвратить текучку кадров была введена следующая практика: при поступлении на работу в милицию бралась подписка об обязательном выполнении служебных обязанностей в течение шести месяцев [5, с. 93].

Коррективы в работу Полоцкой уездной милиции внесли события польско-советской войны. 3 апреля 1919 года СНК РСФСР издал декрет, предусматривающий военизацию милиции, органы которой должны были перестроиться в соответствии с уставами Красной Армии. 1/2 часть рядовых милиционеров и 1/5 часть командного состава должны были постоянно находиться при действующей армии [6]. Сотрудники милиции не подлежали призыву, но части милиции, находящиеся в районах боевых действий, по согласованию армейских реввоенсоветов и местных исполнительных комитетов могли привлекаться к выполнению военных задач.

В апреле 1919 года Полоцкий уезд был объявлен прифронтовой полосой. Все трудоспособное население Полоцка и уезда было задействовано на строительстве укреплений. По обоим берегам Западной Двины возводились оборонительные сооружения. Сотрудники Полоцкой уездной милиции не только отвечали за обеспечение объектов рабочей силой, но и сами на протяжении 1919 года были задействованы на строительстве укреплений, дорог, переправ и мостов. Во второй половине августа 1919 года фронт приблизился к Полоцку. Советские учреждения были эвакуированы на станцию Дретунь, часть служащих была распущена [2, с. 127.]. Постановлением ревкома (военно-революционные комитеты на территории губернии образованы политотделами 15-й и 16-й армии) город Полоцк и уезд были объявлены на военном положении [7, с. 153].

20 сентября 1919 года польские войска вышли к Полоцку по левому берегу Западной Двины и захватив южную часть города, подвергли правобережную часть Полоцка артиллерийскому обстрелу, попытались форсировать реку, чтобы захватить весь город. Однако эта попытка провалилась и началась позиционная война, которая продолжалась 8 месяцев [7, с. 154]. Со времени захвата польскими войсками левобережной части Полоцкого уезда (было оккупировано семь волостей: Натская, Ореховская, Ветринская, Банонская, Гомельская, Вороническая, Туровлянская) и южной части Полоцка город жил напряженной фронтовой жизнью. В осажденном городе после эвакуации Управления уездной советской рабоче-крестьянской милиции функционировал только 1-й район с 55 милиционерами, которые остались в городе и вместе с регулярными войсками участвовали в его обороне [3, л. 28]. Преимущественно все были беспартийные и не имели опыта службы в армии, преобладали выходцы из крестьян.

Положение милиции было достаточно тяжелым. Параллельно с выполнением своих обязанностей по обеспечению порядка милиционеры копали окопы, привлекали население к сверхурочной работе, боролись с рабочим дезертирством. Выполняли распоряжения коменданта города по патрулированию улиц, несли ответственность за чистоту в городе. Кроме этого, милиционеры принимали непосредственное участие в военных действиях. На совещании начальников милиции Витебской губернии от 7 декабря 1919 г. представитель Себежской милиции сообщал следующее: «Полоцкая милиция несет функции красноармейской части по охране переправы через Западную Двину и все они вооружены русскими винтовками. Живут в общежитии. Обуви нет» [4, л. 261]. Перегруженность выполнением дополнительных функций влияло на качество работы по охране общественного порядка. Криминальная ситуация в городе обострилась, грабежи и случаи насилия, как отмечалось в отчетах, увеличились до небывалых размеров.

Милиционеры нуждались в одежде и оружии. В городе не хватало питания, топлива. Как отмечал в своем докладе начальник Полоцкой милиции: «на оклад в 2 000 рублей, учитывая постоянный рост цен, нельзя было купить даже товары первой необходимости» [3, л. 28]. Семьи сотрудников Полоцкой уездной и железнодорожной милиции не приравнивались к семьям красноармейцев и поэтому внеочередным правом на получение продуктов и прочих предметов не пользовались, а «должны были удовлетворяться на общих основаниях со всем сельским населением» (разъяснение Полоцкого Военкома от 28 июля 1919 г. за № 3920) [4, л. 129]. Работа в условиях военного времени, недовольство материальным обеспечением отражались на трудоспособности и профессионализме, а также влияли на текучесть кадров. Часть милиционеров увольнялась, некоторые пытались сбежать за линию фронта или укрыться у родственников. 28 декабря 1919 года начальник Полоцкой милиции поручил начальнику 1-го района следующее: «Предлагаю Вам с поручением немедленно выехать в д. Горы Домниковской волости для розыска, сбежавшего с городской милиции милиционера Ивана Голопила. По сведениям он скрывается у своей невесты. Голопило унес с собой трехлинейную русскую винтовку» [3, л. 53].

Были прецеденты, когда милиционеры выполняли просьбы граждан только за наличный расчет или брали взятки за прекращение дел, предупреждали о готовящихся конфискации. Например, старший милиционер по Андреевской волости, получив задание описать имущество одного гражданина волости за неплатежи по протоколам, предупредил того за несколько дней [3, л. 135]. В результате данный гражданин успел продать почти все имущество. Для того чтобы прокормить свою семью некоторые сотрудники использовали свои служебные полномочия. В августе 1919 года заведующий отделом заготовок докладывал начальнику Полоцкой уездной милиции, что «в саду имения «Старые Горяны» уличен в хищении плодов местный милиционер, Петр Кондратьев с товарищем. Согласно постановлению центральной власти милиция обязана оказывать содействие в деле охраны садов, а не способствовать расхищению плодов и подавать плохой пример местному населению. В виду изложенного просим привлечь милиционера к ответственности» [4, л. 136].

Функционирование в условиях военного положения увеличивало опасность для жизни милиционеров и возлагало на них дополнительные обязанности. Распоряжение Реввоенсовета республики от 13 декабря 1919 года о снятии милиции с фронта для выполнения своих прямых функций не выполнялось. На все ходатайства начальника Полоцкой уездной рабоче-крестьянской милиции был один ответ: «Дайте нам красноармейцев, тогда милиция сейчас же будет снята с фронта» [4, л. 28]. Необходимо отметить, что взаимоотношения между сотрудниками Полоцкой милиции и подразделениями действующей армии были достаточно напряженными. Немало времени у Полоцкой уездной милиции уходило на улаживание конфликтов красноармейцев с местным населением, которое, как фиксировали милицейские отчеты, «красноармейцы сильно обижали» [5, л. 99]. Много заявлений поступило осенью 1919 года. Неопределенность взаимоотношений создавала конфликтные ситуации и дезорганизовывало работу милицейских органов. Из докладов с мест поступала информация о том, что воинские части не давали проводить обыски и аресты граждан, которые подозревались в преступлениях, препятствовали борьбе с самоноварением, арестовывали милиционеров, которые пытались им противостоять.

14 мая 1920 года войска Западного фронта перешли в наступление, в результате чего вся левобережная часть Полоцкого уезда была освобождена. 20 мая из эвакуации вернулись советские учреждения, а город превратился в тыл армии. После наступления на Юго-Западном фронте в районе Полоцка были сосредоточены крупные воинские силы. 4 июля началось наступление на полоцком участке фронта, проходившее вдоль железной дороги Полоцк-Молодечно [7, с. 157]. 10 июня 1920 года ВЦИК и СНК РСФСР утвердили положение «О советско-крестьянской милиции», где был закреплён статус милиции, как «вооруженных частей особого назначения со всеми вытекающими правами и обязанностями» [8]. Согласно новому положению состав милиции подразделялся на сотрудников и вспомогательный состав (канцелярские и технические работники). В состав рабоче-крестьянской милиции входили следующие подразделения: городская и уездная милиция; промышленная (фабрично-заводская, лесная, горнопромышленная и т.п.); железнодорожная; водная (речная); розыскная милиция. Служба в милиции провозглашалась добровольной, но каждый поступивший в нее обязан прослужить не менее года. Снабжение милиции продовольствием и всеми видами довольствия – фуражом, снаряжением, вооружением, обмундированием и т.д., а также специальное обеспечение семей милиционеров – должно было производиться в порядке, установленном для снабжения армии.

Функциональная перегруженность милиция отражалась на способности выполнять обязанности, соответствующие ее назначению. В середине августа 1920 года криминальная ситуация обострилась до такой степени, что Полоцкий ревком попросил снять городскую милицию с фронта, потому что «город разрушен, имущество расхищается, увеличились повальные разбои и убийства» [5, с. 96]. К тому же необходимо отметить, что работа в условиях военного времени и тяжелого материального обеспечения обострила кадровую проблему Полоцкой уездной милиции. Осенью 1920 года отток из органов охраны порядка приобрел значительные размеры. Было принято решение об усилении кадров за счет солдат, ко-

торые отслужили шесть месяцев на фронте. Как отмечалось в Инструкции «О проведении в жизнь организации милиции в губерниях на основах Красной армии» в рамках приказа Главного управления рабоче-крестьянской милиции РСФСР от 15 октября 1920 года: «Целью такой организации является создание из Милиции боевых единиц, которые могут быть в нужный момент сконцентрированы в любой части губернии и допользованы путем переброски для усиления охраны, ликвидации выступлений бандитских шаек и т.д.» [9, с. 50]. Военизация милиции была обусловлена сложным внутривнутриполитическим состоянием, которое характеризовалось высоким уровнем бандитизма, борьба с которым являлась одним из самых главных направлений деятельности милиции. В пограничной зоне действовали вооруженные формирования, которые преследовали разные цели – от политических до чисто экономических. Чаще всего нападению из-за границы подвергались хутора Ореховской волости.

После прекращения военных действий и освобождения территории Полоцкого уезда 15 июня 1920 года было проведено перераспределение милиции на районы. Полоцкий уезд разбивался на три района, каждый район делился на четыре участка (табл. 2). На каждый район назначался один районный начальник, его помощник и пять старших милиционеров. Четыре старших конных милиционера руководили участками по одному на каждый, и один старший милиционер руководил резервом при районном начальнике. При каждом районе существовал один арестантский дом. В ходе дальнейшей реорганизации в июне – июле 1920 года Полоцкая городская милиция была упразднена, а городские милиционеры стали подчиняться начальнику 1-го района Полоцкой уездной советской милиции [10, л.121]. При отделах были предусмотрены пешие и конные резервы.

Таблица 2. – Схема распределения Полоцкого уезда на районы милиции.

№ района и место расположения почтового адреса	Название волостей, входящих в состав района	Количество человек
1-й район, г. Полоцк	город Полоцк и 3 волости: Домниковская Петропавловская, Андреевская	52 142
2-й район, имение Куровичи Ветринской волости	7 волостей: Бононская, Ветринская, Воронечская, Гомельская, Начская, Ореховская, Туровлянская	39 802
3-й район, село Альбрехтово Вознесенской волости	9 волостей Александровская, Владимирская, Вознесенская, Клястицкая, Ефросиньевская, Николаевская, Замшанская, Артейковичская, Юровичская	65 647

Источник: Зональный государственный архив города Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 63.

После подписания Рижского мирного договора в 1921 году граница прошла в непосредственной близости от Полоцка, местами в 25–30 км. от города. Как отмечал секретарь Витебского губкома РКП(б) Э.М. Медне в закрытом письме на имя секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова: «В некоторых местах граница проходит посередине селения, по улице, в одном месте граница проходит еще курьезней: она отделяет дом от амбара одного и того же владельца. В некоторых местах она проходит густым лесом. Охрана в таких условиях невысказана, и, таким образом, имеется полная возможность к легкому и безнаказанному переходу границы контрабандистами и разными шпионами» [2, с. 260]. И.П. Дейнис в своих воспоминаниях отмечал, что «граница местами была удивительно нелепа... например, ст. Загаты была у нас, водокачка – у поляков, часть деревни и костел в Загаты были у нас, а господский двор и другие части деревни – у поляков» [Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке (1905–1967) // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. – КП. S 2774. – С. 99] Пограничное положение Полоцкого уезда оказало существенное влияние на деятельность Полоцкой уездной советской рабоче-крестьянской милиции и ее кадровый состав, который был многонациональным (табл. 3). Специфика национального состава определялась тем, что в условиях пограничного положения Полоцкого уезда и нестабильности внутривнутриполитической ситуации в начале 1920-х годов в распоряжении милиции находились специальные формирования, которые в основном состояли из красноармейцев, выходцев из центральных регионов России. Эти отряды занимались охраной предприятий и учреждений, конвоированием, поиском дезертиров и бандитов. Отсутствие подготовленных местных кадров привело к комплектации штатов милиции за счет демобилизованных из армии. Например, старшими милиционерами могли стать лица, которые прошли службу в Красной армии и зарекомендовали себя «честными и стойкими товарищами». Однако необходимо отметить, что подготовка была достаточно слабая. Например, в апреле 1921 года помощник начальника Полоцкой советской милиции по строевой части сигнализировал о ситуации в 3-м районе «...был проведен смотр. Дисциплина отсутствует, оружие запущено. Подготовка строевой службы младшего состава и милиционеров слабая, лишь несколько человек и старых солдат удовлетворительно знают строй,

что касается полевой, гарнизонной и внутренней службы, то не знают. Старший районный милиционер, который должен был бы находиться в команде и вести наряд неаккуратно исполняет свои обязанности... Осужденный гражданин, содержащийся под стражей ночью с 26 по 27 апреля, находился в арестном доме без часового. Начальник района не имеет понятия о службе. Дело поставлено плохо» [11, л 36].

Таблица 3. – Сведения о национальном составе служащих и милиционеров 1-го района Полоцкой советской милиции (1921 г.)

Русских	416
Евреев	14
Латышей	3
Поляков	4
Татар	9
Китайцев	1
Чувашей	1

Источник: Сведения о национальном составе сотрудников управления Полоцкой уездной советской рабоче-крестьянской милиции на 21.10.1921 г. // Зональный государственный архив города Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

С 1921 года первоочередными задачами стали кадровый состав и повышение уровня материально-го обеспечения сотрудников милиции. В Витебске была открыта школа для подготовки младшего командного состава [5, с. 97]. Отличительной чертой организационно-структурного построения милиции было наличие в ее штате специальных подразделений, которые занимались политико-воспитательной работой, так как процент партийцев был очень низким. Например, из 25 сотрудников 1-го района Полоцкой уездной милиции три человека были отмечены как «сочувствующие партии большевиков» (это был непосредственно начальник района, и 2 старших милиционера), остальные были беспартийными, к тому же в анкетах было указано, что большинство из них были православными, 2 католика и один лютеранин. Работа по повышению образовательного уровня милиционеров была возложена на политсекретариат, который был создан при Полоцкой милиции в апреле 1921 года [12, л 140]. Доклады данного подразделения содержат подробную информацию о численности и движении личного состава, количестве коммунистов среди милиционеров, проценте местных уроженцев, дезертиров и т.д. Учитывая специфику Полоцкой уездной милиции, сложно в этот период подсчитать точное количество общего личного состава. В сводках за июнь – октябрь 1921 года численность постоянно менялась: с 1 по 11 июня – 308 человек, с 11 по 15 июня – 257, с 1 по 9 июля – 311, с 16 по 23 июля – 354, с 30 июля по 6 августа – 446, с 25 сентября по 1 октября – 521, с 1 по 8 октября – 648 [13, л. 10, 19, 21, 23, 34, 87]. Процент местных уроженцев снизился с 75 % до 30 %. Политсводки о состоянии Полоцкой уездной милиции достаточно разрозненные, присутствуют отрывочные сведения по отдельным районам, которые не всегда совпадают. Например, движение личного состава 3-го района за август 1921 года было следующим: убито или умерло от ран – 11 человек, дезертировало – 2, выбыло по болезни – 1, прибыло – 20; на 1 августа было 37 милиционеров, на 30 августа – 57, добровольцев – 36, мобилизованных – 20; 41 человек – русские, 1 – татарин, 1 – еврей, 2 – латыша, 1 – литовец [13, л. 73]. В документах 1922 года уже присутствует более точная информация о кадровой милиции и сверхштатных полуротах.

Особый интерес представляют характеристики командующего состава Полоцкой уездной милиции. Например, в докладе от 1 ноября 1921 г. характеристика на комсостав была следующей: «Крегер Александр (начальник уездной милиции с 1918 г.) пассивно относится к партийным обязанностям, а как технический работник хороший. Савво Иван имеет старорежимные привычки, халатно смотрит на советское строительство. Мальцев Андрей груб в обращении с гражданами и служащими. Кастрюлин – энергичный и исполнительный» [13, л. 113]. Как показывают документы, эти характеристики в дальнейшем служили ориентиром для Витебского губернского управления для принятия решений о кадровых перестановках. Необходимо отметить, что последнее структурное подразделение часто было недовольно волостными сотрудниками Полоцкой милиции, которые избегали применять репрессивные меры по отношению к местному населению. Например, начальник Витебской губернской милиции отмечал следующее: «...отсутствие суровости по отношению к врагам породило заступничество со стороны милиции, выразившееся в составлении протоколов с указанием на крайнюю бедность самогонщиков, отказывающихся платить по исполнительным листам Народного суда. Приказываю не ограничиваться составлением протоколов, а описывать имущество согласно существующему положению, не чинить незаконного снисхождения» [14, л. 23]. В 1922 г. штаб управления Полоцкой милиции начал проводить ротацию волостных милиционеров в районы, удаленные от места их рождения. Однако, как фиксировалось в документах, «почти нет случаев, чтобы тот или иной работник подчинился перемещению, не сделав всего возможного, чтобы от него уклониться» [2, с. 212].

С 1921 года на каждого работника в милиции заводилось личное дело, где находились анкета, учетная карточка с фотографией, копия удостоверения личности и документы о прохождении службы. Кроме этого в личном деле хранились рапорты об уходе и возвращении с командировок. Материалы по личному составу свидетельствуют о том, что милиция оправдывала свой рабоче-крестьянский статус, закрепленный в самом названии рассматриваемого органа. Например, в первой половине 1922 года из 147 сотрудников Полоцкой уездной милиции 73 было из крестьян (41 местный и 32 приезжих), 49 из рабочих, 25 – выходцы из других сословий [15, л. 226]. Кроме этого, в каждой волости имелся еще один выборный милиционер, который содержался на деньги волости. Однако ориентация при подборе кадров на реализацию классового принципа приводила к тому, что среди сотрудников Полоцкой уездной милиции были люди, не совсем соответствующие своим должностям. Особенно актуально это стало в 1922 году после разделения функции уголовного розыска и милиции. Всеми происшествиями, заключающимися в себе признаки уголовно-наказуемого деяния, должны были заниматься исключительно агенты уголовного розыска. Однако, как отмечал начальник Полоцкой уездной милиции: «...Работа протекает в контакте. По борьбе с преступностью разграничений не может быть. Разграничение только в порядке подчиненности» [16, л. 101]. Необходимо отметить, что материально-техническое обеспечение уголовного розыска было совершенно неудовлетворительным: не было уголовных кодексов, денег на секретные расходы, отсутствовало дактилоскопическое оборудование.

После окончания военных действий ситуация изменилась и обеспечение продовольствием, жалованием, обмундированием Полоцкой уездной милиции было возложено на Губернскую милицию, которая не всегда справлялась с задачей. В секретных докладах отмечалось, что почти прекратилось выделение сахара, табака, мыла, спичек и чая, а мука и горох не могут считаться полным довольствием милиционеров. Служащие были слабо обеспечены снаряжением и обмундированием. Например, на 1 ноября 1922 года из 163 человек 78 не имело шинелей, 56 – гимнастерок, 42 – ботинок, постельных принадлежностей не доставало полностью [15, л. 218]. На 1 декабря 1922 года паек на одного человека составлял 1 пуд муки, 7,5 фунтов гороха, 10 фунтов мяса и 0,5 жиров [15, л. 225]. За хорошую службу дополнительное вознаграждение милиционерам выдавалось преимущественно не деньгами, а вещами. Решение проблемы с обеспечением милиции частично было возложено на различные волостные учреждения. В условиях новой экономической политики была разработана система премирования, которая стимулировала работу милиции. Действовала специальная инструкция, согласно которой 50% штрафной суммы, удержанной с лесного нарушителя или самогонщика, переходила милиционеру, который его задержал [17, с. 119]. Практиковалось проведение так называемых «недель милиции», в рамках которых проходили спектакли, концерты, выставки, доход от которых направлялся на улучшение материального обеспечения милиционеров. Так, в сентябре 1922 года на вырученную сумму было обуто 75 % и одето 25 % сотрудников Полоцкой уездной милиции [15, л. 223-об.]. Однако, не смотря на прилагаемые усилия, отток сотрудников продолжался. В заявлениях об увольнении преобладал именно материальный аспект: «Прошу вашего ходатайства об увольнении со службы, так как при такой крошечной оплате труда существовать не могу и разные перебросы на участки, что нет средств перевозить семейство и домашний скarb. 09.04.1924 г.» [18, л. 174].

15 февраля 1923 года было введено новое административное деление Витебской губернии, что отразилось на структуре Полоцкого уезда и уездной милиции (табл. 4).

Таблица 4. – Схема распределения Полоцкого уезда на районы милиции (июль 1923 года).

№ района и место расположения почтового адреса	Название волостей, входящих в состав района	Название старых волостей входящих в данное объединение	Фамилия начальников районов
1-й район, ст. Оболь	Крестьянская, Трудовая, Бухаринская	Петропавловская, Владимировская, Козьянская (Городокского уезда), Домниковская, Юровичская	Соколов
2-й район, мест. Орехово	Ленинградская, Октябрьская, Калининская	Ореховская, Начская, Бобыничская, Туровлянская, Гомельская, Воронечская, Ветринская, Боноская	Савво
3-й район, упр. Сестренки	Володарская, Красноормейская, Первомайская	Николаевская, Владимирская, Вознесенская, Александровская, Артековская, Замшанская	Лапин
4-й район, упр. Дрисса	Семеновская, Дриссенская	Кохановичская, Стриженская, Зябковская, Сарьянская, Табалковская, Сушковская, Юстиановская	Олешковский
5-й район, упр. Борковичи	Борковичская, Пролетарская	Дзерновичская, Каменская, Филипповская, Ефросиньевская, Клястицкая	Шембелев

Источник: Зональный государственный архив города Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 108. Л. 17.

Вместе с Дриссенским уездом к Полоцкому были присоединены Козьянская и Владимировская волости Городокского уезда. Два района Дриссенской милиции вошли в состав Полоцкой милиции как 4-й и 5-й районы.

Проблемным был вопрос с размещением милиционеров. Необходимо отметить, что материальное обеспечение милиционеров отличались в зависимости от района. Например, в протоколе сотрудников милиции 4-го района от 27 августа 1923 г. старший милиционер Дриссенской волости жаловался на большую загруженность работой и плохое материальное обеспечение: «...Младшие милиционеры являются раз в неделю, а в остальное время приходится самому бегать с бумажками. Мостов исправных 2–3, остальные не исправны, особенно на реке Устья. ...Борьба с контрабандой не ведется, так как нет времени и сил. Жалованье маленькое, на которое в погранполосе не проживешь. Не отводят квартиры младшим милиционерам. Это тормозит дело, т.к. не знаешь где они находятся – сегодня у одного, завтра у другого. Дриссенский волисполком не обращает внимание на нужды милиционеров. Лошадей не дают. На милиционера, при данном положении вещей, смотрят как на побирешку, а не на представителя власти.» [19, л. 94–94 об]. Такая ситуация, как показывают документы, была характерна для этого периода. Волости отличались друг от друга не только своей спецификой, но и позицией волисполкомов по отношению к милиции даже в рамках одного района. Например, если в Семеновской волости волисполком отвел каждому милиционеру по десяatine земли и выделил участки для пашни, то в Дриссенской волости на 12 служащих милиции, не имеющих земли, волисполком отпустил лишь 4 десятины луга [19, л. 94 об]. Такое положение влияло на качество работы и активизировало текучку кадров. В первой половине 1922 года наблюдалась нехватка младших милиционеров. Например, из положенных 126 работало только 67 [15 л. 220]. При управлении Полоцкой уездной милиции существовал конный (18 человек) и пеший резерв (100), причем в последнем не хватало 55 человек [15, л. 224]. Резерв использовался для борьбы с бандитизмом, сбора продналога и охраны заготовительных контор.

Недостаточный уровень образования сводил до минимума все усилия командования по совершенствованию работы, повышению эффективности. Особенно актуальным это было для уголовного розыска, сотрудники которого должны были разбираться в правовых проволочках и владеть определенными технологиями для осуществления оперативно-розыскной работы. Решение этой проблемы было возложено на политсекретариат Полоцкой уездной милиции. В первой половине 1922 года в Полоцкой милиции было зарегистрировано 15 малограмотных и неграмотных милиционеров [15, л. 223]. Все сотрудники с недостаточным уровнем образования были разбиты на две группы и в течение шести месяцев (к 5-летнему юбилею рабоче-крестьянской милиции) ежедневно должны были заниматься. Однако серьезной проблемой была посещаемость, особенно в период продналоговой компании, когда почти все милиционеры и, в первую очередь, резерв откомандировывались в сельскую местность для сбора штрафов или налогов. Необходимо отметить, что представители последнего не всегда добивались до пункта назначения. Например, в декабре 1922 года в Домниковскую волость были командированы несколько сотрудников Полоцкой уездной милиции для взыскания трудгужналога, однако по пути они, зайдя в питейное заведение, перебрали и начали хулиганить. Прибывшие старшие милиционеры обезоружили и отправили их в арестантский дом при 1-м районе [15, л. 255]. Но принимая во внимание хроническую нехватку кадров, нарушители были отпущены под честное слово, что они исправятся и выполняют порученное задание.

На протяжении 1923 года тенденция хронической нехватки милиционеров до штатного уровня сохранялась. Кроме этого, в связи с тем, что в стране не хватало руководящих кадров, специальным постановлением Главмилиции многие работники правоохранительных органов направлялись на работы в разные отрасли народного хозяйства. Поэтому кадровый состав Полоцкой уездной милиции был в движении с наличием вакантных мест. Например, личный состав на 8 июля 1923 г. насчитывал 145 сотрудников, на 1 сентября – 125, на 2 ноября – 145 [20, л. 55, 89–99]. Анализ архивных документов позволяет отметить, что за нарушение дисциплины, халатное отношение к работе, пьянство в основном применяли арест (зачастую условно), вынесение выговора, понижение в должности или перемещение по районам. К увольнению прибегали, в крайнем случае. Причины для увольнения были разные. Например, в июле 1923 года был уволен младший милиционер гормилиции Федор Мартиненко за неявку на службу после отпуска, в октябре 1923 года – младший милиционер 2-го района Георгий Велюго за контрабанду и передан суду дактилоскоп уголовной части Эдуард Лукашевич, как находящийся в бегах [20, л. 89–99]. Необходимо отметить, что в условиях НЭПа и повышающихся требований к сотрудникам милиции больше внимания стали уделять повышению профессионализма, а чистка кадров и добровольное увольнение тех, кто не мог работать в новых условиях, оздоровили кадровый состав в целом.

Заключение. В рассматриваемый период Полоцкая милиция оправдывала свой рабоче-крестьянский статус. Плохое материальное обеспечение и недостаточное снабжение в 1919-начале 1920-х гг., а также перегруженность милиции выполнением дополнительных функций влияли на качество работы по охране общественного порядка и приводили к оттоку кадров. В отчетах отмечалась волокита при рассмотрении дел и недостаточный процент раскрываемости. Поэтому в условиях перехода к мирной жизни

серьезной проблемой стал не только подбор соответствующих кадров, но и их удержание в рядах милиции. За 1921–1923 гг. возросла профессиональная подготовка кадров, на службу пришли сотрудники, которые окончили школу милиции, получили опыт работы в разных правоохранительных структурах, начинали осваивать научные техники раскрытия преступлений.

Полоцкая уездная милиция перестала существовать весной 1924 года. Это было связано с принятием решения о передаче Белорусской ССР ряда уездов и волостей Витебской, Гомельской, смоленской губерний. В их число входил и Полоцкий уезд, который в ходе административно-территориальных преобразований БССР превратился в Полоцкий округ с центром в городе Полоцке. С этого времени начинается новый этап в истории полоцкой милиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravovo.ru/sssrf/eh-akty/j7b.htm>. – Дата доступа: 10.04.2014 г.
2. Витебская губерния 1917–1924 гг. : док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]; ред. кол.: В.И. Адамушка [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.
3. Зональный государственный архив города Полоцка (далее – ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 220. Оп.1. Д. 21.
4. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 220. Оп.1. Д. 16.
5. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі, 1917–1927 / склад.: І. Крэйнін, В. Власаў, В. Потэс. – Менск, 1927. – 227 с.
6. История советской милиции : в 2 т. – М., 1977 ; История МВД. – 1917–1931 [Электронный ресурс] // Объединенная редакция МВД России. Б. д. – Режим доступа: <http://www.ormvd.ru/history/10011/>.
7. Петриков, П.Т. Полоцк : Ист. очерк / П.Т. Петриков, М.О. Бич. – АН БССР. Ин-т истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
8. О советско-крестьянской милиции : декрет от 10 июня 1920 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>. – Дата доступа: 10.04.2014 г.
9. Кур’яновіч, Ю.У. Міліцыя Беларусі ў 1917 – 1939 гг.: арганізацыйнае развіццё, дзейнасць па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю / Ю.У. Кур’яновіч // Вестн. МГИРО – 2013. – № 2. – С. 46–52.
10. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 63.
11. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 40.
12. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 156.
13. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 69.
14. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 4.
15. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 118.
16. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 117.
17. Сумко, Е.В. Основные направления деятельности Полоцкой уездной милиции и ее обеспечение в 1921–1924 гг. / Е.В. Сумко, Н.В. Прокопенко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 116–121.
18. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.
19. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 220. Оп. 1. Д. 166.
20. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 19. Оп. 1. Д. 9.

Поступила 17.05.2017

POLOTSK UYEZD SOVIET WORKERS AND PEASANTS MILITIA (1918–1923): PROBLEMS OF PERSONNEL AND MATERIAL SUPPORT

A. SUMKO

The state archives of the city of Polotsk is stored a significant body of documents on the history of Polotsk uyezd Soviet workers and peasants militia, which was formed in 1918 and lasted until 1924. During this period, Polotsk district was part of the Vitebsk province and was a part of RSFSR. States Polotsk County militia during the reporting period has not been constant. Personnel of Polotsk police were drastic changes that were due to several factors.

Keywords: *Polotsk uyezd Soviet workers and peasants militia, personnel.*

УДК 94(476)|1941/1945|:94(470.41)

**УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***канд. ист. наук С.В. ГРИБОВА**(Брестский государственный технический университет)*

Размещена информация об участии татарского населения Беларуси в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных источников, приводятся данные о количестве белорусских татар в партизанских формированиях, действовавших на территории западных и восточных областей БССР, описываются конкретные примеры антифашистской борьбы представителей татарского населения в партизанских отрядах, приводится анализ демографических показателей татар-партизан: социальное положение, партийное членство, уровень образования, половозрастная характеристика белорусских татар – участников партизанского движения. Также содержатся сведения о функциях татар, уроженцев Беларуси, в партизанских формированиях, отмечается, что за вклад в победу над фашизмом 17% партизан из числа местных татар были отмечены правительственными наградами.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, белорусские татары, партизанское движение, партизанские формирования.*

Территория Беларуси с первых месяцев войны была занята германскими войсками. Антифашистское сопротивление, организованное в республике, создавало значительные препятствия гитлеровцам в реализации их планов и способствовало приближению изгнания врага из оккупированной им территории.

Национальный состав борцов против немецко-фашистских захватчиков в Беларуси был весьма разнообразен. Война стала общей бедой для многих народов из разных уголков Советского Союза. Представители более 70 национальностей сражались в рядах партизан на белорусских землях: белорусы, русские, украинцы, поляки, евреи, татары, казахи, башкиры, грузины и др. Среди них были и местные татары, уроженцы Беларуси, которые вместе с представителями других народов несли всю тяжесть партизанской жизни.

Представленный в статье собранный и обработанный архивный материал представляет значительную ценность, так как его подробное изучение позволяет сделать выводы о демографических характеристиках татарского населения, которое принимало участие в партизанском движении, выявить вклад белорусских татар в общую победу над врагом.

Первоначально обратимся к представительству татарского населения в составе партизанских формирований восточных областей БССР (по административно-территориальному делению на 01.01.1941).

Самое большое количество татар данного региона было представлено в *1-й Минской партизанской бригаде*, созданной 31 августа 1942 г. В результате переформирования в составе бригады перед соединением с Красной Армией 3 июля 1944 г. осталось четыре отряда: «Комсомол», отряд имени Ф.Ф. Юрченко, имени В.П. Чкалова, имени А.В. Суворова. 1-я Минская бригада действовала в Червенском, Минском, Пуховичском и Руденском районах Минской области и входила в группировку партизанских бригад Минской зоны (в данном случае и далее по тексту территория деятельности бригад указывается по административно-территориальному делению БССР на 1.01.1941 г. – *С.Г.*). В составе бригады сражались 800 белорусов, 252 русских, 62 украинца. В рядах отмеченного военного формирования вели борьбу с врагом и 48 представителей других национальностей [1, с. 487]. По подсчетам автора, почти две трети из них составляли белорусские татары. Почти все они являлись уроженцами г.п. Смиловичи. Это можно объяснить тем, что регион деятельности бригады охватывал Руденский район, после административной реформы 1960 г. – Червенский район Минской области, где и сейчас располагается это одно из крупнейших поселений татар на территории Беларуси [2, с. 51–54].

Вели борьбу с врагом местные татары и в составе других партизанских формирований Минской области, входивших в группировку партизанских бригад Минской зоны. Были они представлены в партизанской бригаде *имени С.М. Кирова* (действовала в Червенском, Борисовском, Руденском и Пуховичском районах) и бригаде *имени Газеты «Правда»* (действовала в Червенском районе).

Сражались белорусские татары и в составе формирований партизанского соединения Минской области (Южной зоны Минской области): *в 3-й Минской партизанской бригаде имени С.М. Буденного* (действовала в Пуховичском, Руденском, Минском и Стародорожском районах), *в бригаде «Беларусь»* (действовала в Руденском и Пуховичском районах), *в 300-й бригаде имени К.Е. Ворошилова* (действовала в Дзержинском, Узденском, Копыльском, Краснослободском районах Минской области и Несвижском

районе Барановичской области), в 27-й бригаде имени В.И. Чапаева (действовала в Копыльском, Гресьском районах Минской области и Несвижском, Клецком районах Барановичской области), а также в отдельном отряде имени А.В. Суворова.

Участвовали в антифашистской борьбе белорусские татары и в составе партизанских формирований соединения Борисовско-Бегомльской зоны Минской области, а именно в бригаде «Народные мстители» имени В.Т. Воронянского (действовала в Плещеницком и Логойском районах), бригаде «Железняк» (действовала в Бегомльском и Логойском районах), бригаде имени М.И. Калинина (действовала в Плещеницком районе), бригаде «Штурмовая» (действовала в Заславльском, Логойском и Минском районах Минской области, Радошковичском районе Вилейской области), бригаде «Дяди Коли» (действовала в Борисовском, Смолевичском, Бегомльском, Логойском, Плещеницком районах), Логойской бригаде «Большевик».

Некоторые представители татар находились в составе 1-й Русской национальной бригады СС Русской освободительной армии (РОА) под командованием бывшего советского подполковника В.В. Гиля, имевшего псевдоним Родионов. И в составе этой бригады (Гиль-Родионова) перешли 16 августа 1943 г. на сторону партизан. Партизанское формирование получило название 1-я Антифашистская бригада Минской области (действовала в Борисовском, Логойском, Плещеницком районах Минской области, Куронецком, Плисском, Поставском районах Вилейской области, Лепельском, Ушачском районах Витебской области) [3, с. 50–55].

Можно также привести примеры определенной перевербовки советскими органами татарского населения. Так, связным 3-й Минской бригады имени С.М. Буденного был татарин из д. Сеница Минского района Яков Зенонович Хосеневич. Родился он 12 февраля 1902 г. в м. Смиловичи Минской области. Окончил Минское реальное училище, учился на заочном отделении Минского педагогического института, где получил специальность учителя истории. С сентября 1921 г. по январь 1938 г. работал учителем и директором Логово-Слободской школы. С 7 января 1938 г. исполнял функции завуча и учителя средней школы в д. Сеница. Имел награды от советской власти. В военное время школа не работала. В составе его семьи были мать, жена Мария и четверо их детей [4, л. 4, 4 об.].

К переписи населения, которую по приказу Минской районной управы было необходимо провести по волостям района до 1 октября 1943 г., в каждой волости привлекался учитель неработающей школы с хорошим почерком [5, л. 57]. В Сеницкой волости ответственным оккупационными властями был назначен именно Я.З. Хосеневич [6, л. 208]. Кстати, в Государственном архиве Минской области сохранился протокол Сеницкой волостной управы Минского района от 22 мая 1942 г., где зафиксирован выбор членов комитета прогерманской Белорусской народной самообороны (БНС). Одним из них был определен Яков Зенонович Хосеневич [7, л. 18]. Однако 1 декабря 1943 г. он дал подписку особому отделу НКВД о сотрудничестве. При передаче сведений в письменной форме он должен был пользоваться псевдонимом «Телефон» [8, л. 6, 6].

Воевали белорусские татары против немецко-фашистских захватчиков и в составе других партизанских формирований, действовавших в восточных областях БССР. В партизанских формированиях **Могилевской области** они были представлены в минимальном количестве. Вели борьбу с врагом в 208-м отдельном партизанском полку имени И.В. Сталина Могилевской и Пинской областей.

В партизанских формированиях **Витебской области** белорусские татары сражались с врагом в составе бригады имени С.М. Короткина, действовавшей в Сиротинском, Россонском, Полоцком, Ушачском районах Витебской области и Плисском и Миорском районах Вилейской области, а также в бригаде имени А.Ф. Данукалова («Алексея») (действовала в Касплянском районе Смоленской, Лиозненском, Суражском, Витебском, Оршанском, Богушевском, Бешенковичском, Чашникском, Ушачском районах Витебской и Плисском районе Вилейской областей).

Таким образом, белорусские татары в партизанских формированиях восточных областей БССР боролись с врагом в составе 19 отрядов 16 партизанских бригад, в 1 отдельном полку и 1 отдельном отряде. Из всех восточных областей больше всего белорусских татар было в партизанских соединениях Минской области, также татары сражались в составе партизанских формирований Могилевской и Витебской областей. В партизанских бригадах Полесской и Гомельской областей они отсутствовали. Представительство татарского населения в составе партизанских формирований восточных областей Беларуси зависело от историко-географического расположения татарских общин на данной территории и от территориального охвата региона действия бригад. Представители данного этноса, которые принимали участие в партизанском движении, самоотверженно боролись с врагом, некоторые были отмечены рядом наград. Есть примеры участия в антифашистской борьбе целых татарских семей. Количество белорусских татар в партизанских формированиях восточных областей Беларуси выглядит следующим образом: по подсчетам автора, около 2% из них принимали участие в партизанском движении.

Исторически сложилось так, что в основном постоянные татарские поселения разместились в западных регионах страны. Безусловно, есть смысл рассмотреть участие в партизанском движении данного

национального меньшинства в составе партизанских формирований Барановичской, Вилейской, Пинской областей. В бригадах Белостокской и Брестской областей, по данным автора, на основании работы с фондами Национального архива Республики Беларусь, местные татары представлены не были.

Из партизанских бригад западных областей БССР большинство татар сражалось в партизанских формированиях **Барановичской области**. Вели они борьбу с врагом в отряде имени Александра Невского *бригады имени Александра Невского* (действовала в Юратишковском и Ивьевском районах). В данном отряде воевали братья Якубовские: Адам и Авраам Мустафовичы из д. Кирвели, Юратишковского района, Барановичской области (совр. Ивьевского района Гродненской области). В составе их семьи, кроме матери с отцом, было пятеро сестер и четыре брата. Адам Мустафович 1920 г.р. в указанное военное формирование попал в декабре 1943 г. До войны – кожевник, имел начальное образование. Вместе с партизанами отряда он неоднократно принимал участие в боевых операциях. Активно участвовал в разгроме вражеских гарнизонов в районе Юратишек. Два раза принимал участие в операции «Концерт» (2-й этап «Рельсовой войны») по подрыву железнодорожных путей. Последнее время работал в хозяйственном взводе, где занимался изготовлением кож для партизанских нужд. С обязанностями справлялся хорошо, за что получил несколько писем с благодарностью [9, л. 319–320]. Его брат, Авраам Мустафович Якубовский (1924 г.р.), в отряде сражался с 12 мая 1944 г. Он также принимал участие в боевых операциях отряда. Сражался с врагом рядом с братом. Авраам Якубовский 26 июля 1944 года после расформирования бригады был направлен в Красную Армию для дальнейшей борьбы с врагом [10, л. 12–13].

В составе партизанских формирований Барановичской области татары были также представлены в таких бригадах, как *бригаде имени В.П. Чкалова* (действовала в Воложинском и Ивенецком районах Барановичской области, Дзержинском, Заславском и Минском районах Минской области), *Первомайской бригаде* (действовала в Кореличском, Новомышском, Городищенском, Новогрудском и Мирском районах), *18-й бригаде имени М.В. Фрунзе* (действовала в Ивенецком, Клецком районах Барановичской области, Дзержинском, Заславском районах Минской области, Ганцевичском районе Пинской области), *бригаде имени Н.А. Щорса* (действовала на территории Заславского, Минского, Дзержинского районов Минской области, Ивенецкого района Барановичской области и Радощковичского района Вилейской области), *бригаде имени И.В. Сталина* (действовала в Ивенецком районе).

В отряде имени Ф.Э. Дзержинского *бригады имени К.К. Рокоссовского* (действовала на территории Слонимского и Бытеньского районов Барановичской области) с первых дней существования партизанского формирования сражался татарин из г. Слонима Барановичской (совр. Гродненской) области Мустафа Иванович Рафалович (1924 г.р.) [11, л. 121]. Участвуя в боевых операциях отряда, М.И. Рафалович проявил себя дисциплинированным, храбрым партизаном. Принимал участие в подрыве вражеского эшелона. Уничтожил 4 км телеграфной линии связи. После расформирования бригады в июле 1944 г. он был направлен Белорусским штабом партизанского движения (БШПД) на работу в Минск на автозавод.

Определенное количество представителей татарского национального меньшинства боролось и в составе партизанских формирований **Вилейской области**.

Татарин Хасень Ибрагимович Ильясевич был связным бригады *имени К.Е. Ворошилова*, действовавшей в Мядельском, Постапском, Дуниловичском, Островецком, Свирском, Сморгонском, Куронецком, Глубокском, Кричевском районах Вилейской области и Свентяньском районе Литовской ССР. Х.И. Ильясевич родился в 1913 г. в д. Бокачи Мядельского района Вилейской (совр. Минской) области. В бригаде он числился с декабря 1942 г. по июнь 1944 г. Хасень Ибрагимович Ильясевич, будучи связным бригады имени К.Е. Ворошилова, неоднократно ходил в разведку в фашистские гарнизоны Мяделя (совр. Минская обл.) и Дуниловичей (совр. Глубокский район Витебской обл.). Он распространял советскую литературу и сводки информбюро среди населения. Хасень Ибрагимович занимался обработкой кож для партизанских нужд, а также выполнял другие поручения. Он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [12, л. 223–224].

Уроженец г.п Видзы Вилейской области (совр. Браславского района Витебской обл.) Сулейман Александрович Асанович (1910 г.р.) с мая 1943 г. по март 1944 г. был связным отдельного партизанского отряда имени П.К. Пономаренко, а также с июня 1943 г. связным отряда А.В. Суворова бригады имени К.Е. Ворошилова Вилейской области. Он вместе с семьей: женой Марией Рафаиловной и двумя маленькими детьми (сыном Александром 1937 г.р. и дочерью Фатимой 1944 г.р.) жил в г. Постапы Вилейской области (совр. Витебской обл.), где работал пожарным. Судьба Сулеймана Александровича Асановича сложилась трагически: он был расстрелян немцами за связь с партизанами [13, л. 144–148].

Активным борцом с врагом был и связной отряда имени М.И. Кутузова бригады имени К.Е. Ворошилова Константин Осипович Лебедев (1891 г.р.). Родился он в Сморгонском районе Вилейской области (совр. Гродненской обл.). С момента организации партизанского формирования он активно участвовал в разведке. Все поручения командования выполнял тщательно и своевременно. К.О. Лебедев организовал связь через своих людей с немецким гарнизоном г. Сморгонь, что позволило добывать ценную информацию о враге. Будучи старостой волости в Залесье (совр. Сморгонский район), К.О. Лебедев

передавал партизанам сведения о планах и действиях противника. Он неоднократно выполнял роль проводника партизан отряда на операции по подрыву железнодорожных путей [14, л. 373–373а].

В составе 4-го отряда *бригады «Спартак»*, действовавшей в Видзовском и Шарковщинском районах Вилейской области, боролся с врагом в качестве связного и разведчика татарин из д. Йоды Шарковщинского района Вилейской области (совр. Витебской обл.) Ибрагим Яковлевич Гембицкий. Он родился 23 октября 1907 г., имел начальное образование, работал портным. В отряде он числился с 1 октября 1942 г. по 4 июля 1944 г. Ибрагим Гембицкий вел разного рода борьбу против врага. Проживая в д. Йоды, он неоднократно давал убежище тем, кто направлялся в партизанские отряды, принимал активное участие в подготовке побегов советских военнопленных, оказывал им всестороннюю помощь. Очень ценной была его деятельность по пошиву обуви и одежды для партизан, в том числе маскирующих халатов для зимних операций. В 1943 г. оккупанты во время одной из атак ограбили имущество и сожгли дом семьи Гембицких. В результате чего, Ибрагим Яковлевич с женой и двумя детьми пошел в лес к партизанам, где продолжал выполнять все поручения командования отряда. Добывал и передал партизанам винтовки, гранаты, патроны. Ибрагим Яковлевич Гембицкий систематически выполнял задания командования по сбору разведывательных данных о размещении вражеских гарнизонов, о военных объектах противника в Шарковщинском районе. Проникнув в гарнизоны городов Видзы, Браслав, г.п. Шарковщина и др., он при помощи своих людей узнавал планы гитлеровцев и полицаяв. Так, только благодаря его деятельности, своевременно были обезврежены засады Браславской полиции в районе д. Йоды (совр. Шарковщинский район Витебской обл.). Также он неоднократно выполнял поручения разведывательного характера в районе железнодорожных станций Игнамино и Дукшты (совр. Литва) [15, л. 99–101].

Кроме того, в составе партизанских формирований Вилейской области татары были представлены в таких бригадах, как *«За Родину»* (действовала в Шарковщинском, Видзовском, Молодеченском, Браславском районах), *имени М.В. Фрунзе* (действовала в Радошковичском, Ильянском районах Вилейской области и Логойском районе Минской области), *имени Л.М. Доватора* (действовала в Докшицком, Куронецком и Мядельском районах), в *отдельном партизанском отряде имени П.К. Пономаренко* [16, с. 38–43].

В партизанских отрядах **Пинской области** также воевали местные татары, но их количество было значительно меньше. Здесь они были представлены только в отряде имени М.И. Калинина *бригады имени С.М. Кирова*, действовавшей в Лунинецком и Ленинском районах. Это можно объяснить тем, что в целом на данной территории белорусские татары не имели значительного представительства.

В указанном партизанском формировании боролись с врагом брат и сестра, Александр и Ася Смольские. В отряд они попали 10 октября 1943 г. с д. Дятловичи Лунинецкого района Пинской (совр. Брестской) области, где на тот момент проживали вместе с отцом. Смольский Александр Яковлевич родился в 1923 г. в г. Ляховичи Барановичской (совр. Брестской обл.). По профессии кожевник, занимался выделкой кож. В отряде он в основном был задействован в хозяйственных работах: занимался подготовкой питания для партизан. Помимо этого, время от времени участвовал и в боевых операциях. 3 июля 1944 г. отличился активными действиями при подрыве железной дороги в районе Дятлович. В общем порученные ему задания выполнял добросовестно, никаких взысканий не имел. В составе бригады сражался до самого ее расформирования в связи с освобождением территории Беларуси от врага, после чего 18 июля 1944 г. был направлен в ряды Красной Армии для дальнейшей борьбы против захватчиков. Его сестра, Ася Яковлевна Смольская (1922 г.р.) работала в санчасти отряда. Проявила себя дисциплинированной партизанкой. После расформирования бригады 18 июля 1944 г. была отправлена домой [17, л. 194–195].

Представители татарского этноса в партизанских формированиях западных областей БССР боролись с врагом в составе 13 отрядов 13 партизанских бригад и в 1 отдельном партизанском отряде. Большинство их было представлено в партизанских бригадах Барановичской и Вилейской областей. В целом, по сравнению с восточными регионами, татары в бригадах партизанских соединений западных областей страны в партизанском движении были представлены в меньшей степени, несмотря на их численное преимущество на данной территории. По подсчетам автора, около 0,6% татар из западных областей БССР приняли участие в партизанском движении. Надо отметить, что до 1943 г. на территории Западной Беларуси партизанское движение не имело прочных организационных форм. Необходимо также принять во внимание, что поселения татар в основном находились в городах и поселках, за пределами территорий действия партизан, что значительно усложняло связь татарского населения с партизанами.

Таким образом, можно констатировать, что в результате работы с материалами партизанских бригад и отрядов Национального архива Республики Беларусь, автором обнаружено 97 представителей из числа белорусских татар, участвовавших в партизанском движении. Это соответствует 1% от общего числа татарской общности БССР и составляет около 0,03% от партизан Беларуси из числа местных жителей. Принимая во внимание жесткую оккупационную политику нацистов (при определенной террито-

риальной обособленности татарских поселений, что облегчало возможность репрессивных акций), а также относительную немногочисленность татарского населения Беларуси (перед началом Великой Отечественной войны количество татарского национального меньшинства в БССР составляло около 9 тысяч человек), что подталкивало его к самосохранению, и некоторые другие исторические и политические факторы, в том числе несбалансированность конфессионально-национальной политики советской власти в предвоенные годы, можно предположить, что активность участия татар в партизанском движении была достаточно высокой.

При классификации по социальному положению представителей татарского населения, которые участвовали в партизанском движении, можно констатировать, что значительное большинство из них были рабочими, причем в основном кожевниками, что является традиционным татарским занятием. Следующими по распространенности социальными категориями среди местных татар-партизан были крестьяне и служащие. Встречались также в партизанском движении среди татар учащиеся. Если вести речь о партийном членстве татар-партизан, то основная масса была беспартийной. Что касается возрастной структуры, то обращает на себя внимание количество молодежи в партизанских формированиях: юношей и девушек до 26-летнего возраста насчитывалось 56% от общего числа местных татар, которые вели борьбу с врагом в качестве партизан. Кстати, эта тенденция была характерна вообще для партизанского движения на территории Беларуси. Более подробная информация о половозрастной структуре татар-партизан представлена в таблице.

Таблица – Половозрастная структура татар-партизан (%)

Мужчины	Женщины	До 18 лет	От 18 до 26 лет	От 26 до 45 лет	Больше 45 лет
72	22	16	40	34	10

Довольно трудно проследить весь боевой путь партизан из-за отсутствия полных сведений. Представители татарского населения до вступления в партизанские отряды (в состав которых они почти все попали в 1943 г.), за редким исключением, не воевали на фронтах войны. В составе партизанских формирований они в своем большинстве участвовали в боевых операциях, меньшее их количество выполняло функции связных бригад или отрядов или находилось в хозяйственных взводах, некоторые были разведчиками. Почти все представители татарского национального меньшинства, сражавшиеся с врагом в составе партизанских формирований, являлись рядовыми бойцами, только единицы занимали командирские должности. По подсчетам автора, за вклад в победу над фашизмом 17% партизан из числа местных татар были отмечены правительственными наградами.

У многих судьба сложилась трагически: некоторые погибли во время выполнения боевых заданий или были расстреляны оккупантами, либо пропали без вести, некоторых фашисты забрали в плен и вывезли на работу в Германию. Документы свидетельствуют, что при соединении партизанских бригад с частями Красной Армии после освобождения территории Беларуси значительное большинство татар были направлены в действующую армию для дальнейшей борьбы с врагом. Меньшее количество представителей татарского населения, сражавшихся в партизанском движении, направили в местные коммунистические и советские органы или отправили домой, некоторых – в трудовые резервы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 764 с.
2. Грыбава, С. У. Беларускія татары падчас Вялікай Айчыннай вайны ў складзе 1-й Мінскай партызанскай брыгады (на падставе архіўных дадзеных) / С. У. Грыбава // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2008. – № 11. – С. 51–54.
3. Грыбава, С. У. Беларускія татары ў партызанскіх фарміраваннях Мінскай вобласці падчас Вялікай Айчыннай вайны / С. У. Грыбава // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, Брест, 27–28 сент. 2010 г. / Брест. гос. техн. ун-т ; ред.: А. В. Мошук [и др.]. – Брест, 2010. – С. 50–55.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 128. Л. 4, 4 об.
5. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 623. Оп. 1. Д. 512. Л. 57.
6. ГАМн. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 185. Л. 208.
7. ГАМн. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 204. Л. 18.
8. ГАМн. – Ф. 623. Оп. 1. Д. 512. Л. 6, 6.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 285. Л. 319–320.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 5. Д. 428. Л. 12–13.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 283. Л. 121.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 5. Д. 671. Л. 223–224.

13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 351. Л. 144–148.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 454. Л. 373–373а.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 5. Д. 653. Л. 99–101.
16. Грыбава, С. У. Беларускія татары ў партызанскім руху падчас Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Заходняй Беларусі / С. У. Грыбава // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы : сб. науч. ст. / каф. соц.-гуманитар. наук БрГТУ ; редкол.: Я. С. Яскевич (гл. ред.) [и др.]. – Брест, 2008. – Вып. 5. – С. 38–43.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 235. Л. 194–195.

Поступила 03.05.2017

PARTICIPATION OF THE TATAR POPULATION OF BELARUS IN THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article contains information on participation of the Tatar population of Belarus in the partisan movement during the Great Patriotic War. On the basis of archival sources the author provides data on the number of Belarusian Tatars in partisan formations which operated in the western and eastern regions of the BSSR. The author describes specific examples of their anti-fascist struggle in partisan detachments. On the basis of information obtained from archival sources, the author analyzes the demographic characteristics of the Tartar partisans: their social position, membership in parties, the level of education, and gender and age characteristics of the Tatars who participated in the partisan movement. The article includes information on functions of Tatars in partisan formations, it is noted that 17% of the partisans from among the local Tatars were awarded with government awards for contributing to the victory over fascism.

Key words: Great Patriotic War, Belarusian Tatars, partisan movement, partisan formations.

УДК 322 (476)

**КОМСОМОЛ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
В 1970-е гг.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ***канд. ист. наук, доц. В.Д. КРЮКОВСКИЙ**(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)*

Рассматриваются основные направления деятельности ЛКСМБ по формированию научно-материалистического мировоззрения молодежи. Отмечается, что в некоторых районах наблюдались положительные результаты. Эффективность осуществляемых мероприятий достигалась тогда, когда комитеты комсомола вели воспитательную работу на основе научного подхода и творческого использования опыта. Углублявшийся в 70-е годы отрыв воспитательной деятельности комитетов комсомола от реальной жизни обрекал ее на абстрактное просветительство. Утвердившийся в работе комсомола республики разрыв между словом и делом, приукрашивание действительности порождали у юношей и девушек неверие в то, что им говорили. Подчеркивается, что в итоге воспитательная практика комсомольских организаций нередко превращалась в простую формальность и мало способствовала расширению политического кругозора, укреплению научного мировоззрения, развитию нравственных качеств молодого поколения.

Ключевые слова: *пропагандистская деятельность, индивидуальная работа, учреждения культуры, новые обряды, воспитание, формализм.*

Введение. Деятельность комсомола Беларуси в системе взаимоотношений государства и церкви, мировоззренческие проблемы 1970-х годов привлекали к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте большое научное и практическое значение представляют работы Р.П. Платонова, в которых анализируются вопросы содержания и организации партийными комитетами мировоззренческой пропагандистской деятельности. Поскольку автор не ставил целью отдельное изучение деятельности комсомольских организаций по формированию научно-материалистического мировоззрения молодежи, в монографиях, отсутствует комплексный анализ данного направления работы [1].

Формы и методы деятельности партийных и комсомольских организаций с юношами и девушками по формированию научно-материалистических убеждений отражаются в ряде кандидатских диссертаций. Заслуживают внимания исследования А.А. Горбацкого и Н.М. Демченковой, основанные на обширном фактическом материале. Освещение в диссертациях роли комитетов комсомола в воспитательном процессе ограничивается отдельными примерами и фактами [2].

Научный интерес представляют труды белорусских философов. В монографиях и брошюрах М.Я. Ленсу, И.И. Акинчица, Г.М. Филиста, А.А. Круглова раскрываются содержание, структура, функции государственной идеологии и религии, методологические и методические проблемы воспитания молодежи, обобщается опыт научно-атеистической работы в Беларуси [3].

Основные формы и методы воспитательной работы комсомольских организаций 60–70-х годов освещаются в сборниках республиканских научных конференций, печатных изданиях комсомольских руководителей и комитетов [4].

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что роль комсомола Беларуси в системе отношений государства и церкви в освещаемый период остается малоизученной.

Цель данной статьи – проанализировать отношения государства и церкви в контексте основных направлений воспитательной деятельности комсомола Беларуси в 1970-е годы.

При написании публикации использованы сборники документов КПСС, информационные бюллетени ЦК ЛКСМБ, фонды государственных архивов Республики Беларусь. Важным источником явилась республиканская, областная печать, журналы. Методология статьи основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть. В годы исследуемого периода в комсомольской организации Беларуси сложились основные направления работы по формированию научно-материалистического мировоззрения юношей и девушек: изучение религиозной обстановки, воспитание молодежи в процессе повышения ее трудовой и социальной активности, образования и политического просвещения, пропагандистской и индивидуальной работы, проведения совместных мероприятий с учреждениями культуры, внедрения в жизнь социалистической обрядности.

Комитеты комсомола в воспитательной деятельности с молодежью применяли различные формы массовой пропаганды: лекции и циклы лекций, общественно-политические чтения, научно-практические конференции, месячники атеистической пропаганды, вечера вопросов и ответов, устные журналы, вечера-встречи с бывшими верующими, тематические вечера, комсомольские собрания со специальной повесткой дня и другие.

Определенных успехов в этой работе добивались партийные и комсомольские организации Столбцовского района. Районный комитет партии на пленуме, состоявшемся 29 декабря 1971 года, принял специальный план мероприятий, в котором предусматривалось проведение в районе широких научно-атеистических пропагандистских мероприятий. Решения райкома КПБ активизировали деятельность и районной комсомольской организации. На пленуме РК ЛКСМБ с повесткой дня «О состоянии и мерах улучшения работы первичных комсомольских организаций по атеистическому воспитанию молодежи» (январь, 1973 г.) комсомольцы обсудили состояние сложившейся в районе системы атеистического воспитания юношей и девушек, наметили меры по ее улучшению. После принятых решений стало традицией проведение мировоззренческих мероприятий с учетом состояния религиозности различных групп населения, в том числе и зон влияния действовавших церквей и костелов. Установилась практика составления карт религиозности как по району в целом, так и в трудовых коллективах. В картах отражались: локализация религиозных объединений и производственной деятельности верующих, их общеобразовательный уровень. В зонах наибольшего религиозного влияния создавались кружки по изучению основ научного атеизма. Карты давали возможность более целенаправленно заниматься подбором и расстановкой кадров-атеистов, применять метод комплексного решения воспитательных задач [5, л. 124; лл. 1–42; лл. 120–121].

Достаточно регулярно велась научно-атеистическая пропаганда среди молодежи в колхозе имени 1 мая. На партийном собрании колхоза коммунисты подготовили широкий план научно-атеистической работы, в котором важное место было отведено организации устной пропаганды. Комитет комсомола также разработал свои мероприятия по ведению атеистической пропаганды, ход их выполнения контролировался. Совместно с партийной организацией были проведены подбор и налажена учеба лекторов-атеистов, подготовлены сценарии проведения различных массовых форм пропаганды. Осуществляемые меры способствовали повышению интереса к научно-атеистическим мероприятиям. Комсомольцы и молодежь прослушали циклы лекций: «Если мир сотворен богом, то как он возник?», «Вечно ли будет существовать мир или погибнет со временем», «Происхождение религиозных праздников», «Есть ли у человека судьба». В колхозе регулярно проходили атеистические вечера, вечера вопросов и ответов, обсуждались кинофильмы на научные темы. Атеистические мероприятия сочетались с решением социально-бытовых вопросов, увязывались с другими направлениями идеологической работы. В результате в колхозе был здоровый нравственный климат, низкой оставалась религиозная обрядность, не было случаев обращения к вере со стороны молодых людей.

Планомерная пропаганда материалистических взглядов велась среди учащихся Залужской средней школы района. Комитет комсомола совместно с руководством школы составлял комплексные планы проведения устных атеистических мероприятий, индивидуальной работы. Под его руководством составлялись сценарии различных мероприятий, анализировалась их действенность. В школе стали практикой регулярные выступления десятиклассников с докладами на атеистические темы перед учащимися младших классов, конференции по книгам естественно-научной и нравственной направленности, проведение тематических вечеров, обсуждение кинофильмов, организация выставок, критикующих религию. В школьной библиотеке комсомольцы оборудовали уголок атеиста, выпускали стенную газету.

В воспитании подрастающего поколения принимала участие и пионерская дружина. На заседаниях комитета комсомола рассматривались вопросы организации атеистической пропаганды в дружине, пионерскому активу оказывалась необходимая помощь в проведении массовых мероприятий. Интересно, например, прошел в 1973 году сбор в отряде им. Риммы Шершневой на тему «Наука и религия». На свое мероприятие ребята пригласили комсомольцев, членов школьного химического кружка. Кружковцы продемонстрировали опыты, объясняющие отдельные химические и физические явления.

Весь комплекс идеологических мероприятий, проводимых комсомольской организацией и пионерской дружиной, оказывал большое воспитательное воздействие на учащихся. Выпускников школы характеризовали твердые научно-материалистические убеждения, многие из них принимали участие в научно-атеистической пропаганде среди населения.

Пропаганда научно-материалистических взглядов широко велась в комсомольских организациях колхозов «Дружба», «Страна Советов», «Неман», имени Ленина, плодоовощного завода, хлебокомбината, Деревнянской, Заямновской, Рубежевичской СШ, Слободской, Вишневецкой ВШ и других. Деятельность Столбцовского райкома комсомола по воспитанию молодежи отмечалась как положительная ЦК ЛКСМБ, Минским обкомом комсомола [6, лл. 87–88; лл. 6, 19, 24–29, 31; л. 34; л. 43].

Во многом пропаганда научно-атеистических взглядов, как показало изучение, ставилась научно в комсомольских организациях Слонимского, Кареличского, Новогрудского, Глубокского и Городокского районов, Брестских инженерно-строительного института и электромеханического завода, совхозе «Раковский» Воложинского района [7, л. 11; л. 91 л. 116; л. 52; л. 97].

Вместе с тем нарастание предкризисных явлений в экономической, социальной, политической и духовной сферах общественной жизни с каждым годом все более и более негативно сказывалось на со-

стоянии всей идеологической деятельности общественных, в том числе комсомольских организаций. Желание забежать вперед, всюду успеть, быстро отрапортовать, с одной стороны, а с другой – неумение и часто нежелание доводить начатое дело до конца порождали формализм в работе, вели к сворачиванию целого ряда важных направлений воспитания, включая пропаганду научно-материалистических, мировоззренческих идей. Результатом становилось развитие в молодежной среде негативных взглядов и нравов.

Действие такого рода факторов в первую очередь сказалось на снижении интереса к лекционной пропаганде, проводимой комсомольскими комитетами. Так, если лекторами Лидской районной организации общества «Знание» в 1973 году было прочитано 194 лекции по научно-атеистической тематике, в первой половине 1974 – 139, то лекторской группой РК ЛКСМБ (18 человек) в 1973 году прочитано 2, а в 1974 году – 9 лекций по научному атеизму. В 1971–1973 годах лекторы Шумилинского и Клецкого райкомов комсомола не прочитали ни одной лекции по научному атеизму, в лекторской группе Лепельского РК ЛКСМБ даже не было секции по атеистическому воспитанию молодежи [8, лл. 83–84; л. 106; л. 116; л. 84].

Распространение в обществе искаженных представлений о состоянии дел, завышение уровня сознательности молодого поколения вели к потере такого качества агитационно-пропагандистской работы, как правдивость. Теряя интерес к идеологической деятельности, а с другой стороны, не имея и достаточных знаний для того, чтобы квалифицированно заниматься ею, комсомольские работники сознательно уклонялись от участия в ней, прежде всего, в лекционной и пропагандистской работе.

Изучение работы Докшицкого райкома комсомола, проведенное работниками Витебского ОК ЛКСМБ, показало, что на протяжении 1971–1973 годов работники аппарата райкома не участвовали в научно-атеистической пропаганде, хотя религиозная обстановка в районе была одной из сложных в области [9, л. 11].

Несмотря на принимаемые решения, продолжалась девальвация агитационной работы. Беседы, политические информации, нередко сводившиеся к пересказу общеизвестных истин и обходившие злободневные вопросы местной жизни, не давали ответов на многие проблемы, волнующие молодежь. Кроме того, в условиях работы, когда оценка действенности идеологической деятельности определялась не по конкретным результатам, а по количеству проведенных мероприятий, комитеты комсомола проводили политические мероприятия без учета сложностей и особенностей идеологической обстановки, часто там, где легче было собрать аудиторию.

Например, в Молодечненском районе в 1977–1979 годах, как свидетельствуют архивные материалы, основное количество лекций и других атеистических мероприятий приходилось на неверующие аудитории, а молодые люди, находящиеся под влиянием религии, оказывались в стороне от идеологического воздействия. И, как результат, в районе наблюдалась высокая активность религиозных организаций [10, лл. 94, 123–128; л. 65].

Атеистическая пропаганда становилась все более разобщенной, а в ряде случаев полностью прекращалась. Это было характерно, например, в середине 70-х годов для первичных комсомольских организаций Малоритского, Ганцевичского, Брестского, Солигорского, Смолевичского и других районов [11, л. 164; л. 24].

В ряде мест слабая идеологическая подготовка комсомольского актива трудовых коллективов приводила к недооценке целей и задач воспитания, ограничению атеистической работы эпизодическим чтением лекций или проведением разрозненных мировоззренческих мероприятий. Подобная организация работы без взаимосвязи с другими сторонами и направлениями воспитания не могла дать положительные результаты, превращала атеистическую пропаганду в абстрактную идеологическую проповедь, не затрагивавшую чувств и мыслей молодежи.

Такое положение сложилось в комсомольских организациях колхоза «Партизанский край» имени В.З. Коржа и Гоцкой СШ Солигорского района. Здесь работа по атеистическому воспитанию молодежи сводилась к бессистемной читке лекций, формально организованной индивидуальной работе. В то же время в комсомольских организациях неудовлетворительно велась работа по вовлечению молодежи в трудовую и общественно-политическую деятельность, культурно-массовую и спортивно-массовую работу. Более половины состава комсомольцев колхоза не были охвачены никакими формами общеобразовательной и политической учебы. Местная же община евангельских христиан-баптистов в 70-е годы активно пополнялась за счет учащихся и колхозной молодежи [12, л. 52; л. 15, 24–27].

В воспитании молодежи особое место занимала индивидуальная работа. Изучение документов и материалов 70-х годов показало, что она выступала действенным фактором отхода молодежи от религии. Например в ходе опроса 180 бывших верующих юношей и девушек г. Бреста, 144 из них назвали основной причиной разрыва с религией индивидуальную работу с ними активистов.

Определенный опыт индивидуальной мировоззренческой работы был накоплен в комсомольской организации Брестского электромеханического завода. В первом квартале 1971 года партком созвал совещание секретарей цеховых партийных и комсомольских организаций на тему: «О состоянии и мерах

улучшения атеистического воспитания рабочих и служащих электромеханического завода». Основное внимание было обращено на усиление индивидуальной работы. Выработанные рекомендации помогли комитету комсомола и цеховым комсомольским организациям четче определить свое место в системе воспитания на предприятии, наметить целый ряд конкретных мероприятий. Был значительно расширен состав агитаторов-атеистов за счет включения в него мастеров и бригадиров. Наладили обучение агитаторов и комсомольских активистов навыкам индивидуальной работы. Совет молодых атеистов начал изучать личные особенности, степень религиозности молодых верующих. На совместных заседаниях партийных и комсомольских бюро цехов и отделов стали регулярно заслушиваться сообщения о результатах работы агитаторов-атеистов и актива [13, л. 41; лл. 15–16; лл. 8, 19; л. 138].

Агитаторы-атеисты в ходе своей работы старались получить представление о прочности и глубине религиозных убеждений верующего, особенностях его психологии, для каждого старались найти более результативные пути воздействия. В одном случае они помогали верующему, вовлекая его в общественную деятельность, в другом – искали способы влияния через семью и т.д. Все это приводило к положительным сдвигам в сознании и поведении молодежи.

Например, большая и кропотливая индивидуальная работа была проведена с Валею Г., попавшей под влияние сектантов. С девушкой беседовали агитаторы, комсомольские активисты, затрагивая волнующие ее мировоззренческие и жизненные проблемы. Часто беседовал с ней секретарь парткома. Комсомольцы побывали у Вали на квартире, познакомились с ее родителями, которые были атеистами. Отец и мать помогли комсомольской организации: с большой чуткостью и тактом терпеливо и настойчиво убеждали дочь, на многочисленных примерах разъясняли антинаучность религиозного вероучения. Терпеливая совместная работа привела к тому, что Валя порвала с сектой, стала примерной работницей, общественницей. Девушка была благодарна комсомольцам, что они помогли ей понять ее ошибку, которая могла иметь негативные последствия [14, лл. 116, 138–139].

Большую индивидуальную работу с верующими детьми и подростками вела комсомольская организация Дарасинской школы Любанского района. Вопросы атеистического воспитания регулярно обсуждались на комсомольских собраниях, в комитете комсомола. С учетом мнения комитета комсомола и администрации школы для работы с верующими юношами и девушками были подобраны авторитетные комсомольские активисты, преподаватели. Индивидуальная работа велась неотрывно от других направлений воспитания.

Приведем типичный пример из опыта работы этой комсомольской организации. Во второй половине 70-х годов в пятый класс школы пришел из фанатично верующей семьи Анатолий Трухан. Тихий и скромный, он резко выделялся на фоне других учащихся. За исключением учебных занятий ко всему остальному он был безразличен, уклонялся от участия в общественных мероприятиях. Первые предложения о вступлении его в пионеры закончились неудачей. Это не смутило педагогов и комсомольцев. Уроки с атеистической направленностью, внешкольные и внеклассные атеистические мероприятия, дополненные индивидуальными беседами в конце концов сделали свое дело. В 7-м классе Анатолий сам высказал желание стать пионером. Он стал общительным, веселым, начал лучше учиться. А в 8-м классе первым подал заявление в комсомол. Комсомольская организация школы вступление А. Трухана в комсомол провела торжественно. День получения комсомольского билета стал для юноши памятным на всю жизнь.

После окончания восьми классов Анатолий поступил в Жодинское ГПТУ металлургов. В своих письмах он выражал большую благодарность преподавателям, друзьям-комсомольцам за помощь в освобождении от иллюзорного мировоззрения.

Индивидуальная работа с верующими не всегда приносила ожидаемые результаты. Недооценка многими комсомольскими работниками значения атеистического воспитания часто приводила к тому, что индивидуальное воспитание, как и другие направления, развивалось стихийно. Юноши и девушки, оставленные без индивидуального воздействия комсомольских организаций, колебавшиеся в вопросах религии и атеизма, под влиянием верующих родителей или знакомых нередко в своих духовных поисках обращались к религии. Так, в начале 70-х годов под воздействием членов сектантской общины пришел к религии студент энергетического факультета Белорусского политехнического института, член ВЛКСМ Владимир Белида. Комсомольскую организацию института это ничуть не беспокоило. Об отношении комитета комсомола этого института к индивидуальной работе говорит то обстоятельство, что активисты даже и не подозревали, что комсомолец, студент на протяжении трех лет, с 1973 по 1976 гг., регулярно посещал собрания религиозной общины.

Нередко безразличное отношение комсомольских активистов к судьбам молодых людей приносило непоправимый вред. Сошлемся на примеры.

Комитету комсомола крупного завода г. Минска стало известно, что в коллективе одного из цехов работает якобы молодая баптистка. Девушку тут же вызвали на заседание комитета и путем грубой проработки попытались доказать ей ошибочность ее взглядов. Но, узнав со слов девушки, что она не комсо-

молка, активисты сразу же успокоились: они вроде не при чем. В результате подобных действий молодая работница, как оказалось, лишь колебавшаяся в вопросах религии, замкнулась в себе, стала активно посещать молитвенный дом [15].

В результате целенаправленной индивидуальной воспитательной работы педагогов, комсомольских активистов СШ № 65 г. Минска учащаяся 9 класса Алла П. порвала с увлечением религиозными идеями, стала активисткой. Во время проведения в школе Ленинского зачета комсомольское бюро класса, учитывая ее хорошую успеваемость, активную общественную работу, авторитет у одноклассников, предложило засчитать Алле Ленинский зачет без сдачи. Но в школе оказались усомнившиеся. Тогда комсомольцы обратились за разъяснением в Советский райком ЛКСМБ. Там, не обременяя себя долгими раздумьями, возмутились: «Ни в коем случае!». И на классном собрании в присутствии директора школы, председателя комиссии по Ленинскому зачету, организатора внеклассной воспитательной работы было объявлено, что Алла к сдаче зачета не допускается «по причине ее чуждой идеологии».

– Ну что ж, сказала девочка, – теперь остается ходить в молитвенный дом. Она, конечно, не пошла в культовое учреждение, однако замкнулась в себе, и уже не стало той искренности, той доверчивости, активности, с которой шла к своим товарищам.

Атеистическая некомпетентность преподавателей и комсомольского актива нередко приводила к нарушениям законодательства о религиозных культах, противопоставлению верующих и неверующих, что подрывало веру молодежи в социалистические идеалы.

Учебные занятия, внеклассные мероприятия, индивидуальная работа товарищей по учебе постоянно способствовали упрочению материалистических взглядов у учащегося Молодечненского политехникума Владимира Р. Однако многие вопросы для юноши не были достаточно ясными. В одном из классных сочинений он поставил ряд мировоззренческих вопросов, в которых не мог самостоятельно разобраться. Узнав из сочинения о религиозных колебаниях своего ученика, преподаватель литературы и администрация учебного заведения попытались заставить Владимира переписать работу, но он отказался. Тогда ему поставили двойку и приняли решение об исключении из техникума. И лишь вмешательство районных депутатов помешало осуществить этот неверный шаг [16, л. 56–57].

Изучение документальных материалов показывает, что людям, ведущим индивидуальную атеистическую работу, не хватало умения, терпимости, уважения к другим взглядам, компетентности. Частыми были случаи, когда в погоне за мнимым успехом комсомольские активисты, добившись, как им казалось, разрыва воспитуемого с религией, прекращали с ним всякую работу. Юноши и девушки, еще не выработавшие твердых мировоззренческих убеждений, колебавшиеся, в результате безразличия к их взглядам, под влиянием прежнего религиозного окружения и проповедников вновь возвращались в общину.

Подтвердим это положение таким фактом. Комсомольские активисты г. Кричева, сумев найти контакт с молодым баптистом Ч., помогли ему глубже проникнуть в сущность религии, выйти из общины, а затем вступить в комсомол. После этого они посчитали, что дело сделано, о парне забыли, перестали интересоваться его судьбой, оставили наедине со своими переживаниями и сомнениями. А дальнейшее таково: под воздействием общины, которое резко усилилось, молодой рабочий сдал комсомольский билет и возвратился в баптистскую секту. На вопрос «Почему же ты к ним вернулся?», ответил: «А на той стороне лучше...» [17, с. 9].

Действенность индивидуальной работы снижали неумение ее организовать и разумно, тактично вести. В ряде комсомольских организаций она безнадежно отставала от требований времени, ее содержание и методы не отвечали общеобразовательному и культурному уровню верующей молодежи. Часто такая работа вообще завершалась составлением списков верующих и формальным закреплением за ними агитаторов-атеистов. Нередкими были случаи, когда она ограничивалась эпизодическими встречами пропагандистов с верующими. Были и такие факты, когда в учебных заведениях крайне предвзято относились к детям из религиозных семей, особенно сектантских, противопоставляли их остальным учащимся, допускали публичное оскорбление их религиозных чувств.

В государственной политике во взаимоотношениях с религиозными конфессиями в 70-е годы прошедшего столетия важная роль отводилась культурно-просветительным учреждениям. Представлялось, что они должны приобщать молодежь к духовным ценностям, активно способствовать формированию у юношей и девушек научного мировоззрения и коммунистической морали. Комитеты комсомола и комсомольские организации стремились к тому, чтобы Дворцы культуры, клубы, библиотеки, музеи были подлинными центрами общественно-политической и культурной жизни, способствовали формированию у молодежи научно-материалистических взглядов, прочных убеждений. Совместно с советами учреждений культуры составлялись единые планы работы, изучалась религиозная обстановка, готовились атеистические мероприятия. Работа комитетов комсомола и учреждений культуры велась по следующим направлениям: создание в клубах, Домах культуры, библиотеках наглядной агитации и экспозиций, составление каталогов литературы; включение атеистических произведений в репертуары коллекти-

вов художественной самодеятельности, проведение читательских конференций, лекций, устных журналов, вечеров вопросов и ответов и т.д.; внедрение социалистической обрядности.

Определенный опыт атеистического воспитания молодежи накопили в освещаемый период комитеты комсомола и культпросветучреждения Дятловского района. В районе уделялось большое внимание мировоззренческой направленности культурно-просветительной деятельности. Райкомом комсомола, районной организацией общества «Знание» и отделом культуры райисполкома совместно были разработаны и проведены многие мероприятия атеистического плана, рассчитанные на различные группы молодежи. В центре постоянного внимания были подбор и расстановка кадров культпросветработников. Все они утверждались бюро РК ЛКСМБ. В районе стали традицией смотры-конкурсы первичных комсомольских организаций на лучшую постановку культурно-просветительной и атеистической работы в среде рабочей и сельской молодежи. Сценарии атеистических мероприятий готовились совместно учреждениями культуры и комсомольскими организациями.

Разностороннюю атеистическую работу вели комсомольская организация колхоза «Новая жизнь» и Сочевлянский сельский клуб. Для координации этой деятельности была создана секция атеистов. На основе изучения религиозной обстановки составлялись единые планы работы, проводились вечера вопросов и ответов, тематические вечера, конференции, устные журналы. Проводился также коллективный разбор этих мероприятий, выявлялось отношение к ним молодежи. С учетом запросов юношей и девушек в клубе были прочитаны лекции на темы: «Религия и современный мир», «Наука и религия о строевании Вселенной», «Марксизм и религия»; состоялись тематические вечера: «Наука разоблачает суеверия и чудеса», «Землю, небо обошел», сопровождаемые демонстрацией химических опытов; прошли вечера трудовой славы, дни механизаторов и животноводов, праздники «Серпа и молота». Торжественными были проводы юношей в Советскую армию, обряды регистрации браков и новорожденных. Активно работала клубная агитбригада «Поговорим о чудесах». Ее программа начиналась лекцией научно-атеистического содержания, затем учащимися демонстрировались химические опыты. Заканчивалось выступление бригады концертом художественной самодеятельности, предлагавшим участникам стихи, рассказы и пьесы на мировоззренческие темы.

В исследуемом десятилетии в колхозе не было роста местной сектантской общины, снижалась религиозность других верующих [18, лл. 21, 98, 129–131; л. 88; лл. 27–28; лл. 109–110; лл. 75, 92, 96, 98, 99; лл. 5, 6; л. 30; лл. 95–97; лл. 14, 30].

Результативную совместную работу по атеистическому воспитанию молодежи в 1971–1980 гг. вела комсомольская организация колхоза «Красный Октябрь» и Вензовецкая сельская библиотека. В колхозе также постоянно уделялось необходимое внимание мировоззренческой направленности культурно-просветительных мероприятий. Комсомольские активисты и работники библиотеки изучали состояние религиозности в колхозе, готовили многие культурно-образовательные мероприятия, оформляли наглядную агитацию. В 1975 году в колхозе прошло открытое комсомольское собрание «Каждый комсомолец – активист», определившее ряд новых мер по улучшению всей просветительной работы. В библиотеке были оформлены уголок атеиста, стенд «Коммунизм и религия». Было организовано несколько читательских конференций. В систему вошло проведение устных атеистических журналов («Наука и религия», включавших страницы «Наука и суеверия», «Медицина и религия» и др.). Регулярно велась лекционная пропаганда («Молодежи – атеистическое воспитание», «О пережитках прошлого» и др. В библиотеке был систематизирован фонд литературы по атеизму: «Сквозь тайны звездных пространств», «Человек и природа». Для пропагандистов, лекторов создали уголок атеиста, в котором кроме необходимой литературы имелись рекомендательные списки, атеистическая картотека «Разум и религия», методические материалы.

В проводимую работу вовлекались учащиеся местной школы. Совместно с комитетом комсомола школы планировались и проводились беседы на темы: «Счастье человека в труде», «Происхождение религиозных праздников», а также диспуты и обзоры под названием «Волшебница химия» [19, лл. 92, 93; л. 113; л. 108; лл. 18–20].

Плодотворно вели совместную атеистическую работу комсомольские организации колхоза им. Заслонова и Дворецкий СДК, совхоза «Горка» и Горковский клуб, СПТУ №15 и Козловщинский ДК. Совместная работа комсомольских организаций с культурно-просветительными учреждениями способствовала улучшению нравственной обстановки, росту трудовой активности, снижению религиозной обрядности. Опыт работы Дятловской районной комсомольской организации и учреждений культуры был положительно оценен пленумом Гродненского ОК ЛКСМБ (июнь, 1976 г.), широко пропагандировался в республиканской прессе. В 1977 году Дятловская районная комсомольская организация была признана победителем областного смотра-конкурса городских, районных комсомольских организаций на лучшую постановку работы по атеистическому воспитанию рабочей и сельской молодежи [20, лл. 92, 94; л. 30; л. 32; л. 23; л. 34; л. 13; лл. 41, 60; лл. 86–91; лл. 13–14, 66–67].

Совместная атеистическая работа комитетов комсомола и культпросветучреждений активно велась в Слонимском, Волковысском, Столбцовском, Горецком, Глубокском районах, Новополоцке, Орше, Пинске [21, л. 28; л. 122; л. 103; лл. 37, 38; лл. 25, 43].

Нарастание в обществе застойных явлений не могло не наложить отпечаток и на деятельность комсомольских организаций и учреждений культуры по атеистическому воспитанию молодежи. Недостаточное внимание комитетов комсомола к укреплению материальной базы учреждений культуры вело к тому, что она оставалась крайне неудовлетворительной. Многие культпросветучреждения, особенно в сельской местности, размещались в непригодных, иногда и в аварийных помещениях, годами не ремонтировались, не были оснащены необходимыми техническими средствами пропаганды, наглядной агитацией, не хватало художественной и научной литературы. В результате они были не в состоянии должным образом вести результативную воспитательную работу. Нередко они значительно проигрывали в благоустройстве учреждениям культа.

Например, в клубе деревни Медно Брестского района зимой 1975/76 года окна были выбиты, наглядная агитация сорвана, часть имущества расхищена. Это никак не волновало ни работников местного совета, коммунистов, ни комсомольскую организацию. И, видимо, совершенно не случайно часть молодых людей в поисках удовлетворения духовных потребностей стала посещать находившийся рядом с клубом красиво оформленный и благоустроенный молитвенный дом, где регулярно проходили собрания верующих.

В 1977–1978 годах в Каменецком сельском Доме культуры Мозырского района из-за неисправности киноустановки художественные фильмы демонстрировались редко, кинолента то и дело прерывалась из-за неполадок. Библиотека многие дни была закрыта. Не работали и библиотечки-передвижки. Оформление клуба было примитивным, убогим, кружковая работа в нем не велась. Не удивительно, что молодежь местного совхоза «Каменка» перестала посещать клубные мероприятия (зрительный зал Дома культуры оставался полупустым даже во время совхозных концертов). Подобное состояние и отношение к культурным запросам юношей и девушек оказалось на руку незарегистрированной сектантской общине, куда с удовольствием потянулась совхозная молодежь [22, лл. 97–99].

Низким был уровень подготовки кадров культуры, что, естественно, отрицательно сказывалось на качестве их работы. Так, в Витебской области из 2,4 тыс. работников учреждений культуры только 992 человека имели специальное образование; 225 заведующих клубами и библиотеками, преимущественно сельскими, не имели даже законченной средней подготовки. Подобный уровень профессионализма работников культуры вел и к низкому качеству их деятельности, обуславливал неспособность удовлетворять возрастающие духовные запросы и интересы молодежи. О равнодушии комитетов комсомола области к подбору кадров культурно-просветительных работников говорит тот факт, что в 1977 году на десятидневные курсы художественных руководителей на средства колхозов и совхозов не было направлено ни одного человека из 12 районов. Лишь четыре колхозных стипендиата учились в Витебском культпросветучилище [23, л. 38; л. 47].

Из-за невысокой квалификации работников культуры, слабой заинтересованности в работе нередко атеистическая деятельность учреждений культуры сводилась к формальному составлению планов, к эпизодическому проведению бессистемных мероприятий, которые обычно проходили по упрощенной схеме: кинофильм и танцы.

В деревне Головшицы колхоза имени Чкалова Дрогичинского района Брестской области звуки струнного оркестра из молитвенного дома баптистов привлекали внимание молодежи больше, чем заигранные пластинки клубной радиолы. Концерты самодеятельных артистов готовились только к большим праздникам, в то время как у членов общины чуть ли не каждое воскресенье устраивались театрализованные собрания. Да и сам вид клуба – внешний и внутренний (с пожелтевшими лозунгами, дырами в полу, подтеками на потолке) – не привлекал молодежь. Н одного молодого человека потеряла здесь комсомольская организация, пустив на самотек проведение культурного досуга молодежи.

В проведении воспитательной атеистической работы с молодежью недостаточно использовались возможности кино. Это было связано как с нехваткой фильмов, поступающих на базы кинопроката, с устаревшей тематикой кинолент, так и со слабой пропагандой тех из них, которые пользовались успехом. Например, в клубах Несвижского района в 1971 году было показано лишь 5 художественных и 2 короткометражных фильма атеистического содержания. Но и их просмотрело лишь 0,2% комсомольцев и молодежи района. Ответственность за этот срыв ложится на комитеты комсомола района, которые никакой разъяснительной работы среди молодежи не провели.

Изучение показало, что ни ЦК ЛКСМБ, ни один из обкомов комсомола республики в исследуемый период даже не предприняли попытки обобщить и распространить хотя бы в масштабах района опыт работы комитетов комсомола и культпросветучреждений по атеистическому воспитанию молодежи. В ноябре 1974 года бюро ЦК ЛКСМБ приняло постановление об обобщении опыта работы Слонимского

райкома комсомола, организаций общества «Знание» и культпросветучреждений [24, л. 116; л. 43], но оно так и осталось не выполненным. В этом также одна из причин того, почему атеистическая работа учреждений культуры строилась бессистемно, неинтересно, в отрыве от потребностей и интересов молодежи.

Формированию у трудящихся материалистического мировоззрения, воспитанию их в духе высоких нравственных идеалов согласно идеологической концепции государственных органов в исследуемый период активно способствовали новые праздники, традиции, обряды.

Сложившаяся за годы советской власти в Беларуси система социалистической обрядности включала в себя: государственные (общественно-политические), профессиональные (трудовые), молодежные, народные, а также семейно-бытовые праздники и обряды.

Первостепенное внимание в работе с юношами и девушками комсомольские организации республики уделяли повышению воспитательной роли общественно-политических обрядов как важнейшей части общегосударственных и революционных праздников: годовщин Октябрьской революции, образования СССР, дней Первого мая, памяти В.И. Ленина, дня Конституции, праздника Победы, Дня Советской армии и Военно-Морского Флота.

Важное значение проведению советских праздников уделялось партийными, советскими и комсомольскими организациями Каменецкого района. Утверждая в октябре 1971 года мероприятия по усилению атеистического воспитания населения района, бюро райкома партии рекомендовало комсомольским и другим общественным организациям уделить больше внимания внедрению в быт молодежи новых обычаев и обрядов. Комсомольские активисты возглавили в районе 7 из 17 общественных комиссий по гражданским обрядам при исполкомах местных Советов, районную комиссию – первый секретарь РК ЛКСМБ Светлана Карапатенко. Райком комсомола в течение 1971, 1972 и первого полугодия 1973 года рассмотрел различные аспекты поставленной задачи. В целях повышения роли социалистической обрядности в воспитании молодежи был разработан и осуществлен широкий круг общественных мероприятий в связи с гражданскими праздниками, налажена учеба секретарей комсомольских организаций и культпросветработников [25, л. 57; л. 36, 55; лл. 14, 24–31; л. 31, 39].

Традиционным в районе накануне годовщин Октябрьской революции и других общегосударственных торжеств стало проведение массовых собраний, митингов, факельных шествий, встреч с ветеранами войны и труда, праздничных огоньков, тематических вечеров, устных журналов, театрализованных представлений. Ежегодно 9 мая по специально разработанному ритуалу проводились недели памяти героев, дни памяти погибших земляков, слеты ветеранов войны и красных следопытов, парады юнармейцев, митинги у братских могил. Они включали исполнение песен военных лет, чтение стихов, концерты художественной самодеятельности. Лучшие люди района рассказывали о своих боевых и трудовых делах. В августе 1973 года бюро ЦК ЛКСМБ обобщило опыт работы Каменецкой районной комсомольской организации по внедрению в быт новых обычаев и обрядов и рекомендовало его другим райкомам и горкомам комсомола республики. Этот опыт применялся большинством райкомов, горкомов комсомола Брестской области, в ряде комсомольских организаций других областей.

Организованно, как показывает изучение, проводились государственные праздники и обряды в Солигорской, Пинской, Оршанской городских, Столбцовой, Ивановской, Кореличской районных комсомольских организациях [26, лл. 12–13, 57–64; л. 43, л. 82; л. 41; л. 51].

Комсомольские комитеты совместно с государственными органами, учреждениями культуры вели разработку, внедрение и развитие трудовой обрядности (посвящение в рабочие, хлеборобы, чествование победителей социалистического соревнования, праздники урожая, профессиональные праздники – дни строителя, животновода и т.д.), детской и молодежной (походы по местам славы советского народа, торжества по случаю вручения паспорта, приема в члены ВЛКСМ и проводов из комсомола), народных (встречи Нового года, весны, зимы, народные гулянья и т.д.), а также семейно-бытовых праздников и обрядов (комсомольские свадьбы, октябрины, торжественно-траурные и другие). Об активном участии юношей и девушек в таких праздниках и обрядах свидетельствует опыт проведения их комитетами комсомола Гомеля, Гродно, Лиды, Новополоцка, Витебска, Кореличского, Чериковского, Слонимского, Глубокского, Ганцевичского и других районов Беларуси [27, л. 34; л. 113; лл. 25–26; лл. 14, 20; лл. 192–195].

Однако не везде и не все комитеты комсомола и комсомольские организации подходили с ответственностью к внедрению в быт молодежи новой обрядности. В ряде городов и районов материальная база обрядности не отвечала требованиям времени. Ритуальные комнаты часто представляли собой тесные помещения при городских или сельских Советах, либо Домах культуры, весь внешний вид которых не мог обеспечить торжественности и общественной значимости новых обрядов. Серьезно тормозила работу нехватка технических средств, музыкальных инструментов и других необходимых атрибутов. Острым был дефицит содержательных, интересных сценариев торжеств, в них было много надуманного, не связанного с народной традицией.

Повсеместно, особенно в сельской местности, не хватало квалифицированных работников, способных на высоком идейном и эстетическом уровне подготовить торжественный церемониал. Этим обычно занимались случайные люди, не имевшие не только нужной подготовки, специального образования, но и заинтересованности в этой работе.

Многочисленными были случаи, когда вследствие формального отношения комсомольских организаций, отсутствия внимания и контроля за деятельностью обрядовых учреждений, за проведением новых советских обрядов работа приобретала бюрократический характер и наносила вред воспитанию молодежи. Обряды (особенно свадьбы и проводы в Советскую армию) часто сопровождалось пьянством. Вот характерный пример. В печати сообщалось, что в августе 1979 года в Барановичском ЗАГСе проходил обряд регистрации брака. Сама его процедура ограничилась всего 20 минутами. Формальная выдача свидетельств о браке, сопровождаемая бокалом шампанского – это далеко не то, чего ожидали молодожены. И совершенно не удивительно, что работники ЗАГСа на вопрос корреспондента: «Хотели бы вы зарегистрировать свой брак здесь?» ответили многозначительным: «Да как сказать...». В г. Белоозерске Брестской области торжественный обряд бракосочетания часто сводился к массовым (четырёх-пятидневным гуляниям), сопровождаемым пьянством. Одаривание молодоженов на свадьбах Ивановского района напоминало аукцион [28].

Многие комсомольские организации и их активисты вообще не принимали участия во внедрении в жизнь молодежи новых праздников и обрядов. В деревне Большое Малешево Столинского района за 9 месяцев 1977 года на 15 венчаний в местной церкви проведена лишь 1 торжественная регистрация брака с участием комсомольских активистов. В то же время заявления о вступлении в Б. Малешевскую и Ольшанскую общины здесь подали 26 юношей и 12 девушек [29, л. 31; л. 19].

Эффективность внедрения новой обрядности, как и других направлений культурно-массовой работы, оценивалась чаще всего не по конкретным делам, а по умело составленным отчетам. Изучение показывает, что должного спроса за состояние такой работы не было. Например, в корреспонденции, раскрывающей просчеты в деятельности Островецкого РК ЛКСМБ, указывалось на полный развал воспитательной и культурной работы с молодежью. Между тем второй секретарь райкома комсомола, непосредственно занимавшийся ею, отвечавший за новую обрядность, был выдвинут на должность заведующего отделом рабочей и сельской молодежи Гродненского обкома комсомола [30].

Имели место и факты, когда в одно и то же время работа одной и той же организации по внедрению социалистической обрядности получала диаметрально противоположные оценки со стороны обкомов комсомола и ЦК ЛКСМБ. Так, проверка работы комсомольской организации колхоза «40 лет Октября» Столинского района, проведенная в 1976 году бригадой Центрального комитета ЛКСМБ, обнаружила полный ее развал. Между тем на пленуме Брестского ОК ЛКСМБ в июле этого года секретарю данного комитета комсомола было предоставлено слово для обмена опытом на этом участке воспитания [31, л. 3; л. 55].

В августе 1974 года бюро Минского обкома комсомола обобщило и рекомендовало другим РК, ГК ЛКСМБ для применения в практике опыт работы Столбцовской районной комсомольской организации по внедрению в быт новых гражданских праздников и обрядов и повышении их роли в воспитании молодежи. Однако этот опыт, который действительно был интересным, так и не нашел применения [32, лл. 2–4, 41–45; л. 28].

В целом, в 70-е годы в комсомольских организациях республики не сложилась продуманная система внедрения в жизнь молодежи новых праздников и обрядов, воспитательный потенциал того, что проводилось, оставался низким.

Заключение. В 1970-е годы в комсомольских организациях был накоплен определенный положительный опыт формирования научного мировоззрения молодежи. Некоторые РК, ГК ЛКСМБ и первичные организации в практической деятельности выработали формы массовой пропаганды и индивидуальной работы. Ряд комитетов комсомола воспитание молодого поколения стремились увязывать с работой культпросветучреждений. В городах и районах проводились мероприятия по распространению в молодежной среде новой обрядности.

Однако нацеленность пропаганды на «вал», «общий охват» вела к тому, что многие юноши и девушки оказывались вне идеологического воздействия. Упрощенное понимание комсомольскими работниками и активистами индивидуальной воспитательной работы, отсутствие методологической культуры и необходимых методических навыков приводили к администрированию, и в итоге сводили на нет действенность предпринимаемых усилий. Безразличное отношение со стороны многих комсомольских организаций к работе учреждений культуры, нежелание их руководителей и актива лично участвовать в подготовке и проведении культурно-массовых мероприятий снижали эффективность культурного просвещения. Не было творческого начала и во внедрении в жизнь молодежи социалистической обрядности.

Анализ форм и методов основных направлений мировоззренческой практики комсомола Беларуси в 1970-е годы приводит к выводу, что она не соответствовала реальным потребностям и все более настоятельно требовала качественного улучшения. Нараставший в деятельности комсомольских организаций формализм, бюрократизация форм и методов воспитательной работы исключали возможность необходимых перемен, сводили на нет предпринимаемые в ряде мест попытки позитивных изменений к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов, Р.П. Пропаганда научного атеизма: Историко-социологическое исследование на материалах Компартии Белоруссии / Р.П. Платонов. – Минск, 1982 ; Платонов, Р.П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты: Из опыта Белорусской ССР / Р.П. Платонов. – М., 1985.
2. Горбацкий, А.А. Работа партийных организаций по формированию научно-атеистического, материалистического мировоззрения учащихся в системе народного образования (1971–1980 гг.). На материалах Белоруссии : дис. ... канд. ист. наук / А.А. Горбацкий. – Минск, 1988 ; Демченкова, Н.М. Деятельность КПБ по совершенствованию форм и методов атеистического воспитания трудящихся (1971–1980 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Н.М. Демченкова. – Минск, 1987.
3. Ленсу, М.Я. Методология и методика атеистического воспитания / М.Я. Ленсу. – Минск, 1985 ; Акинчиц, И.И. Молодежь и религия / И.И. Акинчиц. – Минск, 1975 ; Акинчиц, И.И. Поросль отрезанной ветви / И.И. Акинчиц. – М., 1985 ; Филист, Г.М. Урбанизация и сектантство / Г.М. Филист. – Минск, 1986 ; Круглов, А.А. Мы и религия / А.А. Круглов. – Минск, 1984 ; Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск, 1989.
4. Атеистическое воспитание молодежи : материалы республиканской межвузовской науч. конф. по проблеме «Атеистическое воспитание молодежи», Гродно, 23–31 октября 1970 г. ; Атеистическое воспитание студентов: Проблемы методики. – Минск, 1978 ; Драговец, В.Н. Политическая культура молодежи: Опыт, проблемы формирования / В.Н. Драговец. – Минск, 1987 ; Из практики работы Волковысского ГК ЛКСМБ по атеистическому воспитанию молодежи : инф. бюллетень ЦК ЛКСМБ. – Минск, 1987.
5. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 3742. Оп. 28. Д. 17 ; Ф. 3975. Оп. 4. Д. 47 ; Ф. 174. Оп. 20. Д. 7.
6. ГАМн. – Ф. 3742. Оп. 28. Д. 171 ; Ф. 3975. Оп. 4. Д. 47 ; Ф. 174. Оп. 18. Д. 195 ; НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 7. Д. 276 ; Знамя юности. – 1974. – 25 сент.
7. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 20. Оп. 26. Д. 5 ; Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 119. Оп. 43. Д. 12 ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 18. Д. 212 ; Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 25. Оп. 32. Д. 38 ; Оп. 33. Д. 3.
8. ГАГр. – Ф. 20. Оп. 24. Д. 21 ; ГАВт. – Ф. 119. Оп. 41. Д. 6 ; Оп. 46. Д. 12 ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 17. Д. 9.
9. ГАВт. – Ф. 119. Оп. 43. Д. 16.
10. ГАМн. – Ф. 174. Оп. 19. Д. 30 ; Оп. 20. Д. 9.
11. ГАБр. – Ф. 25. Оп. 35. Д. 3 ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 17. Д. 3.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 138. Д. 87 ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 18. Д. 198 ; Мін. праўда. – 1977. – 25 лістап.
13. ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7 ; Ф. 7194. Оп. 2. Д. 4 ; Ф. 7165. Оп. 1. Д. 94 ; Ф. 26. Оп. 37. Д. 1.
14. ГАБр. – Ф. 26. Оп. 37. Д. 1 ; Заря. – 1971. – 17 сент.
15. Мін. праўда. – 1980. – 17 мая ; Знамя юности. – 1975. – 13 февр. ; 1979. – 6 июня.
16. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 138. Д. 87 ; Заря. – 1981. – 14 янв.
17. Наука и религия. – 1971. – № 11.
18. ГАГр. – Ф. 2193. Оп. 33. Д. 5 ; Ф. 2451. Оп. 1, Д. 164 ; Оп. 3. Д. 1 ; Д. 5 ; Оп. 4. Д. 3 ; Оп. 5. Д. 10 ; Оп. 6. Д. 2 ; Оп. 8. Д. 16 ; Оп. 9. Д. 5.
19. ГАГр. – Ф. 2193. Оп. 35. Д. 4 ; Оп. 40. Д. 5 ; Оп. 41. Д. 1 ; Ф. 2451. Оп. 7. Д. 10.
20. ГАГр. – Ф. 2451. Оп. 4. Д. 3 ; Оп. 6. Д. 2 ; Оп. 7. Д. 3 ; Оп. 8. Д. 1 ; Оп. 9. Д. 2 ; Оп. 10. Д. 11 ; Оп. 11. Д. 14 ; Ф. 20. Оп. 26. Д. 5 ; Оп. 27. Д. 29 ; Звезда. – 1978. – 6 кастр.
21. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 50. Д. 4 ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 20. Д. 7 ; Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 54. Оп. 24. Д. 95 ; ГАВт. – Ф. 119. Оп. 44. Д. 1 ; ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7.
22. Государственный архив Гомельской области (ГАГом). – Ф. 264. Оп. 94. Д. 66.
23. ГАВт. – Ф. 119. Оп. 44. Д. 1 ; Оп. 48. Д. 1.
24. Сел. Газ. – 1975. – 29 нояб. ; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 14. Д. 6 ; НАРБ. – Ф. 63. Оп. 7. Д. 332.
25. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 7. Д. 296 ; ГАБр. – Ф. 10. Оп. 33. Д. 9 ; Оп. 40. Д. 8 ; Ф. 34. Оп. 11. Д. 1 ; Чырв. змена. – 1973. – 2 снеж.
26. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 7. Д. 296 ; Д. 262 ; Оп. 37. Д. 71 ; Оп. 50. Д. 4 ; ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7 ; Знамя юности. – 1974. – 28 февр. ; Чырвоная змена. – 1981. – 6 студз.
27. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 7. Д. 276 ; Оп. 37. Д. 68 ; Оп. 50. Д. 4 ; Д. 152 ; ГАМг. – Ф. 54. Оп. 22. Д. 12 ; Чырв. змена. – 1977. – 12 лют.
28. Заря. – 1979. – 19 сент. ; Знамя юности. – 1972. – 17 авг. ; 1978. – 16 февр.

29. ГАБр. – Ф. 25. Оп. 31. Д. 8 ; Оп. 32, Д. 7.
30. Знамя юности. – 1976. – 15 сент.
31. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 50. Д. 4 ; ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7.
32. ГАМН – Ф. 174. Оп. 17. Д. 15 ; Оп. 18. Д. 12.

Поступила 23.03.2017

KOMSOMOL OF BELARUS IN THE RELATION SYSTEM BETWEEN THE STATE AND CHURCH IN THE 1970th: THE MAIN DIRECTIONS OF OPERATION

The main directions of operation of Lenin Communist Youth League of Belarus on the formation of scientific-materialistic outlook of the youth were formed at the studied period. Positive results were achieved in some areas. The efficiency of carried out activities was achieved when Komsomol Committees were performing educational work on the basis of a scientific approach and creative use of the best experience. The deepening separation of the educational activities of the Komsomol committees in the 70th from real life condemned it to abstract enlightenment. The established gap in the operation of Komsomol of the republic between a word and an action, gloss of reality originated a disbelief in what was said among the youth. As a result educational practice of Komsomol bodies frequently turned into a simple formality and practically didn't contribute to the development of political outlook, as well as strengthening of scientific outlook of the youth.

Keywords: *propaganda activities, individual work, cultural institutions, new rites, education, formalism.*

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

**МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ СИОНИСТОВ-РЕВИЗИОНИСТОВ И ПОЛЬСКИЕ ВЛАСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

канд. ист. наук, доц. В.И. КРИВУТЬ
(Барановичский государственный университет)

Освещается развитие еврейского молодежного движения на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Впервые в отечественной историографии особое внимание уделено изучению объединения «Бейтар», являвшемуся молодежным крылом партии сионистов-ревизионистов. Подробно характеризуются идеология, организационная структура и главные направления деятельности данной организации по подготовке еврейской молодежи к работе над созданием еврейского национального государства в Палестине. Анализируются непростые взаимоотношения «Бейтара» с другими еврейскими молодежными союзами и указываются основные причины конфликтов между ними. Отдельно рассматривается позиция польских властей по отношению к деятельности молодых сионистов-ревизионистов. Раскрываются основные причины сотрудничества правящего режима межвоенного польского государства с «Бейтаром» и приводятся конкретные примеры данного взаимодействия в сфере военного обучения и поддержки еврейской эмиграции в Палестину.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, сионисты-ревизионисты, «Бейтар», Западная Беларусь.

Введение. Проблематика, связанная с вопросами взаимодействия молодежных организаций и государственных структур в ходе реализации официальной молодежной политики, является достаточно актуальной и имеет практическую значимость. Несомненно, что существует необходимость изучения истории данного вопроса. В полной мере это относится и к изучению взаимоотношений сионистского молодежного движения, в том числе и его правого крыла, т.н. сионистов-ревизионистов, и польских властей на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Необходимо отметить, что эти взаимоотношения до сих пор не нашли соответствующего отражения в белорусской историографии. Определенные наработки в этой сфере имеются у польских историков. Однако они уделяют основное внимание событиям на территории непосредственно польских воеводств 2-й Речи Посполитой (2-й РП), а не в ее северо-восточных воеводствах, в состав которых входил западно-белорусский регион. В данной статье предпринимается попытка ликвидировать указанный пробел, что позволит представить более объективную картину развития не только сионистского молодежного движения, но и всей общественно-политической жизни западно-белорусского региона в 1920–1930-х гг.

Основная часть. В межвоенный период евреи составляли значительный процент среди населения польского государства. Так, согласно официальным данным, в 1931 г. во всей Польше проживало 2 732 600 человек (8,6% населения), которые назвали своим родным языком иврит или идиш. Что касается северо-западных воеводств 2-й РП, то в Виленском воеводстве проживало 108 900 евреев (8,5% населения воеводства), в Новогрудском воеводстве – 77 000 (7,3%), в Полесском – 113 000 (10%). В Белостокском воеводстве, в состав которого также входила часть западно-белорусского региона, проживало 153 500 евреев (12,3%) [1, с. 22–23]. Один из самых высоких процентов еврейского населения не только в Западной Беларуси, но и во всей 2-й РП был в Брестском повете – 14,9% [2, с. 132]. Большинство еврейского населения проживало в городах. На территории Западной Беларуси, по данным переписи 1931 г., крупнейшими городами, где евреи составляли значительную часть населения, являлись Вильно (55 000 человек или 28,2%) и Белосток (39 600 человек или 42,6%). Но при этом, если в среднем по стране только 4% евреев проживало в сельской местности, то на восточных окраинах 2-й РП этот показатель достигал 38% [3, с. 166].

Следует отметить, что значительную часть еврейского населения, как и в случае с другими национальными группами межвоенного польского государства, составляла молодежь, которая в той или иной мере была вовлечена в общественно-политическую жизнь. При этом политическая дифференциация среди еврейского населения была очень высокой. Не считая фракций в рамках различных политических партий и тех организаций, которые имели еврейские секции (как, например, компартия), в среде евреев существовало не менее 6–8 политических партий с конкурирующими программами: крайне левые, реформистские, центристские и вплоть до консервативных ортодоксов и националистов [4, с. 350]. При них существовала широкая сеть профсоюзных, религиозных, культурно-просветительских, спортивных и, в первую очередь, молодежных организаций. Именно благодаря этому еврейская молодежь активно включалась в политическую жизнь. Как отмечал американский историк Э. Мендельсон, «для молодого польского еврея, особенно в 30-е годы, участие в молодежном политическом движении или партии было нормой, тем, чего от него ожидали» [5, с. 77].

Так, по данным современных польских исследователей, в 1930-х гг. среди членов комсомола Польши (автономной частью которого являлся и комсомол Западной Беларуси (КСМЗБ)) евреи могли составлять от 30 до 50% [6, с. 35]. Что касается непосредственно КСМЗБ, то тут евреями были 15–17% членов организации [7, с. 76]. Достаточно массовым и влиятельным среди еврейской молодежи был «Цукунфт», созданный в 1919 г. и находившийся под организационным и идеологическим влиянием Бунда [8, с. 45–46]. На территории Западной Беларуси ячейки «Цукунфта» существовали в Белостоке, Гродно, Волковыске, Крынках, Скиделе, Вильно, Сувалках, Новогрудке, Слониме, Барановичах, Воложине, Бресте, Пинске, Пружанах и других населенных пунктах [9, л. 134]. Архивные документы ЦК КСМЗБ сообщали о том, что цукунфтовские организации «густо рассеяны по периферии», т.е. в небольших городках и местечках [10, л. 262]. Характерно, что в 1938 г., после роспуска КСМЗБ, наблюдался приток бывших комсомольцев в бундовские организации [11, с. 190]. Это свидетельствовало об идейной и национальной близости этих объединений.

Также большое распространение среди еврейской молодежи получили разного рода сионистские организации и союзы. Одной из таких организаций был созданный в 1925 г. «Фрайгайт» («Свобода»), тесно связанный с партией Поалей Цион («Рабочие Сиона», ПЦ). ПЦ пыталась совместить в своей идеологии принципы политического сионизма Т. Герцля с научным социализмом К. Маркса [12, с. 235]. Опорными пунктами ПЦ, а значит и «Фрайгайта», в Западной Беларуси были Пинск, Брест, Косово и Пружаны [13, л. 101]. Также ячейки союза существовали в Новогрудке, Гродно, Белостоке и Вильно [13, л. 3; 14, л. 81; 15, л. 143; 15, л. 184]. Идейно близкими к «Фрайгайту» были организации «Хехалуц» («Пионер») и «Хашомер Хацаир» («Юный страж»), отделения которых также создавались во многих городах и местечках Западной Беларуси. Основные формы работы с еврейской молодежью «Фрайгайта», «Хехолуца» и «Хашомер Хацаира» были во многом схожими. Политической деятельности внимания уделялось мало. Большой упор делался на организации досуга и культурно-просветительской работе. Значительное внимание уделялось развитию спорта, поскольку физическая подготовка являлась частью сионистской кампании по нормализации еврейской жизни [16, с. 689]. Для осуществления этой задачи под влиянием сионистских организаций на территории Западной Беларуси действовали спортивные клубы «Хапозль» и «Маккаби». Многие еврейские юноши и девушки приходили в сионистское движение именно через спортивные секции этих клубов. Но главной своей задачей сионистские молодежные объединения считали «хахшару» – подготовку к эмиграции и активной жизни в Палестине. В ходе этой подготовки молодые сионисты создавали кибуцы – коллективные сельскохозяйственные поселения. Жизненные условия в этих центрах были подчеркнута спартанскими и примитивными. Все усилия были направлены на создание привычки к тяжелому физическому труду. Освоение трудовых навыков происходило за счет отказа от других аспектов жизни. Впрочем, многие лидеры сионизма, в том числе и Д. Бен-Гурион, сомневались в эффективности «хахшары» за пределами Палестины, поскольку условия в Европе сильно отличались от условий на Ближнем Востоке [16, с. 469–470]. Тем не менее движение по созданию кибуцев приобрело широкий размах во всей 2-й РП, в том числе и на территории ее северо-восточных воеводств. Практически везде, где существовали отделения молодежных сионистских союзов, предпринимались попытки создать коллективные поселения еврейской молодежи. Например, в Пинске в 1934 г. существовало целых 2 кибуца, объединявших соответственно 150 и 200 человек [17, л. 24].

Одной из самых массовых и активных сионистских молодежных организаций межвоенного периода был «Бейтар» (аббревиатура от Брит Йосеф Трумпельдор – «Союз Иосифа Трумпельдора»). Этот союз находился под контролем сионистов-ревизионистов В. Жаботинского. В отличие от ранее упомянутых организаций сионисты-ревизионисты и «Бейтар» исповедовали «неразбавленный» сионизм, отрицая элементы социалистической идеологии. Целью В. Жаботинского и его сторонников стало «привлечение максимального количества евреев в кратчайший период времени в Палестину» и немедленное создание государства Израиль [18, с. 504]. От других течений сионизма ревизионизм отличался тем, что обращал особое внимание на «необходимость силы». Она понималась как элемент защиты еврейских поселений в Палестине, как средство реализации сионистской идеи и как элемент, необходимый для создания и обеспечения безопасности создаваемого государства Израиль. Организационные центры ревизионизма находились в Париже и Лондоне, но он очень быстро проник и на территорию межвоенной Польши. Уже в 1925 г. организации сионистов-ревизионистов возникли в Варшаве и Вильно. В декабре 1926 г. прошла первая Центральная конференция польских ревизионистов. В 1930 г. польская организация сионистов-ревизионистов являлась самой крупной среди других подобных ей организаций тогдашней Европы [19, с. 167].

Программу сионистов-ревизионистов В. Жаботинский в 1924 г. сводил к следующему: «Наша программа проста. Цель сионизма – создание еврейского государства. Территория – по обе стороны Иордана. Система – массовая колонизация. Решение финансовых проблем – национальный заем. Эти четыре принципа невозможно реализовать без международной санкции. Следовательно, самая насущная задача – новая политическая кампания и милитаризация еврейской молодежи в Эрец-Израиле и в диаспоре» [16, с. 504].

Именно для работы с молодежью и ее милитаризации был создан «Бейтар», получивший свое название в честь И.В. Трумпельдора (1880–1920), героя сионистского движения, погибшего в бою с арабами в Палестине [3, с. 172]. Первоначально союз возник в 1923 г. в Риге, но уже вскоре он распространил свою деятельность по всей Восточной Европе. Главные же силы организации были сосредоточены во 2-й РП, где ее лидером стал уроженец Бреста М. Бегин [18, с. 504].

Согласно уставным документам польского отделения «Бейтара» он ставил перед собой следующие цели: воспитание молодежи для формирования характера, физического развития, развития национальных чувств, формирования умений общественной жизни, а также подготовку к физическому и профессиональному труду в Палестине. Отдельным пунктом выделялось «развитие у членов организации гражданского чувства и лояльности по отношению к польскому государству» [20, с. 1]. Данное положение устава было связано с тем, что идеологи «Бейтара» считали, что «только тот может стать хорошим гражданином в своем будущем Государстве, кто честно исполняет свои гражданские обязанности в своем нынешнем отечестве» [21, с. 324].

Достигать указанных в уставе целей планировалось через организацию в отделениях союза игр и забав, гимнастических занятий, походов и летних колоний, лагерей и курсов физического воспитания, слетов, бесед, докладов, товарищеских собраний, издание газет и книг. Подчеркивалось, что вышеперечисленную деятельность союз проводит в соответствии с действующим законодательством. В обязанности членов входило активное участие в работе объединения, соблюдение устава и постановлений объединения, а также уплата ежегодного членского взноса (в 1936 г. он составлял 12 злотых) [20, с. 1–2].

«Бейтар» объединял в своих рядах как юношей, так и девушек. Организация во многом заимствовала скаутские образцы. Верховному руководству «Бейтара» подчинялись отделения (округа) и гнезда, состоявшие из дружин, разделенных на взводы и секции. Члены организации поочередно могли получить звания: рядового, рядового-инструктора, капрала, патрульного, командира секции, взводного и командира дружины. В дружинах выделялись три возрастные группы: 8–13 лет, «квирим» (львята), 13–18 лет «цафим» (разведчики), старше 18 лет – «кошишим» (старшие) [22].

Руководящими органами польского отделения «Бейтара» являлись общий съезд, Главное правление, ревизионная комиссия и Верховный суд. Общий съезд, в котором принимали участие делегаты от отделений и члены Главного правления, созывался раз в два года. Он избирал Главное правление, ревизионную комиссию и Верховный суд, принимал их отчет, утверждал бюджет организации, имел право вносить изменения в устав. Главное правление руководило организацией в период между съездами. Ревизионная комиссия осуществляла контроль над финансами организации. Верховный суд рассматривал обращения членов «Бейтара», обвиненных в неэтичных поступках и исключенных из организации. Подобные же руководящие структуры имелись и на нижестоящем уровне, в воеводских отделениях «Бейтара» [20, с. 3–6].

Фонды объединения формировались за счет членских взносов, выплат правлений отделений, платы за пользование имуществом «Бейтара», доходов от предприятий и издательской деятельности, пожертвований, общественных пособий, подписки и т.д. [20, с. 7].

Идеология «Бейтара» заявляла, что еврейская молодежь должна посвятить себя исключительно службе сионизму, под которым подразумевалось строительство еврейского государства в Палестине на обоих берегах реки Иордан. Пока еврейское государство не создано, молодежь не может заниматься какими-либо социальными или политическими теориями, кроме чистого «неразбавленного» сионизма. Исходя из этого положения, «Бейтар» выступал против всех молодежных организаций, «которые являются враждебными сионизму и которые отрывают молодежь от дома, семьи и традиций и распространяют среди молодежи антигосударственные идеи. Также Брит-Трумпельдор борется с сионистской молодежью, которая вместе с сионизмом исповедует социалистические идеи» [21, с. 324]. Таким образом, «Бейтар» занимал враждебные позиции не только по отношению к комсомолу и бундовскому «Цукунфту», но и к «Фрайгайту» и близким к нему «Хехолуцу» и «Хашомер Хацаиру». Характерно, что уже в начале 1930-х гг. политические противники В. Жаботинского внутри сионистского движения начали называть его «еврейским Гитлером» [23, с. 87].

Первое гнездо «Бейтара» возникло во 2-й РП в 1928 г. в Варшаве. А уже в 1930 г. там же прошел первый общепольский слет организации. В 1931 г. в Гданьске прошел I международный конгресс ревизионистов, в котором участвовали представители 24 стран. Именно на этом конгрессе было принято решение перенести штаб-квартиру «Бейтара» из Риги в Варшаву. Как уже отмечалось выше, во 2-й РП были сконцентрированы основные силы организации. В 1930 г. тут насчитывалось 12 000 членов организации (от общего числа 18 000 бейтаровцев), в 1931 г. – 22 300, в 1934 г. – 40 000 (из 80 000 всех членов организации). В 1938 г. число бейтаровцев достигало 90 000 человек [19, с. 169]. Некоторые польские исследователи отмечают, что кадры «Бейтар» превосходили по численности армии некоторых тогдашних небольших европейских государств [24, с. 12].

Что касается Западной Беларуси, то тут наибольшее влияние сионисты-ревизионисты и их молодежная организация имели в Вильно, Белостоке, Бресте и Сувалках [13, л. 92; 25, с. 315]. Ячейки «Бейтара» также существовали и в других городах и местечках западно-белорусского региона. Особо выделялась ревизионистская организация Белосточчины. На территории Белостокского воеводства было около 1,5 тыс. ее членов, в том числе около 200 в самом Белостоке. Белостокские сионисты-ревизионисты считались одними из наиболее активных во всей 2-й РП [26, с. 45].

Достаточно активно действовали сионисты-ревизионисты в студенческой среде. Известно, что в Виленском университете имени С. Батория в 1930-х гг. существовали корпорации «Иордания» и «Хасмоней», объединявшие сторонников В. Жаботинского. Еврейские студенты уроженцы Белостока создали в родном городе ревизионистскую корпорацию «Арнония». Деятельность ревизионистских корпораций не ограничивалась непосредственно университетской средой. Так, при их непосредственной поддержке были созданы объединявшие гимназистов-евреев школьные корпорации «Макс Нордау» в Вильно и «Квирей Арнония» в Белостоке. Также ревизионистская школьная корпорация «Кармелия», основанная по инициативе виленской «Иордании» в сентябре 1937 г., действовала в Барановичах. При «Кармелии» также существовал женский корпорационный кружок «Ахва» (хотя корпорации обычно были сугубо мужскими организациями). В 1938 г. три вышеназванные школьные корпорации даже провели съезд, на котором заключили соглашение о тесном сотрудничестве и создали свое объединение – Картель северо-восточных земель [24, с. 14; 27, с. 7].

В основном в «Бейтар» и связанные с ним организации шла учащаяся молодежь, хотя присутствовали и молодые рабочие, видевшие в эмиграции в Палестину выход из того тяжелого положения, в котором они оказались в результате экономического кризиса [13, л. 92; 25, с. 315]. Характеризуя состав организации, следует отметить, что, согласно данным польских властей, в 1933 г. из 33 422 членов молодежной организации сионистов-ревизионистов 63% составляли юноши и 37% девушки [21, с. 323].

Подобно другим сионистским молодежным объединениям, «Бейтар» готовил своих членов к жизни в Палестине. Для этого существовали т.н. «группы хахшары». Характерно, что по правилам «Бейтара», каждый член организации, эмигрировавший в Палестину, обязан был пройти 2-летнюю службу в т.н. группах труда (Плугот-Авода), действовавшим в еврейских поселениях на территории всей страны. Большое значение уделялось изучению географии Палестины, еврейской истории и иврита. Одновременно бейтаровцы изучали польскую историю и т.н. «науку о современной Польше» [21, с. 324–325]. Таким образом, культурно-просветительская работа «Бейтара» в некоторой степени совпадала с программой гражданского воспитания таких польских проправительственных молодежных организаций, как Стрелецкий союз или Союз молодой деревни. Также «Бейтар» имел и свои кибуцы. Характерно, что на почве конкуренции и борьбы за сферы влияния часто происходили стычки между членами кибуцев сионистов-социалистов и сионистов-ревизионистов.

От других еврейских молодежных организаций «Бейтар» отличался своей тенденцией к использованию военной атрибутики. Характерными особенностями союза были униформа, торжественные парады, военная организация и дисциплина, а также обучение владением оружием. Вожди ревизионистов считали, что без систематического развития определенных сугубо мужских качеств, которых евреи были долго лишены, задача национального возрождения неосуществима. Военная подготовка, культ вождя и неприкрытая милитаристская идеология «Бейтара» придавали этой организации определенное сходство с молодежными праворадикальными движениями фашистского толка 1920–1930-х гг. [16, с. 514–515]. Это сходство проявлялось и в том, что ревизионисты, ведя кампанию по расширению своего влияния, не выбирали средств. Так, в начале сентября 1938 г. боевики-ревизионисты осуществили нападения на местные отделения других сионистских организаций в Бресте и Пинске [28, с. 236]. В феврале 1939 г. в Барановичах бейтаровцы ночью проникли в помещение местного «Хашомера Хацаира» и учинили там погром, уничтожив оборудование и документацию [29, с. 5]. Однако и противники «Бейтара» также прибегали к насилию. Так, например, в феврале 1938 г. в Вильно во время стычки между сионистами-ревизионистами и сионистами-социалистами получил два ножевых ранения 15-летний бейтаровец М. Ковальский [30, с. 8]. В июле 1938 г. в Ивенце они напали на заседание, организованное ревизионистами. Один из выступающих был выброшен из окна, всего серьезно пострадали 15 человек. Конец беспорядкам положило только вмешательство полиции [31, с. 2].

Впрочем, в некоторых случаях бейтаровцы могли идти и на сотрудничество со своими конкурентами из числа сионистов-социалистов или даже бундовцев. В первую очередь это касалось создания еврейской самообороны против антисемитских выступлений польских националистов. Так, весной 1936 г. в Сувалках члены «Бейтара», спортивного клуба «Маккаби» и социалисты из «Хашомер Хацаира» объединились, чтобы организовать отряд самообороны. В 1937–1939 гг. в Пинске лидеры местного отделения «Бейтара» успешно привлекали в свои подпольные отряды самообороны членов Бунда [32, с. 423–424].

Если говорить об отношении тогдашних польских властей к молодежному движению сионистов-ревизионистов, то оно было достаточно благожелательным. Уже во второй половине 1920-х гг. предста-

вители зарождавшегося во 2-й РП «Бейтара» обращались к местным властям за разрешением заниматься военным обучением своих членов в рамках общепольской программы военной подготовки и физического воспитания. Многие чиновники, поддерживая ревизионистские планы массовой эмиграции евреев из Польши и в поисках союзников в борьбе против социалистов и коммунистов, давали такое разрешение. В результате тысячи членов «Бейтара» прошли обучение в рамках общегосударственной военной подготовки под непосредственным руководством инструкторов из Войска Польского [32, с. 411]. Так, например, военным инструктором молодых сионистов-ревизионистов в Белостоке являлся офицер расквартированного там 42-го пехотного полка [33, л. 163]. Хотя в середине 1930-х гг. государство прекратило практику массовой подготовки бейтаровцев, но военное сотрудничество между властями и сионистами-ревизионистами продолжилось [21, с. 326].

Очень часто бейтаровские отряды совместно с формированиями Стрелецкого союза участвовали в парадах в дни государственных праздников в городах Западной Беларуси [34, л. 87]. Одновременно многие мероприятия «Бейтара» проходили под охраной государственных силовых органов. Например, 2 июля 1933 г. польская полиция охраняла съезд «Бейтара» Белостокского воеводства от пытавшихся сорвать его бундовцев и сионистов-социалистов. То же самое происходило 17 июля 1933 г. в Гродно во время подобного съезда, где жандармерия применила оружие против напавших на бейтаровцев сионистов из других группировок [35, л. 162].

Поддержка властями структурами молодых сионистов-ревизионистов объяснялась тем, что правящие круги 2-й РП стремились избавиться страну от «лишних» евреев путем эмиграции. Особенно явно это стремление проявилось во второй половине 1930-х гг. Руководство «санационного» Лагерь национального объединения открыто заявляло, что решение еврейского вопроса в Польше может быть достигнуто, прежде всего, через значительное уменьшение числа евреев в польском государстве. Польское правительство использовало любые возможности, чтобы увеличить еврейскую эмиграцию. Как вариант власти рассматривали выезда евреев в Африку или Латинскую Америку. Но, понятно, что приоритет отдавался Палестине. Характерно, что польский министр иностранных дел Ю. Бек даже весной 1939 г., буквально за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, вел переговоры на тему еврейской эмиграции в Лондоне. Польша добивалась увеличения квот для эмигрантов из Польши в Палестину, которая на тот момент являлась британской подмандатной территорией [28, с. 214–215].

Именно поэтому польские власти поддерживали и сторонников В. Жаботинского, выдвигавшего программу эмиграции евреев и представившего предложения, наиболее соответствовавшие тогдашней стратегии правительства 2-й РП. Сначала, в 1936 г. В. Жаботинский представил польским властям десятилетний план – на протяжении десяти лет в Палестину должны были выехать полтора миллиона евреев, в том числе 750 000 – из Польши. В марте 1939 г. был выдвинут двухлетний план выезда из Польши миллиона евреев [19, с. 175].

Хотя реальность данных планов была достаточно сомнительной, тем не менее руководители ревизионистов встречались с высокими польскими чиновниками, получали финансовую и организационную помощь. Так, например, в соответствии с секретным соглашением было организовано тайное военное обучение членов «Бейтара», которые должны были действовать непосредственно на территории Палестины. Один из центров подготовки был создан на базе военных частей в Пинске. Там проходили подготовку не только местные бейтаровцы, но и сионисты-ревизионисты из Палестины. Они знакомились с правилами конспирации и партизанской борьбы. Заграничным боевикам поставлялось оружие, которое затем переправлялось в Палестину [36, с. 75].

Еще одним направлением сотрудничества между польскими властями и ревизионистами стала поддержка нелегальной эмиграции под видом туризма. Чиновники польского Министерства иностранных дел рекомендовали воеводским властям не препятствовать эмигрантам, а полицейские власти не должны были «мелочным контролем отпугивать желающих выехать». Кроме того, польские власти выдавали паспорта молодым сионистам-ревизионистам бесплатно [37, с. 119–121].

Характерно, что американский историк Э. Мендельсон, говоря про отношение польских властей к еврейской эмиграции в Палестину, иронизирует: «если сионизм означает еврейскую эмиграцию в эту страну (Палестину), то никто не был большим сионистом, чем польские руководители конца тридцатых годов» [5, с. 108].

Заключение. Следует признать, что межвоенный период стал временем бурного развития еврейского молодежного движения на территории Западной Беларуси. Молодые евреи принимали активное участие в деятельности разного рода организаций, представлявших достаточно широкий спектр общественно-политической жизни региона. Однако наиболее заметным было сионистское молодежное движение, ставившее перед собой задачу – привлечение молодого поколения к участию в строительстве еврейского национального государства в Палестине. Одним из течений этого движения являлись сионисты-ревизионисты, молодежным представительством которых стала организация «Бейтар». Данное объединение занимало крайне правые политические позиции. Оно отрицало какие-либо социалистические док-

трины и проповедовало чистый «неразбавленный» сионизм, что вело к конфликтам с другими сионистскими организациями. Одновременно «Бейтар» стремился наладить сотрудничество с польскими властями. И в целом ему удалось этого добиться. Польские власти достаточно позитивно относились к деятельности сионистов-ревизионистов, поскольку они выступали с лояльных позиций по отношению ко 2-й РП и их планы не угрожали территориальной целостности межвоенного польского государства. Но главной причиной поддержки правящего режима, оказываемой «Бейтару», стала надежда на решение «еврейского вопроса» путем массовой эмиграции, которую активно пропагандировали сионисты-ревизионисты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mały Rocznik Statystyczny 1939. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1939. – 424 s.
2. Srebrakowski, A. Struktura narodowościowa kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 / A. Srebrakowski // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948 / pod red. S. Ciesielskiego. – Toruń : Adam Marszałek, 2004. – S. 127–148.
3. Szuchta, R. 1 000 lat historii żydów polskich. Podróż przez wieki / R. Szuchta. – Warszawa : Muzeum Historii Żydów Polskich POLIN, 2015. – 360 s.
4. Paszkowski, A. Prasa polska w latach 1918–1939 / A. Paszkowski. – Warszawa : PWN, 1980. – 534 s.
5. Mendelsohn, E. Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym / E. Mendelsohn. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PAN, 1992. – 356 s.
6. Cimek, H. Żydzi w ruchu komunistycznym w Polsce w latach 1918–1937 / H. Cimek // Polityka i Społeczeństwo. – 2012. – № 9. – S. 27–41.
7. Камуністычны саюз моладзі Заходняй Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1997. – Т. 4. Кадэты – Ляшчэня. – С. 76–78.
8. Korsch, R. Żydowskie ugrupowania wywrotowe w Polsce / R. Korsch. – Warszawa : Drukarnia P.K.O., 1925. – 216 s.
9. Мошук, А.В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Мошук. – Брест, 2007. – 135 л.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 374.
11. Wróbel, P. Na równi pochyłej. Żydzi Białegostoku w latach 1918–1939: demografia, ekonomika, dezintegracja, konflikty z Polakami / P. Wróbel // Studia Podlaskie. – 1989. – Т. II. – S. 166–204.
12. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / С. Скульский [и др.] ; под ред. С. Скульского. – Минск : Изд-во АН БССР, 1935. – 335 с.
13. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 299.
14. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 475.
15. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 484.
16. Лакер, В. История сионизма / В. Лакер. – М. : КРОН-ПРЕСС, 2000. – 846 с.
17. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 452.
18. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон. – М. : Вече, 2000. – 672 с.
19. Ochmann, J. Polski rodowód „wojowniczości” syjonizmu / J. Ochmann // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. – 2015. – Т. VII. – S. 163–197.
20. Statut Stowarzyszenia młodzieży żydowskiej imienia Trumpeldora w Polsce („Brit-Trumpeldor” – „Bejtar”). – Warszawa, 1936. – 8 s.
21. Gontarczyk, P. Trumpeldorczycy czyli żydowski narodowy-radykalizm. Notatka z archiwum polskiego Ministerstwa Spraw Zagranicznych w sprawie żydowskiej organizacji narodowo-radykalnej / P. Gontarczyk // Glaukopis. – 2005. – № 2 – 3. – S. 322–326.
22. Żebrowski, R. Betar [Электронный ресурс] / R. Żebrowski // Żydowski Instytut Historyczny. Polski słownik judaistyczny. – Режим доступа: <http://www.jhi.pl/psj/Betar>. – Дата доступа: 11.01.2017.
23. Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za IV kwartał 1931 r. – Warszawa : Wydział narodowościowy, 1932. – 140 s.
24. Pater, D. Żydowski Akademicki ruch Korporacyjny w Polsce w latach 1898–1939 / D. Pater // Dzieje Najnowsze. – 2002. – № 3. – S. 3–20.
25. Щука, О.Л. Участие еврейской молодежи в общественно-политическом движении на территории Западной Белоруссии (1926–1939 гг.) / О.Л. Щука // Грамадскія рухі і палітычныя партыі ў Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XXI ст.): матэрыялы Рэсп. навук. канф., Гродна, 23 – 24 кастрычніка 2008 г. / рэдкал: І.І. Коўкель (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 312–316.
26. Majecki, H. Orientacje polityczne ludności żydowskiej Białostoczczyzny w okresie międzywojennym / H. Majecki // Białostoczczyzna. – 1994. – № 1. – S. 42–50.
27. Z życia korporacji narodowych // Trybuna Narodowa. – 1938. – 9 grudnia. – S. 7.
28. Najnowsze dzieje żydów w Polsce (w zarysie do 1950 roku) / J. Adelson [i in.] ; pod red. J. Tomaszewskiego. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. – 500 s.
29. Żydzu między sobą w Baranowiczach // Kurjer Wileński. – 1939. – 5 marca. – S. 5.
30. Burzliwe zebranie syjonistów w Wilnie // Kurjer Wileński. – 1938. – 12 lutego. – S. 8.
31. Mówce wyrzucono przez okno. Awantury na żydowskiej akademii żalobnej // Echo. – 1938. – 6 lipca. – S. 2.
32. Kupfert-Heller, D. Między obroną a atakiem: syjoniści-rewizjoniści wobec przemocy antyżydowskiej w Polsce w latach trzydziestych / D. Kupfert-Heller // Kwartalnik Historii Żydów. – 2016. – № 2. – S. 407–429.

33. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 445.
34. НАРБ. – Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 307.
35. Archiwum Państwowe w Białymstoku. – Zas. 47. Sygn. 70.
36. Patek, A. Alija Bet. Z kart stosunków polsko-żydowskich w II Rzeczypospolitej / A. Patek // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – № 12. – S. 73–78.
37. Patek, A. Nielegalna emigracja żydowska z II Rzeczypospolitej do Palestyny / A. Patek // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. – 2009. – Zeszyt 136. – S. 113–125.

Поступила 15.02.2017

YOUTH MOVEMENT REVISIONIST ZIONIST AND POLISH AUTHORITIES IN THE WESTERN BELARUS IN THE INTERWAR PERIOD

V. KRIVUT

The article highlights the development of a Jewish youth movement in Western Belarus in the interwar period. For the first time in the national historiography main attention is paid to the study of the association "Beitar" youth wing of the party is the Zionist revisionists. Details are characterized by ideology, organizational structure and main directions of activity of the organization for the preparation of young Jews to work on the creation of a Jewish national state in Palestine. Also analyzed uneasy relationship "Beitar" with other Jewish youth unions and identifies the main causes of conflict between them. Separately considered the position of the Polish authorities in relation to the activities of young Zionists-Revisionists. Disclosed are the main reasons for cooperation regime of the interwar Polish state with the "Beitar" and provides concrete examples of cooperation in the field of military training and support to Jewish emigration to Palestine.

Keywords: youth, youth organizations, zionists-revisionists, "Beitar", Western Belarus.

УДК 94(476)«18/19»

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД КРЕСТЬЯНСКИМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ
В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***канд. ист. наук Е.А. ПОДОРОЖНЯЯ**(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Рассматривается система государственного контроля над крестьянским самоуправлением в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается, что в ходе реализации буржуазных реформ изменились структура и компетенция местных органов управления крестьянством. В результате аграрной реформы 1861 г. управление над крестьянами перешло к губернской и уездной администрации. Важная роль при этом отводилась мировым посредникам, которые с 1863 г. фактически превратились в административных служащих. Анализируется позиция местных властей по вопросу усовершенствования системы управления крестьянством и крестьянским самоуправлением. Раскрываются причины и особенности создания института земских начальников в белорусских губерниях в начале XX в., а также усиление контроля местной администрации над общественной жизнью и крестьянским самоуправлением.

Ключевые слова: *история Беларуси, государственный контроль, государственное управление, крестьянское самоуправление, губернское по крестьянским делам присутствие, мировые посредники, земские начальники, землеустроительные комиссии.*

Введение. Проблема государственного контроля над крестьянским самоуправлением во второй половине XIX – начале XX в. является недостаточно исследованной темой в современной белорусской историографии. В советское время в силу политических и идеологических причин изучалось преимущественно социально-экономическое положение крестьянского населения. Между тем вопросы управления и механизмы реализации властных полномочий местной администрацией практически не рассматривались. Частично данная проблема нашла отражение в работах Л.П. Липинского, С.М. Самбук [1; 2].

На сегодняшний день вопросы власти и управления в Беларуси в пореформенный период являются одними из наиболее актуальных в исторической науке. Проблему управления крестьянством и организацию крестьянского самоуправления активно разрабатывает исследователь С.А. Толмачева [3]. На основании архивных материалов и законодательных актов белорусскими историками были подготовлены и изданы работы о государственных учреждениях Витебской, Минской и Могилевской губерний [4– 6]. В современной российской историографии проблемы управления белорусскими губерниями также нашли отражение. В 1996–2001 гг. вышел шеститомный словарь-справочник «Государственность России» [7], в котором содержатся сведения об истории создания, деятельности и составе государственных учреждений в Российской империи всех уровней до 1917 г. В работах «Западные окраины Российской империи» и «Национальные окраины Российской империи» анализируется система управления в белорусских губерниях и, в частности, причины создания институтов мировых посредников и земских начальников [8, с. 270–271; 9, с. 213]. Несмотря на издание целого ряда работ по проблеме местного управления в Российской империи, вопрос государственного контроля над крестьянским самоуправлением в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. остается недостаточно изученным.

Основная часть. Проведение аграрной реформы 19 февраля 1861 г. в Российской империи изменило систему управления сельским населением. Для ее практического осуществления с весны 1861 г. в Беларуси, как и в целом по империи, учреждались губернские по крестьянским делам присутствия, а с лета – институт мировых посредников и уездные съезды мировых посредников. На них возлагалось как регулирование взаимоотношений помещиков и временнообязанных крестьян, так и общие вопросы руководства крестьянским населением, перешедшие от губернских правлений. Состав, функции и полномочия новых органов были прописаны в «Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» [10]. На уровне волости и сельских обществ были созданы исполнительные органы крестьянского самоуправления – сельские и волостные сходы, волостные правления с выборными должностными лицами. Разрешением незначительных правонарушений занимался ежегодно избираемый волостной суд. Нижним звеном крестьянского самоуправления являлась крестьянская община, которая исполняла фискальные, административные и социально-экономические функции, контролировала распределение земельных наделов и передвижение ее членов. Каждое сельское общество собирало сельский сход, на котором избирались сельский староста, сборщик податей, сотские, десятские, разрешались по-земельные дела, производилась раскладка налогов и т.д.

Крестьянство в Беларуси составляло почти 3/4 от общего количества населения, поэтому власти уделили особое внимание организации управления сельскими обывателями. Общий контроль над деятельностью всей вертикали органов управления сельским населением осуществляло губернское по кре-

стьянским делам присутствие во главе с губернатором [11, с. 12]. В состав присутствия входили губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, непрременные члены, два местных помещика по назначению Министерства внутренних дел и губернатора, а также два местных землевладельца, избранные дворянскими собраниями. При разборе судебных дел в присутствии принимал участие член окружного суда, а при решении административных и финансовых вопросов – управляющий госимуществом, председатель казенной палаты и представитель от Министерства финансов.

Губернское по крестьянским делам присутствие совместило в себе распорядительную и судебную власть. Оно состояло из канцелярии, распорядительного, выкупного, люстрационного (ревизионного), чиншевого и с 1867 г. – страхового отделений. Канцелярия присутствия составляла протоколы заседаний, контролировала работу служащих, исполнение указов правительства и губернских властей, курировала хозяйственные дела. Распорядительное отделение занималось поземельными отношениями между помещиками и крестьянами, сбором налогов, организацией и надзором за деятельностью крестьянского самоуправления, рассматривало жалобы на решения мировых посредников, мировых съездов, служебных лиц волостного и сельского самоуправления и др. Выкупное отделение занималось делами о выкупе крестьянами земли, введением и утверждением уставных грамот, участвовало в сборе налогов, рассматривало протоколы поверочных комиссий. Люстрационное отделение ведало описанием земель, которые выкупали крестьяне, выдавало документы на выкупленную землю, составляло планы деревень, казенных угодий, рассматривало жалобы крестьян о захвате их земель, ходатайства крестьян о выкупе и праве продажи земли, занималось отчуждением земли под строительство и т.д. Чиншевое отделение ведало вопросами о выкупе чиншевых участков земли, определяло размер чинша, рассматривало чиншевые права на землю в помещичьих и казенных владениях. В случае несогласия с решением присутствия губернатор мог приостановить его, представив вопрос на рассмотрение министру внутренних дел.

В функции губернского по крестьянским делам присутствия входили контроль за работой служащих, исполнение указов правительства и губернских властей, регулирование поземельных отношений между помещиками и крестьянами, сбор налогов, организация и надзор за деятельностью крестьянского самоуправления, мировых посредников, мировых съездов. Кроме того, присутствие занималось составлением планов деревень, казенных угодий, выдачей документов на выкупленную землю, занималось отчуждением земли под строительство и т.д. Решения губернского по крестьянским делам присутствия принимались коллегиальным порядком. В случае несогласия с решением присутствия губернатор мог приостановить его, представив вопрос на рассмотрение министру внутренних дел.

Губернскому по крестьянским делам присутствию подчинялись уездный съезд мировых посредников и мировые посредники. Первоначально закон предоставлял им относительную независимость от местной администрации [11, с. 12]. Мировые посредники назначались Сенатом из потомственных дворян-землевладельцев по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства сроком на 3 года. Они выполняли широкие административно-судебные функции: регулировали поземельные отношения крестьян, регламентировали повинности, вводили выкупные акты, участвовали во взимании недоимок, утверждали должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных старшин, сельских старост) и т.д. [10].

Под влиянием восстания 1863–1864 гг. в Беларуси была пересмотрена организация управления крестьянством. По указу от 18 апреля 1863 г. выборные мировые посредники в Беларуси замещались чиновниками от правительства. Прежние мировые посредники были уволены, а их съезды закрыты. С этого времени мировые посредники назначались на должности и увольнялись по рекомендации местного губернатора [12, л. 2–6]. Фактически они становились правительственными чиновниками. С 1864 г. председателем съезда мировых посредников становился один из чиновников поверочной комиссии. Однако в 1867 г. правительство вернулось к практике назначать на эту должность уездного предводителя дворянства, который как председатель получал жалование.

Преобразованным мировым учреждениям поручалось крестьянское дело в крае. Указом от 1 марта 1863 г. прекращались обязательные отношения между помещиками и крестьянами в губерниях Виленской, Гродненской, Минской и 4 уездах Витебской. На основании указа от 2 ноября 1863 г. эта мера распространялась с 1 января 1864 г. на Могилевскую губернию и белорусские уезды Витебской губернии [13, л. 4]. С изданием указа от 16 мая 1867 г. о поземельном устройстве бывших государственных крестьян эта категория сельских обывателей переходила из ведения Министерства государственных имуществ в губернские по крестьянским делам учреждения, подчиненные Министерству внутренних дел. В Беларуси мировые учреждения и присутствия по крестьянским делам занимались поземельным устройством всех разрядов сельских обывателей.

Для проверки размера крестьянских повинностей и уставных грамот по ходатайству М.Н. Муравьева были образованы уездные поверочные комиссии, действовавшие до 1866 г. Комиссии занимались проверкой ранее составленных инвентарей, введением новых люстрационных актов, оценкой земли, наделением земель государственных крестьян, начислением оброка и выкупных платежей. Окончатель-

ное утверждение межевых работ происходило в губернских управлениях госимуществ. По правилам от 21 ноября 1862 г. поверочные комиссии состояли из председателя – чиновника от правительства по назначению Министерства внутренних дел, мирового посредника, представителя от дворян-землевладельцев, который избирался на дворянском собрании, и выборного крестьянина от волостного собрания. По решению Западного комитета и Главного комитета об устройстве сельского состояния в состав комиссий был включен чиновник от Министерства финансов. После выведения из штата местных поверочных комиссий сословных представителей комиссии состояли исключительно из назначаемых правительством служащих [2, с. 35].

С 1863 г. значительно расширились функции губернских по крестьянским делам присутствий и мировых посредников в крае. Они должны были обеспечивать всем необходимым прибывших из внутренних губерний русских учителей и служащих уездной администрации. По закону от 4 февраля 1866 г. губернским по крестьянским делам присутствиям поручалось следить, чтобы землю приобретали исключительно «лица русского происхождения». По распоряжению Министерства государственных имуществ от 22 августа 1867 г. новые мировые посредники совместно с лострационными чинами (ревизорами) и землемерами оценивали и описывали имения, подлежащие обязательной продаже по закону 10 декабря 1865 г. [14, л. 8 об.]. В помощь к ним в каждой губернии учреждались особые комиссии. Дополнительно мировые посредники занимались материально-хозяйственной стороной жизни школы. Согласно «Правилам» от 11 апреля 1872 г. съездам мировых посредников и губернским по крестьянским делам присутствиям поручалось выделение земель и построек для приходских церквей [15, л. 17–18]. В данном вопросе они действовали совместно с губернскими присутствиями по обеспечению православного духовенства.

В Российской империи с 1870-х гг. власти поставили задачу снизить роль местного самоуправления и усилить контроль администрации за всеми сферами жизни. Крестьянские органы самоуправления, созданные по закону 19 февраля 1861 г., не справлялись со своими обязанностями. Последствием стали растраты мирских сумм, недоимки и разорение крестьян. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев предложил ликвидировать должность мировых посредников, уменьшить число служащих и затраты бюджета на их содержание. На основании «Положения об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам» от 27 июня 1874 г. в Российской империи ликвидировались должности мировых посредников и их съезды [16]. Их функции переходили непременно членам уездных по крестьянским делам присутствий. Кроме двух постоянных членов, в их состав входили уездный предводитель дворянства (председатель), уездный исправник, почетный мировой судья по назначению министра юстиции. Уездные присутствия получили контроль над органами крестьянского самоуправления и волостным судом. Дисциплинарная власть над должностными лицами крестьянского самоуправления, ранее принадлежавшая мировому посреднику, передавалась уездному присутствию. Разбор споров между помещиками и крестьянами, засвидетельствование актов и соглашений передавались в судебные и нотариальные учреждения. Судебно-полицейские и фискальные функции переходили судебным органам и уездной полиции. Завершение поземельных отношений между помещиками, государством и крестьянами возлагалось на постоянных членов уездного присутствия, деятельность которых контролировали губернатор и казенные палаты.

На основании указа от 4 апреля 1878 г. Положение 1874 г. распространялось на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии [17]. Особенность белорусских губерний заключалась в том, что в составе присутствия вводилась дополнительная должность постоянного члена. В целях экономии служащим уездных по крестьянским делам присутствий не предусматривалось денежного вознаграждения. Исключение составляли постоянные члены, назначаемые на 3 года министром внутренних дел по предложению губернатора. Постоянный член уездного присутствия пользовался общими правами службы по определению правительства. Ему присваивался VI класс по должности с содержанием в размере окладов бывших мировых посредников (2500 руб.) [18, с. 11–13]. Постоянные члены не имели права разбирать споры между крестьянами, судить виновного. Они следили за делопроизводством волостных правлений по землеустроительным делам и при решении спорных поземельных вопросов лишь содействовали разрешению конфликтов. В противном случае дела направлялись на рассмотрение в волостной суд, а жалобы на волостной суд – в уездное присутствие или в судебные органы.

К местным по крестьянским делам присутствиям перешли дела по поземельному устройству всех разрядов сельских обывателей, а с изданием закона от 13 июля 1889 г. и организация переселенческого движения. Дело в том, что безземелье и малоземелье вынуждали крестьян переселяться на восток в поисках свободных земель. В пореформенные годы на долю белорусских крестьян приходилось 11% всех переселенцев России. Присутствия по крестьянским делам также занимались некоторыми земскими вопросами: страхованием сельских строений, устройством новых поселений, составлением планов постройки [19, л. 6–8]. В Виленской и Гродненской губерниях эти вопросы остались в компетенции уездных съездов мировых посредников.

Против распространения Положения 1874 г. на три северо-западные губернии выступил виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский. Он отмечал, что местные мировые учреждения справлялись со своими обязанностями. Только по разграничению крестьянских наделов к 1877 г. ими было проведено работ в Виленской губернии на 57%, в Гродненской – на 40% [20, с. 92–93]. В связи с особым политическим положением, организацией системы судебной власти и отсутствием земских учреждений решением Государственного совета мировой институт был не только сохранен, но с 1872 г. увеличился численный состав и круг его деятельности [21, л. 159 об.]. По инициативе виленского генерал-губернатора И.С. Коханова был принят указ от 30 мая 1888 г., который восстановил здесь съезды мировых посредников в каждом уезде во главе с уездным предводителем дворянства [22].

Для того чтобы «разгрузить» общие учреждения, на основании Положения Государственного совета «О поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков» от 9 июня 1886 г. были созданы чиншевые уездные присутствия во главе с уездным предводителем дворянства. Присутствия устанавливали размеры чиншевых повинностей, выкупных платежей и чиншевых участков. Их решения утверждались губернским по крестьянским делам присутствием, а затем направлялись в Главное выкупное управление и Сенат [23, с. 288–289].

К концу 1880-х гг. сравнительный анализ работы мировых посредников и уездных по крестьянским делам присутствий показал необходимость изменения формы контроля над крестьянским самоуправлением. Предстоящая реформа планировалась в общем русле усиления консервативных тенденций в государстве с целью ограничения возможности сословного крестьянского самоуправления, с одной стороны, и построения более эффективной системы государственного управления – с другой. 12 июля 1889 г. было принято «Положение о земских участках начальниках» [24]. Значительно изменялась структура органов местного управления в отношении крестьянства. В 40 губерниях Российской империи, на которые распространялось «Положение», были ликвидированы губернские и уездные по крестьянским делам присутствия. Их функции перешли к административно-судебным органам – губернскому присутствию, земским начальникам и уездным съездам земских начальников. Уезды разделялись на земские участки во главе с земскими начальниками. Земскими начальниками могли стать местные дворяне-землевладельцы с высшим образованием и стажем работы не менее трех лет в учреждениях по крестьянским делам. Списки лиц на назначение земских начальников согласовывали уездные предводители дворянства и губернатор, а затем направлялись на утверждение министру внутренних дел. В этой связи земских начальников можно отнести к государственным служащим.

Земские начальники получили административные и судебные функции над сельским населением. Они контролировали органы крестьянского самоуправления, сельское и волостное самоуправления, ссудо-сберегательные кассы и товарищества, сельские банки и др. К ним перешли все обязанности упраздненных мировых судов. Члены волостных судов, которые раньше выбирались самими крестьянами, теперь назначались земскими начальниками. Они могли отменять любое постановление волостного суда, самих судей отстранять от работы, арестовать, налагать на них штраф или подвергнуть тюремному заключению. Фактически введение земских начальников ликвидировало отделение суда низшего звена от администрации.

За изменение организации управления сельским населением в Беларуси высказались местные губернаторы. В своем отчете царю за 1888 г. могилевский губернатор А.С. Дембовецкий раскритиковал деятельность уездных по крестьянским делам присутствий, отмечая отсутствие реальной власти у их непрременных членов, рутинность, неудобство контроля со стороны губернского начальства [25, л. 7 об.–8]. Однако правительство не спешило вводить Положение 1889 г. в Беларусь. С критикой такого решения выступили минский и могилевский губернаторы Н.Н. Трубецкой и Н.А. Зиновьев. Они отмечали, что бездеятельность уездных по крестьянским делам присутствий тормозило развитие экономического потенциала губерний [26, с. 4; 27, л. 2 об.–3].

Вопрос о введении института земских начальников в северо-западных губерниях поддержали виленские генерал-губернаторы В.Н. Троицкий и П.Д. Святополк-Мирский. Они отмечали, что мировые посредники были не в состоянии контролировать участки размером от 90 до 120 верст [21, л. 618]. В уезде отсутствовала твердая власть, а местное население с недоверием относилось к чиновникам уездного присутствия. При введении института земских начальников указанные неудобства устранялись сами собой, так как закон 1889 г. точно регламентировал отношения земских начальников с губернской властью и значительно сокращал район их деятельности. В свою очередь, П.Д. Святополк-Мирский рассчитывал с помощью земских начальников содействовать переходу земли в руки русских покупателей и прекратить фиктивные сделки и спекуляции [28, л. 11 об.–13].

Многочисленные ходатайства местных руководителей и положительные результаты работы земских начальников во внутренних губерниях привели к изданию 12 июня 1900 г. Положения о введении института земских начальников в Могилевской, Витебской и Минской губерниях с 1901 г. На основании

мнения Государственного совета от 8 июня 1903 г. с 1904 г. закон 1889 г. вводился в Виленской и Гродненской губерниях [29].

В уездах открывались съезды земских начальников под председательством назначаемого уездного предводителя дворянства. В их состав входили представители местных ведомственных учреждений. В связи с отсутствием достаточного числа подходящих кандидатов русского происхождения для белорусских губерний требования к земским начальникам были смягчены. Общий контроль за деятельностью земских начальников принадлежал губернскому присутствию. Присутствие сохранило структуру упраздненных губернских по крестьянским делам присутствий. Дополнительно были введены судебное и продовольственное отделения, а в 1914 г. – особый стол по призрению семейств нижних воинских чинов. Так как в Беларуси не проводились дворянские выборы, постоянные члены присутствия не избирались, а назначались. В состав присутствий вошли губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, прокурор окружного суда, три непременных члена. При рассмотрении судебных дел приглашались председатель окружного суда, для решения административных вопросов – управляющие казенной палатой и госимуществ. Помимо контроля над нижестоящими органами, присутствие рассматривало вопросы об обложении сборами земли, ее разделы, поземельные права сельских обывателей, вопросы о выселении крестьян, о недоимках, о выезде в Сибирь, представление к наградам должностных лиц и др. [30, л. 2–3]. В случае несогласия губернатора с решением губернского присутствия дело отправлялось на рассмотрение министру внутренних дел.

Из-за отсутствия земств в Беларуси круг деятельности земских начальников был шире, чем у их коллег во внутренних губерниях империи. Помимо общих дел, в компетенцию земских начальников входили вопросы по взаимному губернскому страхованию; исполнению воинской и земских повинностей; составлению планов переустройства селений и поземельному устройству многочисленных разрядов сельских обывателей. К уездным съездам земских начальников также перешли функции уездных по чиншевым делам присутствий. Это приводило к большой загруженности губернских присутствий, которые утверждали постановления и решения земских начальников. Кроме того, после упразднения комиссий народного продовольствия и комитетов об установлении цен указом от 9 октября 1901 г. в Беларуси все их дела перешли к губернскому присутствию, уездным съездам и земским начальникам [5, с. 197–198]. В результате в Минской губернии на одного земского начальника в среднем в год приходилось около 950 дел [31, л. 2 об.].

По предложению местного губернатора в Мозырском и Игуменском уездах были назначены особые городские судьи. Такая ситуация была закономерна. Еще до введения института земских начальников в Минской губернии в судебно-мировых участках постоянно росло количество дел. В Пинске за 1892–1894 гг. их количество увеличилось с 1149 до 1592 в год. В мировых судах Борисовского округа – с 1277 до 1616 [19, л. 82, 88].

Согласно закону от 12 июля 1889 г., эти дела переходили в компетенцию земских начальников. В 1911–1912 гг. в Минской губернии в судебно-мировых участках составляли почти 75% от всех дел [32, с. 62–63; 33, с. 61–62].

Чтобы «разгрузить» губернские присутствия и земских начальников, 15 июня 1912 г. были внесены поправки в судебные уставы, которые предусматривали восстановление института мировых судей, лишение земских начальников судебных функций и упразднение института городских судей. Однако в связи с началом Первой мировой войны в Беларуси эти меры не вводились.

В связи с нарастающим экономическим и политическим кризисом в начале XX в. и недовольством крестьянского населения условиями землепользования правительство предприняло попытки пересмотреть законодательство о крестьянах. Указом от 14 января 1902 г. было решено пересмотреть положения о крестьянах с учетом изменившихся социально-экономических условий. С 1903 г. на местах открывались губернские и уездные совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В их задачу входили выработка новых законов о крестьянах, проектов улучшения организации управления земским хозяйством, контроль над деятельностью редакционных комиссий. В состав губернских совещаний входили губернатор (председатель), вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, председатель и прокурор окружного суда, представители от дворянства и др. 12 декабря 1904 г. был издан указ о пересмотре законодательства о крестьянах и уравнении их в правах с другими сословиями. Были созданы редакционные комиссии, которые должны были выработать мероприятия по сохранению земли у крестьян [34, л. 12]. В марте 1905 г. губернские совещания представили в Земский отдел Министерства внутренних дел свои заключения об образовании вместо сословного волостного самоуправления бессословную волостную земскую единицу и разделении судебных и административных функций земских начальников. После этого губернские совещания были расформированы.

Дальнейшее реформирование системы управления крестьянством было проведено при П.А. Столыпине. К этому времени значительно увеличилось население страны, что привело к малоземелью сельских обывателей. В рамках предстоящей аграрной реформы планировалось создать слой сильных хозяев-

собственников, разрушить общину, ввести хутора и отруба, поставить под контроль переселенческое движение крестьян. Для проведения намеченных реформ на основании указа Сената от 4 марта 1906 г. создавались губернские и уездные землеустроительные комиссии. Губернские комиссии возглавлял губернатор, уездные – предводитель дворянства. В состав комиссий входили основные должностные лица губернии и уездов, представители органов управления земским хозяйством, банков, дворянства и крестьянства. По закону от 29 мая 1911 г. была упрощена процедура образования хуторов и отрубов, ликвидации чересполосицы, получения ссуд и пособий хуторянами. Комиссии в административном порядке решали судебные дела, связанные с землеустройством, оценивали землю и определяли контингент покупателей. Решения комиссии не подлежали обжалованию в суде [35]. Практические действия проводили землемеры и межевые техники, а с 1909 г. – агрономический персонал. Все они подчинялись губернским чертежным и состояли под надзором губернатора [36]. Данные меры требовали значительных расходов. С 1906 по 1911 г. на нужды агрономии в Витебской губернии было выделено земством и губернской землеустроительной комиссией 344,6 тыс. руб., а только за 1913 г. было ассигновано 237,8 тыс. руб. [1, с. 36]. Это значит, до конца существования империи губернские власти в Беларуси сохранили за собой полный контроль над крестьянским самоуправлением и его реформированием.

Заключение. Во второй половине XIX – начале XX в. в ходе проведения буржуазных реформ была реорганизована система управления на местах. В процессе реализации аграрной реформы 1861 г. была создана система местного управления и контроля над крестьянским населением и органами крестьянского самоуправления. Управление над ними перешло к губернской и уездной администрации. Важная роль при этом отводилась мировым посредникам, которые в результате восстания 1863–1864 г. превратились в административных служащих. В 1878 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях институт мировых посредников ликвидировался, а их функции перешли к административным органам – уездным по крестьянским делам присутствиям, которые комплектовались из административных служащих. В 1880–1890-е гг. усилился контроль властей над общественной жизнью и крестьянскими сословными учреждениями. С введением в начале XX в. института земских начальников в Беларуси вся административно-судебная власть над сельскими обывателями и контроль над крестьянским самоуправлением оказались в руках местного губернского аппарата, который участвовал в назначении земских начальников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липинский, Л.П. Классовая борьба в белорусской деревне. 1907–1914 / Л.П. Липинский. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1981. – 76 с.
2. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии в 60–90-е гг. XIX века / С.М. Самбук. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.
3. Талмачова, С.А. Урадавая палітыкаў дачыненні да дзяржаўных сялян на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – другая палова XIX ст.) / С.А. Талмачова // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2016. – № 2. – С. 21–29.
4. Витебская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1801–1917) / Т.Е. Леонтьева [и др.] ; сост. Т.Е. Леонтьева, Д.Л. Яцкевич ; редкол.: А.К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524, [22] с.
5. Минская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т.Е. Леонтьева. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392, [22] с.
6. Могилевская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.] ; редкол.: Д.В. Яцевич (гл. ред.) [и др.] ; Деп. по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. исторический архив Беларуси. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
7. Государственность России : государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV–февраль 1917 г.) : словарь-справочник : в 6 кн. / сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая [и др.] ; Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и архив. дела. – М. : Наука, 1996–2009.
8. Западные окраины Российской империи / Л.А. Бережная [и др.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 698 с.
9. Национальные окраины Российской империи : становление и развитие системы управления // С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов (отв. ред.). – М. : Славянский диалог, 1998. – 416 с.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). – 2-е собр. – Т. 36. – Отд. 1. – № 36660.
11. Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству быта крестьян. 1861–1871 : в 2 т. – СПб. : Тип. И.П. Анисимова, 1871. – Т. 1. – 110 с.
12. Дело по записке генерала от Инфантерии М.Н. Муравьева о введении в северо-западных губерниях управления, аналогичного с управлением в центральных губерниях России // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 1282. Оп. 2. Д. 346.
13. Дело по предложению М.Н. Муравьева об обнаружении среди крестьян Витебской губернии указа Сената о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам через выкуп земельного надела крестьянами 1863–1864 гг. // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31347.
14. Циркуляры, правила, инструкции канцелярии Виленского генерал-губернатора и переписка с Минским управлением госимущества, представителями съездов мировых посредников и уездных комиссий по оценке имений, подлежащих обязательной продаже и организации их работы 1867–1868 гг. // НИАБ. – Ф. 1591. Оп. 1. Д. 2.

15. Дело со всеподданнейшим отчетом о состоянии Гродненской губернии за 1883 г. // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 223. 1884 г. Д. 95.
16. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 49. – Отд. 1. – № 53678.
17. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 53. – Отд. 1. – № 58352.
18. Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам. – СПб. : Тип. А. Думашевского, 1874. – 35 с.
19. Материалы о подготовке к проведению в действие Положения от 12 июня 1889 г. о введении института земских начальников на территории Минской губернии с 1 окт. 1901 г. за 1893–1895 гг. // НИАБ. – Ф. 1595. Оп. 1. Д. 54.
20. Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора П.П. Альбединского по управлению краем за 1874, 1875, 1876 и 1877 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 16. Ед. хр. 53.
21. Приложения к журналам Комитета министров за март 1905 г. Отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1898 г. // РГИА. – Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5385.
22. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 8. – № 5281.
23. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. : в 5 т. – Т. 4 : Правительствующий Сенат в XIX столетии после реформ 60-х годов / сост. И.А. Блинов [и др.]. – СПб. : Сенат. тип., 1911. – [5], 529, [16] с.
24. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 9. – № 6196.
25. Дело с копией со всеподданнейшего отчета о состоянии Могилевской губернии за 1888 г. // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 223. 1889 г. Д. 174.
26. Отчет Минского губернатора за 1893 г. // Научно-справочная библиотека РГИА. – Ф. 2846. Ед. хр. 5.
27. Дело с копией всеподданнейшего отчета о состоянии Могилевской губернии за 1894 г. // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 151.
28. Дело со всеподданнейшим отчетом Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902 и 1903 гг. // РГИА. – Ф. 1284. Оп. 194. Д. 136.
29. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 23. – Отд. 1. – № 23106.
30. Журналы административного заседания Могилевского губернского присутствия за 1903 г. // НИАБ. – Ф. 2014. Оп. 1. Д. 2612.
31. Дело об увеличении числа земских начальников в Минской губернии 5 янв. 1904 г. // НИАБ. – Ф. 1595. Оп. 1. Д. 562.
32. Обзор Минской губернии за 1911 год. – Минск : Губ. тип., 1912. – 70 с.
33. Обзор Минской губернии за 1912 год. – Минск : Губ. тип., 1913. – 68 с.
34. Журнал Минского губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах 1905 г. // НИАБ. – Ф. 1595. Оп. 1. Д. 735.
35. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 31. – Отд. 1. – № 35370.
36. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 28. – Отд. 1. – № 31062.

Поступила 22.04.2017

STATE CONTROL OVER THE PEASANT SELF-GOVERNMENT IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

E. PODOROZHNIAYA

The article is devoted to the system of state control over peasant self-government in Belarus in the second half of XIX – beginning of XX century. During the implementation of bourgeois reforms the structure and competence of local governments by the peasantry are changed. After the agrarian reform of 1861, the control of the peasants was moved to the provincial and district administration. An important role was given to the conciliators, who in 1863 became de facto administrative employees. The position of local authorities on the issue of improving the management system the peasantry and peasant self-government is analyzed. The reasons and the peculiarities of the creation of the Institute of rural chiefs in the Belarussian provinces in the early twentieth century are considered, as well as strengthening the control of the local administration over public life and the peasantry self-government.

Keywords: *history of Belarus, state control, state administration, peasant self-government, provincial for peasant affairs, world mediators, zemstvo bosses, land management commissions.*

УДК 351.746.1

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ЛИКВИДАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)**

Н.А. ШИМАНСКАЯ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматривается деятельность органов государственной безопасности по ликвидации представителей немецкой администрации и их пособников на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. На основе документальных материалов показывается роль и место спецгрупп и спецотрядов органов государственной безопасности в организации и проведении этой работы в тылу противника. Освещаются наиболее резонансные и результативные операции, проведенные спецгруппами НКВД–НКГБ, отдельными чекистами, а также агентами органов государственной безопасности. На основе изученного фактологического материала, а также трудов ряда исследователей делается вывод, о том, что деятельность по ликвидации представителей немецкой администрации и лиц, сотрудничавших с оккупационным режимом, была неотъемлемой частью работы органов государственной безопасности по противодействию германским спецслужбам, имела важнейшее значение и приносила значимые результаты.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, НКГБ, НКВД, органы государственной безопасности, партизаны, партизанское движение, партизанские формирования, спецгруппы.*

Введение. Важнейшим направлением деятельности спецгрупп и отрядов органов госбезопасности, партизанских формирований являлось уничтожение представителей командования вермахта, чиновников немецкой администрации, сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников.

Акты физического устранения представителей администрации на оккупированной гитлеровцами территории СССР являлись специальными операциями, которые осуществлялись на основании приказов руководства страны.

Такая задача, в частности, ставилась в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. и в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск [1, с. 123, 343], директиве НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г. «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» также указывалось, что «...необходимо создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу и срывать все их мероприятия» [1, с. 137], приказе И.В. Сталина № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» также предписывал «беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага» [2, с. 210].

На протяжении всего периода оккупации оперативным группам НКВД–НКГБ, действующим в тылу противника, поручалось, среди прочего, «...по мере выявления уничтожать изменников Родины, полицейских, агентов гестапо, представителей военной и гражданской администрации немецких оккупантов» [3, с. 559]. Директивой НКГБ СССР № 583 от 22 октября 1943 г., направленной начальникам 28 оперативных групп, предписывалось «основную работу по подысканию агентуры перенести в крупные населенные пункты и города, занятие противником, активно используя ее для ликвидации виднейших представителей немецкой администрации, крупных нацистских представителей, представителей немецкой армии и крупных чиновников немецкой полиции» [4, с. 465].

Подготовка и реализация каждого такого мероприятия требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости, умения быстро реагировать на меняющуюся обстановку и возникновение непредвиденных обстоятельств. Необходимы были точное знание и учет конкретной обстановки, в частности сложной системы охраны объектов. Каждому акту предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов приведения их в действие.

Основная часть. Крупнейшей и самой резонансной операцией такого плана стала ликвидация гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубе. Выполнение этой задачи было возложено на разведывательное управление генерального штаба (РУ ГШ), наркомат государственной безопасности (НКГБ), подпольные организации и партизанские формирования.

В рамках статьи хотелось бы показать роль органов государственной безопасности в подготовке к указанной операции, участие отдельных спецгрупп и отрядов в мероприятиях, направленных на ликвидацию В. Кубе.

Задание по его уничтожению получили все действующие в районе г. Минска партизанские отряды, в том числе формирования органов государственной безопасности: отряд «Местные» С.А. Ваупшасова (псевдоним «Градов»), бригада «Дядя Коля» П.Г. Лопатина, отряд «Соколы» К.П. Орловского и др.

Одна из операций была проведена 17 февраля 1943 г. Получив накануне разведанные о том, что гауляйтер в сопровождении высокопоставленных гитлеровских чиновников администрации г. Барановичи и большой охраны намеревается приехать на охоту в Машуковский лес (Клецкий район), бойцы отряда «Соколы» во главе с К.П. Орловским устроили засаду на их пути. Пропустив гитлеровцев в лес и дождавшись к вечеру их возвращения, партизаны открыли по ним огонь из пулемета и автоматов. Кубе, изменив свои планы, не принял участия в охоте. Тем не менее в результате этой операции были уничтожены главный комиссар г. Барановичи группенфюрер СС Фридрих Фенц, гебиткомиссар Барановичского округа группенфюрер СС Фридрих Штур, восемь эсесовских офицеров, два коменданта полиции и почти вся их охрана. По различным данным в ходе боя погибло от 30 до 50 гитлеровцев [5, с. 101–102; 6, с. 291, 294–295, 298; 7, с. 403].

Вместе с тем К.П. Орловский в своих воспоминаниях, хранящихся в Национальном архиве Беларуси, указывал: «...убит главный комиссар Барановичской области Фэнч, обер-группенфюрер Захарияс, 7 офицеров, 8 солдат, 2 коменданта, полицейский, 3 человека крестьян-возчиков» [8, л. 14–15]. Сам Орловский был тяжело ранен. Пуля попала в детонатор толового заряда, который он собирался бросить в немцев, и заряд взорвался в его руке. Орловский лишился кистей обеих рук и на 3/4 утратил слух.

В конце июля 1943 г. разведчица В.В. Гуринович из отряда «Местные» установила, что Кубе часто ездит в Лошицу. Группа партизан несколько дней провела в засаде на шоссе Минск–Лошица, но машина гауляйтера так и не появилась [9, с. 343–344; 5, с. 103–105].

По поводу этой резиденции необходимо отметить, что отдельные исследователи считают ее одной из загородных резиденций В. Кубе. Так, авторитетный российский историк А. Попов ошибочно называет Лошицу Локшицей и утверждает, что здесь находилась летняя резиденция гауляйтера.

Однако большинство авторов придерживаются мнения, что с января 1942 г. по июль 1944 г. она находилась в распоряжении близкого друга В. Кубе начальника третьего главного отдела (экономики и сельского хозяйства) генкомиссариата Вильгельма Фрайтага [10, с. 147].

Белорусские исследователи Н.В. Кузнецов, И.А. Судленков, Н.И. Смирнов также пишут о том, что Кубе и его приближенные посещали дачу в Лошицком парке, где устраивали пикники. Вместе с тем авторы указывают на то, что чаще всего на даче появлялся Минский окружной комиссар Фрайтаг [11, с. 299; 12, с. 148].

Тем не менее, и гауляйтер, и его семья часто бывали в Лошице, поэтому оперативной группой НКГБ «Юрий» Э.С. Куцина во взаимодействии с отрядом «Местные» С.А. Ваупшасова был разработан план его уничтожения именно там. В частности, в августе 1943 г. была установлена связь члена оперативной группы НКГБ «Юрий» немца-антифашиста Карла Кляйнюнга («Виктора»), заброшенного в тыл под видом унтер-офицера немецкой полевой полиции Отто Шульца, с Надеждой Моисеевой, работавшей официанткой в лошицкой резиденции, поваром Марией Павловной Чижевской и ее дочерью Лилей (Ленной), уборщицей в гараже Фрайтага. Чижевские предоставили массу важных сведений о том, что происходит в доме Фрайтага, какие там порядки, как часто приезжает Кубе и чем занимается; о его охране, расположении комнат в резиденции и согласились принять участие в его ликвидации. Рассматривался вариант отравления Кубе, но в дальнейшем было принято решение взорвать его. Однако В. Кубе перестал посещать Лошицу [5, с. 129–163].

К плану уничтожения гауляйтера в лошицкой резиденции чекисты вернулись после назначения на эту должность К. Готтберга. Ими был подготовлен взрыв в лошицкой резиденции во время совещания гебиткомиссаров и зондерфюреров 30 октября 1943 г., на которое ожидался приезд рейхсминистра восточных оккупированных территорий Розенберга. Однако взрывное устройство было обнаружено саперами за несколько часов до взрыва, задействованные в операции подпольщики М.П. Чижевская, Е.А. Чижевская и Н. П. Моисеева задержаны и казнены [5, с. 192–210].

Возвращаясь к В. Кубе, следует сказать, что работа по его ликвидации продолжалась. Так, 6 сентября 1943 г. по заданию С.А. Ваупшасова подпольной группой К.Л. Матузова был осуществлен взрыв на банкете в офицерской столовой казино СД, однако Кубе на нем не оказалось [13, с. 204–207; 9, с. 344–345; 14; 15, с. 403].

Следует отметить, что на протяжении лета и сентября 1943 г. на В. Кубе было совершено несколько неудачных покушений. На него устраивались засады, планировалось раздавить грузовиком в его собственной машине, взорвать в кинотеатре, отравить, напасть на гауляйтера публично и уничтожить его на глазах минчан, однако В. Кубе, опасаясь за свою жизнь, принимал серьезные меры предосторожности. В частности, практиковались секретность поездок, частая смена маршрутов, автомобилей и их номеров, усиленная охрана. Все эти меры не давали возможности реализовать планы по его уничтожению [10, с. 150].

Только отрядом С. Ваупшасова было осуществлено множество мероприятий, направленных на уничтожение В. Кубе. Так, в результате взрыва на вокзале погибло несколько немецких офицеров, однако гауляйтера среди них не оказалось. Мина, заложенная в его машину, взорвалась до того, как Кубе сел в нее. Мина на дороге также не дала результата, так как гауляйтер, не доехав до нее трех километров, вернулся. В отчаянии партизаны предпринимали самые дерзкие попытки его ликвидации. В частности, боец отряда Евгений пришел прямо в генкомиссариат и потребовал пропустить его по важному делу. Ему удалось проникнуть внутрь и добраться до дверей Кубе, однако он был остановлен охраной. На приказ сдать оружие открыл стрельбу, убил двух офицеров и застрелился сам [15, с. 405–406].

Реализовать план по ликвидации гауляйтера удалось лишь 22 сентября 1943 г. Е. Мазаник, работавшей горничной в квартире Кубе, которая действовала по приказу заместителя командира оперативной группы РУ ГШ майора Н.П. Федорова. Однако органы государственной безопасности наряду с другими ведомствами провели большую и серьезную работу по подготовке ликвидации В. Кубе и сыграли значительную роль в осуществлении ряда покушений на гауляйтера.

Органами госбезопасности проводились также мероприятия по уничтожению коллаборационистов. Так, в ноябре 1942 г. по заданию оперативно-чекистской группы (ОЧГ) НКГБ БССР по Витебской области за агитационно-пропагандистскую работу против советского правительства был убит редактор прогерманской газеты «Новый путь», издаваемой в г. Витебске, А. Л. Брандт, активно сотрудничавший с оккупантами. В газете регулярно помещались сводки Верховного командования германской армии, международные сообщения, переводы из германской печати, другие материалы, по мнению Брандта, «объективно рисующие всю неприглядность прошлого советского режима, срывающие ту завесу, которой всячески маскировали себя большевики» [16, с. 14].

Необходимо отметить, что в архивных документах существуют определенные противоречия по поводу даты данной операции. Например, в отчете о разведработе белорусских партизан разведотдела Белорусского штаба партизанского движения указывается, что Брандт был уничтожен в декабре 1942 г. [17, л. 37]. В отчете же о проведенной диверсионно-боевой и агентурно-оперативной работе в тылу немецко-фашистских оккупантов НКГБ БССР датой его ликвидации названо 26 ноября 1942 г. Учитывая, что эту операцию проводил НКГБ, а также детальное изложение операции в последнем документе, автор данной статьи полагает, что именно 26 ноября следует считать верной датой ликвидации Брандта. Того же мнения придерживаются и создатели монументального труда «Щит и меч Отечества» [18, с. 142], а также историко-документальной хроники г. Витебска «Память» [19, с. 462].

Подготовка к операции длилась почти месяц. 4 ноября 1942 г. ОЧГ НКГБ БССР по Витебской области через линию фронта были переброшены В.Ф. Кононов («Фомич») и И.П. Наудюнас («Петрович») с целью проникновения в г. Витебск и осуществления теракта над Брандтом [20, с. 123].

10 ноября они прибыли в город и приступили к выполнению задания. Установив повседневное наблюдение за домом коллаборациониста, они детально изучили режим дня Брандта, маршрут его движения на работу, размещение патрулей и другие подробности, имеющие значение для проведения операции, после чего был разработан план ее осуществления. К ее выполнению были привлечены жители Витебска М.Г. Стасенко и Е.Е. Филимонов. Ликвидацию Брандта было решено осуществить утром на улице по пути его следования на работу. Непосредственными исполнителями назначались «Петрович» и Стасенко, «Фомич» и Филимонов должны были их прикрывать [21, л. 134–136; 22, с. 17–18].

Один из участников этих событий В.Ф. Кононов позже вспоминал: «Операция началась 26 ноября. Мы с Филимоновым заняли позицию на дороге, по которой обычно в это время проезжал патруль с немецкой полевой жандармерией, чтобы уничтожить его и дать возможность всем скрыться по разработанному маршруту. В 8 утра группа была наготове. В 8 часов 25 минут из своего дома в сопровождении охранника вышел Александр Брандт. Навстречу двинулся Стасенко, пропустил, развернулся и выстрелил предателю в спину. Тот рухнул как сноп. Портфель, который он держал, отлетел в сторону. Выбежавшего на помощь охранника уложил метким выстрелом Наудюнас. Я, видя, что Брандт выронил толстый портфель, подбежал и схватил его. Там были клише и сигнальные экземпляры листовок. Все скрылись по разработанному маршруту. Вскоре, находясь в черте города, услышали лай овчарок и автоматные очереди – немецкий патруль организовал преследование нашей группы. Но вскоре преследователи потеряли след. Мы вышли на партизанский пост, затем благополучно миновали линию фронта и прибыли в Долговицы в группу НКВД Юрина» [23]. Таким образом, слаженные действия участников операции позволили не только успешно осуществить ликвидацию коллаборациониста, но и избежать потерь.

Как сообщалось в докладе начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко о результатах операции: «Удар по Брандту произвел сильное впечатление. Германское командование в г. Витебске после многочисленных арестов объявило в городе осадное положение. В лагере предателей – в управе и в редакции – царит смятение. Вся эта свора проникнута страхом и ожидает аналогичной участи» [16, с. 14].

Спецгруппы НКГБ, действовавшие в районе г. Минска, также вели активную работу по ликвидации лиц, сотрудничавших с оккупационным режимом. Наиболее резонансными стали операции по уни-

чтожению таких известных белорусских националистов, как руководитель т.н. Белорусской народной громады Ф. Акинчиц и редактор прогерманской «Белорусской газеты» В. Козловский, проведенные чекистами в 1943 г.

Следует отметить, что эти и другие руководители белорусского националистического движения, придерживавшиеся антисоветских взглядов, были известны органам государственной безопасности еще до Великой Отечественной войны. В указании НКГБ СССР № 1996/М Народному комиссариату госбезопасности БССР «Об активизации мероприятий по выявлению и разработке белорусского националистического подполья» от 30 мая 1941 г. говорится, что «...на территории Белорусской и Литовской ССР сохранилось большое количество белорусских националистических кадров в лице бывших руководителей и участников различных партий и организаций белорусских националистов...».

Антисоветскую работу белорусских националистов, проживающих на территории СССР, организовывали и направляли существующие за ее пределами руководящие центры: Белорусское национальное объединение (БНО) в Берлине (руководят Ф. Акинчиц, А. Шкутько, В. Боровский и др.), Белорусский комитет самопомощи (БКС) в Варшаве (руководят Н. Щорс, ксендз Годлевский и др.) и Белорусское культурно-просветительное общество в Праге (руководят Захарко, Русак и др.).

Через закордонные центры и их филиалы, а также через издаваемую в Берлине белорусскую газету «Раница» («Утро») немцы проводили работу по созданию массовой организации белорусов под флагом борьбы за «независимость» Белоруссии.

Непосредственное руководство работой закордонных центров белорусских националистов осуществлялось уполномоченным Министерства иностранных дел Германии по белорусскому вопросу национал-социалистом профессором Менда.

Все эти антисоветские центры действовали с ведома и по указанию разведывательных органов, которые, перехватив в свои руки руководство националистическими организациями белорусов, ставили задачу подготовить из белорусских националистов, бежавших на территорию Германии, кадры шпионов и диверсантов для подрывной работы против СССР, а также активизировать антисоветскую работу белорусского националистического подполья в Советском Союзе.

Один из руководителей Белорусской национал-социалистической партии В. Козловский, известный среди белорусских националистов под кличкой «Наш фюрер», прямо заявлял, что «...гитлеризм – единственное наше спасение. Другим путем независимости не получим».

Центром белорусских националистов на территории СССР являлся г. Вильнюс, где в то время находились бывшие организаторы и руководители белорусского националистического движения (ksenдз А. Станкевич, В. Козловский, И. Шутович и др.) [24, с. 41–42; 25, с. 166–169].

В том же документе отмечается, что «тактика белорусских националистов в настоящее время сводится, в первую очередь, к сохранению кадров, приспособлению к существующей обстановке, распространению националистического влияния и максимальной конспирации антисоветской работы». Далее указывается на необходимость активизировать деятельность органов государственной безопасности в данном направлении [24, с. 42; 25, с. 170].

В феврале 1943 г. Ф. Акинчиц с группой пропагандистов (70 человек) приехал в Минск для выполнения специальных поручений немецкого министерства пропаганды. Минской ОЧГ началась подготовка операции по его ликвидации. Ее осуществление было поручено резиденту «Учитель», который привлек к операции агентов «Иванова» (работал секретарем редакции «Белорусской газеты»), «Минского», а также партизана Прилепко.

Ранним утром 5 марта 1943 г. «Иванов», «Минский» и Прилепко подъехали на грузовой машине к зданию редакции «Белорусской газеты», где проживал Акинчиц. Оставив Прилепко охранять машину, «Минский» и «Иванов» вошли в здание, обрезали телефонные провода, а затем, ворвавшись в квартиру, застрелили предателя. По некоторым данным описываемые события происходили в квартире Козловского, у которого Акинчиц оказался случайно. Козловскому удалось скрыться в другой комнате и открыть стрельбу. С учетом того, что в том же здании находилось помещение полиции, а также проживали немцы, участники операции поспешили скрыться. Им всем удалось выехать на автомашине за город и благополучно перейти в партизанскую зону [17, л. 33–34; 21, л. 42, 136–137; 26, л. 34–35; 9, с. 350; 18, с. 142–143; 22, с. 389–392].

В ноябре 1943 г. опергруппой «Мстители» через агентов «Дударевич» и «Новый» был совершен теракт над видным белорусским националистом редактором «Белорусской газеты» В. Козловским. Операция была проведена с особой дерзостью и потребовала от ее участников умения мгновенно реагировать на складывающиеся обстоятельства и использовать их в свою пользу.

Первоначально планировалось похитить Козловского и доставить на базу опергруппы, однако усиление мер безопасности с его стороны после гибели В. Кубе не давало такой возможности, в связи с чем было принято решение о его ликвидации.

В плане 4 отдела НКГБ БССР от 29 июня 1943 г. по организации агентурно-оперативной и разведывательно-диверсионной работы в оккупированных районах Минской и Витебской областей БССР ставилась задача организации и совершения терактов против лиц из числа крупных немецких ставленников и руководителей. Среди лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, возглавлявших прогерманские организации и подлежащих уничтожению в первую очередь в данном документе указывался В.Л. Козловский [22, с. 636].

В соответствии с разработанным планом, днем 13 ноября 1943 г. агенты «Дударевич» в форме полицейского и «Новый» в гражданской одежде проникли в здание редакции. «Новый» остался в коридоре, а «Дударевич» вошел в кабинет Козловского, где возгласом «Жыве Беларусь!» приветствовал находившихся там сотрудников. На вопрос одного из присутствовавших, что ему нужно, агент ответил, что ему необходимо видеть ответственного редактора газеты Козловского, которому он хочет лично передать подробные материалы о гибели белорусских полицейских в борьбе с партизанами. Для убедительности, в соответствии с разработанной легендой, «Дударевич» сообщил ряд фамилий погибших.

Один из сотрудников редакции пообещал передать материалы редактору, который в данный момент отсутствовал, и попросил попозже зайти за окончательным ответом.

Чтобы не вызывать подозрений агенты вынуждены были покинуть здание редакции. Проведя некоторое время в соседнем кафе, они вернулись, но присутствие в кабинете Козловского большого количества сотрудников не давало возможности реализовать план его ликвидации. В связи с этим в него были внесены коррективы, и принято решение вместе войти в кабинет редактора, «Дударевич» должен стрелять в Козловского, а «Новый» взять на себя сотрудников, на случай их нападения на агентов.

«Новый» первым вошел в кабинет, однако его появление вызвало подозрения у сотрудников редакции, которые вывели его в коридор, где, увидев «Дударевича» в полицейской форме, обратились к нему с просьбой проверить у «Нового» документы.

Используя неожиданно представившуюся возможность удалить сотрудников, «Дударевич» приказал остаться старшему, а всем остальным уйти. Проверять документы вместе с «Дударевичем» остался редактор газеты Козловский, которому агент сообщил, что у задержанного документы в порядке и его можно отпустить и попросил самого Козловского предъявить документы. Последний ответил, что его документы находятся здесь же в редакции, а он является ответственным редактором «Белорусской газеты» Козловским. Воспользовавшись отсутствием посторонних в коридоре, «Дударевич» одним выстрелом в голову убил Козловского, после чего в здании редакции началась паника, воспользовавшись которой агенты выскочили на улицу и разбежались в разные стороны. «Дударевич» благополучно прибыл на базу опергруппы, «Новый» был задержан в городе и доставлен в гестапо, его дальнейшая судьба осталась неизвестна [21, л. 137–141; 18, с. 160–161]. Уничтожение коллаборациониста вызвало широкий резонанс в городе, так как было проведено практически на глазах сотрудников редакции.

Весьма интересна по тактике исполнения также операция по ликвидации бургомистра г. Минска В. Ивановского, подготовленная и проведенная 6 декабря 1943 г. той же опергруппой НКГБ БССР «Мстители» [27, с. 145].

Коллаборационист с начала Великой Отечественной войны стал сотрудничать с немецкими оккупантами и 17 ноября 1941 года стал бургомистром Минска. С конца июня 1943 по декабрь 1943 года также входил в состав «Белорусской рады доверия» при генеральном комиссаре Генерального комиссариата Белоруссия.

Организация операции была поручена агентам «Орловский» и «Вилейский», также к ней были привлечены агент «Костя» (бывший аспирант Академии наук БССР, член «Белорусского научного товарищества», пользовавшийся доверием Ивановского) [27, с. 144] и его жена Мержевская, являвшаяся связной спецгруппы. Супруги, находясь в близких взаимоотношениях с бургомистром, осуществляли наружное наблюдение за ним.

Также как и Козловского, Ивановского первоначально планировалось захватить и доставить на базу опергруппы, его уничтожение предполагалось только в случае невозможности захвата.

1 декабря 1943 г. «Орловский» и «Вилейский» прибыли в Минск и в течение пяти дней вели тщательное наблюдение за Ивановским, а также изучали обстановку в городе. Днем 6 декабря 1943 г. «Костя» через свою жену сообщил им, что Ивановский находится в городской управе. Агенты, ожидая появления бургомистра, укрылись в развалинах домов напротив городской управы на углу улиц Комсомольской и К. Маркса [21, л. 143].

«Костя» и его жена вели наблюдение за окнами кабинета бургомистра. Когда свет погас и Ивановский вместе с курьером направились к пролетке, стоявшей во внутреннем дворе управы, связная через своего мужа дала сигнал агентам, находившимся в засаде [18, с. 161].

После того как пролетка выехала со двора управы, «Орловский» и «Вилейский» направились за ней, ожидая, когда Ивановский останется один. На углу улиц Комсомольской и Немиги курьер сошел с пролетки, а Ивановский поехал дальше. В районе пересечения Немиги с улицей Островского «Вилей-

ский» вскочил в пролетку и предложил Ивановскому следовать за ним, однако бургомистр начал кричать и выхватил пистолет. Понимая, что захватить живым коллаборациониста не удастся, «Вилейский» выхватил у него оружие и стащил с пролетки на мостовую. После того как подбежал «Орловский», агенты тремя выстрелами в упор убили бургомистра и, воспользовавшись темнотой, благополучно выбрались из города и прибыли на базу опергруппы [21, л. 143–144; 18, с. 161].

Сложность этой операции заключалась в том, что она проводилась в условиях жесткого полицейского режима после ликвидации гауляйтера Беларуси В. Кубе. Кроме того, время и место проведения мероприятия увеличивали риск: в центре города в вечернее время велика была вероятность задержания исполнителей патрулем. Однако хорошая подготовка, умело организованное наружное наблюдение и четкое взаимодействие между участниками позволили осуществить ее весьма успешно.

Таким образом, органами государственной безопасности неоднократно готовились и успешно осуществлялись операции по ликвидации лиц, поддерживающих оккупационный режим. Только в течение 1943 г. оперативными группами НКГБ было ликвидировано 42 видных представителя германской администрации и командования [4, с. 673].

Помимо уничтожения гитлеровцев и коллаборационистов, органы госбезопасности также провели множество операций по захвату видных представителей немецкой администрации, вермахта, сотрудников германских спецслужб с целью получения от них разведывательной информации.

Оперативным группам, действовавшим на оккупированной врагом территории, среди прочего ставилась задача «лиц, изблеченных в связи с разведывательными органами противника, секретно изымать и направлять в НКГБ БССР, используя для этой цели партизанские каналы связи по воздуху. При отсутствии такой возможности принимать решительные меры к физическому уничтожению этой агентуры противника» [4, с. 281].

Одной из наиболее успешных операций белорусских чекистов стал захват спецгруппой «Четвертые» в августе 1942 г. немецкого разведчика Эрнста фон Файта, который возглавлял замаскированную под «лесничество» разведывательно-диверсионную школу вблизи г. Климовичи, одновременно проводя работу по выявлению подпольных патриотических организаций, партизан и других антифашистов [2, с. 415].

В архивных документах по поводу этой истории существуют некоторые противоречия. В ряде из них говорится о том, что для проведения операции по похищению гитлеровца был подготовлен и внедрен в его окружение агент спецгруппы «Лида» (Лидия Осмоловская) [28, л. 87; 2, с. 415].

На основании других документов, изучение окружения фон Файта показало, что он уже ухаживает за некоей Лидией Осмоловской, работающей переводчицей в лесном отделе городской управы. Через резидента спецгруппы «Мария (Марьяна) Божан» и агента «Татьяна» (подруга Л. Осмоловской) чекисты познакомились с девушкой, которая охотно пошла на сотрудничество и сама предложила план похищения фон Файта [21, л. 150; 29, л. 82; 30, 320].

Согласно разработанному плану в воскресенье 2 августа «Лида» предложила немцу прогуляться на реку, по дороге к которой на опушке леса была организована засада под руководством командира спецгруппы «Четвертые» А.В. Метелкина. Когда офицер с девушкой поравнялись с засадой, Метелкин предложил ему бросить оружие и сдаться. Однако тот успел спрятаться за дерево и дважды выстрелил из пистолета. После ответных предупредительных автоматных очередей в воздух бойцов спецгруппы фон Файт бросил оружие и сдался в плен.

Во время допросов он показал, что в СССР (в Казахстане и Киргизии) в качестве иностранного специалиста он работал с 1928 г. С 1934 г. по рекомендации сотрудника германского посольства в Москве Мюллера переведен в Московскую область. Мюллер предложил фон Файту собрать разведывательную информацию о дислокации военных объектов, на что последний согласился. Со слов пленного, в 1937 г. он был арестован за шпионаж и выслан из СССР, сумев вывезти в тайнике, оборудованном в каблуке сапога, чертежи оружейного завода, находившегося в одном из районов Ленинградской области, который по возвращении в Германию сдал в гестапо. В ходе допроса Файт поначалу утверждал, что в 1942 г. он был направлен в БССР «для организации лесного дела и никаких политических заданий не имел, а выполнял лишь лесохозяйственные функции» [29, л. 83; 18, с. 141]. Однако, когда его подрывная деятельность против СССР была доказана, он сообщил подробные данные о разведывательных органах и школах, дислоцировавшихся на территории Беларуси, а также об агентах, заброшенных в тыл Красной Армии и в партизанские отряды.

9 октября 1943 г. агентом оперативной группы майора госбезопасности Золотаря Н. П. Федоровым был захвачен на квартире в г. Борисове и доставлен на базу опергруппы капитан войск СС А.Н. Невенгловский. Попав в октябре 1941 г. в плен, был направлен в школу разведчиков в г. Волау (Германия). С апреля 1943 г. он работал в г. Брянске, а затем в Борисове при штабе немецкой части, где занимался опросом военнопленных и принимал участие в переброске агентов германской разведки в советский тыл, о которых сообщил опергруппе в ходе допросов [4, с. 525].

В том же году чекистам удалось захватить в плен заместителя начальника «Абвергруппы 310», который был направлен в Москву. Из Слонима в результате проведенной совместно с партизанами операции был вывезен сотрудник СД Н. Уншпик, разыскивавшийся органами госбезопасности еще до войны. Были захвачены и другие сотрудники вражеских спецслужб, иных ведомств противника, а также коллаборационисты, представлявшие интерес для органов госбезопасности [31, с. 91].

Всего в период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г. было организовано и проведено 141 мероприятие по уничтожению видных представителей и ставленников немецких оккупантов, агентуры немецких разведывательных органов и изменников Родины. В результате за сотрудничество с оккупантами было ликвидировано 210 человек [21, л. 133].

Заклучение. Одним из направлений деятельности спецгрупп и отрядов органов госбезопасности на оккупированной территории Беларуси являлось проведение боевых операций по захвату «языка» с последующим получением от пленных документов или устных разведывательных сведений, а также ликвидация высших чинов вермахта, сотрудников спецслужб гитлеровской Германии, наиболее активных пособников оккупантов.

Факты свидетельствуют, что органы государственной безопасности, наряду с другими ведомствами, вели большую и серьезную работу в этом направлении. Бойцами спецгрупп и отрядов, а также их агентами проводились весьма разнообразные по тактике исполнения операции по захвату и ликвидации гитлеровцев, лиц, сотрудничающих с захватчиками, что вызывало страх у изменников Родины, работавших в аппарате местного управления, снижало их активность и одновременно улучшало морально-психологическое состояние местного населения.

Подобная деятельность, преследуемая законом в мирный период существования государства как террористическая, в особых условиях и в военное время в отношении оккупантов и лиц, с ними сотрудничавших, приобрела иное толкование и, помимо основной цели – уничтожения противника – оказывала также серьезное идеологическое воздействие.

Так, несмотря на то, что ликвидация Кубе воспринимается неоднозначно как историками, так и обществом, и некоторые исследователи оценивают ее отрицательно, в связи с тем, что последствием этой операции явилось уничтожение гитлеровцами нескольких тысяч мирных жителей г. Минска [32, с. 269], большинство авторов придерживается того мнения, что в условиях, когда речь шла об уничтожении фашистами целых народов, ликвидация Кубе была правоммерным ответом на его злодеяния. Учитывая тот факт, что после его смерти и на фронтах, и в немецком тылу наблюдалась определенная деморализация личного состава, вероятно, можно говорить о положительном эффекте данной операции, также как и других, проведенных в отношении оккупантов и их пособников. Кроме того, результативная деятельность по ликвидации противника вызывала широкий резонанс среди мирного населения, оказывая на него положительное моральное воздействие и укрепляя веру в победу над врагом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Русь, 2000. – Т. 2, кн. 1. Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – 718 с.
2. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 2. От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). – 701 с.
3. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 1. Крушение «Блицкрига» (1 января – 3 июня 1942 г.). – 692 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Русь, 2008. Т. 4, кн. 2. Великий перелом (1 июля – 31 декабря 1943 г.). – 810 с.
5. Борисов, И.С. «Сатурн» на ладони: О разведке и разведчиках / И. С. Борисов. – Минск : Беларусь, 1994. – 270 с.
6. Борисов, И. Человек из легенды: Докум. Повесть / И. Борисов. – Минск : Маст. Літ., 1991. – 335 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1984. – Т.2. – 551 с.
8. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 11.
9. Попов, А.Ю. Спецназ НВКД в тылу врага: Диверсанты Сталина / А.Ю. Попов. – М. : Эксмо : Яуза, 2013. – 480 с.
10. Шиманская, Н.А. Органы государственной безопасности в подготовке операции по ликвидации гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубе / Н.А. Шиманская // «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» : материалы 15 междунар. науч. конф., 8 апреля 2016 г. Выпуск 15 / редкол.: А. А. Коваленя (отв. Ред.), С. Е. Новиков (зам. Отв. Ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 146–154.
11. Кузнецов, Н.В. Тайный фронт (Разведка и контрразведка в действии) / Н. В. Кузнецов. – Минск : Право и экономика, 2010. – 552 с.
12. Судленков, И.А. Солдаты Победы / И.А. Судленков, Н.И. Смирнов. – Минск: Белпринт, 2015. – 208 с.
13. Доморад, К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. / К.И. Доморад ; под ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
14. Сениуков, Г. Охота на «Кабана» / Г. Сениуков // Вечерний Минск.

15. Чекисты : Сборник / сост. А.Н. Николаев. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 413 с.
16. Киселев, А. М. «Брандт в правой руке держал желтый портфель...» / А. М. Киселев // Выстояли и победили: свидетельствуют архивы : сб. науч. ст. / редкол.: М.В. Пищуленок (гл. редактор), В.В. Федосов [и др.]. – Витебск, 2005. – С. 13–14.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 99.
18. Щит и меч Отечества / под ред. В.И. Дементя. – Минск : Междунар. Центр интеграц. Информ. Обществ. Пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
19. Дарафеенка, Н.І. Віцебскае падполле дзейнічае / Н.І. Дарафеенка // Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Віцебска : у 2 кн. / рэд. Кал. Г.А. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БедЭН, 2002. – Кн. 1. – С. 456–464.
20. Валаханович, И.А. Оперативно-чекистская группа народного комиссариата внутренних дел по Белорусской ССР (1942–1943 гг.) / И.А. Валаханович // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – Вып. XII. – С. 119–126.
21. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). – Ф. 3. Оп. 3. Д. 11.
22. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Русь, 2008. – Т. 4, кн. 1. Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.). – 796 с.
23. Кононов, В. «Мстители» атакуют [Электронный ресурс] / В. Кононов // Белорусская военная газета. – 2013. – 6 мар. – Режим доступа: <http://vsr.mil.by/2013/03/06/mstiteli-atakuuyut/>. – Дата доступа: 25.11.2016.
24. НКВД–МВД в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. документов / сост.: Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. – М. : Объединенная редакция МВД России, 208. – 640 с.
25. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Книга и бизнес, 1995. – Т.1, кн. 2. Накануне (1 января – 21 июня 1941 г.). – 397 с.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.
27. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Кучково поле, 2007. – Т. 5, кн.1. Вперед на Запад (1 января – 30 июня 1944 г.). – 728 с.
28. ЦА КГБ РБ. – Фонд спецгрупп. Д. 98. Т. 4.
29. ЦА КГБ РБ. – Фонд спецгрупп. Д. 98. Т. 1. Ч. 1.
30. ЦА КГБ РБ. – Фонд спецгрупп. Д. 98. Т. 2. Ч. 2
31. Соловьев, А.К. Они действовали под разными псевдонимами / А.К. Соловьев ; под ред. С.М. Симонова. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 200 с.
32. Боярский, В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей / В.И. Боярский. – Минск : Харвест ; М., АСТ, 2001. – 304 с.

Поступила 29.03.2017

N. SHIMANSKAYA

The article is devoted to the activity of state security bodies in elimination of representatives of German administration and their collaborators on the occupied territory of Belarus during the Great Patriotic war (1941–1944). Documentary data show the significant role of state security bodies' special groups and units in organizing and conducting such activity in the enemy's rear. The article covers the most resonant and effective operations, conducted by NKVD–NKGB special groups and by some secret-service agents and officers of State security body as well. On the basis of factual material and a number of other researchers' works the author comes to the conclusion that activity aimed at eliminating of representatives of German administration and their collaborators was an integral part of state security bodies' work had great importance and brought significant results: awoke fear among traitors, who worked at local government bodies, and minimized their activity but improved moral and psychological state of local population at the same time.

Keywords: Great Patriotic War, NKGB, NKVD, state security bodies, partisans, partisan movement, partisan formations, special groups.

УДК 719:902.2(476)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
НА ТЕРРИТОРИИ БССР (1965–1985 гг.):
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

К.С. ПИРУМЯН

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Представлены данные об организации охраны памятников археологии на территории БССР в 1965–1985 гг. на примере деятельности созданного в 1965 г. Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. На основе анализа материалов, выявленных в фонде ГУ «Белорусский государственный архив научно-технической документации», представлен обзор деятельности данной организации. Внимание сконцентрировано на секции археологии и ее проблемном поле, также определяется роль секции археологии Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры в становлении археологической науки БССР.

Ключевые слова: археологические памятники, археологическая наука, охрана памятников истории и культуры, Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, секция археологии, 1965–1985 гг., пропаганда.

Введение. Цель данного исследования – проследить особенности организации охраны памятников археологии БССР в 1965–1985 гг. на примере деятельности Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (далее – БДООПИиК), выявить проблемные аспекты охраны, учета и изучения археологических памятников в республике в обозначенный период и ввести в научный оборот полученные в ходе работ результаты. В основе исследования лежат архивные материалы, выявленные автором в ГУ «Белорусский государственный архив научно-технической документации». Ранее данные документы практически никем не были востребованы. Аналогичных научных работ, посвященных охране памятников археологии БССР в рассматриваемый период, не представлено, что объясняет актуальность данной работы.

Основная часть. До появления БДООПИиК (1965 г.) охраной памятников истории и культуры БССР занимались Министерство культуры и Госкомитет Совета Министров по делам строительства (Госстрой БССР). Однако их деятельность из-за малочисленности кадров – охрану памятников курировал всего два сотрудника [1, л. 22] – была неэффективной. Кроме этого, инспектор Министерства культуры БССР, согласно действовавшей тогда нормативно-правовой базе, не имел права запретить работы, ведущие к разрушению памятников археологии [1, л. 16]. Несмотря на негативные факторы, некоторые археологические памятники все же были взяты под охрану (неолитические шахты в Красном Селе, городище в Пинске и др.) [1, л. 16].

В послевоенный период одной из ведущих общественных организаций, занимавшихся охраной памятников (в том числе и памятников археологии), стало БДООПИиК. Создано оно было 19 июня 1965 г. постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР № 306 «О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» [2, с. 347]. Лишь 7 декабря 1966 г. был созван первый учредительный съезд, который принял устав и избрал руководящие органы Общества – Центральный совет в составе 32 человек и ревизионную комиссию. Основной целью организации стало «активное содействие осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания советского народа, повышению его образованности и культуры» [2, с. 347]. Было выделено три основных направления работы [2, с. 347]: «широкая пропаганда ленинских идей сбережения историко-культурного наследия нашего народа и советского законодательства об охране памятников истории и культуры и воспитание на этой основе любви к Родине и ее истории, уважения к труду и таланту народа; привлечение широких слоев населения к непосредственному участию в охране памятников истории и культуры; активное содействие государственным органам охраны памятников в их работе по сохранению, пропаганде и реставрации памятников, благоустройству памятных мест».

На первом съезде БДООПИиК от лица археологов выступил В.Д. Будько, который поднял вопросы, касающиеся охраны памятников археологии: «...недопустимо, чтобы подвергались разрушению памятники древности... Из 6000 памятников под охраной государства находится только 280 (3 поселения эпохи палеолита, 19 неолитических памятников, 6 селищ, 99 городищ раннего железного века и раннефеодального периода, около 120 курганных групп с примерно 3200 насыпями...)» [1, л. 14]. Также им было указано, что в последние годы (к 1966 г.) Институт истории Академии наук БССР (далее – ИИ АН БССР) и краеведческие музеи провели много археологических исследований с целью проверки состоя-

ния всех известных и поисков неизвестных памятников для их учета и охраны. Для того чтобы решить вопрос охраны памятников, по мнению В.Д. Будько, необходимо привлекать большое количество людей, в том числе краеведов, учителей школ, комсомольцев, пионеров [1, л. 13]. Но чтобы их деятельность была санкционированной, они должны вступить в общество охраны памятников. Сохранность памятников от земляных работ, проводимых местными жителями и организациями, должны обеспечить охранные надписи, которые будут впоследствии размещены на памятниках [1, л. 13].

В качестве примера разрушения памятников археологии была приведена информация об использовании древних городищ в качестве карьеров по добыче песка или гравия, даны сведения о поселениях каменного века и селищах раннего железного века, которые были уничтожены в результате распашки, прокладки канав и торфоразработок и т.д. (Новоселки в Петриковском районе, Остров в Пинском, Снитово в Ивановском, Заречье в Березовском районах и др. [1, л. 16]). К сожалению, такое разрушение памятников археологии было не единичным случаем.

На заседании съезда БДООПИиК В.Д. Будько был обозначен ряд задач в области археологии: создать сборник постановлений и инструкций по охране памятников истории и культуры, разработать археологическую карту БССР по эпохам, возродить археологическое движение, печатать и рассылать листовки по археологическим находкам страны, провести инструктаж для работников культуры и музеев, а также опубликовать описи памятников, находящихся под охраной государства [1, л. 2]. Работа учредительного съезда была признана успешной, и организационное становление БДООПИиК продолжилось.

Распоряжением Совета Министров БССР от 3 марта 1967 г. были обозначены структурные подразделения общества [3, л. 1–2]. В его состав вошли областные отделения, были выделены секции архитектуры, искусства, истории, археологии, этнографии и молодежи. Уточнялась цель: выявление, учет, реставрация, охрана и использование памятников истории и культуры. За лето-осень 1967 г. окончательно сформировалась организационная структура БДООПИиК – было создано 2173 организации с количеством членов – 105 894 человек [1, л. 44].

Работа общества велась по обозначенным ранее направлениям. Особого внимания заслуживает популяризация охраны памятников истории и культуры БССР через конкурсную деятельность. В 1967 г. был объявлен конкурс на лучшее освещение в печати, по радио и телевидению вопросов охраны и пропаганды памятников истории и культуры БССР. Итоги конкурса должны были утвердить к 5 мая 1973 г. [3, л. 4а]. В этом же году областные организации БДООПИиК представили отчеты о своей деятельности [3, л. 22]. В них была обозначена информация о количестве памятников истории и культуры (отдельно указано количество археологических памятников), отмечены учреждения (школы, предприятия и др.), за которыми был закреплен уход за памятниками [3, л. 22].

В 1968 г. наступил очередной этап в становлении БДООПИиК. Было разработано положение о секциях исторических памятников Центрального совета, советов областных, городских и районных отделений БДООПИиК, таким образом в данный период происходила более углубленная структуризация деятельности общества. 3 февраля 1968 г. было утверждено отдельное Положение о секции памятников истории и археологии [4, л. 5]. На второй год фактической деятельности организации (16 декабря 1968 г. на очередном заседании секции памятников истории и археологии БДООПИиК в г. Минске) был поднят вопрос о проекте Закона «Об охране памятников истории и культуры» [4, л. 6–7]. Данный вопрос находился на стадии обсуждения. Была представлена информация о состоянии памятников археологии в Юровичах и запovedников в Полоцке и Пинске, утвержден план работы секции истории и археологии БДООПИиК на 1969 год. В плане работы было выделено два основных направления, касающихся археологии: организационная и научно-исследовательская работа [4, л. 8]. Содержанием организационной работы было [4, л. 8]:

– ежеквартальное проведение собраний секции, на которых необходимо рассматривать вопросы о подготовке к празднованию 100-летия со дня рождения Ленина, закрепление членов секции за историко-археологическими областными отделениями БДООПИиК для оказания организационной и научно-методической помощи;

- организация научно-исследовательской и методической работы секции;
- пропаганда и популяризация памятников археологии;
- организация и подготовка материалов для выступлений по радио и телевидению по вопросам археологии;
- организация подготовки статей для газет и журналов о памятниках археологии;
- подготовка методических разработок к лекциям в помощь областным организациям общества по тематике, связанной с памятниками археологии;
- разработка мероприятий по организации передвижных фотовыставок о памятниках археологии БССР в музеях, выставочных павильонах, кинотеатрах;
- разработка предложения по включению в экскурсионные маршруты памятников археологии как обязательных объектов для показа;

- составление проспекта и подготовка к изданию буклетов и комплектов листовок об археологических памятниках;

- подготовка тематики кинофильмов о памятниках археологии.

Научно-исследовательская работа секции истории и археологии БДООПИиК предусматривала [4, л. 9]:

- разработку методики и создание (вместе с секциями местных организаций общества) картотеки археологических памятников БССР;

- разработку методики и создание карты-схемы археологических памятников БССР;

- разработку примерной тематики курсовых и контрольных работ для студентов исторических факультетов пединститутов и университетов БССР, посвященных изучению памятников истории республики.

Помимо организационной и научно-исследовательской работ, секция сотрудничала, выступая посредником, с учреждениями культуры и другими организациями по вопросам охраны памятников истории и археологии. Например, Ленинградский отдел Института археологии Академии наук СССР (далее – ЛОИА АН СССР) по просьбе Управления культуры Витебского облисполкома весной 1968 г. направил М.К. Каргера для обследования руин церкви Благовещения в г. Витебск и подготовки проекта консервации памятника [5, л. 42]. После проведения архитектурно-археологических исследований, раскопок церкви и завершения работ экспедиции, памятник оказался заброшен [5, л. 42]. Данный факт вызвал возмущение со стороны М.К. Каргера, который прислал письмо в БДООПИиК с просьбой разобраться с ситуацией [5, л. 42].

Секция археологии БДООПИиК тесно взаимодействовала с сектором археологии ИИ АН БССР с целью полного учета памятников археологии и создания «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» в 7 томах [6, л. 1]. Для подготовки первого тома было проведено обследование памятников археологии Брестской области, которое подтвердило информацию о существовании 95 памятников из 187, известных до этого. По окончании работ секция археологии обратилась к Министерству культуры и Президиуму БДООПИиК для установления охранных знаков на памятниках истории и культуры Брестской области, сведения о которых планировалось ввести в «Збор помнікаў...». На перспективу было вынесено решение о создании списка археологических памятников Беларуси и ходатайство о его широком издании не позже апреля 1971 г. [6, л. 4]. Внимание археологов также было сконцентрировано на нарушениях некоторыми исследователями правил проведения раскопок, т.е. возникла необходимость строго следить за правилами выдачи отрытых листов.

Вопрос об охранным знаке, который должен быть установлен на памятниках археологии, поднимался не один раз [1, л. 13; 7, л. 9]. Для того чтобы установить охранный знак, необходимо было предварительно составить список памятников (с их точным расположением) и разработать содержание самого знака. Работа над знаком началась в 1972 г., когда на заседании секции памятников археологии определялся его внешний вид: «охранный знак должен быть дешевым, из железобетона, углы срезанные, чтобы его трудно было вывернуть из земли, его высота не должна превышать 2-х метров, охранный знак должен быть из чугуна в виде заостренного книзу древнерусского щита для городищ, курганов, древних поселений, знак украсить белорусским орнаментом» [6, л. 7]. По рекомендации комиссии Верховного Совета БССР был издан Приказ Министерства культуры БССР о сооружении охранных знаков на памятниках археологии до 1 июля 1973 г. [6, л. 9]. Эскиз доски охранный знак был подготовлен М.М. Чернявским в 1976 г. [7, л. 17] и окончательно представлен в 1977 г. Впоследствии Отделу изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры БССР совместно с секцией археологии при Республиканском совете БДООПИиК был обозначен срок до 1 марта 1978 г. для составления списка памятников археологии, на которых необходимо установить охранные знаки-доски [7, л. 19]. В последующие 1978–1980-е гг. охранные знаки были изготовлены и завезены в областные и районные отделения БДООПИиК, где устанавливались на археологических объектах. Помощь работникам районных отделов культуры оказывали члены секции и сотрудники Отдела археологии ИИ АН БССР [8, л. 91].

Что касается списка памятников археологии, на которых необходимо было разместить охранные знаки, то работа над ним началась в 1977 г. Изначально ставилась задача составить списки памятников археологии Брестской, Витебской, Гродненской и Гомельской областей, на которых в первую очередь нужно было установить охранные знаки, затем провести подготовительную работу по Могилевской и Минской областям. В 1979 г. Г.В. Штыхов провел работу по уточнению списка памятников археологии Минской области, на которых также необходимо было установить охранные знаки [8, л. 3]. Сотрудниками Отдела археологии ИИ АН БССР были перепроверены списки памятников археологии Минской, Гомельской и Брестской областей, и окончательный перечень памятников был передан в Управления культуры облисполкомов [8, л. 91].

К концу 1981 г. стало известно, что охранные знаки были установлены не везде [9, л. 14], и данный факт повлиял на сохранность памятников археологии. В 1983 г. членами секции археологии БДООПИиК совместно с сотрудниками отдела археологии ИИ АН БССР были написаны справки-отчеты

по установке охранных знаков Министерства культуры БССР в Могилевской, Гомельской и Минской областях [10, л. 1]. Оказалось, что установка охранных знаков лучше всего была налажена в Клецком, Молодечненском, Несвижском, Слуцком и Новогрудском районах [10, л. 2]. Вывод по размещению охранных знаков был критическим: «...в большинстве районных обществ работают неквалифицированные и часто сменяющиеся секретари, которые формально относятся к исполнению своих обязанностей в вопросах сохранности памятников археологии» [10, л. 1].

Одной из основных задач секции археологии БДООПИиК также было сплошное обследование территории БССР для выявления и учета археологических памятников. Итогом должно было стать составление карты-схемы археологических памятников БССР. Работы были начаты с момента учреждения БДООПИиК. Обследования проводили ведущие археологи страны совместно с работниками музеев. В частности, в Могилевской области большая работа была проведена сотрудником Областного краеведческого музея Я.Г. Риером [6, л. 22].

Постепенно к работе стали привлекать студентов (Гомельский государственный университет, Могилевский государственный педагогический институт): некоторых из них принимали на временную работу в краеведческие музеи, и они становились лаборантами археологических отрядов с зарплатой в 70 рублей [11, л. 1]. Студенты обследовали районы, составляли паспорта на памятники в 4-х экземплярах. БДООПИиК оказывалась помощь историческим факультетам вузов республики в совершенствовании практики участия студентов в работе археологических экспедиций. Студенты Гродненского государственного университета получили возможность участвовать в работе Витебского и Неманского отрядов, студенты БГУ – проводить раскопки археологического памятника в Вишине и участвовать в работах Республиканских научно-реставрационных мастерских, Полесского и Сожского отрядов Отдела археологии ИИ АН БССР [8, л. 92]. Студенты Гомельского государственного университета, Минского пединститута, Могилевского пединститута могли стать лаборантами и работать в Неманском и Полесском отрядах сектора археологии ИИ АН БССР и Костенковской палеолитической экспедиции ЛОИА АН СССР [8, л. 2].

По мере проведения исследований возникло несколько проблем: по отдельным направлениям ощущалась нехватка специалистов, ученые не успевали проводить раскопки в местах, подлежащих уничтожению, из-за отсутствия своевременной информации. Сами же экспедиции не всегда обеспечивались должным количеством оборудования (в первую очередь, транспортными средствами). Попыткой решения данных проблем стало создание региональных археологических центров и музеев при Гомельском государственном университете, Могилевском и Гродненском пединститутах [11, л. 9].

Для оказания методической помощи в организации учета и охраны памятников археологии старших научных сотрудников сектора археологии ИИ АН БССР закрепляли за областными отделениями БДООПИиК. Постепенно за каждым районом закреплялся исследователь, который должен был провести обследование, зафиксировать наличие или разрушение памятников, выявить новые археологические памятники. Сводная ведомость памятников археологии БССР после обследования выглядела таким образом [8, л. 21]:

Таблица – Сводная ведомость памятников археологии БССР

Области	Время обследования	Количество памятников	
		По письменным данным на 1971 г.	По материалам обследований
Брестская	1969–1970 гг.	236	146
Витебская	1971–1972 гг.	833	552
Гомельская	1975–1976 гг.	509	437
Гродненская	1973–1974 гг.	330	211
Минская	1979 гг.	627	305
Могилевская	1977–1978 гг.	471	327
Всего памятников		3006	1978

Как видно из таблицы, количество сохранившихся памятников уменьшилось более чем на треть. Практически 50% памятников археологии оказалось разрушенным в Минской области. В качестве причин такого состояния памятников указывалось «недобросовестное отношение к их охране работников местных органов охраны, недостаточный контроль деятельности этих организаций со стороны вышестоящих органов охраны, несовершенство существующей формы учета и охранной документации, отсутствие должной методико-инспекционной работы и необходимых организационных мероприятий» [8, л. 55].

С 1979 г. секцией археологии БДООПИиК был организован учет поврежденных памятников по результатам обследования Минской, Брестской, Могилевской областей и ежегодных экспедиционных

работ. Списки составлялись порайонно для рассылки их в местные и областные советы. И в этом же 1979 г. сотрудниками отдела археологии ИИ АН БССР совместно с членами БДООПИиК начинается повторное обследование памятников археологии [8, л. 90]. До 1985 г. включительно продолжалась работа по выявлению, учету, составлению списка и охране археологических памятников по районам и областям БССР. За каждой областью был закреплен исследователь [9, л. 11–12]. Несмотря на активную деятельность членов БДООПИиК, нарушения законодательства в сфере охраны памятников археологии продолжались. БДООПИиК сумело донести факты нарушений законодательства по охране памятников в республике до уровня Совета Министров БССР. В результате началась проверка состояния памятников по всем областям.

Благодаря работе БДООПИиК была организована публицистическая и издательская деятельность членов секции: каждый год утверждался план издания буклетов (например, «Туров древний и современный» [8, л. 2]), плакатов [12, л. 1], путеводителей по памятникам истории и археологии [4, л. 5]. С января 1970 г. периодичностью 4 раза в год начал выпускаться информационный научно-методический бюллетень «Помнікі гісторыі і культуры БССР» (далее – ПГКБ) [5, л. 136]. Уже в первом номере были опубликованы Закон БССР об охране памятников культуры, статьи В.А. Чантурия об архитектурном наследии, Г.В. Штыхова о полоцких фресках XII в. и др. [13]. В последующих номерах ПГКБ освещались вопросы охраны, изучения и популяризации памятников истории и культуры, печатались методические разработки и рекомендации первичным организациям. Объем размещаемых статей в ПГКБ был небольшим – 1–2 страницы.

Немаловажным было участие членов БДООПИиК в создании «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» (правда, археологи не всегда вовремя сдавали необходимую документацию, отсутствовали паспорта на памятники). Была начата работа по составлению «Археологической карты Белоруссии», опубликован ряд монографий (Г.В. Штыхов [14], Т.Н. Коробушкина [15], М.М. Чернявский [16] и др.) [6, л. 8; 9, л. 94].

Публиковались научно-популярные статьи по результатам археологических исследований в республике, об организации работы по охране и учету археологических объектов в районах (за 1976–1980 гг. издана 71 статья) [8, л. 94].

Каждый год члены секции археологии организовывали лекции для населения республики. За 1976–1980-е гг. было прочитано около 400 лекций («В.И. Ленин об охране памятников культуры», «Об археологических памятниках Белоруссии и их охране», «О древних городах республики», «О Минске» и др.) [8, л. 94]. Организовывались радио- и телепередачи о памятниках древности длительностью 30 минут [6, л. 23]. Исследователи принимали участие в различных конференциях (например, Всесоюзная студенческая конференция по археологии в Могилеве) [6, л. 23]. Оказывалась методическая помощь различным организациям: Э.М. Загорюльский и Г.В. Штыхов помогли Белгоспроекту при разработке проекта реконструкции Минского замчища [8, л. 3], Г.В. Штыховым был составлен список археологических памятников, которые были включены в туристский маршрут в период Олимпийских игр 1980 г.

Для популяризации археологической науки на кафедрах исторических факультетов вузов был составлен список рефератов для студентов. Последние, в свою очередь, успешно их выполняли – «Находка четвертичной фауны на территории Могилевской области», «Археологическая карта памятников каменного века Могилевщины» и др. [17, л. 23]. Постепенно в учебные программы исторических факультетов вузов вводились спецкурсы по археологии БССР, обеспечивая их чтение ведущими археологами республики [11, л. 9].

Заключение. С момента создания БДООПИиК (1965 г.) в БССР развернулись работы по сплошному археологическому обследованию территории республики, учету известных и выявлению новых археологических памятников, обеспечению их сохранности, популяризации археологических знаний среди населения. Несмотря на обширную работу секции археологии при БДООПИиК, которую можно оценить положительно, стоит отметить ряд негативных моментов: на местах не всегда работали квалифицированные кадры, заинтересованные в сохранении памятников археологии (проследить за их работой было достаточно сложно), возникали трудности с организацией археологических работ в районах республики, археологи не всегда вовремя сдавали необходимую отчетную документацию, что тормозило мероприятия по учету и охране памятников. С другой стороны, именно благодаря деятельности секции археологии БДООПИиК при вузах создавались археологические центры, к исследованиям привлекали студентов, что способствовало росту кадрового потенциала. Активизировалась издательская деятельность. На памятниках археологии впервые начали устанавливать охранные знаки, что на законодательном уровне создавало условия для охраны историко-культурного наследия нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протокол заседания первого съезда Общества от 7 декабря 1966 года и документы к нему // Белорусский государственный архив научно-технической документации (далее – БГАНТД). – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 1. Л. 1–131.

2. Пастернак, А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры / А.М. Пастернак // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. : в 2 т. – Витебск, 2014. – Т. 1. – С. 347–348.
3. Отчет о работе Белорусского добровольного Общества охраны памятников истории и культуры за 1967 г. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 5. Л. 1–182.
4. Документы о работе секции памятников истории (протоколы, планы, информация и др.) // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 14. Л. 1–81.
5. Переписка с областными и районными отделениями Общества, органами культуры и другими организациями по вопросам охраны памятников истории и культуры. Т.1 28 мая 1969–1970 гг. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 26. Л. 1–182.
6. Документы о работе секции памятников археологии (протоколы, планы, информации и др.).БССР // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 36. Л. 1–29.
7. Документы о работе секции памятников археологии (протоколы, планы, сведения за 1976 – 1977 гг.) // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 105. Л. 1–22.
8. Документы о работе секции памятников археологии (протоколы, планы, отчеты) за 1979 – 1980 гг. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 142. Л. 1–95.
9. Документы о работе секции памятников археологии (постановления, планы, отчеты) за 1981 – 1982 гг. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 172. Л. 1–25.
10. Документы о работе секции памятников археологии (протоколы, планы, отчеты, справки) за 1983 – 1984 гг. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 195. Л. 1–57.
11. Документы о работах секции памятников археологии (протоколы, планы, сведения) за 1974 – 1975 гг. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 78. Л. 1–12.
12. Шрамякоў, В.Р. Уступайце ў члены беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры! : [плакат] / маст. В.Г. Шрамякоў ; маст. рэд. Ф.Ф. Мінаў ; Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. – Мінск : Польша, 1981. – 1 л.
13. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі // AdVerbum.org [электронны ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://adverbum.org/pomniki-gistoryi-i-kultury-belarusi1970-1>. – Дата доступа: 22.03.2017.
14. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.) / Г. В. Штыхов ; Академия наук Белорусской ССР, Институт истории. – Минск : Наука и техника, 1978. – 156 с.
15. Коробушкина, Т.Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т.Н. Коробушкина; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1979. – 115 с.
16. Чарняўскі, М.М. Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Чарняўскі ; Акадэмія навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 140 с.
17. Протокол и стенограмма третьего пленума Центрального совета от 30 марта 1973 г. о пропаганде памятников истории и культуры организациями общества в Могилевской области, итогах финансово-хозяйственной деятельности Центрального совета за 1972 г. // БГАНДТ. – Ф. 297. Оп. 1-уд. Д. 57. Л. 1–126.

Поступила 05.05.2017

ORGANIZING THE PROTECTION OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS ON THE TERRITORY OF THE BSSR IN 1965-1985: STATEMENT OF THE PROBLEM

K. PIRUMIAN

The article provides information about organizing the protection of archeological monuments on the territory of the BSSR in 1965 – 1985. It uses the example of the work of the Belorussian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture founded in 1965. The article gives a review of the society's activities based on the analysis of the materials stored in the Belorussian State Archive of Scientific and Technical Documents. The author's attention is focused on the archeology section and its problematic field. The article also defines the role of the archeology section of the Society for the Protection of Monuments of History and Culture in the development of the archeological science in the BSSR.

Keywords: archeological monuments, archeological science, protection of historical and cultural monuments, Belorussian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture, archeology section, 1965–1985, propaganda.

УДК 902 (476)

**СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ, БРАСЛЕТООБРАЗНЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА
С ТЕРРИТОРИИ ДЕТИНЦА ЗАМКОВАЯ ГОРА В ГОРОДЕ МСТИСЛАВЛЬ:
ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ****Е.П. КОРОЛЁВА***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Рассматриваются стеклянные браслеты и браслетообразные височные кольца (детские браслеты), по праву относящиеся к самым многочисленным украшениям из стекла, зафиксированным в культурном слое детинца Замоквая гора в г. Мстиславль. По количеству значительно преобладают стеклянные браслеты. Они являются излюбленным украшением горожанок в XI–XIII вв. Между собой они отличаются по ряду морфологических и технологических признаков, на основе которых в статье выделены основные группы стеклянных браслетов.

Ключевые слова: *стеклянные браслеты, браслетообразные височные кольца, детище Замоквая гора в г. Мстиславль.*

Браслеты – самая многочисленная категория украшений из стекла средневекового города. Они пользовались популярностью у «модниц-горожанок» средневековья. Стеклянные браслеты являются хронологическими индикаторами культурного слоя памятников археологии. Бытование стеклянных браслетов имеет свои хронологические особенности, в том числе и в зависимости от региона. Для византийских стеклянных браслетов установлены верхние и нижние хронологические границы – XIII в. и IX в. соответственно [1, с. 105]. В развитии древнерусского стеклоделия верхней хронологической границей считается середина XIII в., что связано с монгольским нашествием. О развитии и изменениях в материальной культуре XIII в. можно судить с учетом данных о развитии отдельных видов ремесленной деятельности, об уровне производства и потребления и других факторов. Вместе с тем XIII в. – это время, когда перестают бытовать на древнерусской территории предметы-индикаторы древнерусской материальной культуры и эпохи в целом. К таким артефактам относились и украшения из стекла, прежде всего стеклянные браслеты. Исследователи ставят под сомнение верхнюю хронологическую границу (середина XIII в.) бытования и производства стеклянных браслетов [2, с. 5–11]. Приводятся научно обоснованные факты того, что стеклянные браслеты во второй половине XIII – первой XIV в. продолжают не только бытовать на территории Древней Руси, но и производиться. При этом не отрицается факт упадка древнерусской торговли и ремесла после монгольского нашествия. Отмечается лишь то, что упадок носил разный уровень в различных регионах Древней Руси, и то, что не все виды ремесла и предметы-индикаторы импорта перестают бытовать и поступать на территорию Древней Руси. В частности, исследования М.Д. Полубояриновой установили, что пик бытования и производства стеклянных браслетов в Новгороде археологически зафиксирован на уровне 13–14 горизонта Неревского раскопа (1230–1270-е гг.), бытуют они вплоть до середины XIV в. [3, с. 164–199]. Пик бытования стеклянных браслетов в Твери приходится на вторую половину XIII в. (это с учетом того, что Тверь дважды подвергалась монгольскому нападению) [4].

В данной работе рассмотрены типология и технология изготовления стеклянных браслетов, полученных в ходе многолетнего археологического изучения детинца Замоквой горы в городе Мстиславль (Могилевская область).

Работа с артефактами показала, что визуальный анализ стеклянного браслета не всегда точно позволяет определить его цвет. Цвет непрозрачного изделия определяется по сколу артефакта. Чаще всего в такую ситуацию попадают браслеты, которые на первый взгляд кажутся черными, а на сколе имеют коричневый или темно-коричневый цвет. Поэтому при анализе артефактов выделяются оттенки цветов. Это позволяет сформировать общее представление о том, какому оттенку отдавали предпочтение.

Самую многочисленную группу стеклянных браслетов составляет *группа I (гладкие стеклянные браслеты)*. Технология изготовления гладких браслетов является самой простой. Она включает ряд операций, которые совершал мастер над стеклянной заготовкой. Сначала происходило вытягивание из размягченного стекла «прута» необходимой длины. Затем его сгибали в кольцо вокруг твердой основы, после чего сваривали концы получившегося украшения.

Коллекция гладких браслетов из стекла составляет 856 экз. – 68 % от общего количества стеклянных браслетов (1264 экз.). Из 856 экземпляров 844 из мстиславской коллекции представлены гладкими, округлыми в поперечном сечении браслетами, которые не имеют дополнительного декорирования поверхности украшения; гладкие, округлые в поперечном сечении браслеты без дополнительного декори-

рования в мстиславской выборке выполнены из непрозрачного и полупрозрачного стекла. Их цветовая гамма представлена разными оттенками черно-коричневого, зеленого, сине-зеленого, синего, фиолетового, желтого цветов. Браслеты, изготовленные из стекла коричнево-черного цвета, преобладают по количеству. Они составляют 50% (418 экз.) (рис. 1, 1, 2)

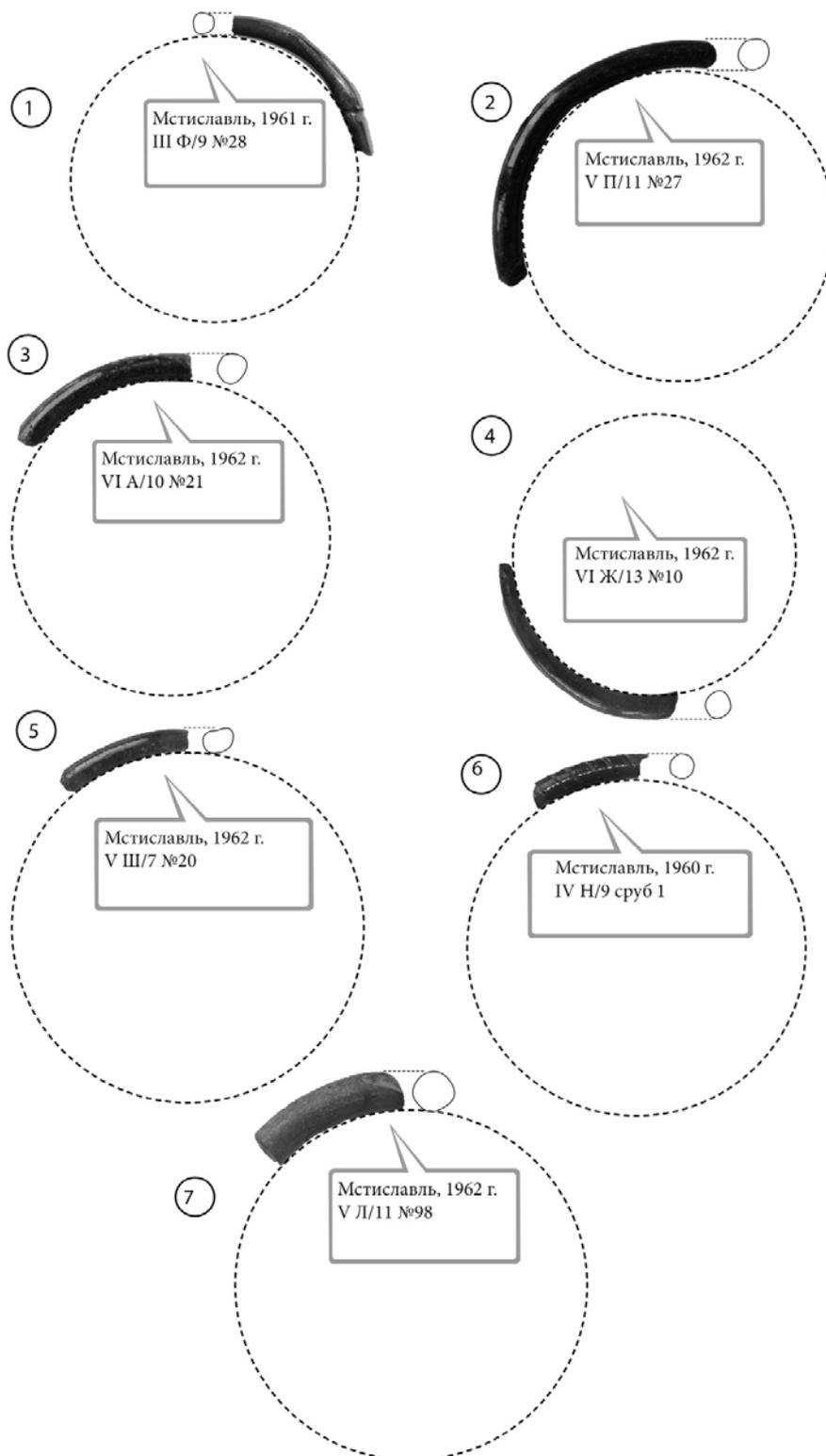

Рисунок 1. – 1–5 гладкие стеклянные браслеты без дополнительного декорирования;
6–7 гладкие стеклянные браслеты с декором в виде перевитья

Стеклянные браслеты зеленого цвета занимают второе место по количеству среди гладких браслетов с округлым поперечным сечением без дополнительного декорирования. Они представлены 195 экз., что составляет 23 % (рис. 1, 3). На третьем месте находятся стеклянные браслеты сине-зеленого (бирюзового) цвета – 10% (82 экз.) (рис. 1, 4), на четвертом – стеклянные браслеты фиолетового цвета 8 % (66 экз.) (рис. 1, 5).

Указанные выше браслеты отличаются друг от друга диаметром поперечного сечения. По этому критерию выделяют тонкие (4 мм), средние (5–6 мм) и толстые (7–8 мм) изделия (по М.Д. Полубояриновой [5, с. 190]). Средних браслетов в анализируемой группе больше всего (552 экз.), затем по убывающей идут тонкие (260 экз.) и толстые (32 экз.). Установлено, что среди тонких браслетов преобладают артефакты из стекла черно-коричневого цвета. Затем по убыванию следуют: стеклянные браслеты зеленого, синего, бирюзового, фиолетового, желтого (единичны) цветов.

В данной группе (гладкие стеклянные браслеты без декора – группа I) преобладают браслеты с внутренним диаметром 50–65 мм (546 экз.). Такой размер внутреннего диаметра браслетов является самым распространенным, что подтверждают аналогии из других средневековых городов современной Беларуси [6, с. 97; 7, с. 418]. Артефакты с внутренним диаметром 50–65 мм в мстиславской коллекции отличаются друг от друга размерами поперечного сечения и цветовой гаммой стеклянного «прута». Меньше браслетов с внутренним диаметром 70–80 мм (11 экз.). Для остальной части браслетов с территории детинца Замковой горы в Мстиславле внутренний диаметр не восстановлен из-за плохой сохранности и сильной фрагментации артефактов.

Среди гладких стеклянных браслетов с круглым поперечным сечением присутствуют браслеты с декором – перевитьем. Декор представлен в виде стеклянной нити, обвивающей браслет по спирали. По археологическим материалам детинца Замковой горы в Мстиславле, указанный выше тип стеклянных браслетов насчитывает 11 экз. (рис. 1, 6). Декор выполнен из стеклянных заглушенных нитей желтого цвета. Декор не всегда имеет хорошую сохранность. По размерам нить одинарная, толщиной около 0,7–1 мм. Одна стеклянная нить разделялась на несколько тонких (толщина такого декора варьируется от 2 до 4 мм). Перевитье плотно прилегает к основе браслета. Основы стеклянных «прутов» изготовлены из непрозрачного и полупрозрачного стекла. Цветовая гамма мстиславской коллекции представлена разными оттенками черного, сине-зеленого, желтого цветов.

Браслет из желтого прозрачного стекла с продольным декором в виде стеклянной нити (желтого цвета) на поверхности представлен единичным фрагментом (рис. 1, 7). От нити декора остался едва заметный след. В отличие от браслетов с перевитьем браслеты с продольным декором являются нечастой археологической находкой. Аналогичный браслет с продольным декором, но с другим цветовым оформлением найден в Витебске (зеленый браслет с бело-желтой стеклянной нитью) [6, с. 95].

Внутренний диаметр гладких браслетов с перевитьем в мстиславской коллекции артефактов колеблется в пределах 50–65 мм. Они имеют разные размеры поперечного сечения и цвет стеклянного прута. Установлено, что стеклянные браслеты с тонким поперечным сечением стеклянного прута изготовлены только из стекла черно-коричневого цвета. Браслеты со средним поперечным сечением изготовлены из сине-зеленого (бирюзового) стекла. Толстое поперечное сечение стеклянного прута характерно для браслетов из желтого стекла.

Большое количество аналогичных мстиславским фрагментам гладких стеклянных браслетов (611 экз. из 783 экз. археологически зафиксированных в комплексе стеклодельной печи) зеленого оттенка были найдены в ходе археологического изучения Замковой горы в г. Любиче в 2010–2011 гг. Здесь была зафиксирована стеклодельная мастерская, в которой найдено 783 фрагмента стеклянных браслетов, из которых 774 экз. – это гладкие браслеты с округлым поперечным сечением стеклянного прута [8, с. 181].

Вторая группа стеклянных браслетов представлена *кручеными браслетами* (группа II). Изготовление крученых браслетов включает ряд технологических приемов над стеклянным прутом-заготовкой до момента его кручения [9, с. 157]. Коллекция крученых стеклянных браслетов с детинца Замковой горы в Мстиславле представлена 389 экз., что составляет 31 % от общего количества браслетов.

Крученые браслеты без дополнительного декора в мстиславской коллекции составляют 282 экз. Они выполнены из непрозрачного и полупрозрачного стекла различного цвета. Их цветовая гамма представлена разными оттенками коричнево-черного, зеленого, сине-зеленого, синего, фиолетового, желтого цветов. Преобладают браслеты из стекла коричнево-черного цвета – 46 % (рис. 2, 1). Второе место по количеству занимают браслеты, изготовленные из стекла зеленого цвета – 17 % (рис. 2, 2). В меньшем количестве представлены браслеты из стекла синего – 12 % (рис. 2, 3), сине-зеленого – 13 % (рис. 2, 4), фиолетового – 7 % (рис. 2, 5) и желтого – 5 % (рис. 2, 6) цветов.

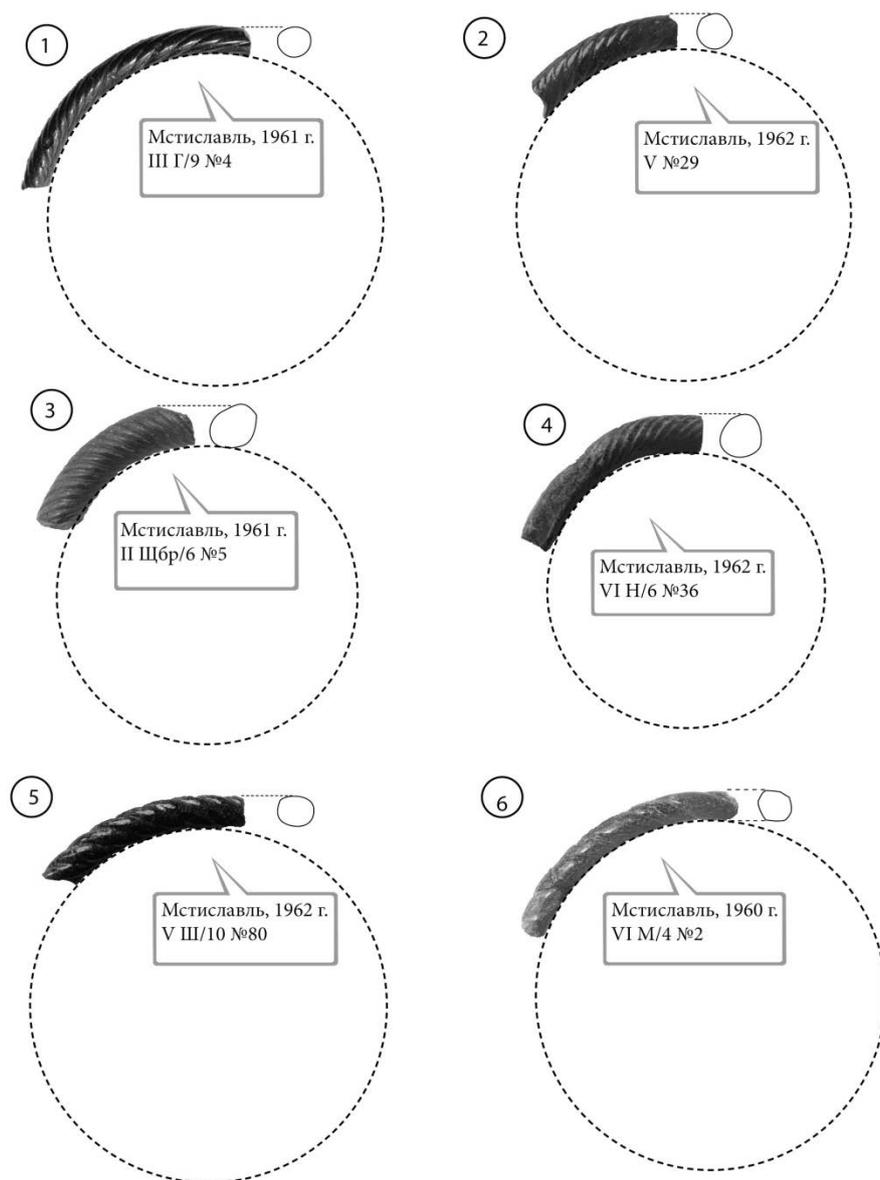
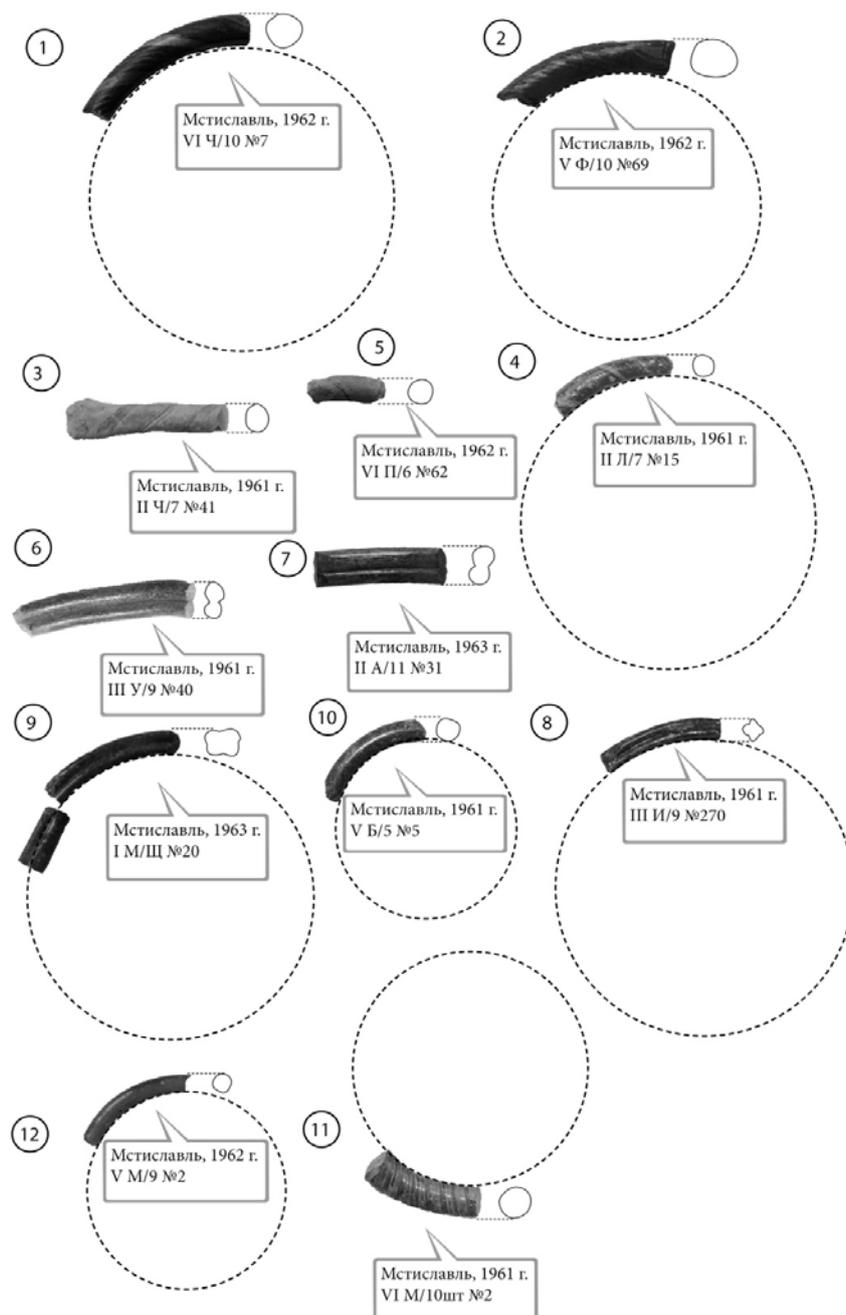

Рисунок 2. – 1–6 крученые стеклянные браслеты без дополнительного декорирования

Подавляющее большинство находок составляют браслеты со средним диаметром поперечного сечения стеклянного «прута» – 177 экз., значительно меньше артефактов с тонким (26 экз.) и толстым (79 экз.) поперечным сечением стеклянного прута браслета. Кроме того, в мстиславской коллекции преобладают браслеты с внутренним диаметром 50–65 мм (171 экз.). Между собой они отличаются размерами поперечного сечения и цветом. Значительно меньше изделий с диаметром 70–80 мм. (10 экз.). Они изготовлены из черного (7 экз. с толстым поперечным сечением), синего (1 экз. с толстым поперечным сечением), сине-зеленого (1 экз. со средним поперечным сечением) и зеленого (1 экз. со средним поперечным сечением) цветов.

В изученной выборке присутствуют крученые браслеты с перевитием (рис. 3). По данным мстиславской коллекции они представлены 110 экз. Основным является декор с использованием непрозрачной желтой стеклянной нити. Есть браслеты с одинарной желтой нитью (толщина от 0,7 мм до 1 мм.). У части браслетов нить разделена на несколько тонких (толщина такого декора варьируется от 2 до 4 мм). Один браслет имеет перевитие красного цвета. Стеклянная нить шириной около 2 мм обвивает стеклянный «прут» черного цвета по спирали. Перевитие во всех изделиях плотно прилегает к основе браслета. Сочетание стеклянных нитей двух цветов на одном стеклянном браслете в анализируемой коллекции артефактов не зафиксировано. Также нет крученых браслетов с декором в виде продольной стеклянной нити, который встречается на гладких браслетах.

**Рисунок 3. – 1–5 крученые стеклянные браслеты с декором в виде перевитья;
6–9 браслеты, которые имеют форму в виде прилегающих друг к другу двух параллельных
стеклянных прутков; 10–12 браслетообразные височные кольца**

Стеклянные «пруты» браслетов с перевитьем выполнены из непрозрачного и полупрозрачного стекла разных оттенков. Браслеты коричнево-черного цвета значительно преобладают по количеству (67 %) (рис. 3, 1). Стеклянные браслеты, которые изготовлены в другой цветовой гамме, составляют незначительную часть: синего – 9% (рис. 3, 2), сине-зеленого (бирюзового) – 7% (рис. 3, 3), зеленого – 9% (рис. 3, 4), желтого – 8% (рис. 3, 2) цветов.

В анализируемой группе 67 экз. имеют средний размер поперечного сечения браслета, тонкий – 20 экз., толстый – 19 экз. Преобладают браслеты с внутренним диаметром 50–65 мм (70 экз.).

Они отличаются по цветовой гамме и поперечному сечению браслета. Установлено, что тонкие браслеты с внутренним диаметром 50–65 мм изготовлены из зеленого, черного, синего и сине-зеленого (бирюзового) стекла. Браслеты со средним поперечным сечением стеклянного прута и аналогичным внутренним диаметром украшения изготовлены из черного (преобладает), зеленого, желтого, синего и

сине-зеленого (бирюзового) стекла. Из стекла черного, желтого, синего и сине-зеленого (бирюзового) цветов изготовлены толстые браслеты с внутренним диаметром 50–65 мм. Браслеты черного (1 экз. – толстый в поперечном сечении) и зеленого цветов (1 экз. – средний) имеют внутренний диаметр 68 мм и 86 мм соответственно.

Аналогичные крученые стеклянные браслеты с декором и без него относятся к самой многочисленной группе стеклянных браслетов с территории раннесредневековых археологических памятников Пшемысля (Юго-восточная Польша). Отметим, что среди них преобладают браслеты с поперечным сечением стеклянного прута 6 мм (57 %) [10, с. 166]. В Новгороде крученые браслеты с диаметром стеклянного прута 6 мм составляют 70% [11, с. 178]. По результатам изучения раннесредневековых памятников Польши основная масса находок стеклянных браслетов сконцентрирована на территории польско-русского пограничья (территория Восточной Польши). Поступали на территорию Польши браслеты с 30-х г. XII в. Пик бытования приходится на XII–XIII вв. [12, с. 73]. Аналоги крученых браслетов найдены в Твери. Так, количество крученых браслетов с территории Тверского кремля больше, чем гладких, а по цветовой гамме преобладают коричневые и оливковые браслеты [4, с. 212]. В Друцке крученая форма стеклянных браслетов является преобладающей (52,5%), среди них по цветовой гамме доминируют изделия из стекла синего и коричневого цветов, а наиболее распространенный размер внутреннего диаметра украшений равнялся 60–65 мм [7, с. 411, 413–414 таблица 12.2, 418].

К третьей группе относятся *стеклянные плосковыпуклые браслеты (группа III)*. По археологическим материалам дегинца Замковой горы в Мстиславле стеклянные браслеты плосковыпуклой формы представлены 7 экземпляров (рис. 4, 1–4). К этой группе отнесены браслеты без декора с плосковыпуклой (иногда треугольной) формой поперечного сечения стеклянного прута. Браслеты имеют разную цветовую гамму. Она представлена синим (2 экз.), черным (1 экз.) и желтым цветами. Все браслеты имеют внутренний диаметр 50–65 мм. Аналогичные фрагменты стеклянных браслетов найдены в Друцке, где от общего количества браслетов они составляют всего 0,96 %. Среди изделий такой формы преобладает стекло синего цвета [7, с. 412 таблица 12.1, с. 413 – 414 таблица 12.2].

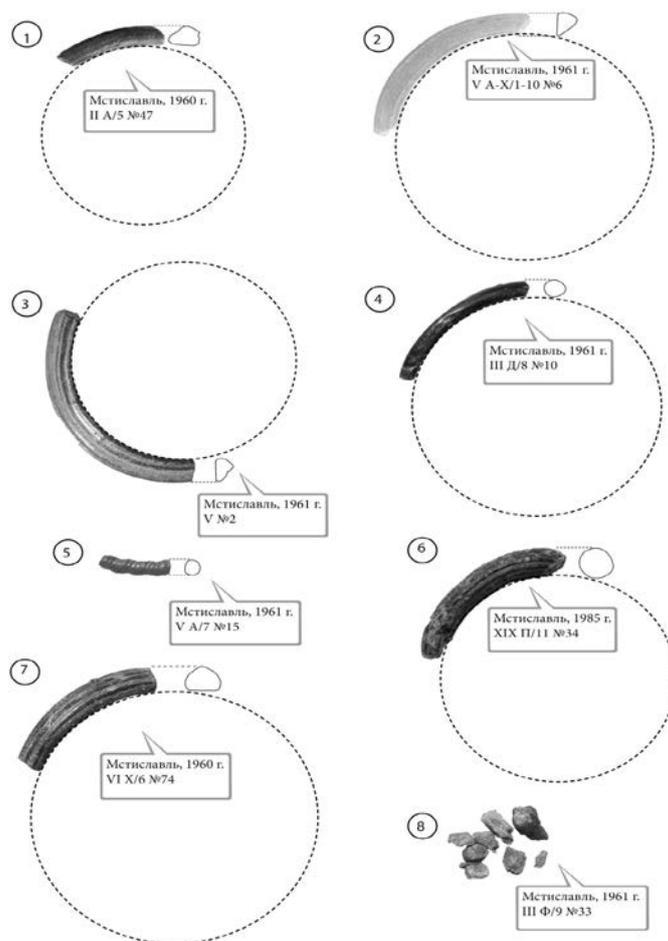

Рисунок 4. – 1–4 стеклянные браслеты плосковыпуклой формы; 5 – витой стеклянный браслет; 6–7 рифленые стеклянные браслеты; 8 – вид стеклянного браслета в деформированном состоянии

Единичным экземпляром представлен *витой стеклянный браслет (группа IV)* (рис. 4, 5). Он изготовлен из трех стеклянных прутов желтого полупрозрачного стекла. Диаметр поперечного сечения тонкий (4 мм). Внутренний диаметр не удалось восстановить из-за малого размера сохранившегося фрагмента.

Двумя фрагментами представлены *рифленные стеклянные браслеты (группа V)* (рис. 4, 6, 7). Это браслеты из черного непрозрачного стекла с толстым поперечным сечением плосковыпуклой (1 экз.) (см. рис. 4, 7) и округлой (1 экз.) (см. рис. 4, 6) формы. Поверхность стеклянных прутков оформлена продольно выступающими бороздками. Внутренний диаметр таких браслетов – 58 мм (см. рис. 4, 6) и 71 мм (см. рис. 4, 7).

В коллекции стеклянных браслетов с детинца Замковая гора в Мстиславле шесть браслетов имеют форму *в виде прилегающих друг к другу двух параллельных стеклянных прутков (группа VI)* (рис. 3, 6, 7). Стержни гладкие, каждый имеет округлое поперечное сечение. Такие украшения в рассматриваемой коллекции выполнены из прозрачного и полупрозрачного стекла разной цветовой гаммы: 2 экз. – зеленого, 1 экз. – фиолетового, 1 экз. – черно-синего глянцевого цветов.

В группу VI входят браслеты (4 экз.) из 4-х параллельных стеклянных прутков, прилегающих друг к другу и образующих в поперечном сечении форму квадрифолийной розетки (рис. 3, 8, 9). Они выполнены из полупрозрачного стекла сине-зеленого (бирюзового) цвета. Внутренний диаметр таких браслетов – 55–60 мм.

Браслетообразные височные кольца относятся ко второй категории стеклянных украшений, бытовавших на детинце Замковая гора в Мстиславле.

Браслетообразные височные кольца (или детские браслеты?). В отличие от погребений в культурном слое раннесредневекового города назначение и ношение браслетообразных украшений с маленьким диаметром трудно определить с точностью. По археологическим материалам детинца Замковой горы в Мстиславле насчитывают 83 экз. (рис. 3, 10–12).

Из них гладкие представлены 70 экз., а крученые – 13 экз. Это браслеты с небольшим диаметром 30–47 мм, фрагментарны. Их могли использовать как браслетообразные височные кольца (внутренний диаметр равен 30–40 мм) [9, с. 159]. Назначение украшений с внутренним диаметром 45 – 47 мм можно рассматривать как детские стеклянные браслеты.

Гладкие по форме стеклянные украшения из данной группы в мстиславской коллекции изготовлены из непрозрачного и полупрозрачного стекла. Они отличаются друг от друга цветовой гаммой и размерами поперечного сечения стеклянного прута. Крученые фрагменты украшений (диаметром 30–47 мм) выполнены из непрозрачного и полупрозрачного стекла. Их цветовая гамма менее разнообразна, чем у гладких. Как и гладкие, крученые украшения имеют различия в размерах поперечного сечения стеклянного «прута» и цветовом окрашивании.

Ношение браслетообразных стеклянных украшений с маленьким диаметром с точностью можно установить по находкам их в погребальном комплексе. Археологически зафиксировано присутствие этих артефактов в погребениях южнославянских земель XI–XIII вв. Браслетообразные стеклянные украшения с маленьким диаметром принадлежали детям, их носили в качестве браслетов на запястье. В Болгарии и Румынии в женских погребениях стеклянные браслеты были найдены в области плечевой кости женщины, что свидетельствует о том, что носили их на руке и выше запястья, соответственно, украшение имело большой внутренний диаметр [10].

Таким образом, среди стеклянных браслетов доминируют по количеству гладкие (*группа I*). Они составляют 68 % от общего количества стеклянных браслетов с детинца Замковая гора. Среди гладких стеклянных браслетов преобладают артефакты с внутренним диаметром 50–65 мм (546 экз. из 856 экз.). По цветовой гамме среди гладких браслетов доминируют браслеты черно-коричневого (418 экз. – 50 %) и зеленого (195 экз. – 23 %) цветов. Гладкие браслеты с декором в виде перевития из стеклянных нитей составляют незначительную часть коллекции (детинец Замковая гора в Мстиславле – 11 экз., преобладают браслеты с декором из желтых стеклянных нитей по основе стеклянного прута черного цвета, внутренний диаметр колеблется в пределах 50–65 мм). Крученые стеклянные браслеты (группа II – 389 экз. (относится 31 % от общего количества)) по количеству занимают второе место после гладких браслетов. Данная категория артефактов представлена браслетами без дополнительного декорирования и браслетами с декором в виде перевития. Крученые стеклянные браслеты без декора по материалам детинца Замковая гора в Мстиславле насчитывает 177 экз. По цветовой гамме преобладают черно-коричневые и зеленые браслеты из стекла. В рассматриваемой группе преобладает внутренний диаметр, который составляет 50–65 мм (такой диаметр, например, имеют 171 из 177 экз. из мстиславской коллекции). Меньше артефактов с внутренним диаметром 70–80 мм. Крученые стеклянные браслеты имеют и декор в виде стеклянной нити желтого и красного цветов (110 экз. по данным археологических материалов городища Замковая гора в городе Мстиславле). При этом основа стеклянного прута выполнена из одноцветного стекла (черно-коричневого, бирюзового, синего, зеленого, желтого цветов). Единичными экземплярами

представлены следующие группы стеклянных браслетов: плосковыпуклые (*группа III*), витые (*группа IV*), рифленые (*группа V*), несколько стеклянных прутьев, параллельно прилегающих друг к другу (*группа VI*).

Ко второй категории украшений из стекла, которые были зафиксированы в культурном слое дачи Замковая гора в Мстиславле, относятся браслетообразные височные кольца (или детские браслеты), представленные 83 экз. (из 83 экз. гладкие представлены 70 экз., а крученые – 13 экз.). Это браслетообразные украшения с небольшим внутренним диаметром равным 30–47 мм. Артефакты с внутренним диаметром 30–40 мм отнесены к браслетообразным височным кольцам. Назначение украшений с внутренним диаметром 45–47 мм отнесено к детским стеклянным браслетам.

Часть стеклянных украшений не включена в типологическую классификацию. Артефакты находятся в сильно деформированном состоянии (73 экз. – детище Замковой горы в Мстиславле) (рис. 4, 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Щапова, Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории / Ю. Л. Щапова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 288 с.
2. Макаров, Н.А. Русь в XIII в: характер культурных изменений / Н. А. Макаров // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М. : Наука, 2003. – С. 5–11.
3. Полубояринова, М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // М. Д. Полубояринова // Новые методы в археологии : тр. Новгородской археологической экспедиции. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 3. (МИА. № 117). – С. 164–199.
4. Сафарова И. А., Стеклянные изделия домонгольского периода из раскопок Твери : (по материалам исследований 1989–1998 гг.) / И. А. Сафарова // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Т. 2, вып. 6. – С. 37–75.
5. Полубояринова, М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища / М. Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С.151–219.
6. Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Пасад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.) / Т. С. Бубенько. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2004. – 276 с.
7. Костюкевич, А. В. Стеклянные украшения / А. В. Костюкевич // Друцк / науч. ред. О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2014. – С. 410–431. – (Древнейшие города Беларуси).
8. Веремейчик, Е. М. Стеклянные браслеты средневекового Любеча : (по материалам раскопок 2010–2011 годов на Замковой горе) / Е. М. Веремейчик // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 171–201.
9. Бубенько, Т. С. Стеклянные украшения средневекового Витебска (по материалам раскопок Нижнего Замка) / Т. С. Бубенько // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / уклад.: А. М. Мядзведзеў, І. М. Язэпенка ; НАН Беларусі, Ін-т гіст. – 2001. – № 3. – С. 154–164.
10. Шмонеvский, Б. Новые находки раннесредневековых стеклянных изделий из Пшемьсля (Юго-Восточная Польша) / Б. Шмонеvский, Е. Сосновская // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 163–170.
11. Полубояринова, М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // М. Д. Полубояринова // Новые методы в археологии : тр. Новгородской археологической экспедиции. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 3. (МИА. № 117). – С. 164–199.
12. Dekowna, M. Wczesno średniowieczne ozdoby zklanezez biorow Państwowego Muzeum Archeologicznego / M. Dekowna // Skarbywiekow średnich, katalog wystawy podredakcją Wojciecha Brzezińskiego. – Warszawa : Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego, 2007. – S. 52–87.

Поступила 29.03.2017

GLASS BRACELETS, BRACELET-SHAPED CURVE RINGS FROM THE TERRITORY OF THE CHILD LOCKING MOUNTAIN IN THE CITY OF MISTYSLAVL: TYPOLOGY AND MANUFACTURE TECHNOLOGY

E. KOROLYOVA

Glass bracelets and bracelet-shaped temple rings (children's bracelets) rightfully belong to the most numerous ornaments from glass, which are fixed in the cultural layer of the settlement Zamkovaya gora in Mstislavl. Glass bracelets dominate significantly by the number. They are a favorite decoration of the citizen in the 11th-13th centuries. They differ in a number of morphological and technological features on the basis of which the main groups of glass bracelets have been singled out.

Keywords: glass bracelets, bracelet-shaped temple rings, Detinets Castle mountain in Mstislavl.

УДК 903.26 (476)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КАМНЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

С.Ф. ЖИЖИЯН

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Анализируются сведения о культовых камнях на территории Беларуси, которые датируются еще XVI в. В конце XVIII в. интеллигенция и люди, увлеченные историей, обратили внимание на данные свидетельства и стали изучать культовые камни. Особый интерес к памятникам данного типа со стороны археологов и историков появился на рубеже XX в. Отмечается, что действительно научное изучение культовых камней на территории Беларуси началось в конце 80-х г. XX в.

Ключевые слова: культовые камни, камни-валуны, материальная и духовная культура белорусов.

На территории Беларуси, особенно в северной и центральной части, расположены интересные природные памятники – камни-валуны больших размеров. Как правило, их высота не превышает 0,7 м, реже встречаются валуны до 1–1,5 м и совсем редко – глыбы до 3–5 м и более.

Данные природные объекты, являясь неотъемлемой частью ландшафта, еще в глубокой древности прочно вошли в материальную и духовную культуру белорусского народа. Почитание одиночных камней или целых комплексов с природными особенностями (географическое и территориальное положение, своеобразие форм, природные углубления и т.д.) связано с первобытными верованиями древнего населения Беларуси: фетишизмом, анимизмом, языческими антропоморфными божествами и культом предков. Ко многим из рассматриваемых объектов наши предки «приложили руку» и в период распространения христианства, а также в более позднее время, начертая на них не только самые разнообразные символы, но и оставив нам интереснейшие письменные источники.

Целью данной статьи является освещение и анализ истории изучения культовых камней на территории Беларуси. Несмотря на продолжительный процесс накопления материалов и появление ряда обобщающих монографий [13; 17], в последние годы появился ряд новых памятников, в том числе и на территории Восточной Беларуси, сведения о которых не нашли своего отражения в научной литературе.

Первые сведения о культовых камнях на территории Беларуси встречаются в письменных источниках с XVI в. Упоминания о них можно найти в Хронике Литовской и Жмоитской, Хронике Матея Стрыйковского, Метрике Великого Княжества Литовского. Так, под 1557 годом около деревни Тарасово близ Минска упоминается Чертов камень, на котором выбиты знаки [17, с. 59]. Попытки обнаружить данный объект в наше время успехом не увенчались. [13, с. 48]

В документах XVII в. часто упоминаются камни с высеченными на них крестами в качестве пограничных (межевых) знаков [17, с. 61]. Так, в одном из инвентарей за 1591 год упоминается Синий камень, который лежит у фольварка Усвят на границе волостей. В более позднем документе, датированном 1751 годом, фигурирует тот же камень: «... от того Зверохвья Микитина ручья у Лавный ручай, Лавным ручаем унизь Усвячу, а Усвячу рекою у верхь до Синего камня, который лежит у березь реки Усвячи...» [13, с. 154]. В инвентаре имущества архиепископии Полоцкой, составленном в 1618 году для униатского полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, как ориентир при определении границ, упоминается камень Каповище, расположенный недалеко от д. Мосар Глубокского района Витебской области.

Известный российский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I граф Петр Андреевич Толстой написал заметки о своем путешествии по Могилевской губернии в 1697–1699 г.г., в которых отметил камень-следовик с изображением стопы человека в деревянном костеле г. Борисова [22, с. 17].

После присоединения белорусских земель к Российской империи русские ученые стали активно исследовать «новые» территории. В 1773 году во время своей экспедиции, маршрут которой пролегал по правому берегу Западной Двины, путешественник и академик Петербургской академии наук И.И. Лепехин обнаружил и описал Борисовы камни. Материалы по экспедиции И. И. Лепехина были опубликованы в 1935 г. [24].

Следующая веха в исследовании культовых камней на территории Беларуси связана с именем графа Николая Петровича Румянцева и историческим кружком, которым он руководил.

В 1792 г. в «Академических Ведомостях» была опубликована статья, посвященная описанию Рогволодова камня. Этот материал в 1794 г. также зафиксировал в своей книге «Зерцало российских государей» [19, с. 168] российский историк Т.С. Мальгин. Судя по черновым записям мецената и собирателя

древностей графа Н.П. Румянцева, проживавшего в то время в своем имении в Гомеле, именно это упоминание подтолкнуло его к изучению летописей.

В 1818 г. в журнале «Северная Почта» № 74 было опубликовано сообщение о том, что государственный канцлер граф Н.П. Румянцев 2 мая 1818 г. посетил Оршу и там целый день расспрашивал население о камнях с древними надписями. Однако местные старожилы на вопросы графа отвечали отрицательно. Но судьба свела Н.П. Румянцева с вице-ректором Оршанской иезуитской коллегии Патером Десидерием Ришардотом. Священник был человеком образованным и пообещал графу помочь в его поисках.

Через некоторое время Ришардот «неослабными трудами и горячими стараниями своими отыскал сие надгробие» и послал Румянцеву копию надписи на камне. В письме к графу Ришардот также писал: «Надгробие сделано из сероватого гранита и поставлено посреди часовни в 24 верстах от Орши, на дороге идущей к Толочину. Сие надгробие имеет в ширину 3 аршина и 6 вершков, а в длину 4 аршина и 4 вершка. Сей камень в большом почтении у народа вблизи живущего. Одни называют оный: камен Борисоглебский, а другие Владимирский. Сей надгробный камень поддерживается четырьмя столбами, и многие старики помнят, что под камнем сим был проход, и что ребята играючи, под оный бегали. Видно, что сие надгробие опустилось, ибо оно теперь совершенно лежит на земле» [11]. Некоторые особенности валуна и факт наличия столбовой конструкции в описании позволили позднее историку Адаму Киркору предположить, что Рогволодов камень не что иное, как дольмен. В XIX веке вслед за Киркором эту версию повторяли многие ученые.

В том же 1818 г. в журнале «Северная Почта» № 89 вышла еще одна статья, посвященная «розыску» камней, и граф Н.П. Румянцев получил еще одно письмо о Рогволодовом камне. Генерал-лейтенант Е.Ф. Канкрин прислал графу рисунок камня и сообщал, что, заинтересовавшись статьей в «Северной Почте», «более 12 любителей отечественных древностей непременно посетить упомянутый камень», решили внимательнее осмотреть его и обнаружили, что ксендз Ришардот существенно искажил текст надписи. Генерал Канкрин также писал, что, по его сведениям, «во времена генерала Зорича, шкловские кадеты обкопали камень и нашли его глубоко лежащим в земле». Отсюда утверждение Ришардота о столбах, на которых якобы стоял камень, Канкрин называл сказкой [12].

Генерал-лейтенант Е.Ф. Канкрин увлекся поисками и 24 октября 1818 года он вновь прислал письмо графу Румянцеву, в котором сообщал о новых находках камней с надписями.

Таким образом, публикации в «Северной Почте» в начале XIX в. стали широко известны любителям древней истории и положили начало исследованию культовых камней на территории Беларуси. Итогом данной работы стало решение российского правительства о сохранении упомянутых памятников эпиграфики – об этом ходатайствовал граф Н.П. Румянцев, поскольку в это время проводились работы по улучшению судостроения в руслах рек, где находились памятники, и им грозило уничтожение [14, с. 90–91].

На этом исследование Рогволодовых и Борисовых камней не закончилось. В конце XIX века новые материалы по данному вопросу опубликовали Е.Р. Романов, А.М. Семеновский, А.П. Сапунов и другие российские и польские историки. Благодаря их работам сохранилось не только полное описание этих памятников, но и разнообразные эскизы, рисунки и фотографии.

В 1946 году в журнале «Советская Археология» вышла статья В.П. Тарановича «К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР», написанная им еще в конце 1930-х гг. [8]. В публикации обобщались материалы, связанные с изучением Борисовых камней. Кроме этого, автор попытался систематизировать и заново осмыслить исследования в области эпиграфики относительно Борисовых камней.

Во второй половине XX века к исследованиям Борисовых камней обращались археологи Б.А. Рыбаков и Л.В. Алексеев, а в наше время – белорусский археолог Л.В. Дучиц [8], которая не только проанализировала историю исследования известных объектов, но и указала на необходимость дальнейшего поиска памятников подобного типа.

В это же время параллельно с историческим изучением валунов на территории современной Беларуси проводилось их геологическое изучение. Первым, кто попробовал найти «историческую родину» белорусских камней, был петербургский академик В. М. Севергин. Свои первые экспедиции на новых землях Российской империи он провел в 1802 и 1803 годах. В 1814 году ученый выступил в Петербургской академии наук с докладом, в котором отмечал, что большие валуны пришли на юг с севера, а камни розового кварца из Витебской губернии сходны аналогичным объектам в Финляндии.

В середине XIX века российский академик Г.П. Гельмерсен обратил внимание на то, что на территории Беларуси среди обилия валунов удивительным образом собраны кристаллические породы Финляндии и множество осадочных пород северо-запада России.

Профессор В.Н. Чирвинский в 1914 году опубликовал работу о том, как и откуда валуны «пришли» на территорию Беларуси. Находя закономерность в размещении обломков пород в ледниковой области, Владимир Николаевич показал их веерообразность и то, что пути этого веера соединяются на севере, в местах коренного выхода горных пород на поверхность.

Действительно, научное изучение рассматриваемых памятников началось с середины XIX века. Культурные камни в разное время изучали А. Плятер, А. Киркор, Е. Тышкевич, К.А. Говорский, П.М. Шпилевский, М.Ф. Кустинский, П.В. Шейн, А.Я. Богданович, Ф.В. Покровский, Е.Р. Романов, М.В. Довнар-Запольский и др. [1; 15, с. 92–93; 21; 23, с. 98–107].

Часть исследователей (А. Плятер, А. Киркор, И.А. Шляпкин) занималась вопросами происхождения надписей на камнях, которые уже давно привлекали внимание исследователей и послужили предметом научной дискуссии между историками, археологами и палеографами. Другие же изучали территорию Беларуси и вводили в научный оборот новые памятники (Е.Р. Романов, Ф.В. Покровский, М.Ф. Кустинский, А.П. Сапунов), публикуя известия о находках в таких изданиях, как «Могилевская старина», «Полоцко-Витебская старина» и др. Много материалов, посвященных культурным валунам, публиковались в уездных и губернских газетах, особенно в «Минских губернских ведомостях» и «Могилевских губернских ведомостях» [17].

Не обошли своим вниманием данные памятники и участники известных Археологических съездов. Так, например, в 1888 году на V Археологическом съезде князь П.А. Путянин выступил с докладом о камнях-чашечниках и камнях-следовиках, описывая не только сами объекты, но и этнографические особенности, связанные с ними. В 1893 году на выставке IX Археологического съезда в Вильно экспонировалась фотография большого камня, обнаруженного у местечка Петревичи Климовичского повета Могилевской губернии, с высеченными на нем антропоморфными фигурами и буквами. Также к этому съезду множество информации о различных валунах с надписями собрал Ф.В. Покровский.

Следующий период изучения культурных камней связан с деятельностью Инбелкульта в 20-е годы XX века [20, с. 155–182]. В 1929 году в Минске вышла книга М.В. Мелешко «Камень у вераванях і паданнях беларуса». В этом труде впервые обобщались и систематизировались сведения об известных к тому времени культурных камнях. На основе этнографического материала автор показал роль данных объектов в религиозной жизни наших предков и их историко-культурное значение. Кроме этого, Михаил Винцентович разработал специальную анкету – «Апытальны ліст да збірання інфармацыі пра сакральныя камяні», в основу которой был положен ряд вопросов, позволяющих должным образом охарактеризовать изучаемый объект с различных аспектов исследования: археологического, этнографического, религиозного и др. Сегодня эти материалы хранятся в фондах Национальной Академии Наук Беларуси.

В послевоенное время сведения о культурных камнях фиксировались археологами, которые занимались исследованиями на территории Беларуси. Благодаря поисковым экспедициям Л.В. Алексева, Г.В. Штыхова, Л.Д. Поболя и др., материалы о многих культурных камнях попали в различные энциклопедии и сборники и стали объектами историко-культурного наследия Беларуси.

Культурные камни Могилевщины, к примеру, были частично систематизированы благодаря исследованиям археолога В.Ф. Копытина, который создал реестр археологических памятников Могилевской области, включив туда известные к 80–90-м годам XX века объекты, а также новые находки.

В конце 80-х г. XX в. в Беларуси формируется группа исследователей, которые начинают действительно научное и разностороннее изучение каменных изваяний на территории Беларуси. Это археологи и геологи Э.А. Левков, А.К. Карабанов, В.Ф. Винокуров, Л.В. Дучиц, Э.М. Зайковский, И.Я. Климкович.

Первой вехой в данных исследованиях можно считать книгу Э.А. Левкова «Маўклівыя сведкі мінуўшчыны», которая вышла в 1992 году [16]. Впервые в научно-популярной форме автор попытался раскрыть роль каменных изваяний в истории белорусского народа, этнографические и культурные особенности рассматриваемых памятников, исследовал эпиграфические материалы.

В начале 2000-х г. вышеназванная группа исследователей публикует ряд статей в различных исторических и археологических журналах, сборниках тезисов конференций. Разрабатывается типология, в научный оборот вводятся новые находки обнаруженных авторами культурных каменных изваяний. Коллективом авторов на протяжении нескольких лет целенаправленно собирались и систематизировались материалы по отдельным типам памятников, в частности, в ряде публикаций были выделены камни-следовики [5], валуны с единичными углублениями [4], чертовы камни [18], камни-лекари [2], валуны-звери [3] и др.

Статьи Э.А. Левкова, В.Ф. Винокурова, Л.В. Дучиц, повествующие о культурных камнях, также были опубликованы в ряде книг серии «Памяць» [7, 8].

В 2007 году выходит в свет еще одна обобщающая работа данной группы исследователей – монография «Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі» [13]. В этой работе впервые публикуется не только полный список известных авторам памятников, но и приводится подробная карта их местонахождения.

Вместе с тем стоит отметить тот факт, что, если рассмотреть географический аспект исследования культовых камней в вышеназванных трудах, мы увидим, что авторами в большей степени выявлены и изучены памятники Центральной, Западной и Северной Беларуси. Вызвано это, вероятно, тем, что на данных территориях подобных памятников количественно больше, изучать и фиксировать их начали раньше. Территория же Юго-Восточной Беларуси в вышеназванных публикациях изучена слабо. Только за последние несколько лет автору данной статьи в рамках диссертационного исследования по данной проблематике удалось выявить более пяти культовых каменных изваяний Восточной Беларуси, не упомянутых в сводах, опубликованных ранее [9, с. 6–7, 10].

Несмотря на почти двухсотлетнюю историю изучения, культовые камни еще далеко не все рассказали о себе. Исследование данных памятников помогает раскрыть их влияние на формирование духовного мира белорусского народа, религиозные представления и обычаи наших предков. С культовыми каменными изваяниями связаны многочисленные легенды и предания, которые стали неотделимой частью белорусского фольклора.

Рассмотрев основные вехи истории изучения культовых каменных изваяний на территории Беларуси, мы приходим к выводу, что если XIX век являлся периодом выявления и накопления материала, то на протяжении XX века ряд исследователей занимался систематизацией и разносторонним изучением культовых камней. Вместе с тем, несмотря на то, что в последние годы выпущено несколько монографий по данной проблематике, некоторые регионы, в частности территория юго-восточной Беларуси, остаются белыми пятнами на карте культовых каменных изваяний. Переписка с краеведами, публикации в региональных СМИ, простейший запрос в сети Интернет позволил выявить факт, что и в слабоизученных на сегодняшний день регионах подобные памятники существуют, что, несомненно, является весомым подспорьем для дальнейшего исследования данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович, А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов / А.Е. Богданович. – Гродно: Губернская Типография, г. Гродна 1895. – 186 с.
2. Камяні-гойбіты / В. Вінакураў [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2005. – Вып. № 15. – С. 190–202.
3. Камяні-жывелы / В.Ф. Вінакураў [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2004. – Вып. № 19. – С. 258–264.
4. Вінакураў, В.Ф. Камяні са штучнымі паглыбленнямі на тэрыторыі Беларусі / В.Ф. Вінакураў [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2003. – Вып. № 18. – С. 227–246.
5. Камяні-следавікі Беларусі / Л.У. Дучыц [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – Вып. № 9. – С. 133–141.
6. Валуны, з якімі звязаны паданні аб акамянелых людзях / Л. Дучыц [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2006. – Вып. № 22. – С. 245–254.
7. Дучыц, Л. Помнікі язычніцтва на Лагойшчыне / Л. Дучыц, Э. Зайкоўскі // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Лагойскага р-на : у 2 кн. – Мінск, 2003. – Кн. 1. – С. 41–42.
8. Дучыц, Л. Барысавы камяні / Л. Дучыц // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полацка / рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 88.
9. Жижиян, С.Ф. 101 занимательный факт из истории Быховщины / С.Ф. Жижиян. – Могилев : АмелияПринт, 2013. – 84 с. : ил.
10. Жижиян, С.Ф. Культовые камни Быховского района / С.Ф. Жижиян // Магілёўшчына XII выпуск : зб. арт. Міжнар. навук. канф. – Магілёў, 2014. – С. 60–64.
11. Из Орши от 2 сентября [Электронный ресурс] // Северная почта. – 1818. – № 74. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Северная_почта,_1818,_№74,_Из_ОРШИ,_от_2_Сентября. – Дата доступа: 13.02.2017.
12. Из Шклова, от 25 октября [Электронный ресурс] // Северная почта. – 1818. – № 89. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Северная_почта,_1818,_№89,_Из_ШКЛОВА,_от_25_Октября. – Дата доступа: 13.02.2017.
13. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі / А. К. Карабанаў [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 235 с.
14. Козлов, В.П. Колумбы российских древностей / В.П. Козлов. – М. : Наука, 1981. – 170 с.
15. Кустинский, М.Ф. Надгробный камень над павшими в сражении в 1568 году, найденный в Лепельском уезде Витебской губернии / М.Ф. Кустинский // Древности. – М., 1874. – Т. IV. – С. 92–93.
16. Ляўкоў, Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.
17. Культавыя камяні Беларусі / Э. Ляўкоў [і інш.] // 3 глыбі вякоў. – 1997. – Вып. 2. – С. 47–68.
18. Чортавы камяні / Э.А. Ляўкоў [і інш.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1997. – Вып. № 11. – С. 151–156.
19. Мальгин, Т.С. Зерцало российских государей / Т.С. Мальгин. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 630 с.

20. Мялешка, М. Камень у вераваннях і паданнях беларусаў / М. Мялешка // Деды : дайджест публикаций о белорусской истории / сост., науч. ред. А.Е. Тараса. – 2013 – Вып. 11. – С. 143–168.
21. Покровский, Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии / Ф.В. Покровский. – Вильна, 1893 – 182 с.
22. Путевые заметки стольника П.А. Толстого о Могилевской губернии в 1697–1699 гг. // Могилевских губернских ведомостей : сб. ст. – Могилев : Губернский: Типография Губернского Правления, 1900. – Вып. 1. – С. 43–49
23. Рассадин, С.Е. Неизданная книга «(Евдоким Романович Романов). Археологическая карта Могилевской губернии» / С.Е. Рассадин // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. – Минск, 1986. – С. 98–148.
24. Фядосік, А.С. Легенды і паданні / А.С. Фядосік, М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. – Минск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

Поступила 02.03.2017

THE HISTORY OF STUDYING CULTURAL AND HISTORIC STONES IN THE TERRITORY OF BELARUS

S. ZHIZIYAN

Information about cult stones on the territory of Belarus can be found in written sources, which date back to the 16th century. At the end of the 18th century intellectuals and people passionate about history paid attention to the began to study the cult stones. Special interest to the monuments of this type appeared at the turn of the 20th century especially from the side of archaeologists and historians. Indeed the scientific study of the cult stones on the territory of Belarus began in the late 80-ies of XX century.

Keywords: *cult stones, stones-boulders, material and spiritual culture of Belarusians.*

УДК 94(476) «1921-1939»:656.06

**СІСТЭМА МАТЭРЫЯЛЬНА-ТЭХНІЧНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ
АЎТАМАБІЛЬНАГА ТРАНСПАРТА Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1939 ГАДАХ****Р.Г. БУГАЕВІЧ***(Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск)*

Разглядаецца пытанне матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння аўтамабільнага транспарта ў Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду. Прадстаўлена інфармацыя аб працы сетак АЗС і іх тэхнічным аснашчэнні. Прыведзены спіс аб'ектаў аўтамабільнай інфраструктуры (майстэрні, крамы аўтазапчастак). Робіцца выснова, што сістэма матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння аўтамабільнага транспарта ў Заходняй Беларусі фармальна склалася, але даступнасць элементаў гэтай сістэмы для аўтаўладальнікаў значна адрознівалася ў залежнасці ад месца эксплуатацыі транспартнага сродка.

Ключавыя словы: аўтамабільны транспарт, аўтазаправачная станцыя, тэхнічнае абслугоўванне аўтатранспарта, паліва, Заходняя Беларусь.

Уводзіны. Сістэма матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння аўтатранспарта ўяўляе сабой важную частку вывучэння аўтамабільнага транспарта, і ўключае ў сябе працэс забеспячэння механічных транспартных сродкаў эксплуатацыйнымі матэрыяламі (палівам, маслам), запаснымі часткамі і іншымі матэрыяламі, неабходнымі для нармальнай работы. Акрамя таго, у айчынным гістарыяграфіі дадзенае пытанне мала-даследавана [1].

Асноўная частка. Галоўнае месца ў матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні адыгрывала паліва. Да сярэдзіны 1920-х гг. у сувязі з нязначнай колькасцю транспартных сродкаў (ТС) у Заходняй Беларусі сетка аўтазаправачных станцый і пунктаў продажу паліва была даволі рэдкай. У 1926 г. паліва можна было набыць у ваяводскіх цэнтрах (Вільня, Беласток, Брэст, за выключэннем Навагрудка), у некаторых павятовых гарадах (Гродна, Ваўкавыск, Баранавічы, Ліда, Слонім, Кобрын, Пінск, Глыбокае, Маладзечна, Вілейка) і невялікіх гарадах і мястэчках (Смаргонь, Гарадзея) [2, s. 882, 898, 936, 1685, 1691, 1696, 1709, 1726, 1736, 1748, 1925, 1935, 1944, 1949, 1971].

У міжваеннай Польшчы дзейнічала 15 вялікіх нафтаперапрацоўчых заводаў з магутнасцю ад 10 да 200 тыс. тон нафты перапрацоўкі ў год і 64 невялікіх заводаў (перапрацоўка ў суме 100 тыс. тон нафты ў год). Дзяржаўная фірма «Polmin» валодала самым вялікім нафтаперапрацоўчым заводам, магутнасць якога дазваляла перапрацоўваць да 100 тыс. тон нафты ў год. Яго прадукцыя на 1/3 пакрывала неабходную колькасць паліва ў краіне [3].

Большая частка польскіх аўтазаправачных сетак таксама мела свае заводы па перапрацоўцы нафты. Фірма «Gazolina» атрымлівала паліва з трох заводаў ля Барыслаўля, па адным заводзе было ў фірм «Galicja», «Gazy Ziemi», «Standard Nobel», які ў 1931 г. увайшоў у склад «Vacuum Oil» [4, s. 51].

Незалежна ад вытворцы паліва на польскіх АЗС прадаваўся бензін з аднолькавым актанавым лікам. У другой палове 1930-х гг. асноўным відам паліва быў чысты бензін, выраблены на польскіх нафтаперапрацоўчых заводах з актанавым лікам 60. Польскі бензін характызаваўся нізкай дэтынацыйнай стойкасцю і быў прыдатным толькі для рухавікоў з невялікай ступенню сціскання [5, s. 276].

Для бесперабойнага забеспячэння спажываючых палівам уласнікі аўтазаправачных станцый абсталявалі сховішчы для захоўвання нафтапрадуктаў у непасрэднай блізкасці да чыгуначных станцый для наступнай дыстрыбуцыі па АЗС. Сховішчы былі розных аб'ёмаў: ад 10 да 55 тыс. літраў. Перапампоўка нафтапрадуктаў з чыгуначных цыстэрнаў ажыццяўлялася па трубаправаду з дапамогай ручной помпы.

Так, 11 ліпеня 1922 г. паміж Віленскай Дырэкцыі ПКП і таварыствам з абмежаванай адказнасцю «Oleum» была падпісана дамова аб арэндзе пад'язнога пуці і зямельнага ўчастка плошчай 2387 м² на ст. Брэст-ІІ для будаўніцтва рэзервуара і падземнага трубаправода [6, арк. 45-45 аб.]. На ст. Ліда (Навагрудскае ваяводства) сетка заправак «Gazy Ziemi» мела 3 рэзервуары з нафтапрадуктамі (10, 20, 25 тыс. л.), сетка заправак «Kagraty» – 2 рэзервуары (40, 55 тыс. л.), яшчэ 3 рэзервуары належалі прыватным асобам [7, арк. 12].

Непасрэдна да месца продажу паліва перавозілася ў герметычных жалезных бочках або бочкавозам, дзе паліва перапампоўвалася ў падземнае сховішча, аб'ём якога быў адносна невялікім (2 – 2,5 тыс. л.) [7, арк. 14]. Акрамя традыцыйнай формы продажу гаруча-змазачных матэрыялаў, некаторыя фірмы дастаўлялі сваю прадукцыю непасрэдна кліентам [8, s. 141].

Статыстычныя даныя паказваюць, што ў 1924 г. (першы год, калі пачалі збірацца даныя аб колькасці механічных транспартных сродкаў) было зарэгістравана у Беластоцкім ваяводстве 92 адзінкі, у Палескім 20, у Навагрудскім – 27 і ў Віленскім – 41 адзінка транспартных сродкаў [9]. Паступова назі-

раўся рост колькасці зарэгістраваных ТС, за 7 год парк транспартных сродкаў Заходняй Беларусі павялічыўся амаль у 16 разоў (табл. 1).

Табліца 1. – Колькасць транспартных сродкаў у Заходняй Беларусі

Ваяводства	1925 г.		1926 г.		1931 г.		1938 г.	
	Колькасць ТС	Колькасць жыхароў на 1 ТС	Колькасць ТС	Колькасць жыхароў на 1 ТС	Колькасць ТС	Колькасць жыхароў на 1 ТС	Колькасць ТС	Колькасць жыхароў на 1 ТС
Беластоцкае	166	7 852	211	6 198	1 374	1 100	876	2 021
Віленскае	174	5 653	223	4 365	682	1 712	688	2 022
Навагрудскае	59	13 934	68	12 118	352	2 640	422	2 732
Палескае	40	21 998	60	26 454	423	2 368	392	3 148
Па краіне:	15 243	1 763	17 171	1 566	47 331	658	44 200	778

Крыніца: [10–13].

23 красавіка 1926 г. фірма «Standard Nobel» атрымлівае дазвол на адкрыццё аўтазаправачнай станцыі ад магістрата г. Брэста [14, арк. 2]. Даная станцыя была пабудавана на скрыжаванні вуліцы Люблінскай уніі і плошчы Нарутовіча. Як адзначалася ў тэхнічным апісанні, АЗС была размешчана на вуліцы з ажыўлёным аўтамабільным рухам. Станцыя складалася з падземнага жалезнага рэзервуара аб'ёмам 1760 л, які размяшчаўся на глыбіні ад 1000 да 1200 мм; калонкі-лічыльніка (амерыканскай вытворчасці «Gilbert і Barker»), якая адмярала паліва па 5 літраў [14, арк. 7]. Акрамя таго, дамовай было прадугледжана пашырэнне сеткі АЗС фірмы «Standard Nobel» у Брэсце ў выпадку павелічэння аўтамабільнага руху ў горадзе [14, арк. 8].

Вясной 1930 г. у Навагрудку спынілася будаўніцтва новага аўтобуснага вакзала, і ў магістрат горада звярнулася фірма «Standard Nobel» з наступнай прапановай: фірма выдзяляе грашовую суму памерам 25 тыс. зл. на будаўніцтва вакзала, а магістрат, у сваю чаргу, выдае дазвол на будаўніцтва і дзейнасць новай АЗС, якая б размяшчалася ля новага вакзала, на тэрмін 12 год [15].

Наяўнасць АЗС у цэнтры горада часам прыводзіла да канфліктных сітуацый. Так, жыхары дома нумар 166 па вуліцы Дамброўскага ў Брэсце скардзіліся палескаму ваяводзе на паліўную станцыю «Каграту», бо баяліся ўзнікнення пажару з-за вялікай колькасці паліва, якое захоўвалася на АЗС [16, арк. 7].

Літр бензіну ў чэрвені 1936 г. на АЗС каштаваў 68 гр., з гэтай сумы нафтаперапрацоўчы завод атрымліваў 26 гр. (38%), рэшта – 42 гр. – адлічвалася наступным чынам: 8,8 гр. – падатак у Дзяржаўны дарожны фонд, 13,2 гр. – іншыя падаткі, транспартаванне – 7,1 гр. (за літр), 2,9 гр. – аплата за помпу ў гарадскі бюджэт, 4 гр. – абслугоўванне помпы і 6 гр. – іншыя выдаткі [17].

Паводле спісу АЗС у 1939 г. у Віленскім ваяводстве працавала 23 паліўныя станцыі, з якіх 12 – непасрэдна ў Вільні, у Навагрудскім ваяводстве – 11 станцый, у Палескім – 14 станцый (табл. 2).

Табліца 2. – Колькасць АЗС у Заходняй Беларусі ў 1939 г.

Назва сеткі АЗС	Karpaty	Polmin	Gazy Ziemne	Galicja	Drago	Gazolina	Усяго
Беластоцкае ваяводства (часткова)	4	2		2	3		11
Віленскае ваяводства	10	2	1	7		3	23
Палескае ваяводства	8	2	1	3			14
Навагрудскае ваяводства	4	1	1	4	1		11

Крыніца: [18].

Масла можна было набыць непасрэдна на заправачных станцыях. Кошты вагаліся ў залежнасці ад маркі: ад 2,50 зл. да 5 зл. за 1 кг. Найбольш папулярнымі маркамі масла, якія выкарыстоўвалі вадзіцелі ў Польшчы, былі «Gargoyle-Mobiloil», «Polmin», «Galkar», «Galtol», «Shell», «Stanob» [19, s. 10-11]. Найбольшае распаўсюджанне на польскім рынку шын атрымалі англійскія вытворцы «Dunlop» і «Fireston», французскія «Michelin», «Goodyear», «Bergougnan», італьянскія «Pirelli» і аўстрыйскія «Semperit» [20].

Калі казаць пра тэхнічнае абслугоўванне і рамонт аўтамабіляў, то з гэтым былі пэўныя цяжкасці. Аўтары кнігі «Аўтамабільны даведнік па Польшчы» рэкамендавалі звяртацца ў аўтамайстэрні толькі ў вялікіх гарадах, і толькі ў неадкладных выпадках у майстэрні ў малых мястэчках і выключна для таго, каб дабрацца да вялікага горада. Прыводзіліся цэны на арэнду коней, каб выцягнуць аўтамабіль. Так, пара коней каштавала 1,5 зл. за 1 км буксіроўкі пры адлегласці да 20 км. Трос для буксіроўкі каштаваў 5–8 зл. [19, s. 10–11].

Паводле «Skogowidz samochodowy Polski na 1938 rok» аўтамайстэрні і крамы аўтазапчастак размяшчаліся ў наступных гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі: Навагрудак (4 майстэрні, 2 крамы аўтазапчастак); Баранавічы (5 майстэрняў, 1 шынамонтаж, 2 крамы аўтазапчастак); Ліда (3 майстэрні); Слонім (2 майстэрні, 1 крама аўтазапчастак); Нясвіж (2 майстэрні); Брэст (7 аўтамайстэрняў, 1 шынамонтаж, 6 крамаў аўтазапчастак); Кобрын (1 майстэрня); Косава (1 майстэрня); Пружаны (1 майстэрня); Новая Вілейка (2 майстэрні); Маладзечна (2 майстэрні); Шаркаўшчына (1 майстэрня); Вільня (36 майстэрняў, 8 крамаў аўтазапчастак); Гродна (15 майстэрняў, 1 шынамонтаж, 3 крамы аўтазапчастак), Скідзель (3 майстэрні), Ваўкавыск (1 майстэрня) [21, s. 145, 146, 192–195, 236, 238, 239].

У сувязі з ростам колькасці аўтамабіляў маркі «Polski Fiat» узнікла патрэба ў адкрыцці афіцыйных прадстаўніцтваў па ўсёй Польшчы. У заходнебеларускім рэгіёне прадстаўніцтвы і аўтасэрвісы «Polski Fiat» працавалі ў Баранавічах, Брэсце, Гродне і Вільні [20, s. 74]. Напрыклад, у Брэсце афіцыйным прадстаўніком польскага «Фіята» была фірма «Auto-Polesie», якая не толькі гандлявала аўтамабілямі, але і займалася іх сэрвісам і рамонтам [22, s. 61].

Адзначалася, што амартызацыйны рэсурс аўтамабіляў з-за дрэнных польскіх дарог зніжаўся ў 3–4 разы хутчэй, чым за мяжой. У дапамогу вадзіцелям для правільнай эксплуатацыі аўтамабіля выдаваліся спецыялізаваныя выданні-дапаможнікі, артыкулы ў аўтамабільных часопісах [23, 24]. Так, вадзіцель перад выездам павінен быў праверыць шыны, тармазы, пас вентылятара, напоўніць радыатар і генератар вадой, змазаць маслам рулявую калонку. Штомесяц вадзіцелю рэкамендавалася змяняць маторнае масла ў рухавіку, счашленне прамываць бензінам і змазаць маслам; раз на 2 месяцы або пасля 200 км прабегу прамываць каробку перадач газай і напаўняць маслам; пасля кожных 4000–5000 км прабегу адрэгуляваць клапаны; два разы на год або пасля 8000 км прабегу ачышчаць цыліндры і клапаны [24].

Пра нізкую якасць запчастак, недахоп вопыту ў рамонце і абслугоўванні аўтамабіляў сведчаць дарожна-транспартныя здарэнні з удзелам няспраўнай тэхнікі [25, 26].

Вынікі. З павелічэннем колькасці транспартных сродкаў на дарогах Заходняй Беларусі паступова з'яўлялася і неабходная інфраструктура: аўтазаправачныя станцыі, аўтамайстэрні, крамы аўтазапчастак. Можна сцвярджаць, што фармальна сістэма матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння аўтамабільнага транспарта ў Заходняй Беларусі склалася, але фактычна даступнасць элементаў сістэмы для аўтаўладальнікаў залежала ад месца эксплуатацыі транспартнага сродка. Калі ў ваяводскіх цэнтрах і вялікіх гарадах можна было без праблем заправіцца палівам, адрамантаваць свой аўтамабіль, то ў павятовых гарадах на перыферыі (асабліва на Палессі) такая магчымасць адсутнічала.

ЛІТАРАТУРА

1. Гецэвіч, А. К. Транспорт і шляхі зносін у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.К. Гецэвіч // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя. – 2015. – № 3(203). – С. 6–12.
2. Księga Adresowa Polski (wraz z w. m. Gdańskiem) dla handlu, rzemiosł i rolnictwa; Annuaire de la Pologne (y Compris la V. I. de Dantzig) pour le Commerce, L'Industrie, les Metiers et L'Agriculture – Warszawa : Towarzystwo Reklamy Międzynarodowej Sp. z o.o. Jener Reprez. Rudolf Mosse; Bydgoszcz : Zakłady Graficzne "Biblioteka Polska", 1926/1927. – 2476 s.
3. Międzywojnie [Электронны рэсурс] // Nafta Polska. – Рэжым доступу: <http://www.nafta-polska.pl/historia-naftownictwa/mi%C4%99dzywojnie>. – Дата доступу: 20.10.2016.
4. Z naftą przez pokolenia / tekst Aleksander Puchowicz ; pocztówki archiwalne kolekcja Jerzego Zielińskiego; Oddział Stowarzyszenia Inżynierów i Techników Przemysłu Chemicznego w Płocku. – Płock : Samizdat Zofii Łoś, 2004. – 156 s.
5. Rostocki, A. Automobilizm w Warszawie do roku 1939 / A. Rostocki, J. Tarczyński. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988. – 395 s.
6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 3809.
7. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 551, воп. 1, спр. 2310, арк. 12.
8. Majewski, W. M. Poszukiwania złóż ropy naftowej i gazu w Polsce (1919–1939) / W. M. Majewski // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Historica. – 2009. – Т. 11. – S. 129–154.
9. Tabor samochodowy w Polsce // Auto. – 1924. – № 18. – S. 275.
10. Wykaz taboru samochodowego w dniu 1-go lipca 1925 roku // Auto. – 1925. – № 19–20. – S. 415.
11. Wykaz taboru samochodowego w dniu 1-go stycznia 1926 roku // Auto. – 1926. – № 3. – S. 78.
12. Wykaz ilości pojazdów mechanicznych (bez wojskowych) kursujących na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej w dn. 1 stycznia 1931 r. // Auto. – 1931. – № 4. – S. 6.
13. Powoli, ale stale idziemy naprzód // Auto i technika samochodowa. – 1938. – №2. – S. 74–75.

14. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 3808.
15. Inwestycje Nowogródzkie // Kurjer Nowogródzki. – 1931. – № 1. – S. 3.
16. ДАБВ. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 945.
17. Cena na benzynę hamuje rozwój motoryzacji // Dziennik poranny. – 1936. – № 146. – S. 2.
18. Архіў новых актаў (Archiwum Akt Nowych w Warszawie). – Ф. Ministerstwo Komunikacji w Warszawie. Спр. 3465.
19. Przewodnik automobilowy po Polsce / oprac. Mieczysław Orłowicz (część opisowa) oraz Roger Morsztyn (część techniczna); Automobilklub Polski. – Warszawa : nakł. i skład gł. Automobilklub Polski, 1930. – 211 s.
20. Rynek opon i detek // Ruch samochodowy. – 1927. – № 4. – S. 17.
21. Polski skorowidz samochodowy na r. 1938 / wydawnictwo «Polski skorowidz samochodowy». – W-wa : drukarnia «POL», 1938. – 250 s.
22. Hartmann-Kisłowska, N. Saga Poleska / N. Hartmann-Kisłowska // Echa Polesia. – 2011. – № 3 (31). – S. 57–66.
23. Tuszyński, A. Chory samochód : utrzymanie i naprawa samochodu / A. Tuszyński. – Warszawa : Trzaska, Evert i Michalski, 1928. – 307 s.
24. Orjentacyjna tabela utrzymania samochodów // Ruch samochodowy. – 1928. – № 16. – S. 6–7.
25. Wypadek samochodowy w Lidzie // Kurjer Nowogródzki. – № 78. – 1931. – 18 grudnia. – S. 4.
26. Autobus z pasażerami w rowie // Słowo. – № 93. – 1930. – S. 3.

Пасмыніў 15.02.2017

THE SYSTEM OF THE LOGISTICAL SUPPORT OF AUTOMOBILE TRANSPORT IN THE WESTERN BELARUS IN 1921–1939

R. BUHAYEVICH

The article is devoted to the logistical support of automobile transport in the Western Belarus in the interwar period. The information about activity of networks of petrol stations and their technical equipment is presented. The list of road infrastructure (car workshops, auto parts stores) is given. The author concludes that the system of logistical support automobile transport in the Western Belarus formally developed, but the availability of features for car owners differed greatly depending on the location of the maintenance of vehicle.

Keywords: *automobile transport, petrol station, car maintenance, fuel, Western Belarus.*

УДК 94(476)«04/14»

О САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Я.А. РИЕР

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматриваются основные теоретические аспекты сакрализации власти на первых этапах процесса государствообразования с точки зрения видных зарубежных и российских политантропологов. Анализируются механизмы придания правителям высшего статуса, изучается значение ритуала и устной традиции в данном процессе. Особое внимание уделяется различиям в процессе сакрализации власти правителя в языческих и христианских политических образованиях. Анализируется значение сакрализации власти на восточноевропейских, в том числе и белорусских землях на первых этапах становления государственности.

Ключевые слова: государствообразование, сакрализация, власть, общество, государственность, вождество, политантропология, белорусские земли, Великое княжество Литовское, Древнерусское государство.

Введение. В любом обществе на разных уровнях развития государственности власть наделялась сакральной силой. Это было необходимо для объяснения особого положения правителей в обществе. Поэтому правителям приписывалась особая связь с высшими силами, они часто назывались их посланниками, которые пришли к своему народу, чтобы защитить его и поспособствовать его благополучию.

Конечно, в языческих и христианских государственных образованиях на разных этапах развития были свои особенности сакрализации власти. Но вместе с тем можно выделить и некоторые общие черты.

Основная часть. На этапе вождеств главные механизмы власти были связаны с опорой на силу религии, магии, традиции, а также личные качества вождя [1, с. 41].

Известный американский антрополог Эйдан Саутхолл видел в сакрализации власти вождеств и ранних государств естественный процесс, характерный для обществ на разных, в том числе самых ранних этапах своего развития, подчеркивая первостепенную роль ритуальной фазы поддержки образа власти. Согласно его теории, простое население догосударственных обществ высоко ценило ритуальное и символическое руководство своей жизнью, рассматривая его в качестве естественной защиты. Причем данные положения были закреплены в памяти народа традицией и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Таким образом, люди добровольно совершали крупные подношения своим предводителям задолго до того, как последние проявили закономерный интерес к их взысканию или увеличению. То есть, именно монополия правителей на ритуальные санкции постепенно преобразовывалась в монополию на санкции политические [2, с. 131].

В дальнейшем для сохранения и поддержания власти вожди в различных обществах использовали несколько вариантов стратегии. Занимаясь этим вопросом, видный американский антрополог Чарльз Спенсер выделил четыре способа сохранения вождями своей власти. Примечательно, что в качестве первого пункта он указал именно сакрализацию власти, отметив далее образование союзов (часто включая брачные связи) между верховным вождем и главами общин; престижный товарообмен, а также военные действия между политиями, вынуждающие местные элиты заключать региональные союзы для более успешного их ведения [3, с. 141]. Исходя из вышесказанного, именно сакрализацию власти можно рассматривать как один из наиболее важных и успешных способов поддержки авторитета правителей на ранних стадиях процесса государствообразования.

Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что возвышает и его самого, и его род. Сакральность, в свою очередь, закрепляет право правителя на собственность, тем самым как бы освещая ее. Собственность, таким образом, начинает сопровождать и подчиняться ей, а сама сакрализация власти делает ее легитимной в глазах народа [4, с.28].

В связи с этим видится интересным проследить, каким же именно образом происходил процесс сакрализации в дальнейшем, в ходе эволюции государственности, а также проанализировать различия, существовавшие в языческих и уже христианских государственных образованиях на разных этапах их развития.

Французский политантрополог Жорж Баландь, исследуя развитие европейских государств, в частности французского, отмечал, что суверены являются по сути родственниками богов, занимая такое же положение или по крайней мере считаются их посредниками. Общность атрибутов власти и священного обнаруживает, по его мнению, издавна существовавшую между ними связь, которую история ослабляла, но никогда не разрывала. Высшая власть, связанная с королевской личностью, с ритуалами и церемониалом инвеституры, с процедурами, поддерживающими дистанцию между королем и его под-

данными, и наконец с проявлением законности, неразрывно обладала особой сакральностью. Ж. Баландье указывал на то, что именно в период становления государственных начал, в период рождения государства из догосударственного состояния, во время когда королевская власть выступала из магии и религии, лучше всего прослеживается это отношение. С помощью мифологии, рассказов, которые должны были передаваться из уст в уста, из поколения в поколение, люди получали единственное «повествование» об этих событиях и это, в свою очередь, утверждало двойную зависимость людей – от богов и королей. Священность власти утверждалась также в отношении, объединяющем подданного с сувереном: в отношении почитания или не оправдываемого разумом полного подчинения, страха перед непослушанием, которое имело характер святотатственного нарушения [5, с. 100]. Именно эти рычаги и являлись, по мнению исследователя, основными механизмами сакрализации власти.

В качестве иллюстрации ученый приводит феодальную монархию во Франции времен правления Людовика Святого. В данный период государь отождествлялся с посланником Христа, считался его наместником. Его признанием и главным назначением было разговаривать с Богом, он имел в глазах своих современников тесную связь с высшими силами. Естественно, этого добивались не только соответствующими обрядами или традициями. Для того чтобы подчеркнуть свою особую роль в государстве и на земле в целом, правители строили храмы, места соединения человека и Бога, добывали сакральные христианские реликвии, ценные в глазах своих подданных и др. Так, уже упомянутый Людовик Святой, окончив строительство легендарного Собора Парижской Богоматери, создал свою биографию, в которой он изображался потомком в качестве настоящего примера для подражания, наместником Христа, чьим призыванием было разговаривать с Богом. Кроме того, он за огромные деньги купил в столице Византии, Константинополе, терновый венец – важную христианскую реликвию, орудие страданий Господа, которая должна была подчеркнуть непрерывную связь Бога и монархии, обретенную им во время коронации [6, с. 148–149].

Конечно, нельзя недооценивать и роль культа предков в данном процессе, который представлял особую ценность именно в ранних, догосударственных образованиях (особенно, в родовых). В таких обществах культ предков или особых божеств обеспечивал в целом сакрализацию еще мало дифференцированной политической области. А вождь рода являлся единственной точкой соединения между реальным родом, основанным живыми, и родом идеализированным, носителем высших ценностей, символизировавшимся всеми предками. Ведь именно он, вождь, транслировал слово предков живым, а слово живых – предкам [5, с. 100]. И это являлось его неоспоримым достижением.

Со смертью правителя неизменно должен был наступить хаос, разрушение устоявшегося порядка. Неслучайно князя, в том числе в восточнославянской традиции, часто связывали с солнцем. Правитель воспринимался как транслятор божественного света людям, показывая тем самым неразрывную связь князя и божества, или в христианском мире – Христа, и делая его самого, по сути, сверхчеловеком или полубогом [7, с.133].

Здесь логично будет отметить, что христианские представления о богоизбранности правителя, носителя высшей власти, очень медленно разрушали прежние языческие представления. В христианском средневековом мире фигура правителя, князя, короля или императора считалась настолько священной, что противостоять ей простому смертному было не просто сложно, но практически невозможно. Но вместе с тем в раннее средневековье даже особа языческого правителя обладала сакральностью и могуществом и представлялась едва ли не недостижимой для воинов-христиан [7, с.132]. Возможно именно поэтому отдельные случаи побед над языческими правителями простыми христианами воинами из армии противника оценивались современниками как нечто невероятное и надолго входили в историю.

Но по мере проникновения христианства на восточнославянские земли и упрочения его позиций в сознании современников наблюдается особо заметное стремление правителей закрепить, в том числе и письменно, перед своими подданными и будущими потомками свое богоизбранное положение, свою сакральную власть. Огромную помощь в этом стремлении оказывают первые летописцы, являющиеся, как правило, рьяными защитниками и приверженцами новой христианской религии, а значит, особо почитающие избранного Богом князя.

Так, согласно «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, написанного между 1037 и 1050 годами, князь отождествлялся с особой силой, защищающей Русскую землю. Причем особое внимание летописец уделял именно Владимиру, первому христианскому князю, который воспринимался современниками олицетворением Господа, который являлся простому народу в его лице. И при жизни, и после смерти князь обеспечивал благополучие своего рода, своей земли и своего народа. Его молитва могла спасти от войн и болезней, помогала в спасении души. Кроме того, некоторые сакральные функции могло выполнять даже тело умершего князя [8, с. 18]. Функция сакральной защиты Русской земли прослеживалась и в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, написанной в XI и дополненной предположительно в XIV веке [8, с. 44]. Согласно источнику именно руками князя утвердилось служение Господу [8, с. 47]. А значит, необходимо всецело довериться его правлению.

Конечно, представления древнерусских летописцев XI – начала XII века еще находились в стадии формирования и были отмечены индивидуальностью книжников. Но к общим тенденциям эпохи христианства относится представление о правителе как носителе сакральной силы, дарованной ему Господом и служащей для защиты своего народа и земли [8, с. 196].

Отдельного внимания заслуживает и сакральное положение правителя в самом обществе. Ведь в процессе эволюции государства единство священного и политического привело к тому, что посягательство на власть (но не на ее обладателей) считалось святотатством и имело разные формы в зависимости от конкретного политического режима. Оно ставило «священное» на первый план в случае «безгосударственных» обществ и заставляло признать сакральную роль правителя в государственных образованиях.

Ярким примером данного положения может служить событие из древнерусской истории, описанное в летописях. Когда представители киевской общины изгнали Изяслава и посадили на его место Всеслава Чародея, они долго сомневались в легитимности своих действий, ждали возможного гнева Господня. Последующие события явились для них только доказательством преступности посягательства на власть. Изяслав повел рать на Киев, Всеслав бежал, и землю накрыла смута. После этих событий их сомнения переросли в уверенность – они посягнули на сакральную фигуру князя и теперь неминуемо будут наказаны [7, с. 360]. Подобные случаи, передаваемые современниками событий из уст в уста и записанные летописцами на память потомкам, только укрепляли такое мнение. А значит, мало кто уже осмелился бы совершить подобное святотатство.

Схожие процессы сакрализации власти были характерны и для протогосударственных образований и первых государств на белорусских землях.

Одним из первых и наиболее могущественных политий на территории современной Беларуси явилось Полоцкое княжество. Первоначально оно представляло собой вождество, возглавляемое сильными лидерами, но еще не обладавшее главными признаками раннего государства, которые проявились в нем с конца XI – начала XII века (наследственная легитимная власть, четко очерченные территории, дружина, подати и др.).

Но даже в первых политиях, таких как Полоцкое или Туровское княжество, фигура правителя наделялась особой силой. Ему зачастую приписывались магические свойства, объяснявшие его военные успехи или удачную политику. Так, можно вспомнить одного из самых могущественных правителей Полоцкого княжества – Всеслава Брючиславовича, или Всеслава Чародея. Рожденный по легенде от волхования, то есть от колдовства, он мог превращаться в волка, преодолевая за короткое время огромные расстояния, а значит – успешно вести войну с противниками и наблюдать за своими землями. Необходимо учитывать, что этот период развития белорусских земель характеризовался еще преобладанием языческих представлений, и князь не воспринимался посланником Бога. Но ему приписывались особые способности, а значит, он сам олицетворялся с полубожеством, с человеком, наделенным необычными, могущественными и возможно даже опасными силами. Это и отличало его от простого населения и обеспечивало ему высшее положение в существующем обществе. А успешные действия только подкрепляли подобные мысли современников. Именно это и способствовало сакрализации его власти.

Кроме того, в начале XII века в летописи заносится родовое предание полоцких князей, в котором подчеркивается единоличное право полоцкого рода на владение Полоцкой землей, а кроме того, указывается его генеалогическая уникальность [9, с. 159]. Таким образом, происходит дополнительное, письменное закрепление особой роли правителей данных земель, уже не просто наделяемых могущественной силой, силой магии или сверхъестественных способностей по неким природным причинам, но целенаправленно и обоснованно показывается их высочайшее, сакральное положение.

Распространение христианства на восточнославянских, в том числе и на белорусских землях способствовало дальнейшему упрочнению позиции правителя, которые использовали ее в своих целях. Примечателен тот факт, что для самих правителей конкретная религия, а именно, старая, языческая, или новая, христианская, на первых этапах не играла столь существенного значения. Ее использовали как инструмент упрочнения, сакрализации власти для определенной категории населения, поэтому правители могли сами несколько раз переходить из лона одной религии в другую в зависимости от конкретных политических обстоятельств. Так, князь Великого княжества Литовского Миндовг, будучи язычником, в условиях военной угрозы заключил союз с немецкими рыцарями. В 1251 году он принял христианство и в 1253 году стал королем Литвы, чтобы заручиться поддержкой Ордена и Рима. Этот стратегический ход позволил ему находиться у власти еще десять лет, вплоть до убийства противниками [10, с. 20]. Вместе с тем, убедившись в непопулярности новой религии среди местного населения, Миндовг вновь стал язычником и приносил жертвы как языческим божествам, так и христианскому богу, а значит, находил поддержку у населения, исповедовавшего разные верования [10, с. 22]. Таким образом, духовные дела первого короля Великого княжества Литовского напрямую подчинялись его земным интересам, меняясь в зависимости от потребностей.

Неудивительно, что и многие преемники Миндовга придерживались таких же взглядов. Известный польский хронист Ян Длугош, рассказывая о смерти Кейстута, отмечал, что князь Скиргайла привез его останки в Вильно и по старой, то есть языческой, традиции сжег его останки вместе со сбруей, лошадьми и самыми верными собаками [10, с. 306]. Таким же способом был проведен в последний путь и сын Гедимины, великий князь литовский Ольгерд, которого сожгли в лесу Какивейтус, что недалеко от Вильнюса, одетого в плащ, обшитый драгоценными камнями [10, с. 306–307].

Но несмотря на это, и Кейстут, и Ольгерд, и их последователи воспринимались как сакральные фигуры, имевшие право управлять землей, защищать ее. Несмотря на многочисленные войны, имевшие место в этот период времени, в том числе и междоусобные, и борьбу за престол простой народ не посягал на власть, оставляя право борьбы, как и право управления, особым фигурам, богоизбранным, чье право было закреплено в традиции, причем не только письменной, но в первую очередь устной.

Закключение. Сакрализация власти характерна не только для единоличной монархии, христианского государства. Она наблюдалась и в более ранних, догосударственных обществах как на белорусских, так и на других восточнославянских, а также западноевропейских и многих других территориях. Конечно, везде она имела свои особенности. Но издавна в любой политике личности правителя приписывались особые силы, могущественная власть, зачастую дарованная ему божествами, для того чтобы он защищал свою землю и свое население. Подобное положение закреплялось как в устной, так и письменной традиции, подкрепляясь устрашающими примерами того, какой хаос может начаться, если посягнуть на сакральную фигуру правителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринин, Л.Е. Эпоха первичного политогенеза / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Ранние формы потестарных систем / сост.: В.А. Попов. – СПб., 2013. – С. 31–64.
2. Саутхолл, Э. О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – М. : Логос. – 2000. – С. 130–137.
3. Спенсер, Ч. Политическая экономия становления первичного государства / Ч. Спенсер // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – М. : Логос. – 2000. – С. 137–154.
4. Риер, Я.Г. Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общенсторических процессов: природная среда и социальное развитие / Я.Г. Риер. – Могилев : МГУ им.А.А.Кулешова, 2016. – 412 с.
5. Баландье, Ж. Политическая антропология / Жорж Баландье. – М. : Науч. мир, 2001. – 201 с.
6. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж.Дюби ; пер. В. Колесникова. – Смоленск : Полиграмма. – 1994. – 319 с.
7. Пузанов, В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В.В.Пузанов. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2007. – 623 с.
8. Пузанов, В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (10 – нач. 12 века) / В.В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский ун-т. – 2012. – 237 с.
9. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А.Куляшова, 2003. – 324с.
10. Косман, М. 3 гісторыі і культуры ВКЛ / М. Косман ; уклад. Г. Сагановіча ; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мінск : Медысонт, 2010. – 448 с.

Поступила 12.04.2017

ABOUT POWER SACRALIZATION IN EASTERN EUROPE IN THE MIDDLE AGES

Y. RYIER

This article deals with the main theoretical aspects of power sacralization during the first periods of state formation process from the point of view of famous foreign and Russian anthropologists. Mechanisms of gaining a specific sacral status by leaders, or rulers, are analyzed. The role of sacred rites, rituals and tradition in this process is studied. A great attention is paid to differences between the process of rulers sacralization in pagan and Christian pre-state and state formations. The role of power sacralization in East-European, including Belarusian, lands is analyzed.

Keywords: state formation, sacralization, power, society, statehood, chiefdom, political anthropology, belarusian lands, the Great Duchy of Lithuania, Old Russian State.

УДК 930.2

**МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ
БССР С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (1919–1939 гг.)****А.А. ПРИБОРОВИЧ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассмотрены условия организации сотрудничества центральных органов статистики БССР с государственными учреждениями, которые вели централизованное или ведомственное статистическое наблюдение за разными отраслями народного хозяйства, в том числе и за населением. На основе анализа нормативно-правовых и архивных документов раскрываются проблемы формирования белорусской государственной статистики с 1919 г. по 1939 г. Результаты исследования позволят историкам лучше осознать источниковедческую ценность материалов центральных органов статистики как массового источника по изучению социально-экономической истории БССР довоенного периода.

Ключевые слова: БССР, статистика, сотрудничество, централизованное наблюдение, ЦСУ, УНХУ.

Введение. В 2019 г. в Республике Беларусь будет проведена перепись населения, для постсоветской истории страны это будет третья перепись. Ее результаты будут иметь важное значение для анализа социально-демографической ситуации в стране по отношению к предыдущим периодам ее истории, в том числе массовые материалы переписи в будущем составят основу корпуса источников научных работ по истории Республики Беларусь. Отметим, что традиция проведения переписей населения в независимом белорусском государстве была положена в начале 20-х гг. XX в. Данный период в истории Беларуси является переломным. Так, с активной трансформацией границ БССР происходит не менее активное формирование и функционирование государственных органов, в том числе центральных органов статистики.

Создание государственного органа статистики в БССР было вызвано необходимостью организации централизованного статистического наблюдения за различными объектами народного хозяйства, которое позволяло органам государственной власти получать выверенные количественные показатели развития страны. Однако нехватка квалифицированных сотрудников органов статистики потребовала задействовать специалистов тех учреждений (предприятий и др.), в которых уже был организован ведомственный учет и статистический анализ.

Цель данной статьи – выявить содержание и особенности взаимодействия органов государственной статистики в БССР с государственными организациями до 1939 г.

Научную идею статьи можно выразить в следующем положении. Формирование советской государственной статистики в БССР в 20-е и 30-е гг. XX в. проходило сложный путь трансформации центральных органов статистики, а также налаживания в стране работы по согласованию единого плана проведения статистических мероприятий по изучению состояния отраслей народного хозяйства и населения. В материалах межведомственного сотрудничества центральных органов статистики БССР с государственными организациями и предприятиями запечатлены обстоятельства перехода самостоятельной ведомственной статистики в подконтрольную. При этом к концу изучаемого периода административная и ведомственная статистика проходила процесс верификации расчетных значений к задачам планирования экономической и социальной сферы жизни в стране, что в свою очередь привело к замене методов статистики на несвойственные ей приемы первичного учета.

Научная новизна статьи раскрывается как в самой постановке цели, так и полученными в ходе выполнения результатами. Проводится исследование, посвященное основным направлениям сотрудничества центральных органов статистики БССР до 1939 г. Ранее тема научной статьи рассматривалась лишь в отдельных работах зарубежных исследователей истории советской государственной статистики. Так, И.А. Тропов в монографии ««Национализация информации»: политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России» дал описание процесса становления советской статистики в РСФСР с 1918 г. по 1926 г. На основании большого круга первоисточников исследователь рассмотрел процесс взаимодействия органов советской власти со статистической службой страны, а также процесс трансформации понимания роли статистики в развитии страны. Работа И.А. Тропова интересна также тем, что в ней отражен процесс подчинения статистической службы партийным задачам ВКП(б). На примере работы первого руководителя советской статистической службы П.И. Попова продемонстрирована вся сложность развития новой советской статистики, которая фактически была построена на обломках административной и академической статистики Российской империи [1].

А. Блюм и М. Меспуле в своей совместной работе «Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине» дали объяснение процессу подчинения государственной статистики РСФСР (позже СССР)

нуждам бюрократического механизма фальсификации данных по заказу партийной верхушки. На основе материалов РГАЭ (ранее ЦАНХ СССР) исследователи продемонстрировали примеры партийной чистки статистического аппарата СССР. Работа Блюма и Меспуле примечательна тем, что исследователи попытались раскрыть историю центральных органов СССР не только через их печатную деятельность, но и через анализ просопографической информации сотрудников ЦСУ и ЦУНХУ СССР [2].

Основная часть. Формирование советской государственной статистики произошло в результате реорганизации дореволюционной сети учреждений Российской империи, выполнявшей работу по осуществлению и контролю централизованного и ведомственного статистического наблюдения.

Согласно постановлению СНК «О создании Комиссии для рассмотрения проектов по организации Центральной государственной статистики и планов, выработанных Всероссийским съездом статистиков» (27.06.1918 г.), было очевидно, что будет создан центральный орган статистики страны, которому предстоит заново наладить работу с ведомственными отделами статистики государственных учреждений [3].

25 июля 1918 г. СНК принял декрет «О государственной статистике (положение)», согласно которому предусматривалось создание ЦСУ, ответственное за централизованное статистическое наблюдение разных отраслей народного хозяйства и населения. Сбор статистических сведений был разрешен также Наркоматам и другим государственным ведомствам, в которых ЦСУ было вправе по положению проводить обязательный инструктаж о правилах сбора статистических сведений.

Для согласования совместной работы административной и ведомственной статистики еще в 1918 г. при ЦСУ был создан Совет по делам государственной статистики, в функции которого входило налаживание сотрудничества центральных органов статистики с государственными учреждениями.

С развитием советского законодательства принимаются нормативно-правовые документы, которые позволили согласовать порядок взаимодействия государственной и ведомственной статистики. Так, 04.01.1919 г. СНК принял декрет «О государственной текущей промышленной статистике (положение)». Согласно положению сбор сведений по программе общегосударственной текущей промышленной статистики возлагался на первичные органы наблюдения в лице ответственных представителей государственных регулирующих органов, а в частных – на заводоуправления под контролем фабрично-заводских комитетов [4]. При этом все заводоуправления, владельцы и администраторы промышленных заведений должны были вести первичные записи по учету рабочего состава, рабочего времени, заработной платы, движения топлива и прочего, чтобы ежемесячные итоги по указанным категориям могли без затруднения быть перенесены в статистические бланки и затем преданы в ЦСУ (губстатбюро).

Декретом СНК от 22.05.1919 г. «О предоставлении фабрично-заводскими предприятиями сведений по вопросам промышленной статистики» было установлено, что фабрично-заводские предприятия обязаны предоставлять сведения по вопросам промышленной статистики только ЦСУ и его местным органам; отделу фабрично-заводской и служебно-прикладной статистики ВСНХ, а также соответствующим главкам и центрам по их отраслям [5].

В 1921 г. СНК подтвердил декрет 1919 г. распоряжением «Об обязательном сообщении всеми предприятиями учетно-статистических сведений» [6]. Помимо ВСНХ и ЦСУ статистические сведения предоставляли органы Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). Все остальные Народные комиссариаты получали статистические сведения о предприятиях ВСНХ через губстатбюро ЦСУ, Центральное управление учета и статистики ВСНХ, отдел учета и статистики промышленного бюро губернского Совета Народного Хозяйства. Кроме этого, с 1920 г. Народные комиссариаты стали одним из объектов статистического наблюдения ЦСУ. Согласно декрету СНК от 02.11.1920 г. «Об организации текущего статистического наблюдения за деятельностью Народных комиссариатов», ЦСУ стало получать систематические данные, характеризующие деятельность Народных комиссариатов и подведомственных им учреждений во всех отраслях народного хозяйства и государственной жизни. Отметим, что собираемые сведения о Народных комиссариатах касались статистических данных, характеризующих важнейшие результаты работ учреждений и предприятий по роду их деятельности, в том числе данные о числе лиц, работающих в наблюдаемых комиссариатах [7].

В 1922 г. работа ЦСУ и его республиканских, губернских подразделений была значительно усилена полученным правом оперативного регулирования отчетности государственных, кооперативных и частных предприятий [8]. Так, все кооперативные, частные, арендованные, концессионные предприятия и промышленные, торгово-промышленные объединения обязаны были представлять отчетные сведения в ЦСУ, ВСНХ и их органы по установленным программам и инструкциям.

Отметим, что первоначально, еще до образования ЦСУ БССР, ответственность за организацию ведомственной статистики промышленности возлагалась на соответствующие комиссариаты и ВСНХ. С созданием ЦСБ в БССР возникла ситуация, когда в стране первоначально функции государственной статистики были возложены на разные учреждения, которая создавала проблемы в параллельности проводимых работ, отсюда появление расхождений в расчетах по статистическому наблюдению.

Одним из основных соперников ЦСУ (ЦСБ) БССР в сборе статистических сведений в промышленности был ВСНХ (Высший совет народного хозяйства, 1917 г. – 1932 г.) [9]. Первоначально работа ВСНХ и ЦСУ имела элементы параллелизма, для решения этой проблемы коллегия ЦСУ и Президиум ВСНХ 09.07.1923 г. на общем собрании приняли «Положение о согласовании статистических работ ВСНХ и ЦСУ» [10]. Согласно положению на ЦСУ было возложено углубленное изучение всех вопросов промышленной статистики, а на ВСНХ – оперативное изучение текущей статистики промышленности [11]. Кроме этого, согласно положению ЦСУ и ВСНХ должны были на общей коллегии согласовывать план и программу статистических работ [12].

В 1926 г. была проведена реорганизация ЦСУ и его местных органов государственной статистики. Управляющий ЦСУ СССР был введен в состав СНК с правом решающего голоса, а ЦСУ были представлены права объединенного наркомата СССР [13]. Составленное в этом же году положение ЦСУ предусматривало ряд новых моментов в организации государственной статистики в стране. На ЦСУ возлагалось регулирование всей статистики на территории БССР, общее руководство, объединение и контроль статистических работ. Также в новое положение был включен пункт о составлении единого общесоюзного плана статистических работ, предусматривающего основные работы как общесоюзного, так и республиканского масштаба независимо от того, какими организациями они выполняются.

В 1927 г. согласно постановлению № 278 ЦИК и СНК СССР от 30.04.1927 г. в Советском союзе удалось разработать общие требования по учету и статистической отчетности в государственных органах, кооперативных организациях и акционерных обществах с участием государственного и кооперативного капитала. В постановлении в частности прописаны требования по ведомственной и вневедомственной отчетности. В нашем случае нас интересует больше вневедомственная отчетность государственных учреждений и предприятий БССР с ЦСУ. Так, право получать вневедомственную отчетность от государственных органов, кооперативных организаций и акционерных обществ с участием государственного и кооперативного капитала принадлежало только Госплану, ЦСУ, Наркому труда, Наркому Внешней и Внутренней торговли, Наркому по финансам и Белорусской конторе Государственного Банка. Отметим, что ЦСУ по соглашению с ВСНХ предоставлялось право получать статистические сведения от предприятий промышленности, неподведомственных ВСНХ [14].

С 1929 г. система ведомственного и вневедомственного учета и отчетности устанавливалась соответствующим ведомством или организацией с участием заинтересованных учреждений и Статистической плановой комиссии ЦСУ и осуществлялась по согласованию с РКИ БССР. Отметим, что все противоречия между ведомствами или организациями в деле первичного учета и отчетности решались Народным Комиссариатом РКИ БССР [15].

С этого года по-новому стали строиться взаимоотношения с ведомственной промышленной статистикой. ЦСУ взяло на себя квартальные и годовые обследования промышленности; текущую ежемесячную статистику вел центральный отдел статистики ВСНХ. Таким образом, был ликвидирован существовавший ранее двойной учет [16].

Отметим, что статистической работой в ВСНХ занимался центральный отдел статистики [17]. Однако в связи с упразднением ВСНХ 05.01.1932 г. функции статистики ВСНХ переданы УНХУ, которое подводило итоги текущей работы всей крупной промышленности на основе отчетов наркоматов по установленной программе [18].

С началом 1921 г. ЦСБ БССР стало сотрудничать с Госпланом, который достаточно быстро стал органом директивного планирования экономики страны, так как СНК возложил на него ответственность согласовывать программы развития всех отраслей народного хозяйства.

Выполнение основных задач требовало от Госплана регулярно получать обширные статистические сведения. Отсутствие у органа планирования широкой сети статистической службы привело к тому, что СНК БССР обязал ЦСБ предоставлять Госплану статистические сведения, заранее согласовывая план и программу своей работы [19]. Источником предоставления статистических сведений для Госплана было не только ЦСУ. Сведения плановая комиссия получала также и от ВСНХ, отделов статистики Наркоматов и крупных предприятий.

Если учесть, что Госплан подчинялся напрямую запросам политической конъюнктуры советского руководства, то вполне обоснованно считать, что создание органа планирования требовало полной верификации учетно-статистических сведений в стране в рамках разрабатываемых планов развития народного хозяйства. А если учесть, что центральным органом государственной статистики БССР было ЦСБ (ЦСУ), то очевидно, что Госплан, стремившийся подчинить статистический учет народно-хозяйственному плану, не мог в будущем допустить самостоятельности государственной статистики. Если обратиться к работе И.А. Тропова "«Национализация информации»: политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России", то можно на примере раскрытых Троповым архивных документов убедиться, что интересы ЦСУ и Госплана в вопросах государственной статистики были противоположны. Если ЦСУ

выступало за аполитичность работы статистики в стране, то в Госплане наоборот считали, что статистика является орудием политической борьбы.

В 1929 г. при ЦСУ СССР создается экспертный совет, в состав которого входит руководитель Госплана СССР. Совет на тот момент был обязан проводить работу по согласованию работы ЦСУ и Госплана. В конце года на общей коллегии двух ведомств был разработан проект, объединяющий эти ведомства в одно [20] – предполагалось, что ЦСУ и его союзные подразделения, ранее самостоятельные Наркоматы, должны были войти в подчинение Госплана, что и произошло в начале 1930 г.

После реорганизации ЦСУ в состав Госплана произошли соответственно изменения в межведомственном сотрудничестве центрального органа статистики БССР с государственными учреждениями. Так, 09.05.1931 г. СНК СССР принял постановление «Об организации учетно-статистических работ». В этом постановлении дается обоснование вхождения ЦСУ в состав Госплана. В постановлении указывалось, что в связи с усилением планирования в период социального строительства приобретает возрастающее значение укрепление системы социалистического учета, что статистика и учет являются важнейшим орудием составления народнохозяйственного плана и проверки его выполнения, была представлена система организационных взаимоотношений в области планирования, учета, статистики и отражена организующая роль социалистического плана развития народного хозяйства.

Отметим так же то, что накануне реорганизации ЦСУ в нем была создана специальная комиссия. В целях организации более тесного взаимодействия ЦСУ БССР с ВСНХ Госпланом, РКИ и др. организациями, в соответствии с постановлением СНК БССР от 05.11.1928 г., при Управлении была создана Статистическая плановая Комиссия (Статплан) [21].

На Статплан было возложено проводить всю работу по регулированию и планированию статистических работ только в сотрудничестве с ведомствами, учреждениями и организациями, где вводится статистическая работа. В соответствии с утвержденным СНК на момент создания Статплана положением об ЦСУ ни одна статистическая операция в стране с конца 1928 г. не могла быть выполнена без рассмотрения и утверждения ее комиссией.

Для успешного выполнения задач в Статплане были сформированы несколько комиссий, в состав которых вошли ответственные за статистическую работу во вневедомственных для ЦСУ организациях [22]: комиссия по синтетическим работам (ЦСУ); комиссия по вопросам издательства и статистического образования (ЦСУ); комиссия по промышленной статистике (ЦСУ, ВСНХ, Госплан), в ней же подкомиссия по статистике коммунального хозяйства и строительства (главный инженер города, управление Комхоза, Госплан, Госстрах); комиссия по статистике с/х (ЦСУ, Исследовательский институт, Госплан, Наркомзем); комиссия по статистике обмена (ЦСУ, НКФ, Наркомторг, Белкоопсоюз); комиссия по статистике труда (ЦСУ, Наркомтруд, Соцстрах, НК РКИ), а также комиссия по социальной статистике (ЦСУ, НКЮ, НКВД, Наркомздрав, Госплан, Наркомпресс) [23].

Помимо сотрудничества с ВСНХ и Госпланом, центральные органы статистики согласовали свою работу с НК РКИ [24]. РКИ регулярно проводила анализ деятельности аппарата государственной статистики БССР и разрабатывала рекомендации по его усовершенствованию, а также осуществляла контроль исполнения центральными органами статистики декретов и постановлений органов власти.

Уже в конце 1920 г. ЦСБ было вынуждено регулярно отчитываться перед РКИ о штате своих сотрудников, затратах на выполнение статистических работ, в том числе и о зарплатах служащих и рабочих государственной статистической службы. С 1921 г. ЦСБ ежегодно предоставляло инспекции свой план статистических работ, а также планы своих территориальных подразделений, которые на общем совещании бюро и инспекции проходили стадию согласования.

С этого же года РКИ проводила постоянные проверки в ЦСБ и его подразделениях с целью выявления возможных нарушений по выполнению плана статистических работ [25]. При этом НК РКИ обладал правом непосредственного вмешательства в работу ЦСБ (ЦСУ), особенно того, что касалось разработки и утверждения форм централизованного [26] и ведомственного статистического наблюдения [27].

Вмешательство РКИ в дела центральных органов статистики касалось не только их внутриорганизационной деятельности, но и также их межведомственного сотрудничества с другими организациями. В соответствии с предложениями, принятыми Коллегией НК РКИ в 1929 г., после проведенного обследования работы в ЦСУ было разработано общее положение об организации и порядке работы.

Согласно четвертому пункту положения «ЦСУ и ведомств, статистика которых объединена с управлением, необходимо было составить соответствующее договорное соглашение об обязанности каждой стороны, объемах и сроках разработок и формы обслуживания статистических материалов, а также о необходимости ими согласовывать и увязывать статистические формы с тем, чтобы формы ЦСУ или ведомств не повторяли одних и тех же сведений, и чтобы эти формы заполнялись в строго отведенное время» [28].

В конце 1929 г. НК РКИ провел масштабную проверку работы ЦСУ, в том числе и Статплана. Не смотря на проделанную работу по согласованию статистических работ в стране управлением и его ко-

миссией, РКИ выявила множество проблем в налаживании межведомственного сотрудничества ЦСУ с государственными организациями. В связи с чем РКИ предложила ряд необходимых мероприятий по улучшению работы ЦСУ и Статплана [29]:

1. План статистических работ ведомств и учреждений БССР требовалось включать в сводный план статистических работ не механически, а только после тщательного анализа характера и содержания этих работ с тем, чтобы сводный план предусматривал действительное разграничение работ между ЦСУ и ведомствами.

2. Органам госстатистики при разработке форм бланков и составлении программ обследований учесть нужды и реальные требования учреждения по учету.

3. ЦСУ и соответствующим ведомствам строго разграничить между собой работу с тем, чтобы не повторять тех же статистических разработок, в частности по линии потребительской кооперации с Белкопсоюзом; Наркомфину, Наркомторгу и ЦСУ изжить параллелизм в работе по учету торговых заведений; Наркомфину и ЦСУ согласовать разработку материалов учета подоходного налога в направлении изжития параллелизма в отдельных стадиях этой работы; разграничить работу по сбору сведений промышленной статистики ЦСУ и ВСНХ.

4. Обязать все ведомства, учреждения и предприятия строго соблюдать все требования ЦСУ в отношении форм, сроков и методологии работы, не допуская без согласования с ЦСУ никаких отступлений.

5. Категорически запрещалось требовать отчетные сведения сверх установленных и утвержденных РКИ. Указать ведомствам и ЦСУ об обязанности предоставления в РКИ на утверждение новых или изменённых статистических форм.

6. Органам госстатистики или другим ведомствам, имеющим право на получение неведомственной отчетности, строго согласовывать свои требования с состоянием первичного учета на предприятиях, торговых заведениях и др. низовых учреждениях, которые являются источником собирания сведений.

Отметим, что из-за реорганизации ЦСУ в 1930 г. выполнить требования НК РКИ управлению должным образом не удалось.

Кроме органов ведомственного контроля, а также тех, чья работа была связана с управлением отдельных отраслей народного хозяйства, центральные органы статистики БССР постоянно сотрудничали с органами власти. В данном случае имеется ввиду ЦИК, СНК и в том числе ЦК КП(б)Б. Итак, СНК и ЦИК БССР являются основными органами государственной власти в БССР, от которых на прямую зависела работа центральных органов статистики. Большинство нормативно-правовых актов, относящихся к созданию или преобразованию центральных статистических органов, исходят от совместных решений этих политических институтов. Например, назначение руководителя центрального органа статистики и его заместителей происходило не через ЦУНХУ (по СССР), а непосредственно путем постановления СНК БССР [30].

В архивных фондах центральных и территориальных органах статистики БССР сохранились межведомственные материалы, которые непосредственно касаются вопросов введения в стране государственного статистического наблюдения. Данные материалы являются трудом совместной работы ЦИК и СНК с ЦСБ, ЦСУ, УНХУ: переписка со статистическим бюро БССР об утверждении бюджета; протоколы заседания экспертной комиссии при Статбюро БССР по рассмотрению и оценке состояния посевов, трав и пр.; постановления и выписки из протоколов заседаний президиума ЦИК и СНК о проведении Всесоюзной школьной переписи 1927 г.; постановления ЦИК, СНК БССР об оказании помощи ЦСУ БССР в работе по наблюдению за состоянием трав и посевов за 1926 г. и др.

Значительное влияние на работу центральных органов статистики БССР оказывал ЦК КП(б)Б. Несмотря на то, что партийный орган страны должен был быть больше наблюдательным органом, а не контрольным, органы статистики БССР в 20-е и в 30-е гг. XX в. испытывали значительное влияние от решений партийно-политической конъюнктуры.

ЦК КП(б)Б не разрабатывал и не утверждал, в отличие от СНК, ЦИК, Госплана, каких-либо нормативно-правовых актов в области государственной статистики. Однако ЦК регулярно получал на рассмотрение и одобрение отчеты и программы проведения различных статистических работ по стране, в том числе и о ходе работы самого органа статистики: доклады о государственной статистике БССР; докладные записки в ЦК КП(б)Б о состоянии и мерах по улучшению работы ЦСУ БССР; планы подготовки кадров по УНХУ БССР; докладные записки УНХУ БССР об итогах учета скота по БССР и др.

Особый интерес для историков представляют сохранившиеся материалы взаимодействия ЦК КП(б)Б с центральными органами статистики по вопросу проведения Всесоюзных переписей населения: документы о фактах нарушения правил проведения переписи населения 1926 г. в отдельных сельсоветах [31]; документы о ходе подготовительной работы к Всесоюзной переписи населения БССР в 1937 г. [32]; сводки и специальные сообщения НКВД БССР в ЦК КП(б)Б о фактах антисоветской агитации и саботажа в период подготовки и проведения переписи 1937 г. [33]; информационные записки о ходе переписи населения БССР в 1939 г. [34] и др.

10 марта 1932 г. СНК СССР утвердил положение о ЦУНХУ при Госплане СССР и о республиканских, областных и районных органах. Основные задачи ЦУНХУ в положении имели следующий вид: учет всех областей народного хозяйства СССР; централизованное руководство в области методологии учетно-статистических работ в СССР; систематический учет выполнения народнохозяйственного плана; обработка и систематизация материалов по динамике народного хозяйства и др. [35].

В положении также возложена особая роль местных органов статистики. Так, на районные и городские инспектуры народнохозяйственного учета возлагались следующие задачи: непосредственное выполнение учетно-статистических работ, предусмотренных планом, и изданий, исходящих от вышестоящих органов народнохозяйственного учета; содействие работе районных (городских) плановых комиссий и исполнительных комитетов путем экономического-статистического освещения вопросов районного хозяйства и общественной жизни и представления названным органам учетно-статистических сведений и материалов в объеме своего плана учетно-статистических работ и др. [36].

Согласно постановлению СНК БССР № 249 за 1932 г. на УНХУ БССР была возложена обязанность полного контроля работы секторов учета и отчетности Народного Комиссариата Снабжения, Народного Комиссариата Земледелия. Кроме этого, положение обязало УНХУ обеспечить упорядочивание учетно-статистических работ в строительных организациях Белжилсоюза, Белкоопсоюза, Народного Комиссариата Финансов и др. [37]. Отметим, что возобновление работы центрального органа статистики потребовало возвращения прежнего штата, квалифицированных специалистов. 21.02.1932 г. СНК СССР подготовил специальное постановление «О регистрации и возврате в органы ЦУНХУ СССР работников статистики». Согласно данному постановлению УНХУ БССР стало возвращать специалистов, которые ранее работали в органах ЦСУ, что в свою очередь позволило в короткий срок наладить межведомственное сотрудничество Управления с подразделениями учреждений и предприятий, осуществляющие учетно-статистическую работу [38].

Значительную роль в координации работы органов статистики, в том числе и учета, в БССР сыграло Всесоюзное общество содействия социалистического учета (ВОСУ), имевшее в БССР с 1929 г. свое отдельное подразделение – Белорусское объединение работников учета (ОРУ). О масштабах данного профессионального объединения говорит тот факт, что к середине 1929 г. число действующих членов по одному лишь г. Минску было 468 лиц, из них 56 сотрудники ЦСУ БССР [39].

Основной задачей ОРУ было участие в работе РКИ по изучению процедуры проведения учета, отчетности и статистических работ в государственных учреждениях БССР. В том числе данная работа проводилась с целью чистки соваппарата, т.е. приведение к ответственности работников, не сумевших выполнить план по народнохозяйственному учету. К 1930 г. ОРУ было реорганизовано во Вселоборусское товарищество содействия рационализации учета и отчетности, которое продолжало работать и после 1939 г.

Отметим, что реорганизация в начале 30-х гг. XX в. БелОРУ и ЦСУ БССР является ярким примером подчинения органов статистики и учета задачам плановой экономики БССР [40]. Вместо отдельных учреждений по статистике и учету были созданы объединенные ведомства, которые практически полностью были подчинены общему курсу директив партии. Вместо действительно рационального развития учета и статистики, учитывающей реальные проблемы развития советского общества, а не уже заранее выдвинутые результаты, государственная статистика БССР была подвергнута гонениям и репрессиям по отношению к сотрудникам УНХУ (ЦСУ). Особенно эти гонения были усилены после отмены итогов Всесоюзной переписи населения 1937 г. Тогда большая часть руководства УНХУ БССР и ее подразделений была отстранена от работы, что в свою очередь сильно ослабило профессиональную составляющую работ государственной статистики страны [41].

Заключение. Материалы межведомственного сотрудничества органов центральной статистики БССР с государственными учреждениями, объединениями и предприятиями являются ценным дополнением к большому корпусу источников по социально-экономической истории БССР за 1919–1939 гг.

Отметим, что практически во всех отраслях народного хозяйства БССР велся ведомственный статистический учет, который в 20-е гг. XX в. пересекался с централизованным статистическим наблюдением ЦСУ (ЦСБ), а уже в 30-е гг. УНХУ практически полностью стало контролировать все виды учета и статистического анализа, проводимого в государственных организациях страны. Исключением стали лишь силовые органы БССР, такие как НКВД и Народный комиссариат обороны.

Работа государственной статистики БССР с 1919 г. по 1939 г. была связана с организацией централизованного статистического наблюдения за экономикой и населением страны, т.е. регулярным сбором количественных сведений и их обработкой в зависимости от обхвата территории. Осуществление этой работы было возложено на центральные органы статистики и их территориальные подразделения. Нехватка квалифицированных сотрудников органов статистики потребовало задействовать специалистов тех учреждений (предприятий и др.), в которых уже был организован ведомственный учет и статистический анализ.

С развитием БССР формировалась нормативно-правовая база по налаживанию сотрудничества центральных органов статистики с организациями, которые занимались сбором и обработкой статистических сведений по своей деятельности. Так, в начале 20-х гг. XX в. ЦСБ (ЦСУ) проводило работу по согласованию требований проведения учетно-статистических работ в учреждениях и предприятиях страны. На том момент ЦСБ (ЦСУ) рассматривалось в качестве совещательно-наблюдательного органа, который обеспечивал методологическое сопровождение работы статистических подразделений государственных организаций.

К концу 20-х гг. на ЦСУ было возложено право полного контроля всей статистической работы в стране, что в свою очередь привело к созданию дополнительного координационного органа – Статплана, который по своим функциям дублировал работу Совета по статистике БССР. Отметим, что учрежденный по налаживанию статистической работы в БССР к концу 20-х гг. было несколько: Статплан, Совет по статистике, БелВОСу. Кроме них, работа государственных органов статистики зависела от НК РКИ, ЦК КП(б)Б, СНК и ЦИК. Наличие большого числа учреждений, контролирующих работу органов статистики, привело к возникновению нестыковок в проведении статистических работ. Например, вплоть до 1939 г. происходила частая параллельность статистических работ разными учреждениями в БССР, при этом двойной учет порой проводился отличающимися статистическими формами.

Реорганизация ЦСУ в состав Госплана и дальнейшее создание УНХУ не решили проблемы согласования совместных статистических работ в БССР. В 30-е гг. XX в. вместо организации рационального учета и статистики в БССР политическими органами был начат процесс по искоренению лиц, чья работа, по мнению репрессивных органов, не соответствовала требованиям строительства социалистического общества. В те же 20-е гг. методологические противоречия в сборе и обработке количественных сведений, полученных центральными органами статистики и статистическими отделами государственных учреждений, решались ими совместно (коллегиально).

Анализ архивных материалов центральных органов статистики БССР показал, что не малая часть материалов первичного учета социально-экономического положения Беларуси является совместным результатом деятельности органов статистики с Народными Комиссариатами, предприятиями и др. учреждениями. Изучение документов межведомственного сотрудничества ЦСУ, ЦСБ, УНХУ с государственными организациями позволяет понять обстоятельства статистических мероприятий, проводимых в БССР, в том числе определить факторы, влияющие на составление итоговых статистических сведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тропов, И.А. Национализация информации: политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России / И.А. Тропов. – СПб. : ГУАП, 2007. – 171 с.
2. Блюм, А. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле ; пер. с фр. В.М. Володина. – М. : РОССПЭН, 2006. – 327 с.
3. О государственной статистике (положение), 25 июл. 1918 г., № 611 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1918. – № 55.
4. О государственной текущей промышленной статистике (положение), 04 янв. 1919 г., № 8 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1919. – № 1. – С. 8 – 10.
5. О предоставлении фабрично-заводскими предприятиями сведений по вопросам промышленной статистики, 16 мая 1919 г., № 240 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1919. – № 20.
6. О сообщении предприятиями учетно-статистических сведений, 16 сен. 1921 г., № 494 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1921. – № 65.
7. Об организации текущего статистического наблюдения за деятельностью Народных Комиссариатов, 2 нояб. 1920 г., № 447 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1920. – № 88.
8. Постановление Совета труда и обороны об отчетности государственных, кооперативных и частных предприятий как собственных, так и арендованных государственными учреждениями, 26 март. 1922 г. // Известия ВЦИК. – 1922. – № 69.
9. Тропов, И.А. «Национализация информации»: политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России / И.А. Тропов. – СПб. : ГУАП, 2007. – С. 83–105.
10. Положение о согласовании статистических работ ВСНХ и ЦСУ // НАРБ. – Ф. 6. Оп.1. Д. 127. Л. 26–27.
11. Приказы, циркуляры, инструкции ВСНХ БССР и протоколы совещаний работников ВСНХ БССР о своевременном представлении статистической отчетности и изменении её форм (14.01. – 08.02.1925 г.) // НАРБ. – Ф. 63. Оп. 1. Д. 507.
12. План работы ЦСУ БССР на 1925 – 1926 гг. и сравнительные таблицы ВСНХ БССР о производстве продукции в БССР за ноябрь 1925 г. – апрель 1926 г. // НАРБ. – Ф. 63. Оп. 1. Д. 1049.
13. Белявский, Н.И. Советский период деятельности органов государственной статистики (1918–1991 гг.) / Н.И. Белявский // Российская государственная статистика (1802 г. – 1996 г.) / под. общ. ред. И.И. Елисеева. – М. : ИЗДАТЦЕНР, 1996. – 86 с.
14. О порядке предоставления отчетности государственными органами, кооперативными организациями и акционерными обществами с участием государственного и кооперативного капитала, 30 апр. 1927 г., № 278 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1927. – № 26.

15. О рационализации учёта и отчётности государственных учреждений и предприятий, кооперативных организаций и акционерных товариществ с участием государственного и кооперативного капитала, 05 янв. 1929 г., № 5 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства БССР. – 1929. – № 2.
16. Писарев, И.Ю. Развитие советской статистики / И.Ю. Писарев // Очерки по истории статистики СССР : сб. статей. – М., 1957. – С. 301.
17. Приказы, циркуляры, инструкции ВСНХ БССР и протоколы совещаний работников ВСНХ БССР о своевременном представлении статистической отчётности и изменении её форм (14.01. – 08.02.1925 г.) // НАРБ. – Ф. 63. Оп. 1. Д. 507.
18. Рябушкин, Т.В. Развитие статистической науки в СССР / Т.В. Рябушкин, В.М. Симчера, Е.А. Машихин. – М. : Наука, 1985. – С. 192.
19. Выписка с протокола № 327 заседания Президиума Госплана БССР 12.01.1929 г. о плане ЦСУ БССР на 1928 – 1929 гг. // НАРБ. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 777. Л. 19.
20. Протоколы Политбюро, 05 окт. 1929 г., № 101. П.22 // РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 3. Д. 761.
21. Протоколы заседания Статплана при ЦСУ БССР за 1928 – 1929 гг. // ГАМн. – Ф. 718. Оп. 1. Д. 13. Л. 16–14.
22. Состав комиссий Статплана при ЦСУ БССР // ГАМн. – Ф. 718. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2.
23. Перечень главнейших вопросов, предлагаемых ЦСУ к рассмотрению и проработке в Статплане при ЦСУ БССР // ГАМн. – Ф. 718. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
24. Протоколы совещания работников РКИ СССР, БССР и ЦСУ БССР по вопросам рационализации ЦСУ БССР и планы рационализаторских работ по государственной статистике на 1928 – 1929 гг. // НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 3670.
25. Акты и доклады инспекторов РКИ БССР об обследовании ЦСУ (06.12.1924 г. – 19.08.1925 г.) // НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 2143. Л. 32–35.
26. Выписка из протокола заседания коллегии НК РКИ БССР об усовершенствовании карточек ЦСУ по учёту участников съездов и конференций, приложения к выписке из протокола за 1928 г. // НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 3624.
27. Инструкции НК РКИ БССР о введении новых форм учёта, отчётности и делопроизводства в органах ЗАГС и формы бланков // НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 2872.
28. Общее положение об организации и порядке работы в ЦСУ // ГАМн. – Ф. 718. Оп. 1. Д. 20. Л. 62–66.
29. Постановление по обследованию работы статистического аппарата БССР в 1929 г. НК РКИ БССР // ГАМн. – Ф. 718. Оп. 1. Д. 20. Л. 56–61.
30. О назначении т. Филипова Н.П. первым Заместителем УНХУ БССР, 18 окт. 1926 г., № 196 // Собрание законов и распоряжений РКП БССР. – 1926. – № 51.
31. Документы о фактах нарушения правил проведения переписи населения в отдельных сельсоветах за 17.12.1926 г. – 29.02.1927 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3003. Л. 6–7.
32. О ходе подготовительной работы к Всесоюзной переписи населения БССР в 1937 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп.1. Д. 8468.
33. Сводки и специальные сообщения НКВД БССР в ЦК КП(б)Б о фактах антисоветской агитации и саботажа в период подготовки и проведения переписи, при сборе подписей за закрытие Любоничской церкви в Кировском районе 3.01 – 26.04.1937 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп.1. Д. 12035. Л. 1–15.
34. Информационные записки о ходе переписи населения БССР в 1939 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп.1. Д. 13247. Л. 127–140, 160–161.
35. Постановление СНК СССР об утверждении положения о ЦУНХУ Госплана СССР / Законодательство об учёте и статистике // сост.: М.В. Николаев. – М. : Союзоргучёт, 1934. – С. 22–26.
36. Выписка из положения о ЦУНХУ Госплана СССР // Информационный бюллетень. – № 1–2. – С. 4–5.
37. О рационализации учёта и отчётности государственных учреждений и предприятий, кооперативных организаций и акционерных товариществ с участием государственного и кооперативного капитала, 13 авг. 1932 г., № 249 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства БССР. – 1932. – № 54.
38. О регистрации и возврате в органы ЦУНХУ СССР работников статистики, 21 фев. 1932 г., № 84 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1932. – № 15.
39. Отчёт о деятельности Белорусского объединения работников учёта за январь 1929 г. – июль 1929 г. // НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 2664. Л. 37–52.
40. Резолюция о реорганизации БелОРУ в Белорусское товарищество содействия рационализации учёта и отчётности // НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 2980. Л. 15–16.
41. Закрытое письмо ЦУНХ Госплана СССР от 1938 г. «О вредительских извращениях и организационной недостаточности в проведении переписи населения 1937 г.» // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13334.

Поступила 11.05.2017

INTERSTATE COOPERATION OF THE CENTRAL STATISTICS BODIES OF THE BSSR WITH STATE ORGANIZATIONS (1919-1939)

A. PRIBOROVICH

The article deals with the organization of cooperation of the central statistical bodies of the BSSR with state bodies that conducted centralized or departmental statistical observation of various branches of the national economy, including the population. The author of the article on the basis of the analysis of normative legal and archival documents makes it possible to uncover the problems of the formation of the Belarusian state statistics since 1919. By 1939, the results of the research allowed historians to better understand the source study of the materials of the central statistical bodies as a mass source for studying the socioeconomic history of the BSSR of the pre-war period.

Keywords: BSSR, statistics, cooperation, centralized observation.

UDC (94+316.344.7)(47+57)"91"

**SOCIAL GROUP "FORMER PEOPLE" OF SOVIET SOCIETY IN THE 1920s:
MAIN ESSENCE****A. USTENKO***(Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University)*

The article deals with the social crisis of Ukrainian historical period after 1917. The crisis resulted in the lack of clear understanding of the definition criteria for friends and enemies in Soviet society. On the base of archival sources and literature the article analyses the boundaries of social scope of "former people". The criteria of social differentiation by the Soviet power into friends and enemies in post-revolutionary period are studied.

Keywords: «former people», «the former», «strangers», exploiters, socially dangerous, «bourgeois», non-voters.

The events of the Revolution in 1917, and as a result, the establishment of Soviet power in Ukraine had significant impact on all aspects of Ukrainian society. The elimination of the exploiting classes, the proclamation of the proletariat's dictatorship, the class struggle were the main tasks of the new government and this led to the society division into two parts: insiders and outsiders. The study of various aspects of social change is one of the priorities in our history. That is why it is very actual to use new approaches to the investigation of social transformations in Soviet period.

Representatives of different social groups, who were not able to emigrate abroad in time, had to adapt to completely new life conditions. They were called "remains of the cursed past" and artificially combined in the category under the symbolic name "former people" or "formers". The collapse of the mentioned period was accompanied by social cataclysms. Determining a new scale of social hierarchy as "who was privileged lost everything", the proletariat dictated special tasks: to suppress the resistance of overthrown classes and to rehabilitate them.

The aim of author is to find out the social spectrum of "former people" as post-revolutionary government stated it and as it was presented in everyday communication.

"Former people" is a unique social group, which never existed in the official social structure of the Soviet society, but which always took place in the minds of the Bolshevik government members and in their political activity. To understand the social nature of this phenomenon is possible only when studying general historical context of the post-revolutionary period.

The experts investigating Soviet history avoided such topics in their studies and publications describing such phenomenon were prohibited. However, some issues of socialization of "outsiders" were mentioned in the researches concerning the elimination of "exploiting classes" in the USSR, changes in social structure and the formation of "classless" society [1–3]. Some aspects were studied in the works devoted to the formation of the Soviet intelligentsia, history of national culture, cultural revolution and the preservation of cultural heritage [4–5]. The adaptation of former officials, employees from a number of departments to the new conditions was presented in the works devoted to the creation of the state apparatus and its departments [6].

The investigation of different social groups' place and role in the society becomes relevant at the beginning of the 21st century. At this time within social history, history of everyday life and microhistory the attempts were made to reconstruct Soviet post-revolutionary society, to describe various social strata including "former people" [7–8].

However, despite significant progress in the study of post-revolutionary history, the topic is still relevant and one of the most controversial. Everyday activities of different social groups of "former people", criteria for their social identification, the issue of correlation between declared policy and political practice against them were partially explored. But present domestic and foreign history has no common interpretation of the concept "former people".

In the official discourse so-called "exploiting classes" of pre-revolutionary society were a part of "former people". According to Marks and Lenin's interpretation, exploiters were "social classes who appropriated someone else's work having private property" [9, P. 414]. But in practice, the category of "exploiters" included various social strata of Ukrainian population, significantly different in origin, attitude to power, level of income, political beliefs and cultural traditions. Soon the term "exploiter" was not used but replaced by such as "hostile classes", "remains of cursed past", "socially dangerous", "socially alien elements", "outsiders", "former people" or "formers".

The first step towards social discrimination of privileged strata was Article 65 in Constitution of the Russian Soviet Federal Socialist Republic adopted by the 5th Congress of Soviets in July 1918. The right for election was not a human right any more but became "social function of voters". Some people were deprived of voting rights. They were those who used hired labour for profit (exploiters); persons who lived using unearned income (moneylenders and rentiers); private traders; religious officials; criminals and madmen. Such discriminatory voting rights were preserved till the Constitution of the Union of the Soviet Socialist Republics was adopted in 1936. At the same time, a new social category of Soviet society "poznavlentsi" (nonvoters) [10, P. 22–24].

The term "nonvoter" had widely been known since the middle of 1920s. Nonvoters were people who were deprived of voting and other rights. According to the Criminal Code (versions of 1922 and 1927) deprivation of voting and other rights was a form of additional punishment that could be resulted in dismissal, expulsion from trade unions, evictions from apartments, etc. [11, P. 63]. Among the nonvoters there were many members of the former privileged classes. Such two terms as "nonvoters" and "formers" are often identified in scientific literature. For example, the researcher Vasyl Ivanov stated that "formers" and "nonvoters" were connected in the realities of Soviet life [12, P.71]. We can agree with the statement to some extent as for ordinary citizens these two terms were synonymous. However, in legal and political practice they did not coincide but were partly connected.

The Constitution adopted in 1918 proclaimed new class, proletarian democracy, democracy for workers. It did not recognize the formal equality of rights. In Caesarism period all lieges were divided into five statutory strata which had certain legal status. They were the clergy, the nobles, merchants, tradesmen and farmers.

The Bolsheviks had no clear understanding of "former people". In the 1917–1920 "outsiders" were representatives of oppositional political parties or all strata regardless of their social origin who were dissatisfied with new government. [13, P. 25]. The member of Political Bureau in Central Committee of All-Ukrainian Communist Party (of Bolsheviks) Mykola Bukharin argued that some strata could oppose proletarian government. They were "1) commercial capitalists, speculators, stockbrokers, bankers; 2) unproductive administrative aristocracy; 3) bourgeois entrepreneurs, engineers, inventors who collaborated with the capitalist countries; 4) qualified bureaucracy; 5) technical intelligentsia - engineers, technicians, agronomists, livestock specialists, doctors, professors, lawyers, journalists, teachers and others; 6) officers; 7) rich peasants; 8) the urban petty bourgeoisie, the clergy" [14, P. 163].

Since the first days of the Soviet regime the Bolshevik leaders treated the representatives of former intelligentsia as "socially dangerous elements" as they were said to discredit themselves by participation in the revolution. The professed intellectuals accepted general democratic principles; sought freedom of speech, freely expressed their convictions and thoughts. The vast majority of Communist Party members negatively treated former intelligentsia as it was not associated with high humanistic ideals. It was a part of hostile classes like the bourgeoisie and the nobility that had to be annihilated. Grygoriy Kasyanov remarked that "the stereotypes of mass consciousness which defined former intelligentsia as alien and often hostile force was a kind of virus that every moment could cause epidemics of social bitterness, hatred, lead to searching enemies among former and then among their own people" [15, P. 29].

The division of people into "outsiders" and "insiders" according to their financial status was most acceptable and understandable. However, there were no common criteria for division into "the poor" and "the rich". In particular, the farms in the most fertile regions were considered as those of average income, and in poorer regions similar ones were generally regarded as rich. Such different approaches to determining the social status of citizens allowed to create a wide circle of "bourgeois elements", "exploiters" and "outsiders."

Till the middle of 1920s such terms as "counter-revolutionary", "deserter", "bourgeois", "traitor", "landlord" had practically the same meaning. Everybody who was not satisfied with the new government could be an enemy. The term "outsider" had political meaning for members of the Party and government, but for ordinary citizens it had emotionally negative connotation. A good example is the article in the newspaper "Pravda" dated by 1919 where it was said that the citizen Ivan Uhnin was a bourgeois who had shops and houses and who was "a parasite", "a villain", a member of former people and of those who previously lived well [16, P. 4]. These are key words for understanding the position of representatives from the lower classes of society.

In his work "Intelligentsia and Tips" Yuriy Larin noted that after the events in October, 1917 the workers had negative attitude towards intelligentsia. "Every bourgeois engineer or even a student or an official is treated by workers and peasants as a representative of the rich class. There is a social gap between masters and common people" [17, P. 4]. Therefore, in everyday life for a poor peasant, worker or soldier anyone who lived in better

conditions and spoke other, often incomprehensible language was a bourgeois, landowner, exploiter, or simply “a parasite”.

The term “former” is found in the letter of the public prosecutor, who appeals to the Presidium of All-Ukrainian Central Committee of Bolsheviks Party and reports about the former landlord, who together with his son “unites rich peasants and other former people who are not pleased that their lands were confiscated and who can be dangerous for Soviet power” [18, P. 221]. This letter dated by 1926 shows once again that every stratum of Ukrainian society understood this notion in its own way.

In everyday communication there was a tradition to identify a person’s belonging to a certain class by his/her appearance. The Bolsheviks used it skilfully and generated new conflicts in society between lower social strata and landlords. In his works Volodymyr Lenin said to “... drive landowners out and grab their lands” creating the situation of the entire demolition or removal of “... all local authorities so as to replace them with new, national authorities” [19, P. 300]. Peasants enthusiastically performed the instructions of the government and immediately started controlling landowners' estates and making lists of their property. Destruction actions and violence were used to liquidate landownership. Landowners were forced to leave native villages or migrate abroad. Sometimes peasants punished landlords by themselves. Thus, in a village of Kamyanets region the peasants killed the landlord who did not leave the village in time and did not fulfill all the requirements of the Soviet regime [20, P. 72].

The endless list of delations were sent from the first days of new government functioning and they show negative attitude of population to “formers”. The letters reported about social origin hiding and substantial capital in the banks, advised to conduct the search, presented the addresses of “royal servants”, warned about the falsification of documents.

Thus, social crisis of the post-revolutionary period was combined with a lack of clear understanding the criteria for dividing people into “outsiders” and “insiders”. The criteria for identification of “former people” as a special society were formed spontaneously. They were uncertain and dependent on specific historical situations and the subjective factors. Instability and ambiguity of citizens’ social status in post-revolutionary Soviet Ukraine was worsened by relationships between various social strata and high social mobility of population.

Absence of established definitions of certain terms and concepts in post-revolutionary Ukraine, their multiple meanings often lead to a distortion of historical reality. Soviet society was formed in the process of constant connection between different social strata in all spheres of life. Thus, the prosecutor deputy of the USSR I. Kondorushkyn in 1920s used to emphasize that all groups of population were combined by “invisible thread” and that every time Soviet and the Party workers were related to bourgeois [22, P. 54].

After establishment of Soviet power in Ukraine such social categories as capitalists, landowners, officials lost their position in the society but were treated as outsiders. On the one hand, the Bolsheviks thought that “former” could be anyone who was dissatisfied with the new government, regardless of his/her social background. However, in everyday communication for the ordinary population the main feature of “an outsider” was his/her arrogant attitude to people, “separation from others”. All these factors indicate that it is impossible to define clearly the social boundaries of the group called “former”.

REFERENCES

1. Trifonov, I. Ya. Likvidatsiya ekspluatatorskih klasov v SRSR / I. Trifonov. – M. : Politizdat, 1975. – 406 s.
2. Turchenko, F. G. Velikiy Oktyabr i likvidatsiya ekspluatatorskih klasov na Ukraine / F. G. Turchenko. – K. : Vyscha shkola, 1987. – 199 s.
3. Selunskaya, V. M. Sotsialnaya struktura sovetskogo obshchestva. Istoriya i sovremennost / V. M. Selunskaya. – M. : Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1987. – 326 s.
4. Tkachova, L. I. Inteligentsiya radyanskoyi Ukrayini v period pobudovi osnov sotsializmu / L. I. Tkachova. – K. : Naukova dumka, 1985. – 192 s.
5. Fedyukin, S. A. Partiya i intelligentsiya / S. A. Fedyukin. – M. : Politizdat, 1983. – 240 s.
6. Sofinov, P. Ocherki istorii VChK (1917–1922 gg.) / P. Sofinov. – M. : Politizdat, 1960. – 248 s.
7. Litvin, V. M. Istoriya Ukrayini : u 3 t. / vidp. red. V. A. Smoliiy. – K. : Vidavnychiy dim «Alternativi», 2005. – T. 3. : Novitniy chas (1914–2004). – Kn. 1. – 2005. – 831 s.; Kn. 2. – 2005. – 639 s.
8. Narisi povsyakdenного zhittya radyanskoyi Ukrayini v dobu nepu (1921– 1928 rr.) : kol. monografiya : v 2 ch. / red. kol.: V.M. Litvin (golova). – K. : Naukova dumka, 2006. – Ch. 1. – 652 s.
9. Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya / gl. red. B.A. Vvedenskiy. – M. : 1957. – T. 48. – 672 s.
10. Tihonov, V. I. Lishenie izbiratelnyh prav v Moskve v 1920–1930-e gody / V. I. Tihonov, V. S. Tyazhelnikova, I.F. Yushin. – M., 1998. – 326 s.
11. Vronska, T. Upokorennya strahom: simeyne zaruchnistvo u karalniy praktitsi radyanskoyi vladi (1917 – 1936 rr.) : naukove vidannya. – K. : Tempora, 2013. – 624 s.

12. Ivanov, V. Byvshie lyudi / V. Ivanov // Rodina. – 1999. – № 4. – S. 70–73.
13. Lunacharskiy, A. B. Byvshie lyudi: ocherk istorii partii eserov / A. B. Lunacharskiy. – M. : 1922. – 81 s.
14. Buharin, N. I. Ekonomika perekhodnogo perioda / N. I. Buharin // Problemy teorii i praktiki sotsializma. – 1989. – 387 s.
15. Kasyanov, G. V. Stalinizm i ukraiyinska inteligentsiya (20-30-ti roki) / G. V. Kasyanov, V. M. Danilenko. – K. : Nauk. dumka, 1991. – 96 s.
16. Pravda. – 1919. – 3 avgusta. – S. 4.
17. Larin, Yu. Intelligentsiya i Sovety. Hozyaystvo, burzhuaziya, revolyutsiya, gosapparat / Yu. Larin. – M. : Gos. izd., 1924. – 91 s.
18. Tsentralniy derzhavniy arhiv Vishchih Organiv Vladi Ukrayini. – F. 1. Op. 3. Spr. 68. Ark. 328.
19. Lenin, V. I. Rozpusk Dum i zavdannya proletariatu / V. I. Lenin // Povne zibrannya tvoriv. – K. : Politvidav Ukrayini, 1971. – T. 13. – 548 s.
20. Tsentralniy derzhavniy arhiv Vishchih Organiv Vladi Ukrayini. – F. 1. Op. 3. Spr. 328. Ark. 90.
21. Tsentralniy derzhavniy arhiv gromadskih obednan Ukrayini. – F.1. Op. 20. Spr. 180. Ark. 129.
22. Kondurushkin, I. S. Chastnyy kapital pred sovetskim sudom. Puti i metody nakopleniya po sudebnym i revizionnym delam 1918–1926 gg. / predisl.: D.I. Kurskiy. – M., L. : Gosizdat, 1927. – 254 s.

Поступила 04.05.2017

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА «БЫВШИЕ ЛЮДИ» В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1920-е ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

А.А. УСТЕНКО

Исследуется социальный кризис периода в истории Украины, наступивший после 1917 г. и сочетавшийся с отсутствием четкого понимания критериев разграничения советского общества на «своих» и «чужих». На основе архивных источников и литературы рассматриваются содержательный аспект понятия «бывшие люди», пределы социального пространства «бывших» и критерии разграничения советской властью общества на «своих» и «чужих» в послереволюционный период.

Ключевые слова: «бывшие люди», «бывшие», «чужие», эксплуататоры, общественно опасные, «буржуазные», неизбиратели.

УДК 94(476) (1940)

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ
КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
В ОРГАНАХ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 ГОДУ**

А.Н. ТЮТЮНКОВ*(Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь)*

Рассматриваются вопросы применения дисциплинарных взысканий руководством управления рабоче-крестьянской милиции НКВД Могилевской области в 1940 году в целях укрепления дисциплины и законности, улучшения имиджа правоохранительных органов среди населения. Обосновывается тезис о принципиальной позиции руководства органов милиции к нарушителям дисциплины и законности в рядах милиции, стремлении сделать органы милиции образцом исполнения законодательства. В то же время ввиду дефицита образованных специалистов имелись различия в практике наложения дисциплинарных взысканий на различные категории работников милиции.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, дисциплина, законность, дисциплинарное взыскание, практика применения дисциплинарных взысканий, проступок.

Введение. В год празднования 100-летия белорусской милиции естественным образом усиливается интерес к её истории. В ходе изучения истории белорусской милиции исследователи традиционно отражают роль и значение органов правопорядка на начальном этапе Великой Отечественной войны, когда рабоче-крестьянская милиция обеспечивала общественный порядок в сложнейших условиях, вела борьбу с диверсантами, оказывала помощь в эвакуации людей и материальных ценностей. В целом все исследователи отмечают, что милиция успешно справилась с вышеперечисленными задачами [8, с. 4]. Однако это было бы невозможно, если бы 22 июня 1941 г. милиция не встретила бы в качестве спянного железной дисциплиной органа государственного управления.

Основная часть. Основными источниками стали приказы по управлению рабоче-крестьянской милиции Могилевской области за 1940 год, приказы управления РКМ НКВД БССР по Могилевской области.

1941 год не затрагивался, так как начало 1941 года в деятельности милиции ознаменовалось реорганизацией системы органов правопорядка [8, с. 1], что, безусловно, изменило сложившуюся систему применения дисциплинарных взысканий, а также отсутствием возможности проанализировать её за целый отчетный период.

В ходе исследования были изучены виды взысканий, частота их применения, классифицированы виды проступков, проведен анализ их применения в зависимости от служебного положения привлекаемых к ответственности работников. Для большей наглядности были использованы наиболее показательные примеры. В ходе исследования мы сознательно не анализировали такие цифры, как соотношение количества наказанных работников РКМ к их общему количеству и т.д. На наш взгляд, гораздо интереснее изучить официальную позицию руководства управления РКМ Могилевской области в деле укрепления законности и дисциплины, реальную практику применения дисциплинарных взысканий.

Всего в 1940 году сотрудники РКМ Могилевской области 250 раз привлекались к дисциплинарной ответственности приказами по УРКМ НКВД БССР и УРКМ НКВД Могилевской области. В нашем исследовании обобщена информация о привлечении к дисциплинарной ответственности не только лиц начальствующего, младшего начальствующего и рядового состава милиции, но и служащих, и рабочих. Это обусловлено тем, что их труд также оказывал существенное влияние на повседневную деятельность органов правопорядка, имидж РКМ в глазах населения. Данный подход и сейчас применяется Министерством внутренних дел Республики Беларусь, что отражено в приказе МВД Республики Беларусь от 29.10.2014 №370 «Об утверждении Инструкции о порядке организации идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь», который не делает различий в части проведения идеологической работы с аттестованными и неаттестованными сотрудниками [3].

На протяжении 1940 года лица начальствующего состава (имеющие специальные звания, а, следовательно, окончившие двухгодичные школы милиции или успешно прошедшие соответствующий стаж милицейской работы и выдержавшие установленные испытания по программе указанных школ [4]) привлекались к ответственности 65 раз, лица младшего начальствующего и рядового состава, служащие и рабочие – 185.

Исходя из практики применения мер дисциплинарного воздействия нами выделены следующие их виды: передача суду военного трибунала, арест без исполнения служебных обязанностей на срок от 3 до

15 суток с возможным последующим увольнением либо понижением в должности, увольнение из органов РКМ, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением о привлечении к более строгой ответственности в случае повторения проступка либо с понижением в должности, выговор, выговор с последующим понижением в должности, выговор с предупреждением о привлечении к более строгой ответственности в случае повторения проступка, понижение в должности и перевод на иное место службы, понижение в должности, постановка на вид, указание на недостатки, предупреждение.

Для понимания дисциплинарной практики необходимо проанализировать виды нарушений применительно к категориям работников милиции.

Исходя из содержания приказов для удобства обработки нами выделены следующие виды проступков (табл. 1):

- недобросовестное исполнение служебных обязанностей – проступки, связанные с упушениями в исполнении должностных обязанностей;
- нарушение законности – прямое нарушение законов и иных нормативных документов;
- употребление спиртных напитков на службе;
- злоупотребление спиртными напитками в быту, что дискредитировало органы милиции в глазах населения;
- заведение следственного дела, осуждение;
- нарушение правил ношения форменной одежды;
- неосторожное обращение с табельным оружием;
- сон на службе;
- упушения в работе с подчиненными;
- опоздание на службу, отсутствие на службе, невыход на службу;
- другое.

Таблица 1. – Виды проступков

Виды проступков	Количество	% от общего количества
Недобросовестное исполнение служебных обязанностей	121	48,4
Нарушение законности	22	8,80
Употребление спиртных напитков на службе	7	2,80
Злоупотребление спиртными напитками в быту	24	9,60
Заведение следственного дела, осуждение	16	6,40
Нарушение правил ношения форменной одежды	9	3,60
Неосторожное обращение с табельным оружием, его утрата	4	1,60
Сон на службе	6	2,40
Упушения в работе с подчиненными	8	3,20
Опоздание на службу, отсутствие на службе, невыход на службу	25	10,00
По служебному несоответствию	5	2,00
Другое	3	1,20

Источник: [6, 7].

Из приведенной статистики следует, что основная масса проступков связана с исполнением своих должностных обязанностей, что говорит о достаточном контроле руководства за качеством их исполнения.

Примером служит приказ от 12.08.1940 г. № 119, согласно которому за ненадлежащее оформление сопроводительных документов на заключенных к дисциплинарной ответственности привлечены начальники конвойного отделения и отдела уголовного розыска [7, с. 138].

Так же примером может служить пункт 5 из приказа от 24.09.1940 г. № 149 об аресте милиционера на 5 суток за допущение побега арестованного [7, с. 181].

Второе место по количеству занимают проступки, связанные с нарушением трудового распорядка. Необходимо отметить, что всплеск фиксации таких нарушений приходится на период с июня по декабрь 1940 года (24 из 25), что связано со вступлением в силу Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [5] и 06.07.1940 г. «Об изменении пунктов «а» – «г» ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР» [2], которые значительно усилили ответственность за нарушение трудовой дисциплины, вплоть до уголовной.

Например, приказ от 30.09.1940 г. № 163 гласит, что за двукратное опоздание на службу милиционер Краснопольского райотдела милиции (далее – РОМ) был предан суду военного трибунала [7, с. 187].

Проступки, которые традиционно вызывают резонанс в обществе – нарушение законности, злоупотребление спиртными напитками в быту – составляют соответственно 8,8% и 9,6%. Всего 18,4 – это немалое количество, что, однако, свидетельствует о принципиальной позиции руководства по искоренению таких негативных явлений (табл. 2, 3).

Таблица 2. – Виды проступков в разрезе категорий сотрудников РКМ

Виды проступков	Проступки лиц, из числа начальствующего состава РКМ/количество	Проступки лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ/количество
Недобросовестное исполнение служебных обязанностей	46	75
Нарушение законности	2	20
Употребление спиртных напитков на службе	1	6
Злоупотребление спиртными напитками в быту	0	24
Заведение следственного дела, осуждение	2	14
Нарушение правил ношения форменной одежды	1	8
Неосторожное обращение с табельным оружием, его утрата	0	4
Сон на службе	0	6
Упущения в работе с подчиненными	5	3
Опоздание на службу, отсутствие на службе, невыход на службу	8	17
По служебному несоответствию	0	5
Другое	0	3

Источник: [6, 7].

Таблица 3. – Процентное соотношение проступков к их количеству в разрезе категорий сотрудников РКМ

Виды проступков	Проступки лиц, из числа начальствующего состава РКМ, %	Проступки лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ, %
Недобросовестное исполнение служебных обязанностей	71,87	40,32
Нарушение законности	3,12	10,75
Употребление спиртных напитков на службе	1,56	3,22
Злоупотребление спиртными напитками в быту	-	12,90
Заведение следственного дела, осуждение	3,07	7,56
Нарушение правил ношения форменной одежды	1,56	4,30
Неосторожное обращение с табельным оружием, его утрата	-	2,15
Сон на службе	-	3,22
Упущения в работе с подчиненными	7,81	1,61
Опоздание на службу, отсутствие на службе, невыход на службу	12,50	9,13
По служебному несоответствию	-	2,68
Другое	-	1,61

Источник: [6, 7].

Согласно приказу начальника управления УРКМ НКВД БССР Могилевской области старшего лейтенанта милиции Сыромолотова от 03.03.1940 г. № 24 (приложение 4) за распитие спиртных напитков с подозреваемым, хулиганские действия был уволен из органов милиции милиционер Кличевского РОМ [7, с. 27].

По ряду проступков решения о наказании виновных принимались руководством управления УРКМ НКВД БССР, что свидетельствует о том, что руководство областного управления не стремилось скрывать нарушения своих сотрудников.

Примером может служить приказ по УРКМ НКВД БССР от 27.03.1940 г. № 53, согласно которому за присвоение денежных средств граждан сотрудник милиции был арестован на 15 суток и уволен [6, с. 57].

Значительный удельный вес нарушений в части недобросовестного исполнения служебных обязанностей, как уже было отмечено, объясняется достаточно серьезным и системным контролем за деятельностью подразделений РКМ. Большой удельный вес данной категории проступков среди лиц, из числа начальствующего состава РКМ, объясняется скорее всего тем, что именно на них была возложена обязанность принимать управленческие решения, контролировать их исполнение и, соответственно, нести за них ответственность.

Злоупотребление спиртными напитками в быту характерно для лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ, что, на наш взгляд, объясняется низким общекультурным и общеобразовательным уровнем данной категории сотрудников РКМ.

Достаточно большое количество проступков лиц, из числа начальствующего состава РКМ, в части нарушения трудового распорядка дня объясняется достаточно просто: все 8 фактов (12,50% от всех проступков данной категории) отражены в одном приказе № 165 от 21.10.1940 г. Взыскания были наложены за опоздание на оперативное совещание [7, с. 201].

Подводя итог можно сказать, что такие виды проступков, как употребление спиртных напитков на службе, злоупотребление ими в быту, нарушения законности, правил ношения форменной одежды не характерны для начальствующего состава органов милиции. В данном случае, на наш взгляд, сказывалась их подготовка в школах РКМ, более высокий образовательный уровень. В целом, начальствующий состав РКМ мог выступать образцом поведения для сотрудников, не имеющих специальные звания, а также достойно представлять органы милиции в глазах населения.

В разрезе категорий сотрудников РКМ эта информация представлена в таблицах 4 и 5.

Таблица 4. – Виды взысканий, наложенных на лиц из числа начальствующего состава РКМ Могилевской области

Виды взысканий, наложенных на лиц из числа начальствующего состава РКМ Могилевской области	Количество взысканий	%
Направление материалов в народный суд (военный трибунал) для привлечения к ответственности	-	-
Арест без исполнения служебных обязанностей	7	10,76
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим увольнением	-	-
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим понижением в должности либо переводом на другую должность	-	-
Арест с исполнением должностных обязанностей	-	-
Увольнение	2	3,07
Строгий выговор	16	24,61
Строгий выговор с предупреждением	1	1,53
Строгий выговор с понижением в должности	-	-
Выговор	13	20,00
Выговор с понижением в должности	-	-
Выговор с предупреждением	-	-
Понижение в должности и перевод в иное место службы	1	1,53
Понижение в должности	-	-
Постановка на вид	9	13,84
Указание на недостатки	11	16,92
Предупреждение	5	7,69
ВСЕГО	65	

Источник: [6, 7].

Таблица 5. – Виды взысканий, наложенных на лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ Могилевской области

Виды взысканий, наложенных на лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ Могилевской области	Количество взысканий	%
1	2	3
Направление материалов в народный суд (военный трибунал) для привлечения к ответственности	4	2,16

Продолжение таблицы 5

1	2	3
Арест без исполнения служебных обязанностей	54	29,18
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим увольнением	14	7,56
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим понижением в должности либо переводом на другую должность	7	3,78
Арест с исполнением должностных обязанностей	1	0,54
Увольнение	31	16,75
Строгий выговор	18	9,72
Строгий выговор с предупреждением	5	2,70
Строгий выговор с понижением в должности	1	0,54
Выговор	22	11,89
Выговор с понижением в должности	1	0,54
Выговор с предупреждением	3	1,62
Понижение в должности и перевод в иное место службы	-	-
Понижение в должности	10	5,40
Постановка на вид	5	2,70
Указание на недостатки	-	-
Предупреждение	9	4,86
ВСЕГО	185	

Источник: [6, 7].

Процентное соотношение в разрезе категорий сотрудников РКМ относительно всех наложенных взысканий отражено в таблице 6.

Таблица 6. – Процентное соотношение в разрезе категорий сотрудников РКМ относительно всех наложенных взысканий

Виды взысканий	Взыскания, наложенные на лица, из числа начальствующего состава РКМ, %	Взыскания, наложенные на лица из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ, %
Направление материалов в народный суд (военный трибунал) для привлечения к ответственности	-	1,60
Арест без исполнения служебных обязанностей	2,80	21,60
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим увольнением	-	5,60
Арест без исполнения служебных обязанностей с последующим понижением в должности либо переводом на другую должность	-	2,80
Арест с исполнением должностных обязанностей	-	0,40
Увольнение	0,80	12,40
Строгий выговор	6,40	7,20
Строгий выговор с предупреждением	0,40	2,00
Строгий выговор с понижением в должности	-	0,40
Выговор	5,20	8,80
Выговор с понижением в должности	-	0,40
Выговор с предупреждением	-	1,20
Понижение в должности и перевод в иное место службы	0,40	-
Понижение в должности	-	4,00
Постановка на вид	3,60	2,00
Указание на недостатки	4,40	-
Предупреждение	2,00	3,60
ВСЕГО	250	

Источник: [6, 7].

Анализ данных, приведенных в таблицах 4–6, позволяет выявить отличие в подходе к определению меры наказания для лиц начальствующего состава РКМ и остальных работников РКМ.

К ним практически не применялась такая мера, как увольнение (приказами УРКМ НКВД БССР уволено всего 2 сотрудника по приговору суда) [6, с. 138, 142]. Арест применяется почти в 3 раза реже. Основными наказаниями являются строгий выговор, выговор, постановка на вид, указание на недостатки, то есть те виды взысканий, которые обеспечивают выполнение ими своих служебных обязанностей в дальнейшем. По нашему мнению, это связано с дефицитом образованных кадров и отрицательными последствиями ежедневного отсутствия руководителя на рабочем месте.

Примером послужит приказ от 23.11.1940 г. № 197, которым был объявлен строгий выговор сержанту милиции Ж. за несвоевременное реагирование на жалобы трудящихся [7, с. 248].

В тоже время только в аттестационном порядке из органов РКМ в 1940 году было уволено 13 сотрудников, не имеющих специальных званий [6, 7].

Надо отметить, что иногда к дисциплинарному взысканию могли привести и курьезные случаи. Так, приказом от 26.05.1940 г. за фамильярное отношение к гражданам по собственной ошибке был арестован на 5 суток милиционер Бельничского РОМ [7, с. 80].

Значительный процент взысканий, связанных с увольнением лиц из числа младшего начальствующего состава, милиционеров, служащих и рабочих РКМ, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о достаточном количестве желающих служить в органах милиции, что позволяло руководству довольно часто принимать решения об увольнении работников.

Надо отметить, что практически все приказы по УРКМ НКВД Могилевской области о наложении дисциплинарного взыскания имеют пункт, который требует: «настоящий приказ объявить всему личному составу», что носило профилактический характер в деле укрепления дисциплины и обеспечивало доведение его до всех работников РКМ.

Заключение. Исходя из анализа практики применения дисциплинарных взысканий руководством управления РКМ Могилевской области можно заключить, что руководство управления РКМ Могилевской области занимало принципиальную позицию в деле укрепления дисциплины и законности в рядах милиции.

Дифференцированный подход к наложению дисциплинарного взыскания применялся не только исходя из тяжести проступка, но и с учетом ценности работника для системы РКМ в целом. Так, на наш взгляд, кадры, имеющие специальное звание, а соответственно и образование, специальные знания и навыки, в определенной степени оберегались от увольнения ввиду своей незаменимости.

Органы милиции старались быть примером в соблюдении законодательства, строго и неукоснительно выполняя Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и 06.07.1940 г. «Об изменении пунктов «а» – «г» ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: Историко-правовые аспекты / А.Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.
2. Об изменении пунктов «а» – «г» ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. – Дата доступа: 23.01.2017.
3. Об утверждении инструкции о порядке организации идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь : Приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 29 октября 2014 г., № 370. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2014. – 40 с.
4. Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующим составом Рабоче-Крестьянской милиции Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР : Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР № 66 и Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1175 от 03.07.1936 г. – Режим доступа: http://shieldandword.mozohin.ru/documents/statement_militia3736.htm. – Дата доступа: 23.01.2017.
5. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0037_arb&object=translation&st=&l=ru. – Дата доступа: 23.01.2017.
6. Приказы начальника НКВД БССР за 1940 год // Архив УВД Могилевского облисполкома. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 144.

7. Приказы УРКМ НКВД БССР по Могилев. обл. (л.-составу) за 1940 год // Архив УВД Могилевского облисполкома. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 287.

8. Шарков, А.В. НКВД Беларуси на защите отечества в годы суровых испытаний (1941-1945) / А.В. Шарков. – Минск : Тесей, 2012. – 260 с.

Поступила 27.04.2017

DISCIPLINARY SEARCHES AS A MEANS OF STRENGTHENING DISCIPLINE IN THE ORGANS OF THE WORK-PEASANT POLICE MOGILEV REGION IN 1940

A. TIUTIUNKOV

The issues of application of disciplinary sanctions by the management of the work-peasant police of the NKVD of Mogilev region in 1940 are being considered in order to strengthen discipline and legality, and improve the image of law enforcement bodies among the population. The author substantiates the thesis about the principled position of the leadership of the police bodies against violators of discipline and law in the ranks of the police, aspiration to make the police bodies a model for the implementation of legislation. At the same time, due to the shortage of educated specialists, there were differences in the practice of imposing disciplinary sanctions on various categories of police officers.

Keywords: *work-peasant police, discipline, legality, disciplinary punishment, practice of disciplinary punishment, misdemeanor.*

УДК [614.88(091)(476.5)]“1919/1939”

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛУЖБЫ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
НА ВИТЕБЩИНЕ (1919–1939 ГОДЫ)****А. А. КАПЛИЕВ***(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Исследованы основные закономерности и этапы формирования службы скорой медицинской помощи на территории Витебщины. На основе анализа архивных источников выявлены причины и условия зарождения отдельных структур экстренной медицинской помощи в период послевоенных эпидемий и общего кризиса советского здравоохранения начала 1920-х гг. Выделены ключевые факторы трансформации разрозненных структур экстренной медицинской помощи в организованную службу в 1930-е гг., а также её место в системе здравоохранения в рамках общего развития медицины на территории БССР.

Ключевые слова: скорая медицинская помощь, ночные дежурства врачей, медицина, здравоохранение, кризис, эпидемия, станция.

Введение. В профессиональном изучении истории Беларуси особенное место занимает межвоенное двадцатилетие. В данный период на территории Беларуси в условиях её разделения сложились две абсолютно разные системы со своими уникальными общественно-политическими, хозяйственными и культурными отношениями. Белорусские земли стали территорией контакта и своеобразной «холодной войны» двух фактически враждебных миров, но одновременно и очень показательными для историков «витринами», отражающими основные особенности развития общества в рамках социалистического (БССР) и капиталистического («Восточные Кресы») укладов. Важная роль в построении новой государственности в обеих частях разделённой Беларуси отводилась организации социального обеспечения населения, основным элементом которого стала система здравоохранения. Одним из ключевых нововведений в этой области на территории БССР было создание регулярной службы скорой медицинской помощи (СМП), основные причины и этапы формирования которой наиболее чётко прослеживаются на территории Витебщины.

Последовательное изучение развития экстренной медицины Витебщины фактически не проводилось, исключая отдельные краткие упоминания в работах историков медицины, а также энциклопедических и справочных изданиях [1–6]. Упомянутые материалы не позволяют в должной степени восстановить картину формирования службы СМП на Витебщине, что крайне важно при научном изучении развития советского общества в межвоенный период.

Цель данной статьи – изучить предпосылки, причины и исторические условия, которые предопределили характер зарождения и развития СМП на территории Витебщины до конца 1930-х гг. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, временем возникновения основных предпосылок для создания СМП и ограничены периодом воссоединения белорусских земель в 1939 г., когда развитие экстренной медицины вышло на новый организационный уровень, что является темой для отдельного научного изучения. Основой исследования стал анализ оригинальных документов из Государственного архива Витебской области, зональных архивов, Национального архива Республики Беларусь, а также материалов периодической печати изучаемого периода. Следует отметить, что большинство источников, используемых в настоящей статье, вводятся в научный оборот впервые.

Основная часть. Первые сведения об организации экстренной медицинской помощи на территории Витебщины относятся к началу XX столетия. Увеличение числа несчастных случаев, которое являлось естественным следствием урбанизации, роста транспорта и плотности, прежде всего, городского населения Беларуси в конце XIX – начале XX вв., создало предпосылки для проникновения на её территорию передовых европейских идей формирования институтов оказания медицинской помощи в экстренных случаях [7, с. 53]. Одной из наиболее популярных форм организации СМП на территории Российской империи, в состав которой входила и Витебщина, стали ночные дежурства врачей, которые оказывали экстренную помощь пострадавшим в несчастных случаях в ночное время и являлись прообразом СМП в современном понимании этого термина. В 1908 г. такие дежурства при поддержке городской думы организуются в Витебске при аптеке Общества пособия бедным больным евреям, предоставившей для этого подходящее помещение на Суворовской улице [8, с. 20]. Введение ночных дежурств субсидировалось городской думой с целью несколько скомпенсировать

малодоступность стационарной медицинской помощи в больницах города для беднейших слоёв населения [9, с. 49].

Дальнейшее развитие экстренной медицины было прервано началом Первой мировой войны и последовавшими революциями. В условиях постоянных боевых действий и череды оккупаций здравоохранение Витебщины пришло в полный упадок. Характерным примером являлась Витебская губернская больница, которая к ноябрю 1918 г., по выражению её руководства, представляла собой уже не лечебное заведение, а стала «... *институтом, подготавливающим своих призреваемых к неминуемой смерти*» [10, л. 145].

После установления советской власти для восстановления и упорядочивания охраны здоровья населения при Витебском губернском исполнительном комитете был создан губернский отдел здравоохранения (губздрав), которому подчинялись городские и уездные отделы здравоохранения (горздравы и уездздравы). Общее руководство медициной Беларуси осуществлял Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) [1, с. 115, 117]. Основными принципами, на которых основывалось построение советской медицины в данный период, были квалифицированность, общедоступность и бесплатность при полной финансовой поддержке со стороны государства.

В годы революционных потрясений Витебщина, как и большая часть территории Беларуси, столкнулась с одной из крупнейших в своей истории эпидемией инфекционных заболеваний. Вспышка инфекции была обусловлена многими факторами: антисанитарией в условиях многолетних военных действий, разрушением медико-санитарной сети, присутствием в крупных городах различных воинских формирований, военнопленных и беженцев, зачастую проживавших в антисанитарных условиях, где болезни быстро распространялись. Разветвлённая сеть железных дорог, которая функционировала на территории Беларуси, стала идеальной системой переноса инфекции в различные области страны [11, л. 38]. Изобилующая озёрами и заболоченной местностью Витебщина стала особенно благоприятной средой для инфекционных заболеваний [12, л. 225 об.]. Лаколично описывал основные причины эпидемии доклад Сенненского уездздрава: «*Особенно благоприятствующими обстоятельствами эпидемии являются кошмарные жилищные условия населения, страшная сгущенность, грязь...*» [13, л. 12 об.].

В целях борьбы с эпидемией местными органами здравоохранения создавались санитарные и эпидемические отряды. Отряд представлял собой группу медработников (в основном фельдшеров) числом до 12 человек, в обязанности которых входило оказание лечебной помощи и дезинфекция заражённых помещений. Фактически подобные отряды оказывали больным экстренную медицинскую помощь, а также доставляли их в изоляционные бараки для инфицированных, что являлось проявлением черт, характерных для СМП [12, л. 229 об.]. Следует отметить, что работа эпидемического персонала сопровождалась не только профессиональным риском, но и опасностью для самой жизни медработников: ввиду того, что медперсоналу приходилось перевозить медикаменты и денежные средства, сотрудникам эпидемических отрядов для самозащиты выдавались ружья и револьверы в качестве табельного оружия [14, л. 76].

Развитие эпидемии в условиях слабости сети медицинских стационаров во многом способствовало увеличению роли внебольничной помощи в системе охраны здоровья населения. Если в 1918 г. медицинская помощь на дому оказывалась лишь тем пациентам, которые могли предоставить медработникам лошадь для приезда на место вызова, то уже в 1920 г. некоторым городским врачам конный транспорт выделялся директивно местными властями в целях борьбы с эпидемией [11, л. 21; 15, л. 45]. Районные врачи помощи на дому по г. Витебску имели право бесплатного использования мобилизованных по трудовой повинности извозчиков, «... *в целях борьбы с эпидемией и для скорейшей дачи медицинской помощи больным*» [15, л. 72, 73]. К 1920 г. относятся и зачатки формирования собственно СМП: приказом заведующего губздравом от 30 января 1920 г. предписывалось организовать в срочном порядке подачу СМП на местах работы по очистке снега, а в ноябре 1920 г. был реорганизован пункт СМП при комитете по борьбе с безработицей [12, л. 29; 16, л. 7].

Постепенный спад эпидемии в 1921–1922 гг. совпал по времени с завершением Польско-советской войны, что сопровождалось демобилизацией большого количества красноармейцев, которые влились в городское и сельское население. В этих условиях, осложнённых большим потоком беженцев, которые переполняли территорию Беларуси и зачастую нуждались в медицинской помощи, нагрузка на лечебную сеть значительно увеличилась. С другой стороны, с началом новой экономической политики 1 мая 1921 г. здравоохранение было снято с государственного снабжения и переведено на местные средства, которые не могли в должной степени поддерживать медицинскую сеть [17, л. 8 об.]. Данные обстоятельства, осложнённые наступившей коммерциализацией отношений между субъектами хозяйствования, постави-

ли здравоохранение Витебщины на грань выживания: «...с губздрави требуют платы абсолютно за всё – продукты, оборудование, освещение, отопление, водопровод, при этом губздрав доходов не имеет» [18, л. 199].

Все перечисленное привело к невозможности содержания существовавшей на тот момент больницы, и уже в 1921 г. началось её вынужденное поэтапное сокращение (рис. 1).

Таким образом, меньше чем за полгода потенциал стационарного лечения уменьшился более чем в два раза. Схожими темпами сокращался и медицинский персонал (рис. 2).

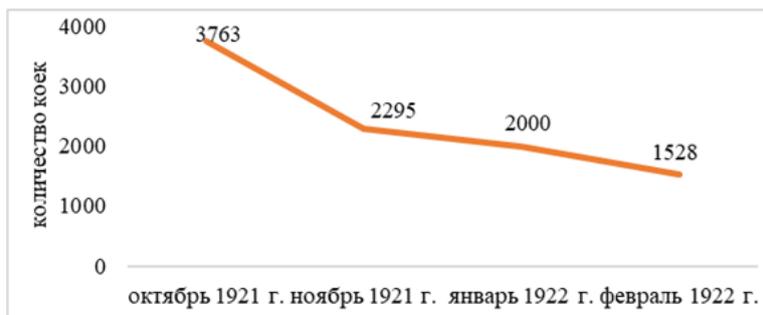

Рисунок 1. – Сокращение коечного фонда больниц Витебской губернии в конце 1921 – начале 1922 гг.

Источник: [17, л. 24 об.].

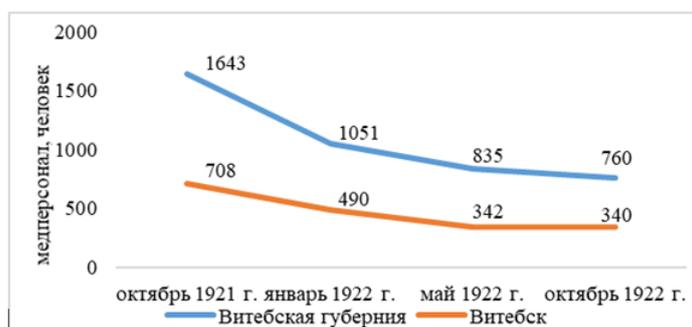

Рисунок 2. – Сокращение численности медицинского персонала города Витебска и Витебской губернии в 1921–1922 гг.

Источник: [17, л. 48].

Урезание бюджетов здравоохранения негативно отразилось и на зарплатах медработников, которые опустились ниже прожиточного минимума. Протест медработников против фактически уничтожавших здравоохранение сокращений вызвал жёсткую ответную реакцию местных властей, «ввиду сепаратизма» полностью подчинивших губздрав себе, путём назначения своего представителя с правом решающего голоса при принятии решений [19, л. 1].

Сокращения 1921–1922 гг. сыграли деструктивную роль для организации здравоохранения Витебщины, поставив под вопрос само его существование. Неутешительный итог вышеизложенным событиям был подведён в подготовленной к печати в местной прессе заметке «Здравоохранение в опасности» (октябрь 1922 г.): «... дальнейшее сокращение здравоохранения равносильно его закрытию... нужно дать хотя бы прозябать изголодавшемуся медработнику» [20, л. 74].

В ходе военных действий и в первые послевоенные годы, в дополнение к сокращениям, серьёзные препятствия к подаче хотя бы минимальной лечебной помощи населению исходили со стороны армии: некоторые лечебные заведения занимались военными частями «революционным путём», придавая им «казарменный вид» [18, л. 299].

В таких условиях развитие внебольничной помощи было важнейшим приоритетом здравоохранения, однако ввиду отсутствия у губздрави собственного транспорта при минимуме материальных средств

медицинская помощь на дому оказывалась только наиболее тяжёлым больным, остальные должны были добираться до ближайшего лечебного учреждения самостоятельно [18, л. 228; 21, л. 22].

Следует констатировать, что в период сокращений начала 1920-х гг. базовые принципы, на которых была основана советская медицина – бесплатность, квалифицированность и общедоступность – не соблюдались либо значительно урезались. Преимущественное развитие получало лишь медобслуживание рабочих и служащих государственных учреждений (застрахованных). Крестьяне для доступа к любому виду медпомощи должны были содержать её самостоятельно за счёт «самообложения» – добровольного возложения расходов на хозяйственные нужды больниц и амбулаторий на местное население [22, л. 21 об.]. В городских больницах приём сельских жителей, искавших квалифицированную медпомощь, считался нежелательным и строго ограничивался. Наконец, служащие частных предприятий, «кустары» и «нетрудовой элемент», вынуждены были обеспечивать себя лечебной помощью самостоятельно, заключая коллективные договоры с медицинскими учреждениями.

Отсутствие доступной экстренной помощи побуждало население обращаться к частнопрактикующим врачам (а в сельской местности – к знахарям), которые и обеспечивали СМП за вознаграждение, что могли себе позволить далеко не все граждане. В данный период НКЗ официально признавалось, что в руки частных лиц население зачастую толкала именно невозможность найти государственного врача в экстренных случаях [19, л. 143–143 об.]. В связи с этим уже 20 мая 1921 г. циркуляр НКЗ предписывал всем губернским, городским и уездным отделам здравоохранения обратить особое внимание на развитие внебольничной помощи, сделав её центром амбулатории, а «отмирание» частной практики ставилось в прямую зависимость от интенсивности развития помощи на дому и СМП [19, л. 143 об.]. Борьба с частной практикой в здравоохранении являлась не просто одной из рядовых задач НКЗ, а вопросом, напрямую связанным с политикой и идеологией советского строя в целом, для которого существование негосударственной медицины было неприемлемым. Создание СМП таким образом увязывалось с решением одной из основных задач советского здравоохранения, что несомненно привело к усиленному вниманию к делу организации экстренной медпомощи на территории Беларуси.

В соответствии с решениями руководства здравоохранения на Витебщине начинается интенсификация деятельности по созданию СМП. Критически важной задачей являлось формирование службы прежде всего в крупных городах, где количество несчастных случаев, болезней и травматизма было максимальным. Начальной ступенью процесса создания СМП стала организация ночных дежурств врачей, опыт работы которых в Витебске уже имелся до революции. В 1921 г. в документообороте губздрава появляются упоминания проектов организации дежурств врачей в Витебске [23, л. 38–39]. В конце декабря 1921 г. для дежурных врачей уже были составлены служебные инструкции, а с 1 января 1922 г. учреждено ночное дежурство врачей с 22:00 до 9:00 при центральной амбулатории. Для развозов дежурных врачей выделялась лошадь с повозкой и кучером. В инструкциях указывалось, что «... *врачи дежурят при Амбулатории для оказания скорой помощи*» [21, л. 328, 336].

Развивались идеи экстренной медицины и в менее крупных городах Витебщины. В Полоцке центром развития внебольничной медицины стала Городская амбулатория, при которой действовала так называемая помощь на дому (районная или «квартирная» помощь). Данный тип внебольничной медицины предполагал разделение города на несколько районов, за каждым из которых закреплялся один врач. В случае необходимости этот врач осуществлял выезд (выход) на дом к пациенту, не способному самостоятельно явиться в лечебное учреждение. Следует отметить, что ввиду высокой нагрузки и обширности районов ответственности докторов, при организации помощи на дому невозможно было достигнуть столь важных для СМП качеств, как оперативность в срочных случаях и круглосуточный характер обслуживания. Поэтому в рамках обеспечения лечебной помощью населения города в 1919 г. при амбулатории было введено ночное дежурство врачей для оказания экстренной помощи в ночные часы на безвозмездной основе [24, л. 15]. К 1921 г. для ночных дежурств были назначены семь врачей, благодаря чему экстренная помощь оказывалась без выходных, семь дней в неделю [25, л. 3].

На Оршанщине в начале 1920-х гг. внебольничная помощь была представлена лишь институтом помощи на дому, который был организован в городах Орша и Горки [26, с. 284]. Помощь оказывалась по предварительной записи до 17:00, однако в экстренных случаях и при тяжёлых заболеваниях или внезапном резком ухудшении состояния больного районный врач должен выехать «*в любое время дня и ночи и не позже 15 минут после получения вызова*». В таких случаях вызов производился по телефону и квалифицировался как «срочный» [27, л. 5].

Основной тенденцией 1920-х гг. в отношении развития районной помощи являлся постоянный рост запросов населения. Если в 1923–1924 гг. по Оршанскому округу было сделано лишь 18847 посещения на дому, то уже в 1924–1925 гг. помощь на дому была оказана в 31911, а в 1925–1926 – 33785 случа-

ях. Резкий скачок обращаемости за внебольничной помощью в указанный период привёл к необходимости увеличения штатных единиц помощи на дому, для чего соответствующий врач с 1 октября 1926 г. был назначен в Дубровно [26, с. 285].

С другой стороны, несмотря на рост больничной сети Оршанского округа, в официальных отчетах отмечалась невозможность оказания медпомощи населению в полном объеме, что выражалось, в первую очередь, постоянно растущими отказами в стационарном лечении, особенно в окружной больнице, где число отказов достигало 50%, что было связано с перманентными перегрузками коечного фонда в 10–15%. Те же тенденции были характерны и для районных больниц [26, с. 286].

Всё перечисленное вынуждало местное руководство здравоохранением развивать именно экстренную медпомощь, и уже 1 октября 1926 г. в Орше был назначен специальный врач по оказанию помощи на дому в ночное время и в срочных случаях [26, с. 285]. Данное назначение стало одним из первых элементов организованной СМП на Оршанщине.

В сельской местности ресурсов для организации полноценной СМП не было, и внебольничная помощь оказывалась докторами местных амбулаторий, «пунктовыми» врачами (врачами медпунктов) и лекпомами (фельдшерами). В близлежащие к городам местности выезды производились всеми врачами, работавшими в центре районов [26, с. 284, 285].

В 1920-х гг. продолжалась разработка концепции дальнейшего развития организации СМП. В плане работ витебского губздравида деятельность по созданию службы СМП разделялась на три направления:

1. В городах СМП получила максимальное развитие: в дополнение к созданию сети амбулаторий и районных врачей для помощи на дому планировалось организовать СМП *«во всякое время дня и ночи»* [28, л. 101];

2. В сельской местности создание СМП как специализированного института не предполагалось. Был взят курс на расширение участковой сети и медицинских пунктов, постепенную замену фельдшеров докторами, что должно было *«... обеспечить в большей степени помощь на дому и организацию скорой помощи»* [28, л. 101];

3. На промышленных предприятиях, не имевших своих лечебных учреждений, предписывалось обеспечить запас необходимых средств для оказания первой помощи в несчастных случаях [28, л. 100]. Врачи имевшихся при промышленных предприятиях амбулаторий обязывались оказывать СМП рабочим при несчастных случаях [23, л. 52].

Введение в конце 1921 г. института ночных дежурств врачей в Витебске не смогло удовлетворить запросы населения: в 1922 г. было зарегистрировано увеличение количества обращений *«... с настойчивыми требованиями о немедленной присылке врача на дом, причём зачастую в крайне грубой форме»* [29, л. 37]. А в ночь с 5 на 6 октября 1922 г. произошёл инцидент, сыгравший ключевую роль в становлении СМП города Витебска. Неизвестное лицо, назвавшееся «народным следователем», учинило скандал в бывшей больнице Красного Креста (организована на основе самокупаемости в 1922 г. на базе общины Красного Креста, существовавшей в Витебске до революции) [30, л. 130]. «Следователь» (оказавшийся впоследствии народным судьей Либерисом) пытался организовать оказание медпомощи нескольким обожжённым, для чего обращался в самые различные медучреждения города, где ввиду различных причин получал отказ. Несмотря на тот факт, что в бывшей больнице Красного Креста помощь пострадавшим всё же была предоставлена, Либерис грозил судом, ссылаясь на то, что без инициативы врача больницы Беличко помощь пациентам не была бы оказана, как это имело место в других больницах города. Данные события послужили поводом для окончательного разрешения вопроса с организацией СМП в Витебске, а местом её размещения была избрана замешанная в «деле Либериса» бывшая больница Красного Креста [30, л. 130].

Выбор лечебного учреждения для организации пункта СМП являлся весьма обоснованным. Около 30% пациентов больницы Красного Креста поступали в связи с необходимостью оказания экстренной помощи [30, л. 126]. Приведённые обстоятельства, в совокупности с резонансным делом обожжённых, предопределили необходимость создания при данном лечебном учреждении СМП, проект организации которой было поручено подготовить лечебному подотделу губздравида, и уже 7 ноября 1922 г. начались круглосуточные дежурства СМП при больнице Красного Креста [6, с. 326].

В течение месяца работа СМП была налажена: в распоряжение дежурных врачей дана лошадь и санитар для приёма вызовов по телефону. Учреждённые дежурства СМП носили круглосуточный характер и специализировались на оказании как амбулаторной, так и выездной помощи на дому в экстренных случаях по первому требованию. Врачи вызывались по телефонному номеру больницы Красного Креста [31, л. 170]. Важность организованного института подчёркивалась тем фактом, что заведовал пунктом СМП лично главврач больницы Красного Креста Л. Беккер [32, л. 27]. В соответствии с концепцией

губздрава 1921 г. предполагалось также создать сеть из семи пунктов СМП при предприятиях города и уезда, на что требовалось 1,5 миллиарда рублей [17, л. 33].

Следует отметить, что создание СМП в Витебске происходило на фоне продолжавшихся сокращений медперсонала и лечебных учреждений. Здравоохранение региона, как и страны в целом, находилось в тяжелейшем финансовом кризисе – к моменту создания витебской СМП (ноябрь 1922 г.) губернский отдел здравоохранения уже 4 месяца находился без финансирования [30, л. 138]. Продолжавшееся сокращение финансирования здравоохранения привело к вынужденному отступлению от одного из основных принципов советской медицины – бесплатности. Введение оплаты за медицинское обслуживание отпугнуло пациентов, в результате посещаемость амбулаторий и больниц снизилась. Еще одним следствием кризиса стало повышение смертности в больницах. Например, в Полоцке в условиях сокращения коечного фонда Народной больницы в 5 раз, закрытия двух амбулаторий и введения платности в лечебницы стали поступать только тяжелые больные, которые обращались за помощью в самом крайнем случае и часто запоздало, что привело к значительному увеличению процента умерших в стационарах пациентов [4, с. 59; 33, л. 213]. В условиях введения платности медобслуживания многие граждане не могли позволить себе использование всех возможностей сети витебских клиник, поэтому создание СМП в качестве доступной и срочной лечебной службы стало жизненно необходимым.

Несмотря на важность института СМП продолжавшиеся сокращения коснулись и её. Вместе с преобразованием бывшей больницы Красного Креста в Витебскую городскую рабочую больницу им. М. И. Калинина 11 октября 1923 г. штаты нового учреждения ввиду кризиса сильно сокращались, и к концу 1923 г. из-за отсутствия средств пункт СМП был закрыт, а подача экстренной помощи была возложена на дежурных врачей больницы им. Калинина [34, л. 10 об., л. 30 об.].

Фактическая ликвидация СМП в Витебске не означала её сворачивание в масштабах губернии. В 1923 г. указом Витебского губздрава все фабрики и заводы с количеством рабочих не менее 100 человек обеспечивались фельдшерскими «пунктами скорой помощи», однако в организационном отношении такие пункты не являлись самостоятельными, а подчинялись ближайшему врачебно-амбулаторному пункту и рассматривались как его составная часть [35, л. 52].

Название «пункт скорой помощи» можно считать весьма условным и при анализе деятельности подобных учреждений по всей территории БССР можно с высокой долей вероятности утверждать, что в действительности они оказывали только первую (доврачебную), а не скорую помощь. В целом в изучаемый период понятийный аппарат в области экстренной медицины не был разработан, а при обозначении СМП в одинаковой степени использовались термины «пильная», «тэрміновая», «экстренная», «первая», «срочная» и, наконец, «скорая» помощь.

Развитие пунктов СМП происходило и в непромышленных регионах. Например, в Полоцком уезде к 1924 г. при отсутствии большого числа промышленных предприятий существовало уже пять пунктов первой помощи [33, л. 137 об.]. Данный факт объясняется тем, что пункты первой помощи разворачивались также и при временных (работы в военном городке в Улле, разгрузка угля на станции Фариново) и строительных работах (возведение моста через Двину), которые сопровождалась высоким риском травматизма [36, л. 51, 59].

В сельской местности обеспечение населения экстренной медицинской помощью находилось в запущенном состоянии. Оказание СМП местными врачами и средними медработниками затруднялось бедственным материальным положением здравоохранения. Доклад лечебного подотдела Полоцкого уездздрава в августе 1921 г. описывает полное пренебрежение к нуждам здравоохранения со стороны местных властей: «... волостные и сельсоветы ровно никакого содействия медперсоналу и лечебно-амбулаторным пунктам не оказывают. Подвод и лошадей как для хозяйственных надобностей, так и для выездов по району медперсонал не получает» [37, л. 17].

Врачи были вынуждены ходить по участкам пешком, из-за чего лечебная помощь оказывалась лишь имущему населению, способному предоставить врачу лошадь, а «безлошадный принужден ждать случая или пользоваться знахарем» [38, л. 8]. Даже к середине 1920-х гг. положение медработников на участках в сельской местности оставалось крайне тяжёлым: мизерные зарплаты, «далеко стоявшие от прожиточного минимума», сочетались с плохим снабжением, а единственным положительным моментом являлось наличие у врачей бесплатного жилья [33, л. 158 об.]. Унизительные условия труда в сельской местности и отсутствие должного материального обеспечения часто вынуждали медработников требовать дополнительного снабжения у местного населения. Подобные случаи освещались местной прессой в сугубо негативном ключе, например, в заметке «Так не годится» в «Витебской крестьянской газете» от 16 апреля 1925 г. отмечался случай с фельдшером медпункта в селе Селище, которая выставляла следующие условия своего приезда на дом к крестьянам: «Будут валенки, будет полушубок, тогда приеду»

[39, л. 129]. Подобные примеры, а также случаи откровенного взяточничества (во многом порождённого полным пренебрежением местных властей к снабжению сельского здравоохранения) отталкивали население от государственной медицины и создавали условия для развития знахарства на селе, которое было сильно распространено, например, в Полоцком уезде вплоть до середины 1920-х гг. [33, л. 158 об.; 39, л. 99, 120].

В связи с частичным преодолением общего кризиса хозяйствования в середине 1920-х гг. здравоохранение Витебской губернии прекратило стагнировать и постепенно начало возрождаться, что позитивно отразилось на деле организации экстренной медпомощи. Воссоздание института СМП в Витебске относится к концу 1924 г. К этому моменту численность больных, после закрытия пункта СМП в 1923 г. обращавшихся за экстренным медобслуживанием к врачам районной помощи на дому, достигла критических значений [40, л. 7 об.]. На коллегиальном совещании витебского губздравица 19 декабря 1924 г. невозможность удовлетворения растущих потребностей населения в экстренной медпомощи увязывалась с отсутствием пункта СМП, ввиду чего было решено организовать с 1 января 1925 г. дежурство СМП из четырёх врачей и двух кучеров при больнице им. Калинина [39, л. 69].

Возрожденная СМП в Витебске сразу начала пользоваться популярностью, производя в среднем около 300 выездов месяц [41, с. 4]. Изначально дежурства СМП проходили только по ночам, но ввиду участвовавших обращений граждан было принято решение об их расширении до круглосуточного формата, а дежурства разделялись на дневные (с 9:00 до 22:00) и ночные (с 22:00 до 9:00), для чего был увеличен штат и привлечён дополнительный транспорт [43, л. 84]. Следует отметить, что, как и предшественница, СМП при больнице им. Калинина не была механизирована и обеспечивалась конной тягой, а первые упоминания о наличии санитарного автомобиля относятся только к 1928 г [42, л. 356]. Постепенная модернизация СМП позволила за 1928 г. обслужить более 5,5 тыс. вызовов, а штат врачей к 1929 г. увеличился до семи [44, л. 43 об.]. Следует подчеркнуть, что витебская СМП действовала только в черте города, не выезжая за его пределы, что характеризует службу в 1920-е гг. как преимущественно городское явление [42, л. 73].

Существование в статусе пункта, а не отдельной полноценной станции и отсутствие собственного помещения СМП снижало эффективность её деятельности, а также создавало неудобства в работе больницы им. Калинина. Сохранились сведения об атмосфере в больнице в конце 1927 г. в жалобах больных и персонала: «... нормальную жизнь больницы нарушает скорая помощь. Постоянное отсутствие мест, устройство прибывших, их вопли и стоны — всё это сильно действует на нервное состояние больных и на нормальную работу в больнице... больные были помещены в коридорах и даже на кушетке дежурной сестры» [42, л. 41].

В целом к 1928 г. признавалось, что работа СМП неудовлетворительна прежде всего из-за слабого транспортного обеспечения («извозчицья кляча»), а также отсутствия вспомогательного персонала и обязательных постановлений, регулирующих вызовы СМП [42, л. 237–238]. В связи с участвовавшими случаями критики СМП, в том числе и в прессе, а также неподобающим поведением больных, выражавшимся частыми ложными вызовами, в 1928 г. начали разрабатываться служебные инструкции для сотрудников СМП и правила её вызова, позже официально утверждённые местными органами власти [42, л. 273]. При этом врачи лишались права отказа от предоставления медицинской помощи даже «по причине очевидной неэкстренности случая» и обязывались выезжать на все вызовы [42, л. 323]. Таким образом, СМП выезжала на любые вызовы, однако в случае ложного или необоснованного приглашения дежурного врача предлагалось составлять соответствующие акты.

Несмотря на некоторые успехи в развитии витебской СМП в местной прессе постоянно появлялись объявления с критикой её работы. В связи с этим было издано постановление, предусматривавшее в случае приёма вызова пунктом СМП во время выезда врача незамедлительно оповещать по телефону все больницы о новом требовании врача СМП. При доставке врачом больного в стационар доктору сообщался адрес нового вызова, что позволяло миновать возвращение на станцию, тем самым ускоряя работу службы [45, л. 99]. Улучшился и учёт деятельности СМП: 1 ноября 1929 г. приказом по больнице им. Калинина предписывалось распределять дежурства между врачами равномерно, вести точный учёт времени вызовов. Кроме того, при СМП организовывался новый вид медобслуживания – неотложная помощь, аналогичная амбулаторной помощи районных врачей на дому, но в вечернее и ночное время, когда амбулатории были закрыты. Дежурства по неотложной помощи вводились с 16:00 до 21:00 и с 20:00 до 1:00. Указывалось точно установить правила распределения вызовов между скорой и неотложной помощью, что значительно облегчало деятельность медработников [46, л. 320].

В конце 1920-х гг. прорабатывалась оптимизация вызова СМП. Изначально служба вызывалась телефонным звонком по особому номеру больницы им. Калинина – 54, однако в соответствии инструк-

цией НКЗ от 12 января 1929 г. в целях ускорения связи с СМП в экстренных ситуациях она стала вызываться без номера, устной просьбой звонящего телефонистке: «Скорая помощь» [45, л. 26; 47, с. 43].

Модернизация СМП в конце 1920-х гг. не осталась незамеченной местной прессой, на страницах которой сообщалось о значительном улучшении дела оказания скорой помощи как в отношении оперативности, так и квалификации персонала [48, с. 4]. Улучшились и количественные показатели деятельности СМП: за 1930 г. служба сделала 17669 выездов в город и 8990 амбулаторных вызовов, всего таким образом выполнив 26659 вызовов [49, л. 23].

В середине 1920-х гг., после преодоления кризиса финансирования, СМП на регулярной основе организуется и в других городах Витебщины. В Полоцке в конце 1924 г. в дополнение к ночным дежурствам врачей и районной помощи при городской амбулатории вводилась ставка медсестры для экстренных вызовов, а в 1925 г. учреждены круглосуточные дежурства врачей для оказания СМП [5; 50, л. 9].

В июле и августе 1926 г. руководством здравоохранения города были изданы правила оказания СМП городской амбулаторией. Бесплатно СМП оказывалась лишь рабочим, служащим и приравненным к ним лицам, остальные должны были оплачивать стоимость извозчика и рецепта за свой счет. Отдельно отмечалось, что СМП предоставляется лишь в черте города, только в несчастных случаях и угрожающих жизни состояниях либо по письменному вызову другого врача. Нарушители данных правил оплачивали извозчика за свой счет, а при рецидивах неправомерного вызова СМП должны были лишаться права пользования службой [51, л. 27–28]. Однако несмотря на предупредительные меры развитие медицины тормозилось и продолжались «... спыткі тэрарызавання медперсоналу і стварэння скандалаў» [52, л. 173].

Полоцкая СМП развивалась и в профессиональном отношении: если к началу 1927 г. СМП осуществлялась двумя фельдшерами днем и одним доктором ночью, то в конце года на двух врачебных ставках находилось уже трое врачей [52, л. 137 об., л. 290 об.].

В Орше после введения ночных дежурств врачей в 1926 г. в городском совете продолжались обсуждения учреждения полноформатной СМП. 29 декабря 1927 г. на пленуме городского совета при обсуждении вопроса о положении лечебных учреждений города в недостатках отмечалось отсутствие «регулярной скорой помощи в городе». Ввиду изложенного было постановлено организовать СМП, путем назначения отдельного врача, однако очевидно постановление не было выполнено, т.к. анализ архивных документов показывает, что и в 1930 г. СМП ещё продолжала предоставляться «квартирной помощью» рабочей амбулатории [53, л. 120].

К концу 1920-х гг. следует констатировать качественное улучшение организации СМП по БССР в целом и на Витебщине в частности в отличие от относительной бессистемности в начале изучаемого периода. Вместе с тем распространение СМП не продвинулось далее крупных городов и промышленных предприятий, в сельской местности не имелось даже простейших институтов подачи экстренной помощи. Второразрядность вопросов СМП в 1920-х – начале 1930-х гг. подчеркивает факт отсутствия статистических данных обеспеченности населения БССР лечебной помощью по выездам скорой помощи в течение первой пятилетки, тогда как остальные показатели здравоохранения в абсолютном большинстве были известны. Однако сам факт включения СМП в официальную отчетность говорит о её окончательной интеграции в медицинскую сеть БССР (в 1920-е гг. статистика по СМП включалась в отчеты тех учреждений, при которых существовали структуры СМП и не выделялась из амбулаторной или «квартирной» помощи).

В 1930-х гг. необходимость развития СМП на территории БССР признавалась на общереспубликанском уровне. В указаниях главы НКЗ М. Барсукова окружным инспекторам здравоохранения предписывалось, в связи с развитием промышленности и сельского хозяйства, интенсифицировать создание структур СМП, где её ещё нет и улучшить уже существующие [45, л. 82].

Одной из основных тенденций в развитии СМП на территории БССР стало массовое распространение автотранспорта и реорганизация отдельных пунктов СМП при больницах и амбулаториях в полноценные станции. В указаниях НКЗ относительно развития СМП в первую очередь рекомендовалось приобретать санитарные автомобили, т.к. «... пешком скорая помощь не оказывается» и выделять отдельные помещения для станций с гаражами для автотранспорта [45, л. 82].

В соответствии с указаниями НКЗ по развитию санитарного автотранспорта в Витебске в апреле 1931 г. появляется машина СМП. К этому времени конный транспорт, бывший единственным доступным средством передвижения в 1920-е гг, окончательно устарел как морально, так и по объективным причинам: увеличение запросов населения в экстренной медпомощи предопределило неизбежность введения автомобилей СМП (по свидетельствам начала 1930-х гг. «... кони не хотели везти потому, что их часто гоняют») [54, л. 56].

Первым автомобилем витебской СМП стал американский Форд А [55, л. 184]. Из-за большой нагрузки машина быстро изнашивалась и часто находилась в ремонте, который осложнялся отсутствием необходимых запчастей зарубежного производства, поэтому уже в конце мая 1931 г. в Главтотранс было подано прошение о выделении второго автомобиля [55, л. 262]. Во избежание досрочного износа машины, в соответствии с указом городского совета от 18 мая 1931 г., СМП на автомобиле выезжала с 9:00 до 21:00, в остальные часы экстренная помощь обслуживалась пролеткой с двумя лошадьми.

В Полоцке, в соответствии с пятилетним планом развития здравоохранения, выделение санитарного автомобиля, а также создание полноценной станции СМП с соответствующим персоналом предполагалось на 1930–1931 гг. [56, л. 150 об.]. К 1936 г. в Полоцке числилась одна автомашина СМП, однако станции по-прежнему не было создано. Её постройка была запланирована на 1938 г., для чего было выделено 100 тыс. рублей [57, л. 27].

В Орше СМП была создана в 1932 г. при местной поликлинике им. Семашко. Автомобилей при организованной СМП не было, а прибытие дежурных (суточные дежурства делились на две 12-часовые смены: днём дежурил только фельдшер, а вечером – врач и фельдшер) на место вызова осуществлялось пешком, а также на повозке, принадлежавшей поликлинике [58, с. 1]. Введение автотранспорта относится к 1934 г., когда СМП была придана грузовая автомашина. В конце 1937 г. местные власти выделили средства на содержание автомашины, трёх шоферов, врача и фельдшера для СМП [59, л. 145]. К 1939 г. на оршанской СМП было уже четыре грузовых автомобиля при полном отсутствии легковых.

Несмотря на увеличение количества автотранспорта по области, его работа оценивалась неудовлетворительно, ввиду отсутствия должного материального обеспечения. Особенно не доставало резины и горючего для автомобилей, например, даже в конце 1930-х гг. на ставшей самостоятельной витебской городской станции СМП, несмотря на наличие 14 машин, в строю находилось только две. В Орше отмечалась постоянная нехватка бензина, которая приводила к ситуации, когда СМП была близка к закрытию. В Полоцке прибытие бригад СМП осуществлялось только через 3–4 часа после вызова [60, л. 15].

Следует отметить, что приведённые негативные тенденции развития СМП, не отменяют того факта, что повсеместное введение автотранспорта следует отнести к одним из наиболее значительных достижений службы СМП БССР за весь изучаемый период. Большую роль в данном процессе сыграло развитие советской автомобильной промышленности, которая позволила заменить подержанные зарубежные автомобили отечественными аналогами, самым распространённым из которых в БССР стала санитарная модификация 1,5-тонного автомобиля ГАЗ АА.

Важной особенностью развития экстренной медицины в 1930-е гг. являлось окончательное выделение из состава СМП неотложной помощи. В Витебске к 1931 г. констатировалось существование отдельных круглосуточных дежурств по скорой помощи (пять врачей) и дежурств с 12:00 до 8:00 следующего дня по неотложной помощи (четыре врача). В дальнейшем неотложная помощь окончательно изымалась из состава СМП и передавалась амбулаториям, что характеризуется как продолжение тенденции к выделению СМП в отдельную службу с чётко определённым кругом обязанностей [49, л. 23]. Следует отметить, что процесс выделения неотложной помощи являлся весьма болезненным и сложным для сотрудников СМП. В Витебске к концу 1931 г. констатировался полный хаос в работе СМП: «...ни один врач не может знать куда его вызывают и какую помощь он должен оказывать» [55, л. 144 об.]. В Полоцке даже в конце 1930-х гг. отмечалось отсутствие дифференциации на скорую и неотложную помощь, что приводило к обслуживанию непрофильных вызовов [60, л. 16].

К концу 1930-х гг. СМП вышла на пик своего организационного развития. Важную роль в этом сыграла выработка в 1938 г. единого для всего СССР «Положения о скорой медицинской помощи». В соответствии с этим документом самостоятельные станции СМП предусматривалось организовывать лишь в городах с численностью населения более 50 тыс. человек. В менее крупных городах (от 25 до 50 тыс. человек) создавались пункты СМП при уже существовавших лечебных учреждениях (больницы, поликлиники). Наконец, в городах с численностью населения менее 25 тыс. человек создание отдельных структур СМП не предусматривалось, а экстренная медпомощь должна была оказываться силами местных больниц или амбулаторий. Отдельно оговаривалась возможность создания СМП в малых населённых пунктах, имевших «важное промышленное или иное значение» [61, с. 2–3].

На территории Витебской области к концу изучаемого периода самостоятельные станции СМП были созданы лишь в четырёх крупнейших городах (таблица).

Таблица – Сеть городских станций скорой медицинской помощи Витебской области в 1939 г.

город	количество станций	машины	выезды	врачи		средний медперсонал	
				штатн.	фактич.	штатн.	фактич.
Витебск	2*	15	26867	16,5	16	11	11
Полоцк	1	3	4205	5	5	4	5
Орша	1	6	12286	3	3	5	5
Лепель	1	2	1000	4	4	4	4
ВСЕГО	5	26	44358	28,5	28	24	25

Источник: [62, л. 61].

Описанные в «Положении о скорой медицинской помощи» стандарты организации службы создают впечатление о продолжении её развития исключительно в городской среде. Вместе с тем отличительной особенностью развития СМП в предвоенное десятилетие являлось её распространение и за пределы городов в сельскую местность, и на промышленные предприятия. Данный процесс был объективно обусловлен продолжавшимися в стране коллективизацией и индустриализацией, которые вместе с развитием транспорта и путей сообщения приводили среди прочего к повышению производственного и бытового травматизма, что повышало запросы населения в экстренной медпомощи. В 1938 г. в районах Витебской области действовало уже 19 пунктов СМП. На промышленных предприятиях активно создавались не входившие в структуру СМП пункты здравоохранения (оказывали первую помощь рабочим предприятий), которых к 1938 г. насчитывалось 35 [63, л. 18].

В 1939 г. как и в других областях БССР на Витебщине создаётся отдельная структура – Областная скорая помощь, которая осуществляла консультативные выезды в сельскую местность, где уровень развития местной медицинской организации не позволял оказать квалифицированную экстренную помощь больному. В дополнение к этому в конце 1939 г. в Минске была создана Республиканская станция СМП, которая имела санитарные самолёты для вылета в любую точку страны [64, л. 46–47]. Создание подобных структур являлось качественно новым элементом системы оказания СМП, который придал службе новый импульс для развития и существенно увеличил доступность квалифицированной экстренной медпомощи для сельских жителей.

Заключение. Представленный анализ условий развития СМП на Витебщине показал, что зарождение и развитие экстренной медицинской службы было неразрывно связано с общим процессом становления советского здравоохранения в БССР. Как и в других областях страны, условия для развития СМП были созданы вспышкой инфекционных заболеваний 1919 г. и сокращениями 1921–1922 гг., когда в период разрушения здравоохранения организация экстренной медицинской помощи являлась жизненно необходимой для обеспечения хотя бы минимального медицинского сопровождения населения. В условиях отсутствия чёткой законодательной регламентации основные учреждения СМП создавались хаотично и лишь в крупнейших населённых пунктах Витебщины. Данные учреждения не имели самостоятельного статуса, ввиду чего до начала 1930-х гг. не приобрели внятной организационной структуры.

Относительная стабилизация положения СМП наступила лишь в 1930-х гг., когда интенсивная индустриализация и коллективизация актуализировали вопросы создания СМП как самостоятельного института в структуре советской медицины. Определяющую роль в процессе становления СМП играло вычленение непрофильных элементов деятельности и обязательное введение санитарного автотранспорта, что способствовало созданию организованных станций СМП в крупнейших городах Витебщины.

Вместе с тем индуцированное развитием сельского хозяйства распространение пунктов СМП в сельской местности, в совокупности с созданием областной и республиканской станций скорой помощи в конце 1930-х гг., позволяет определять СМП уже не как исключительно городское, но повсеместное явление. Создание условий, способствовавших доступности экстренной медицины в большинстве регионов БССР, несомненно следует отнести к одним из наиболее важных достижений советского здравоохранения на территории Беларуси в межвоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко, М. Е. Формирование советской системы здравоохранения на Витебщине (1917–1941 гг.) / М. Е. Абраменко // Вестник ВГМУ. – 2005. – Т. 4, №1. – С. 115–120.

* включая областную станцию скорой медицинской помощи (прим. авт.)

2. Белов, С. И. Становление советского здравоохранения Витебской области (1918–1923) / С. И. Белов // Здравоохранение Белоруссии. – 1968. – № 12. – С. 20–24.
3. Паўлаў, М. Ахова здароўя на Віцебшчыне ў 1938–1941 гадах / М. Паўлаў // Тезісы дакладаў I с'езду сацыял-гігіеністаў, арганізатараў здрав'яахоўвання і гісторыкаў медыцыны Рэспублікі Беларусь, Брэст, 19–20 мая 1993 г. – Мінск : ІПП Госэканомплана РБ, 1993. – С. 188–189.
4. Козел, О. В. Развитие здравоохранения в Полоцке в 20-е годы XX в. / О. В. Козел // Здравоохранение. – 2004. – № 11. – С. 59–61.
5. Ильницкий, А. Н. «Дай доверие больных ко мне и моему искусству...» (краткие заметки об истории медицины Полоцка) [Электронный ресурс] / А. Н. Ильницкий, К. И. Процаев, О. В. Козел // Журнал «Самиздат». – 2005. – 68 с. – Режим доступа: http://samlib.ru/p/purtow_a_w/pav13.shtml. – Дата доступа: 05.03.2016.
6. Витебск: энциклопедический справочник / гл. ред. И.П. Шамякин. – Минск : БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
7. Каплиев, А. А. Европейский опыт в формировании института скорой медицинской помощи на территории Беларуси / А. А. Каплиев // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. История и культура Беларуси : материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10–11 ноября 2016 г. / Белорус. гос. пед. ун-т. им. М. Танка ; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. — С. 53–56.
8. Капліеў, А. Станаўленне службы хуткай медыцынскай дапамогі на беларускіх землях (канец XIX – пачатак XX стагоддзяў) / А. Капліеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 12. – С. 15–23.
9. Отчёт Витебской городской санитарной комиссии за 1908 год. – Витебск : Типо-литография П. Подземского, 1910. – 56 с.
10. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 56. Оп. 1. Д. 52.
11. ГАВО. – Ф. 984. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 212.
13. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 181.
14. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 200.
16. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 187.
17. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 443.
18. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 292.
19. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 254.
20. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 524.
21. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 319.
22. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 429.
23. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 319 а.
24. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 55. Оп. 1. Д. 4.
25. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 81.
26. Очерки по народному хозяйству Оршанского округа. 2-му съезду советов. – Издание Оршанского Окружного Исполкома, 1927. – 344 с.
27. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Оп. 2. Д. 49.
28. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 168 б.
29. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 494.
30. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 438.
31. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 455.
32. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 670.
33. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 150.
34. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 674.
35. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 136.
36. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 173. Т. 2.
37. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 31.
38. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 67.
39. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 1 а. Т. 2. Д. 484.
40. ГАВО. – Ф. 376. Оп. 1. Д. 6.
41. Заря Запада. – 1926. – № 34.
42. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 18.
43. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 11.
44. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 6.
45. ГАВО. – Ф. 376. Оп. 1. Д. 38.
46. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 28.
47. Спіс абанентаў тэлефонных сяцей Віцебскай акругі сувязі. – Віцебск, 1929. – 64 с.
48. Заря Запада. – 1929. – № 60.
49. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 50.
50. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 25.
51. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 107.
52. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 101.

53. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 85.
54. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 2. Д. 4.
55. ГАВО. – Ф. 724. Оп. 1. Д. 51.
56. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 173. Т. 1.
57. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 215.
58. Книга станции скорой медицинской помощи г. Орши [Рукопись]. – Б. и., Б. г. – С. 1.
59. Зональный государственный архив в г. Орше. – Ф. 626. Оп. 9. Д. 15.
60. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 219.
61. Положение о скорой медицинской помощи / отв. ред. Г. С. Матульский. – М. : Тип. Мособлисполкома, 1938. – 18 с.
62. ГАВО. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 13.
63. ГАВО. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 44.
64. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 133. Оп. 1. Д. 42.

Поступила 15.02.2017

FEATURES OF THE AMBULANCE SERVICE FORMATION IN THE VITEBSK AREA (1919–1939)

A. KAPLIYEV

In the article the basic patterns and stages of formation of the ambulance services in Vitebsk area are studied. Based on the analysis of the archival sources the reasons and conditions of separate ambulance structures origins in post-war epidemics and a general crisis of the Soviet public healthcare in the beginning of 1920th are established. Author highlighted key factors of transformation of separated structures of emergency medical aid into organized service in 1930th, and its place in public healthcare system, within the general development of medicine in BSSR.

Keywords: ambulance, night duties of doctors, medicine, healthcare, crisis, epidemic, station.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дук Д.В.</i> Об одном сюжете печного изразца XVI века из Глубокого	2
<i>Корсак А.И.</i> Увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны на примере братских могил советских солдат, погибших при освобождении города Полоцка в июле 1944 года	6
<i>Кондаков Д.А.</i> Образовательная деятельность Общества Иисуса в Российской империи (1772–1820): Qui prodest?	15
<i>Марфина О.В., Емельяничик О.А.</i> Изучение остеологических материалов из городских погребений с территории Беларуси	23
<i>Ганчар А.И.</i> История минского римско-католического училища органистов (1871–1897 гг.)	28
<i>Аўсейчык У.Я.</i> Традицыйная пахавальная абраднасць беларусаў Падзвіння: рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты	38
<i>Сумко Е.В.</i> Полоцкая уездная советская рабоче-крестьянская милиция (1918–1924): проблемы кадрового состава и материального обеспечения	47
<i>Грибова С.В.</i> Участие белорусских татар в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны	55
<i>Крюковский В.Д.</i> Комсомол Беларуси в системе взаимоотношений государства и церкви в 1970-е гг.: основные направления работы	61
<i>Кривуть В.И.</i> Молодежное движение сионистов-ревизионистов и польские власти на территории Западной Беларуси в межвоенный период	72
<i>Подорожняя Е.А.</i> Государственный контроль над крестьянским самоуправлением в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	79
<i>Шиманская Н.А.</i> Деятельность органов государственной безопасности по ликвидации представителей немецкой администрации и их пособников на территории Беларуси (1941–1944)	86
<i>Пирумян К.С.</i> Организация охраны памятников археологии на территории БССР (1965–1985 гг.): постановка проблемы	94
<i>Королёва Е.П.</i> Стекланные браслеты, браслетообразные височные кольца с территории детинца Замковая гора в городе Мстиславль: типология и технология изготовления	100
<i>Жижиян С.Ф.</i> История изучения культовых и исторических камней на территории Беларуси	108
<i>Бугаевіч Р.Г.</i> Сістэма матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння аўтамабільнага транспарта ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гадах	113
<i>Риер Я.А.</i> О сакрализации власти в восточной Европе в средние века	117
<i>Приборович А.А.</i> Межведомственное сотрудничество центральных органов статистики БССР с государственными организациями (1919–1939 гг.)	117
<i>Ustenko A.</i> Social group “former people” of soviet society in the 1920s: main essence	121
<i>Тютюнков А.Н.</i> Дисциплинарные взыскания как средство укрепления дисциплины в органах рабоче-крестьянской милиции могилевской области в 1940 году	133
<i>Каплиев А.А.</i> Особенности формирования службы скорой медицинской помощи на Витебщине (1919–1939 годы)	140